Н. С. ГУМИЛЕВ

СОЧИНЕНИЯ

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Павлу Николаевичу Лукницкому
на память о Н. Гумилеве

Ахматова.

1924. 27 дек.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Н.С.ГУМИЛЕВ

Полное собрание сочинений в десяти томах

ТОМ ТРЕТИЙ

Стихотворения. Поэмы
(1914—1918)

Москва

1999

ББК 84.Р1
Г94

Тексты подготовили и примечания составили: М.Баскер (Великобритания), Т.М.Вахитова, Ю.В.Зобнин, А.И.Михайлов, В.А.Прокофьев, Г.В.Филиппов.

В подготовке тома принимали участие: В.Н.Воронович (С.-Петербург), Н.М.Иванникова (Москва), Н.Г.Князева (С.-Петербург), И.В.Платонова-Лозинская (С.-Петербург), В.П.Петрановский (С.-Петербург), А.К.Станюкович (Москва)

Ответственный редактор тома Ю.В.Зобнин
Редактор Д.М. Климова

Исследовательская часть проекта выполнена при поддержке РГНФ
(проект № 96-04-06157)

Г 94 **Гумилев Н.С.** Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 3. Стихотворения. Поэмы (1914—1918). — М.: Воскресенье, 1999. — 464 с.; ил.

ISBN 5—88528—164—5 (Т. 3)
ISBN 5—88528—159—9

В третий том вошли стихотворные произведения Н.С.Гумилева, созданные с начала 1914 до середины 1918 г., вошедшие в книги «Колчан», «К Синей звезде», «Костер» и открывающие период духовной и творческой зрелости поэта.

Г $\frac{4702010102—015}{К56(03)—99}$

ББК 84.Р1

СТИХОТВОРЕНИЯ
ПОЭМЫ

1914 — 1918

1914

1

Мое прекрасное убежище —
Мир звуков, линий и цветов,
Куда не входит ветер режущий
Из недостроенных миров.

Цветок сорву ли — буйным пением
Наполнил душу он, дразня,
Чаруя светлым откровением,
Что жизнь кипит и вне меня.

Но так же дорог мне искусственный
Взлелеянный мечтою цвет.
Он мозг дурманит жаждой чувственной
Того, чего на свете нет.

Иду в пространстве и во времени
И вслед за мной мой сын идет
Среди трудящегося племени
Ветров, и пламеней, и вод.

И я приму — о да, не дрогну я! —
Как поцелуй иль как цветок,
С таким же удивленьем огненным
Последний гибельный толчок.

2. АКРОСТИХ ВОСЬМЕРКА

Федор Федорович, я Вам
Фейных сказок не создам:
Фею ресторанный гам
Испугает — слово дам.
Да и лучше рюмок звон,
Лучше Браун, что внесен,
Есть он, всё иное вон,
Разве не декан мой он?!

3. МИК

Африканская поэма

I

Сквозь голубую темноту
Неслышно от куста к кусту
Переползая словно змей,
Среди трясин, среди камней
Свирепых воинов отряд
Идет — по десятеро в ряд.
Мех леопарда на плечах,
Меч на боку, ружье в руках —
То абиссинцы; вся страна
Их негусу покорена,
И только племя Гурабе
Своей противится судьбе,
Сто жалких деревянных пик —
И рассердился Менелик.

Взошла луна, деревня спит,
Сам Дух Лесов ее хранит.
За всем следит он в тишине,
Верхом на огненном слоне:
Чтоб Ауарис-носорог
Напасть на спящего не мог,
Чтоб бегемота Гумаре
Не окружили на заре
И чтобы Азо-крокодил

От озера не отходил;
То благосклонен, то суров,
За хвост он треплет рыжих львов.
Но, видно, и ему невмочь
Спасти деревню в эту ночь!
Как стая бешеных волков,
Враги пустились... Страшный рев
Раздался, и в ответ ему
Крик ужаса прорезал тьму.
Отважно племя Гурабе,
Давно приучено к борьбе,
Но бой ночной — как бег в мешке,
Копье не держится в руке,
Они захвачены врасплох,
И слаб их деревянный бог.

Но вот нежданная заря
Взошла над хижиной царя.
Он сам, вспугнув ночную сонь,
Зажег губительный огонь
И вышел, страшный и нагой,
Маша дубиной боевой.
Раздуты ноздри, взор горит,
И в грудь, широкую как щит,
Он ударяет кулаком...
Кто выйдет в бой с таким врагом?
Смутились абиссинцы — но
Вдруг выступил Ато-Гано,
Начальник их. Он был старик,
В собраньях вежлив, в битве дик,
На все опасные дела
Глядевший взорами орла.
Он крикнул: «Э, да ты не трус!
Все прочь — я за него возьмусь».

Дубину поднял негр; старик
Увертливый к земле приник,
Пустил копье, успел скакнуть
Всей тяжестью ему на грудь,
И, оглушенный, сделал враг
Всего один неловкий шаг,
Упал, и грудь его рассек
С усмешкой старый человек.
Шептались воины потом,
Что под сверкающим ножом
Как будто огненный язык
Вдруг из груди его возник
И скрылся в небе словно пух.
То улетал могучий дух,
Чтоб стать бродячею звездой,
Огнем болотным в тьме сырой
Или поблескивать едва
В глазах пантеры или льва.

Но был разгневан Дух Лесов
Огнем и шумом голосов
И крови запахом — он встал,
Подумал и загрохотал:
«Эй, носороги, эй, слоны,
И все, что злобны и сильны,
От пастбища и от пруда
Спешите, буйные, сюда,
Ого-го-го, ого-го-го!
Да не щадите никого».
И словно ожил темный лес
Ордой страшилищ и чудес;
Неслись из дальней стороны
Остервенелые слоны,
Открыв травой набитый рот,
Скакал, как лошадь, бегемот,

И зверь, чудовищный на взгляд,
С кошачьей мордой, а рогат —
За ними. Я мечту таю,
Что я его еще убью
И, к удивлению друзей,
Врагам на зависть, принесу
В зоологический музей
Его пустынную красу.

«Ну, ну, — сказал Ато-Гано, —
Здесь и пропасть немудрено,
Берите пленных — и домой!»
И войско бросилось гурьбой.
У трупа мертвого вождя
Гано споткнулся, уходя,
На мальчугана лет семи,
Забытого его людьми.
«Ты кто?» — старик его спросил,
Но тот за палец укусил
Гано. «Ну, верно, сын царя», —
Подумал воин, говоря:
«Тебя с собою я возьму,
Ты будешь жить в моем дому».
И лишь потом узнал старик,
Что пленный мальчик звался Мик.

II

В Адис-Абебе праздник был,
Гано подарок получил,
И, возвратясь из царских зал,
Он Мику весело сказал:
«Сняв голову, по волосам
Не плачут. Вот теперь твой дом;
Служи и вспоминай, что сам
Авто-Георгис был рабом».

Прошло три года. Служит Мик,
Хоть он и слаб, и невелик.
То подметает задний двор,
То чинит прорванный шатер,
А поздно вечером к костру
Идет готовить инджиру
И, получая свой кусок,
Спешит в укромный уголок,
А то ведь сглазят на беду
Его любимую еду.

Порою от насмешек слуг
Он убегал на ближний луг,
Где жил, привязан на аркан,
Большой косматый павиан.
В глухих горах Ато-Гано
Его поймал не так давно
И ради прихоти привез
В Адис-Абебу, город роз.
Он никого не подпускал,
Зубами щелкал и рычал,
И слуги думали, что вот
Он ослабеет и умрет.
Но злейшая его беда
Собаки были; те всегда
Сбегались лаять перед ним,
И, дикой яростью томим,
Он поднимался на дыбы,
Рыл землю и кусал столбы.
Лишь Мик, вооружась кнутом,
Собачий прекращал содом.
Он приносил ему плоды
И в тыкве срезанной воды,
Покуда пленник не привык,
Что перед ним проходит Мик.

И наконец они сошлись:
Порой, глаза уставя вниз,
Обнявшись и рука в руке,
На обезьяньем языке
Они делились меж собой
Мечтами о стране иной,
Где обезьяньи города,
Где не дерутся никогда,
Где каждый счастлив, каждый сыт,
Играет вволю, вволю спит.

И клялся старый павиан
Седою гривою своей,
Что есть цари у всех зверей
И только нет у обезьян.
Царь львов — лев белый и слепой,
Венчан короной золотой,
Живет в пустыне Сомали,
Далёко на краю земли.
Слоновий царь — он видит сны
И, просыпаясь, говорит,
Как поступать должны слоны,
Какая гибель им грозит.
Царица зебр — волшебней сна,
Скача, поспорит с ветерком,
Давно помолвлена она
Со страусовым королем.
Но по пустыням говорят,
Есть зверь сильней и выше всех,
Как кровь рога его горят,
И лоснится кошачий мех.
Он мог бы первым быть царем,
Но он не думает о том,
И если кто его встречал,
Тот быстро чах и умирал.

Заслушиваясь друга, Мик
От службы у людей отвык,
И слуги видели, что он
Вдруг стал ленив и несмышлен.
Узнав о том, Ато-Гано
Его послал толочь пшено,
А этот труд — для женщин труд,
Мужчины все его бегут.
Была довольна дворня вся,
Наказанного понося,
И даже девочки, смеясь,
В него бросали сор и грязь.

Уже был темен небосклон,
Когда работу кончил он,
И, от досады сам не свой,
Не подкрепившись инджирой,
Всю ночь у друга своего
Провел с нахмуренным лицом
И плакал на груди его
Мохнатой, пахнущей козлом.
Когда же месяц за утес
Спустился, дивно просияв,
И ветер утренний донес
К ним благовонье диких трав,
И павиан, и человек
Вдвоем замыслили побег.

III

Давно французский консул звал
Любимца негуса, Гано,
Почтить большой посольский зал,
Испробовать его вино,
И наконец собрался тот

С трудом, как будто шел в поход.
Был мул белей, чем полотно,
Был в красной мантии Гано,
Прощенный Мик бежал за ним
С ружьем бельгийским дорогим,
И крики звонкие неслись:
«Прочь все с дороги! Сторонись!»

Гано у консула сидит,
Приветно смотрит, важно льстит,
И консул, чтоб дивился он,
Пред ним заводит граммофон,
Игрушечный аэроплан
Порхает с кресла на диван,
И электрический звонок
Звонит, не тронутый никем.
Гано спокойно тянет грог,
Любезно восхищаясь всем,
И громко шепчет: «Ой ю гут!
Ой френджи, всё они поймут».

А в это время Мик, в саду
Держащий мула за узду,
Не налюбуется никак
Ни на диковинных собак,
Ни на сидящих у дверей
Крылатых каменных зверей.
Как вдруг он видит, что идет
Какой-то мальчик из ворот,
И обруч, словно колесо,
Он катит для игры в серсо.
И сам он бел, и бел наряд,
Он весел, словно стрекоза,
И светлым пламенем горят
Большие смелые глаза.

Пред Миком белый мальчик стал,
Прищурился и засвистал:
«Ты кто?» — «Я абиссинский раб». —
«Ты любишь драться?» — «Нет, я слаб». —
«Отец мой консул». — «Мой вождем
Был». — «Где же он?» — «Убит врагом». —
«Меня зовут Луи». — «А я
Был прозван Миком». — «Мы друзья».

И Мик, разнежась, рассказал
Про павиана своего,
Что с ним давно б он убежал
И не настигли бы его,
Когда б он только мог стянуть
Кремень, еды какой-нибудь,
Топор иль просто крепкий нож;
Без них в пустыне пропадешь.
А там охотой можно жить,
Никто его не будет бить,
Иль стать царем у обезьян,
Как обещался павиан.
Луи промолвил: «Хорошо,
Дитя, что я тебя нашел!
Мне скоро минет десять лет,
И не был я еще царем.
Я захвачу мой пистолет,
И мы отправимся втроем.
Смотри: за этою горой
Дождитесь в третью ночь меня;
Не пропадете вы со мной
Ни без еды, ни без огня».
Он важно сдвинул брови; вдруг
Пронесся золотистый жук,
И мальчик бросился за ним,
А Мик остался недвижим.

Он был смущен и удивлен,
Он думал: «Это, верно, сон», —
В то время как лукавый мул
Жасмин и розы с клумб тянул.

Доволен, пьян, скача домой,
Гано болтал с самим собой:
«Ой френджи! Как они ловки
На выдумки и пустяки!
Запрятать в ящик крикуна,
Чтоб говорил он там со дна,
Им любо! Но зато в бою,
Я ставлю голову свою,
Не победит никто из них
Нас, бедных, глупых и слепых.
Не обезьяны мы, и нам
Не нужен разный детский хлам».
А Мик, в мечтаньях о Луи,
Шаги не рассчитав свои,
Чуть не сорвался с высоты
В переплетенные кусты.

Угрюмо слушал павиан
О мальчике из дальних стран,
Что хочет, свой покинув дом,
Стать обезьяньим королем.
Звериным сердцем чуял он,
Что в этом мире есть закон,
Которым каждому дано
Изведать что-нибудь одно:
Тем — жизнь средь городских забав,
Тем — запахи пустынных трав.
Но долго спорить он не стал.
Вздохнул, под мышкой почесал
И пробурчал, хлебнув воды:
«Смотри, чтоб не было беды!»

IV

Луна склонялась, но чуть-чуть,
Когда они пустились в путь
Через канавы и бурьян,
Луи, и Мик, и павиан.
Луи смеялся и шутил,
Мешок с мукою Мик тащил,
А павиан среди камней
Давил тарантулов и змей.
Они бежали до утра,
А на день спрятались в кустах,
И хороша была нора
В благоухающих цветах.

Они боялись — их найдут.
Кругом сновал веселый люд:
Рабы, сановники, купцы,
С большими лютнями певцы,
Послы из дальней стороны
И в пестрых тряпках колдуны.
Поклонник дьявола порой
С опущенною головой
Спешил в нагорный Анкобер,
Где в самой темной из пещер
Живет священная змея,
Земного матерь бытия.

Однажды утром, запоздав,
Они не спрятались средь трав,
И встретил маленький отряд
Огромный и рябой солдат.
Он Мика за руку схватил,
Ременным поясом скрутил.
«Мне улыбается судьба,

Поймал я бе<г>лого раба! —
Кричал. — И деньги, и еду
За это всюду я найду».
Заплакал Мик, а павиан
Рычал, запрятавшись в бурьян.
Но, страшно побледнев, Луи
Вдруг поднял кулаки свои
И прыгнул бешено вперед:
«Пусти, болван, пусти, урод!
Я — белый, из моей земли
Придут большие корабли
И с ними тысячи солдат...
Пусти иль будешь сам не рад!» —
«Ну, ну, — ответил, струсив, плут, —
Идите с Богом, что уж тут».

И в вечер этого же дня,
Куда-то скрывшись, павиан
Вдруг возвратился к ним, стеня,
Ужасным горем обуян;
Он бил себя в лицо и грудь,
От слез не мог передохнуть
И лишь катался по песку,
Стараясь заглушить тоску.
Увидя это, добрый Мик
Упал и тоже поднял крик
Такой, что маленький шакал
Его за милю услыхал.
И порешил, пускаясь в путь:
«Наверно, умер кто-нибудь».
Луи, не зная их беды,
К ручью нагнулся поскорей
И, шляпой зачерпнув воды,
Плеснул на воющих друзей,
И павиан, прервав содом,

Утершись, тихо затянул:
«За этою горой есть дом,
И в нем живет мой сын в плену.
Я видел, как он грыз орех,
В сторонке сидя ото всех.
Его я шепотом позвал,
Меня узнал он, завизжал,
И разлучил нас злой старик,
С лопатой выскочив на крик.
Его немыслимо украсть,
Там псы могучи и хитры,
И думать нечего напасть,
Там ружья, копья, топоры».
Луи воскликнул: «Ну, смотри!
Верну я сына твоего,
Но только выберешь в цари
У вас меня ты одного».
Он принял самый важный вид,
Пошел на двор и говорит:
«Я покупаю обезьян.
У вас есть крошка павиан,
Продайте!» — «Я не продаю», —
Старик в ответ. «А я даю
Вам десять талеров». — «Ой! Ой!
Да столько стоит бык большой.
Бери». И вот Луи понес
Виновника столь горьких слез.
Над сыном радостный отец
Скакал, как мячик; наконец
Рванул его за хвост, любя.
«Что, очень мучили тебя?» —
«Я никаких не видел мук;
Хозяин мой — мой первый друг!
Я ем медовые блины,
Катаю обруч и пляшу,

Мне сшили красные штаны,
Я их по праздникам ношу».
И рявкнул старый павиан:
«Ну, если это не обман,
Тебе здесь нечего торчать!
Вернись к хозяину опять.
Стремись науки все пройти:
Трубить, считать до десяти...
Когда ж умнее станешь всех,
Тогда и убежать не грех!»

V

Луны уж не было, и высь
Как низкий потолок была
Но звезды крупные зажглись,
И стала вдруг она светла,
Переливалась... А внизу
Стеклянный воздух ждал грозу.
И слышат путники вдали
Удары бубна, гул земли.
И видят путники: растет
Во мгле сомнительный восход.
Пятьсот огромных негров в ряд
Горящие стволы влачат.
Другие пляшут и поют,
Трубят в рога и в бубны бьют.
А на носилках из парчи
Царевна смотрит и молчит.
То дочка Мохамед-Али,
Купца из Йеменской земли,
Которого нельзя не знать,
Так важен он, богат и стар,
Наряды едет покупать
Из Дире-Дауа в Харрар.

В арабских сказках принца нет,
Калифа, чтобы ей сказать:
«Моя жемчужина, мой свет,
Позвольте мне вам жизнь отдать!»
В арабских сказках гурий нет,
Чтоб с этой девушкой сравнять.

Она увидела Луи
И руки подняла свои.
Прозрачен, тонок и высок,
Запел, как флейта, голосок:
«О милый мальчик, как ты бел,
Как стан твой прям, как взор твой смел!
Пойдем со мной. В моих садах
Есть много желтых черепах,
И попугаев голубых,
И яблок, соком налитых.
Мы будем целый день-деньской
Играть, кормить послушных серн
И бегать взапуски с тобой
Вокруг фонтанов и цистерн.
Идем». Но, мрачный словно ночь,
Луи внимал ей, побледнев,
И не старался превозмочь
Свое презрение и гнев:
«Мне — слушать сказки, быть пажом,
Когда я буду королем,
Когда бесчисленный народ
Меня им властвовать зовет?
Но если б и решился я,
С тобою стало б скучно мне:
Ты не стреляешь из ружья,
Боишься ездить на коне».

Печальный, долгий, кроткий взор
Царевна подняла в упор
На гордого Луи и вдруг,
Вдруг прыснула... И все вокруг
Захохотали. Словно гром
Раздался в воздухе ночном:
Ведь хохотали все пятьсот
Огромных негров, восемьсот
Рабов, и тридцать поваров,
И девятнадцать конюхов.
Но подала царевна знак,
Все выстроились кое-как
И снова двинулись вперед,
Держась от смеха за живот.

Когда же скрылся караван,
Тоскуя, Мик заговорил:
«Не надо мне волшебных стран,
Когда б рабом ее я был.
Она, поклясться я готов, —
Дочь Духа доброго Лесов,
Живет в немыслимом саду,
В дворце, похожем на звезду
И никогда, и никогда
Мне, Мику, не войти туда».
Луи воскликнул: «Ну, не трусь,
Войдешь, как я на ней женюсь».

VI

Еще три дня, и их глазам
Предстал, как первобытный храм,
Скалистый и крутой отвес,
Поросший редкою сосной,
Вершиной вставший до небес,

Упершийся в дремучий лес
Своею каменной пятой.
То был совсем особый мир:
Чернели сотни круглых дыр,
Соединяясь меж собой
Одною узкою тропой;
И как балконы, здесь и там
Площадки с глиной по краям
Висели, и из всех бойниц
Торчали сотни страшных лиц.
Я, и ложась навеки в гроб,
Осмелился бы утверждать,
Что это был ни дать ни взять
Американский небоскреб.
В восторге крикнул павиан,
Что это город обезьян.

По каменистому хребту
Они взошли на высоту;
Мик тихо хныкал, он устал,
Луи же голову ломал,
Как пред собой он соберет
На сходку ветреный народ.
Но павиан решил вопрос:
Обезьяненка он принес
И начал хвост ему щипать,
А тот — визжать и верещать;
Таков обычай был, и вмиг
Все стадо собралось на крик.

И начал старый павиан:
«О племя вольных обезьян,
Из плена к вам вернулся я,
Со мной пришли мои друзья,

Освободители мои,
Чтоб тот, кого мы изберем,
Стал обезьяньим королем...
Давайте изберем Луи».
Он, кончив, важно замолчал,
Луи привстал, и Мик привстал,
Кругом разлился страшный рев,
Гул многих сотен голосов:
«Мы своего хотим царем!»
«Нет, лучше Мика изберем!» —
«Луи!» — «Нет, Мика!» — «Нет, Луи!»
Все, зубы белые свои
Оскалив, злятся... Наконец
Решил какой-то молодец:
«Луи с ружьем, он — чародей...
К тому ж он белый и смешней».

Луи тотчас же повели
На холмик высохшей земли,
Надев на голову ему
Из трав сплетенную чалму
И в руки дав слоновый клык,
Знак отличительный владык.
И, мир преображая в сад
Алеющий и золотой,
Горел и искрился закат
За белокурой головой.
Как ангел мил, как демон горд,
Луи стоял один средь морд
Клыкастых и мохнатых рук,
К нему протянутых вокруг.
Для счастья полного его
Недоставало одного:
Чтобы сестра, отец и мать

Его могли здесь увидать,
Хоть силою волшебных чар,
И в «Вокруг света» обо всем
Поведал мальчикам потом
Его любимый Буссенар.

VII

Луи суровым был царем.
Он не заботился о том,
Что есть, где пить, как лучше спать,
А всё сбирался воевать;
Хотел идти, собрав отряд,
Отнять у злобной львицы львят
Иль крокодила из реки
Загнать в густые тростники,
Но ни за что его народ
Не соглашался на поход,
И огорченный властелин
Бродил, печален и один.
Спускался он на дно пещер,
Где сумрак ядовит и сер
И где увидеть вы могли б
В воде озер безглазых рыб.
Он поднимался на утес,
Собой венчавший весь откос,
И там следил, как облака
Ваяет Божия рука.
Но лишь тогда бывал он рад,
Когда смотрел на водопад,
Столбами пены ледяной
Дробящийся над крутизной.
К нему тропа, где вечно мгла,
В колючих зарослях вела,
И мальчик знал, что неспроста

Там тишина и темнота
И даже птицы не поют,
Чтоб оживить глухой приют.
Там раз в столетие трава,
Шурша, вскрывается, как дверь.
С рогами серны, с мордой льва
Приходит пить какой-то зверь.
Кто знает, где он был сто лет
И почему так стонет он
И заметает лапой след,
Хоть только ночь со всех сторо
Да, только ночь, черна как смол
И страх, и буйная вода,
И в стонах раненого боль,
Не гаснущая никогда...

Но всё наскучило Луи —
Откос, шумящие струи,
Забавы резвых обезьян
И даже Мик и павиан.
Сдружился он теперь с одной
Гиеной старой и хромой,
Что кралась по ночам на скат,
Чтоб воровать обезьянят.
Глазами хитрыми змеи
Она смотрела на Луи
И заводила каждый раз
Лукавый, льстивый свой расск
Он, верно, слышал, что внизу,
В большом тропическом лесу,
Живут пантеры? Вот к кому
Спуститься надо бы ему!
Они могучи и смелы,
Бросаются быстрей стрелы,
И так красив их пестрый мех,

Что им простится всякий грех.
Напрасно друга Мик молил,
Глухим предчувствием томим,
Чтоб он навек остался с ним
И никуда не уходил.
Луи, решителен и быстр,
Сказал: «Ты только мой министр!
Тебе я власть передаю,
И скипетр, и чалму мою,
И мой просторный царский дом,
А сам я буду королем
Не этих нищенских пещер,
А леопардов и пантер».
Ушел, и огорчился стан
Всегда веселых обезьян.
Они влезали на карниз,
Внимательно смотрели вниз.
Оттуда доносился рев
Им незнакомых голосов,
И горько плакали они,
Минувшие припомнив дни
И грустно думая о том,
Что сталось с гневным их царем.

VIII

Едва под утро Мик уснул.
Во сне он слышал страшный гул,
Он видел мертвого отца,
И лился пот с его лица.
Проснулся... Старый павиан
Собрал храбрейших обезьян.
Они спускаться стали вниз,
Держась за ветви, за карниз,
Переплетя свои хвосты,

Над бездной строили мосты,
Пока пред ними дикий лес
Не встал, а город не исчез
И не мелькнули средь стволов
Клыки и хоботы слонов.

Долина им была видна,
Деревьями окружена,
И посреди большой утес,
Что мхом и травами оброс.
На нем один лежал Луи
И раны зажимал свои.
Вперив в пространство мутный взор,
Чуть поднимал он свой топор,
А восемь яростных пантер
Пред ним кружились; из пещер
Еще спешили... Отражал
Всю ночь их мальчик и устал.
Как град камней, в траву полян
Сорвалась стая обезьян,
И силою живой волны
Пантеры были сметены
И отступили... С плачем Мик
К груди товарища приник.
Луи в бреду ему шептал,
Что он царем и здесь бы стал,
Когда б не гири на ногах,
Не красный свет в его глазах
И не томящий; долгий звон...
И незаметно умер он.

Тогда, хромая, из кустов
Гиена выбежала; рев
Раздался, яростен и груб:
«Он мой! Скорей отдайте труп!»

Смутилась стая обезьян,
Но прыгнул старый павиан
С утеса на гиену вниз
И горло мерзкой перегрыз.

Где пальмы веером своим
Кивают облакам седым,
Где бархатный ковер лугов
Горит, весь алый от цветов,
И где журчит, звенит родник,
Зарыл Луи печальный Мик.
Там ласточки с огнем в глазах
Щебечут, милые, в ветвях;
Они явились издали,
Из франкской, может быть, земли,
И щебетали свой привет
Перед готическим окном,
Где увидал впервые свет
Луи в жилище родовом.

И над могилой друга Мик
Запел: «Луи, ты был велик,
Была сильна твоя рука,
Белее зубы молока!
Зачем, зачем, зачем в бою
Не принял помощь ты мою,
Зачем, зачем, когда ты пал,
Ты павиана не позвал?
Уж лучше б пуля иль копье
Дыханье вырвало твое!
Не помиришься ты с врагом...
Всё это кажется мне сном!»
Завыл печальный павиан,
Завыла стая обезьян,
И вот на шум их голосов,

Горя как месяц в вышине,
Явился мощный Дух Лесов
Верхом на огненном слоне,
Остановился и взглянул,
И грозно крикнул Мику: «Ну?»
Когда ж узнал он обо всем,
Широким пальмовым листом
Он вытер слезы на глазах...
«Я перед Миком в должниках:
В ту ночь, как племя Гурабе
Изнемогало в злой борьбе,
Болтая с месяцем как раз,
Я не пришел к нему, не спас.
О чем бы ни мечтал ты, Мик,
Проси — всё даст тебе старик».
И поднял руки Мик свои
И медленно проговорил:
«Мне видеть хочется Луи
Таким, каким он в жизни был». —
«Он умер». — «Пусть и я умру». —
«Но он в аду». — «Пойду и в ад!
Я брошусь в каждую дыру,
Когда в ней мучится мой брат». —
«Ну, если так — не спорю я!
Вдоль по течению ручья
Иди три дня, потом семь дней
Через пустыню черных змей.
Там у чугунной двери в ад,
С кошачьей мордой, но рогат,
Есть зверь, и к брату твоему
Дорога ведома ему.
Но тем, кто раз туда попал,
Помочь не в силах даже я.
Смотри ж!» Но Мик уже бежал
Вдоль по течению ручья.

IX

В отвесной каменной стене,
Страшна, огромна и черна,
Виднелась дверь из чугуна
На неприступной вышине.
Усталый, исхудалый Мик
Пред нею головой поник
И стонет: «Больше нет пути,
Не знаю я, куда идти,
Хоть сам могучий Дух Лесов —
Хранитель мой и мой покров».

Тут медленно открылась дверь,
И медленно явился зверь
С кошачьей мордой, а рогат.
И Мик потупил в страхе взгляд,
Но в дверь вступил. Они пошли
По коридору, где в пыли
Валялись тысячи костей
Рыб, птиц, животных и людей.
Как та страшна была тропа!
Там бормотали черепа,
Бычачьи двигались рога,
Ища незримого врага,
И гнулись пальцы мертвецов,
Стараясь что-нибудь поймать...
Но вот прошли широкий ров,
И легче сделалось дышать.
Там им открылся мир иной,
Равнина с лесом и горой,
Необозримая страна,
Жилище душ, которых нет.
Над ней струила слабый свет

Великолепная луна;
Не та, которую ты сам
Так часто видишь по ночам,
А мать ее, ясна, горда,
Доисторических времен,
Что умерла еще тогда,
Как мир наш не был сотворен.
Там тени пальм и сикомор
Росли по склонам черных гор,
Где тени мертвых пастухов
Пасли издохнувших коров.
Там тень охотника порой
Ждала, склоняясь над норой,
Где сонно грызли тень корней
Сообщества бобров-теней.
Но было тихо всё вокруг,
Ни вздох, ни лепет струй, ни стук
Не нарушал молчанья. Зверь
Промолвил Мику: «Ну, теперь
Ищи!» А сам устало лег,
Уткнувшись мордою в песок.

За каждый куст, за каждый пень,
Хотя тот куст и пень — лишь тень,
В пещеру, в озеро, в родник,
Идя, заглядывает Мик.
За тенью дикого волчца
Он своего узнал отца,
Сидевшего, как в старину,
На грязной, бурой шкуре гну.
Мик, плача, руки протянул,
Но тот вздохнул и не взглянул,
Как будто только ветерок
Слегка его коснулся щек.
Как мертвецы не видны нам,

Так мы не видны мертвецам.

Но нет нигде, нигде Луи.
Мик руки заломил свои,
Как вдруг он бросился бежать
Туда, где зверь улегся спать.
«Скорей вставай! — кричит ему. —
И отвечай мне, почему
Здесь только черные живут,
А белых я не видел тут?»
Зверь поднял страшные глаза:
«Зачем ты раньше не сказал!
Все белые — как колдуны,
Все при рожденье крещены,
Чтоб после смерти их Христос
К себе на небеса вознес.
Наверх направь шаги свои
И жаворонка излови.
Он чист, ему неведом грех,
И он летает выше всех.
Вот три зерна (их странен вид,
Они росли в мозгу моем),
Когда их съест, заговорит
Он человечьим языком».

Как было радостно опять
Пустыню Мику увидать.
Услышать ветер и родник,
И попугаев резкий крик!
Он сделал из волос силок
И жаворонка подстерег,
И выпустил его, одно
Сначала дав ему зерно.
Опять, влюбленный в Божий свет,
Свободный жаворонок ввысь

Помчался, и ему вослед
Надежды Мика понеслись.
Когда же птица с высоты
Упала камнем, чуть дыша,
«Ну что? Скажи, что видел ты?» —
Мик теребил его, спеша.
«Я видел красных райских птиц,
Они прекраснее зарниц,
В закатных тучах гнезда вьют
И звезды мелкие клюют.
Они клялись мне, что твой друг
Попал в седьмой небесный круг,
Перед которым звездный сад
Черней, чем самый черный ад».

Мик дал ему еще зерно,
Целуя и прося одно,
И взвился жаворонок вновь,
Хоть в нем и холодела кровь.
Он только через день упал
И больше часа не дышал,
Но наконец проговорил:
«Средь отдаленнейших светил,
За гранью Божьего огня
Я встретил ангела, что пел
Про человеческий удел,
Алмазным панцирем звеня:
«Пусть ни о чем не плачет Мик:
Луи высоко, он в раю,
Там Михаил Архистратиг
Его зачислил в рать свою».

Его целуя горячо,
Мик попросил: «Крылатый друг,
Молю, вот съешь зерно еще

И полети в надзвездный круг».
И жаворонок третий раз
Поднялся и пропал из глаз.
Три дня ждал жаворонка Мик
И к ожиданию привык,
Когда свалился на песок
Холодный пуховой комок.
Такое видеть торжество
Там жаворонку довелось,
Что сердце слабое его
От радости разорвалось.

X

Дуглас, охотник на слонов,
Сердился: ужин не готов,
Любимый мул его издох,
И новый проводник был плох.
Он взял ружье и вышел в лес,
На пальму высохшую влез
И ждал. Он знал, что здесь пойдет
На водопой лесной народ,
А у него мечта одна —
Убить огромного слона,
Особенно когда клыки
И тяжелы, и велики.
Вот засветился Южный Крест,
И тишина легла окрест,
Как будто старый Дух Лесов
Замедлил бег ночных часов.
И вот явились: дикобраз,
За ним уродливые гну,
Вслед козы — и решил Дуглас:
«Я после застрелю одну».
Но, рыжей гривою тряся,

Высоко голову неся,
Примчался с тяжким скоком лев,
И все бежали, оробев,
И даже буйвол отступил,
Сердито фыркнув, в мокрый ил.
Царь долго пил, потом зевнул
И вдруг вскочил и заревел;
В лесу раздался смутный гул,
Как будто ветер прошумел;
И пересекся небосклон
Коричневою полосой, —
То, поднимая хобот, слон-
Вожак вел стадо за собой.
Ему согнувшийся Дуглас
Навел винтовку между глаз;
Так не один гигант лесной
Сражен был пулей разрывной.
Он был готов спустить курок,
Когда почувствовал толчок
И промахнулся. Это Мик
К нему среди ветвей проник:
«А, негодяй! — вскричал Дуглас. —
Знай, ты раскаешься сейчас!»
И тот ответил: «Гета, ну!
Не надо делать зла слону.
Идет под старость каждый слон
Всё на один и тот же склон,
Где травы, данные слонам,
Вкусней, и родники свежей,
И умирает мирно там
Среди прадедовских костей.
Коль ты согласен, я готов
Твоим слугою быть, а мне
Известно кладбище слонов,
В галасской скрытое стране». —

«Пусть Бог хранит тебя за то! —
Вскричал Дуглас, забывши злость. —
Идем! и в Глазго, и в Бордо
Слоновья требуется кость».
Вплоть до утра работал Мик,
Хвосты и гривы мулам стриг
И чистил новое свое
Шестизарядное ружье.

Прошло три месяца, и вот
В Адис-Абебу Мик ведет
Из диких, неизвестных стран
С слоновой костью караван.
Дуглас мечтает: «Богачу
Я всё на месте продаю
И миллионером укачу
К себе, в Шотландию мою!»

Сто тридцать ящиков вина,
Сто тридцать ярдов полотна
Подносит негусу Дуглас
И так кончает свой рассказ:
«Я караван мулиный свой
Оставил Мику. Он богат.
В Адис-Абебе зашумят,
Что это нагадрас большой.
Его в верховный свой совет
Прими и совещайся с ним.
Он защитит тебя от бед
Умом и мужеством своим».
Орлиный светлый взгляд один
На Мика бросил властелин
И, улыбнувшись, сделал знак,
Обозначавший: будет так.

В Адис-Абебе не найти
Глупца, который бы не знал,
Что Мик на царственном пути
Прекрасней солнца воссиял.
С ним, благосклонен и велик,
Советуется Менелик,
Он всех отважней на войне,
Всех уважаемей в стране.

В Адис-Абебе нет теперь
Несчастного иль пришлеца,
Пред кем бы не открылась дверь
Большого Микова дворца.
Там вечно для радушных встреч,
Пиров до самого утра,
Готовится прохладный тэдж
И золотая инджира.
И во дворце его живет,
Встречая ласку и почет,
С ним помирившийся давно
Слепой старик, Ато-Гано.

Примечания

Авто-Георгис — военный министр Абиссинии, достигший этого положения из рабов.

Адис-Абеба — главный город Абиссинии, резиденция негуса.

Анкобер — город в Абиссинии.

Ато-Гано — Гано — абиссинское имя. Ато — приставка, вроде нашего «господин» или французского «monsieur».

Аурарис — это и прочие имена зверей являются их названиями на абиссинском языке.

Гета — по-абиссински «господин».

Гурабе — маленькое негритянское племя на южной границе Абиссинии.

Дире-Дауа — город в Абиссинии.

Инджира — абиссинский хлеб в виде лепешки, любимейшее национальное кушанье.

Менелик — абиссинский негус (1844 — 1913).

Мохамед-Али — богатейший в Абиссинии купец, араб из Йемена.

Нагадрас — собственник каравана, почетное название богатых купцов.

Негус — титул абиссинских царей.

Ой ю гут — восклицание, выражающее удивление.

Талер — в Абиссинии в ходу только талеры Марии-Терезии.

Тэдж — абиссинское пиво, любимый национальный напиток.

Френджи — абиссинское название европейцев.

Харрар — город в Абиссинии.

4. ЮДИФЬ

Какой мудрейшею из мудрых пифий
Поведан будет нам нелицемерный
Рассказ об иудеянке Юдифи,
О вавилонянине Олоферне?

Ведь много дней томилась Иудея,
Опалена горячими ветрами,
Ни спорить, ни покорствовать не смея,
Пред красными, как зарево, шатрами.

Сатрап был мощен и прекрасен телом,
Был голос у него, как гул сраженья,
И всё же девушкой не овладело
Томительное головокруженье.

Но, верно, в час блаженный и проклятый,
Когда, как омут, приняло их ложе,
Поднялся ассирийский бык крылатый,
Так странно с ангелом любви несхожий.

Иль, может быть, в дыму кадильниц рея
И вскрикивая в грохоте тимпана,
Из мрака будущего Саломея
Кичилась головой Иоканаана.

5. ПОЧТОВЫЙ ЧИНОВНИК

Ушла... Завяли ветки
Сирени голубой,
И даже чижик в клетке
Заплакал надо мной.

Что пользы, глупый чижик,
Что пользы нам грустить,
Она теперь в Париже,
В Берлине, может быть.

Страшнее страшных пугал
Красивым честный путь,
И нам в наш тихий угол
Беглянки не вернуть.

От Знаменья псаломщик,
В цилиндре на боку,
Большой, костлявый, тощий,
Зайдет попить чайку.

На днях его подруга
Ушла в веселый дом,
И мы теперь друг друга,
Наверное, поймем.

Мы ничего не знаем,
Ни как, ни почему,
Весь мир необитаем,
Неясен он уму.

А песню вырвет мука,
Так старая она:
«Разлука ты, разлука,
Чужая сторона!»

6. ОЛЬГЕ ЛЮДВИГОВНЕ КАРДОВСКОЙ

Мне на Ваших картинах ярких
Так таинственно слышна
Царскосельских столетних парков
Убаюкивающая тишина.

Разве можно желать чужого,
Разве можно жить не своим...
Но и краски ведь то же слово,
И узоры линий — ритм.

1 марта 1914 г. Анна Ахматова
Царское Село

7

Долго молили о танце мы вас, но молили напрасно,
Вы улыбнулись рассеянно и отказали бесстрастно.

Любит высокое небо и древние звезды поэт,
Часто он пишет баллады, но редко ходит в балет.

Грустно пошел я домой, чтоб смотреть в глаза тишине,
Ритмы движений небывших звенели и пели во мне.

Только так сладко знакомая вдруг расцвела тишина,
Словно приблизилась тайно иль стала солнцем луна;

Ангельской арфы струна порвалась, и мне слышится звук;
Вижу два белые стебля высоко закинутых рук,

Губы ночные, подобные бархатным красным цветам...
Значит, танцуете все-таки вы, отказавшая там!

В синей тунике из неба ночного затянутый стан
Вдруг разрывает стремительно залитый светом туман,

Быстро змеистые молнии легкая чертит нога.
— Видит, наверно, такие виденья блаженный Дега,

Если за горькое счастье и сладкую муку свою
Принят он в сине-хрустальном высоком Господнем раю.

...Утром проснулся, и утро вставало в тот день лучезарно,
Был ли я счастлив? Но сердце томилось тоской благодарной.

16 марта 1914 г.

8

Пролетела стрела
Голубого Эрота,
И любовь умерла,
И настала дремота.

В сердце легкая дрожь
Золотого похмелья,
Золотого, как рожь,
Как ее ожерелье.

Снова лес и поля
Мне открылись, как в детстве,
И запутался я
В этом милом наследстве.

Легкий шорох шагов,
И на белой тропинке
Грузных майских жуков
Изумрудные спинки.

Но в душе у меня
Затаилась тревога,
Вот прольется, звеня,
Зов военного рога.

Зорко смотрит Эрот,
Он не бросил колчана...
И пылающий рот
Багровеет, как рана.

9. ВЕЧЕР

Как этот ветер грузен, не крылат!
С надтреснутою дыней схож закат,

И хочется подталкивать слегка
Катящиеся вяло облака.

В такие медленные вечера
Коней карьером гонят кучера,

Сильней веслом рвут воду рыбаки,
Ожесточенней рубят лесники

Огромные кудрявые дубы...
А те, кому доверены судьбы

Вселенского движения и в ком
Всех ритмов бывших и небывших дом,

Слагают окрыленные стихи,
Расковывая косный сон стихий.

10. НА ОСТРОВЕ

Над этим островом какие выси,
Какой туман!
И Апокалипсис здесь был написан
И умер Пан!
А есть другие: с пальмами, с лугами,
Где весел жнец
И где позванивают бубенцами
Стада овец.
И скрипку, дивно выгнутую, в руки,
Едва дыша,
Я взял и слушал, как бежала в звуки
Ее душа.
Ах это только чары, что судьбою
Я побежден,
Что ночью звездный дождь над головою
И звон и стон.
Я вольный, снова верящий удачам,
Я тот, я в том,
Целую девушку с лицом горячим
И с жадным ртом.
Прерывных слов, объятий перемены
Томят и жгут,
А милые нас обступили стены
И стерегут.
Как содрогается она — в улыбке
Какой вопрос!
Увы, иль это только стоны скрипки
Под взором звезд.

11. СОН

Застонал я от сна дурного
И проснулся, тяжко скорбя:
Снилось мне — ты любишь другого
И что он обидел тебя.

Я бежал от моей постели,
Как убийца от плахи своей,
И смотрел, как тускло блестели
Фонари глазами зверей.

Ах, наверно таким бездомным
Не блуждал ни один человек
В эту ночь по улицам темным,
Как по руслам высохших рек.

Вот, стою перед дверью твоею,
Не дано мне иного пути,
Хоть и знаю, что не посмею
Никогда в эту дверь войти.

Он обидел тебя, я знаю,
Хоть и было это лишь сном,
Но я все-таки умираю
Пред твоим закрытым окном.

12. НОВОРОЖДЕННОМУ

С.Л<озинскому>

Вот голос, томительно звонок —
Зовет меня голос войны, —
Но я рад, что еще ребенок
Глотнул воздушной волны.

Он будет ходить по дорогам
И будет читать стихи,
И он искупит перед Богом
Многие наши грехи.

Когда от народов — титанов,
Сразившихся, — дрогнула твердь,
И в грохоте барабанов,
И в трубном рычанье — смерть, —

Лишь он сохраняет семя
Грядущей мирной весны,
Ему обещает время
Осуществленные сны.

Он будет любимцем Бога,
Он поймет свое торжество,
Он должен! Мы бились много
И страдали мы за него.

13. КИТАЙСКАЯ ДЕВУШКА

Голубая беседка
Посредине реки,
Как плетеная клетка,
Где живут мотыльки.

И из этой беседки
Я смотрю на зарю,
Как качаются ветки,
Иногда я смотрю;

Как качаются ветки,
Как скользят челноки,
Огибая беседки
Посредине реки.

У меня же в темнице
Куст фарфоровых роз,
Металлической птицы
Блещет золотом хвост.

И, не веря в приманки,
Я пишу на шелку
Безмятежные танки
Про любовь и тоску.

Мой жених всё влюбленней;
Пусть он лыс и устал,
Он недавно в Кантоне
Все экзамены сдал.

14. НАСТУПЛЕНИЕ

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня,
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.

Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.

И залитые кровью недели
Ослепительны и легки,
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрей взлетают клинки.

Я кричу, и мой голос дикий,
Это медь ударяет в медь,
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

15. ВОЙНА

М.М.Чичагову

Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет,
И жужжат шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный мед.

А «ура» вдали — как будто пенье
Трудный день окончивших жнецов.
Скажешь: это — мирное селенье
В самый благостный из вечеров.

И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.

Тружеников, медленно идущих
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови.

Как у тех, что гнутся над сохою,
Как у тех, что молят и скорбят,
Их сердца горят перед Тобою,
Восковыми свечками горят.

Но тому, о Господи, и силы
И победы царский час даруй,
Кто поверженному скажет: «Милый,
Вот, прими мой братский поцелуй!»

16. СМЕРТЬ

Есть так много жизней достойных,
Но одна лишь достойна смерть,
Лишь под пулями в рвах спокойных
Веришь в знамя Господне, твердь.

И за это знаешь так ясно,
Что в единственный, строгий час,
В час, когда, словно облак красный,
Милый день уплывет из глаз,

Свод небесный будет раздвинут
Пред душою, и душу ту
Белоснежные кони ринут
В ослепительную высоту.

Там Начальник в ярком доспехе,
В грозном шлеме звездных лучей,
И к старинной, бранной потехе
Огнекрылых зов трубачей.

Но и здесь, на земле, не хуже
Та же смерть — ясна и проста:
Здесь товарищ над павшим тужит
И целует его в уста.

Здесь священник в рясе дырявой
Умиленно поет псалом,
Здесь играют марш величавый
Над едва заметным холмом.

17

Священные плывут и тают ночи,
Проносятся эпические дни,
И смерти я заглядываю в очи,
В зеленые, болотные огни.

Она везде — и в зареве пожара,
И в темноте, нежданна и близка,
То на коне венгерского гусара,
А то с ружьем тирольского стрелка.

Но прелесть ясная живет в сознанье,
Что хрупки так оковы бытия,
Как будто женственно всё мирозданье
И управляю им всецело я.

Когда промчится вихрь, заплещут воды,
Зальются птицы в чаяньи зари,
То слышится в гармонии природы
Мне музыка Ирины Энери.

Весь день томясь от непонятной жажды
И облаков следя крылатый рой,
Я думаю: «Карсавина однажды
Как облако плясала предо мной».

А ночью в небе, древнем и высоком,
Я вижу записи судеб моих
И ведаю, что обо мне, далеком,
Звенит Ахматовой сиренный стих.

Так не умею думать я о смерти,
И всё мне грезятся, как бы во сне,
Те женщины, которые бессмертье
Моей души доказывают мне.

18. СОЛНЦЕ ДУХА

Как могли мы прежде жить в покое
И не ждать ни радостей, ни бед,
Не мечтать об огнезарном бое,
О рокочущей трубе побед.

Как могли мы... но еще не поздно,
Солнце духа наклонилось к нам,
Солнце духа благостно и грозно
Разлилось по нашим небесам.

Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь, он разрывает тьму,
Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему.

В дикой прелести степных раздолий,
В тихом таинстве лесной глуши
Ничего нет трудного для воли
И мучительного для души.

Чувствую, что скоро осень будет,
Солнечные кончатся труды
И от древа духа снимут люди
Золотые, зрелые плоды.

1915

19

Она не однажды всплывала
В грязи городского канала,
Где светят, длинны и тонки,
Фонарные огоньки.

Ее видали и в роще
Висящей на иве тощей,
На иве, еще Дездемоной
Оплаканной и прощенной.

В каком-нибудь старом доме
На липкой красной соломе
Ее находили люди
С насквозь простреленной грудью.

Но от этих ли превращений
Из-за рук, на которых кровь
(Бедной жизни бедных смущений),
Мы разлюбим ее, Любовь?

20

Я помню, я помню, носились тучи
По небу желтому, как новая медь,
И ты мне сказала: «Да, было бы лучше,
Было бы лучше мне умереть».

«Неправда, — сказал я, — и этот ветер,
И всё что было, рассеется сном,
Помолимся Богу, чтоб прожить этот вечер.
А завтра наутро мы всё поймем».

И ты повторяла: «Боже, Боже!»
Шептала: «Скорее... одна лишь ночь...»
И вдруг задохнулась: «Нет, Он не может,
Нет, Он не может уже помочь!»

21. БОЛЬНОЙ

В моем бреду одна меня томит
Каких-то острых линий бесконечность,
И непрерывно колокол звонит,
Как бой часов отзванивал бы вечность.

Мне кажется, что после смерти так
С мучительной надеждой воскресенья
Глаза вперяются в окрестный мрак,
Ища давно знакомые виденья.

Но в океане первозданной мглы
Нет голосов и нет травы зеленой,
А только кубы, ромбы, да углы,
Да злые нескончаемые звоны.

О, хоть бы сон настиг меня скорей!
Уйти бы, как на праздник примиренья,
На желтые пески седых морей
Считать большие бурые каменья.

КРАТКІЙ
МОЛИТВЕННИКЪ
для
ПРАВОСЛАВНЫХЪ ВОИНОВЪ
ІС ХС
СВ. АРХАНГЕЛЪ
МИХАИЛЪ
АРХИСТРАТИГЪ
НЕБЕСНЫХЪ СИЛЪ

22. ВОСЬМИСТИШИЕ

Ни шороха полночных далей,
Ни песен, что певала мать, —
Мы никогда не понимали
Того, что стоило понять.
И, символ горнего величья,
Как некий благостный завет,
Высокое косноязычье
Тебе даруется, поэт.

23. СЧАСТЬЕ

1

Больные верят в розы майские,
И нежны сказки нищеты.
Заснув в тюрьме, виденья райские
Наверняка увидишь ты.
Но нет тревожней и заброшенней —
Печали посреди шелков,
И я принцессе на горошине
Всю кровь мою отдать готов.

2

«Хочешь, горбун, поменяться
Своею судьбой с моей,
Хочешь шутить и смеяться,
Быть вольной птицей морей?»
Он подозрительным взглядом
Смерил меня всего:
«Уходи, не стой со мной рядом,
Не хочу от тебя ничего!»

3

У муки столько струн на лютне,
У счастья нету ни одной,
Взлетевший в небо бесприютней,
Чем опустившийся на дно.

И Заклинающий проказу,
Сказавший деве — «талифа!..» —
...Ему дороже нищий Лазарь
Великолепного волхва.

4

Ведь я не грешник, о Боже,
Не святотатец, не вор,
И я верю, верю, за что же
Тебя не видит мой взор?
Ах, я не живу в пустыне,
Я молод, весел, пою,
И Ты, я знаю, отринешь
Бедную душу мою!

5

В мой самый лучший, светлый день,
В тот день Христова Воскресенья,
Мне вдруг примнилось искупленье,
Какого я искал везде.
Мне вдруг почудилось, что, нем,
Изранен, наг, лежу я в чаще,
И стал я плакать надо всем
Слезами радости кипящей.

24. СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Прошел патруль, стуча мечами,
Дурной монах прокрался к милой,
Над островерхими домами
Неведомое опочило.

Но мы спокойны, мы поспорим
Со стражами Господня гнева,
И пахнет звездами и морем
Твой плащ широкий, Женевьева.

Ты помнишь ли, как перед нами
Встал храм, чернеющий во мраке,
Над сумрачными алтарями
Горели огненные знаки.

Торжественный, гранитокрылый,
Он охранял наш город сонный,
В нем пели молоты и пилы,
В ночи работали масоны.

Слова их скупы и случайны,
Но взоры ясны и упрямы,
Им древние открыты тайны,
Как строить каменные храмы.

Поцеловав порог узорный,
Свершив коленопреклоненье,

Мы попросили так покорно
Тебе и мне благословенья.

Великий Мастер с нивелиром
Стоял средь грохота и гула
И прошептал: «Идите с миром,
Мы побеждаем Вельзевула».

Пока они живут на свете,
Творят закон святого сева,
Мы смело можем быть как дети,
Любить друг друга, Женевьева.

25. СЕСТРЕ МИЛОСЕРДИЯ

Нет, не думайте, дорогая,
О сплетеньи мышц и костей,
О святой работе, о долге...
Это сказки для детей.

Под попреки санитаров
И томительный бой часов
Сам собой поправится воин,
Если дух его здоров.

И вы верьте в здоровье духа,
В молньеносный его полет,
Он от Вильны до самой Вены
Неуклонно нас доведет.

О подругах в серьгах и кольцах,
Обольстительных вдвойне
От духов и притираний,
Вспоминаем мы на войне.

И мечтаем мы о подругах,
Что проходят сквозь нашу тьму
С пляской, музыкой и пеньем
Золотой дорогой муз.

Говорили об англичанке,
Песней славшей мужчин на бой
И поцеловавшей воина
Пред восторженной толпой.

Эта девушка с открытой сцены,
Нарумянена, одета в шелк,
Лучше всех сестер милосердия
Поняла свой юный долг.

И мечтаю я, чтоб сказали
О России, стране равнин:
— Вот страна прекраснейших женщин
И отважнейших мужчин.

26. ОТВЕТ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ

«...Омочу бебрян рукав в Каяле реце,
утру князю кровавые его раны на жестоцем теле».
Плач Ярославны

Я не верю, не верю, милый,
В то, что вы обещали мне.
Это значит — вы не видали
До сих пор меня во сне.

И не знаете, что от боли
Потемнели мои глаза.
Не понять вам на бранном поле,
Как бывает горька слеза.

Нас рождали для муки крестной,
Как для светлого счастья вас,
Каждый день, что для вас воскресный,
То день страдания для нас.

Солнечное утро битвы,
Зов трубы военной — вам,
Но покинутые могилы
Навещать годами нам.

Так позвольте теми руками,
Что любили вы целовать,
Перевязывать ваши раны,
Воспаленный лоб освежать.

То же делает и ветер,
То же делает и вода,
И не скажет им: «Не надо» —
Одинокий раненый тогда.

А когда с победой славной
Вы вернетесь из чуждых сторон,
То бебрян рукав Ярославны
Будет реять среди знамен.

27. ДОЖДЬ

Сквозь дождем забрызганные стекла
Мир мне кажется рябым;
Я гляжу: ничто в нем не поблекло
И не сделалось чужим.

Только зелень стала чуть зловещей,
Словно пролит купорос,
Но зато рисуется в ней резче
Круглый куст кровавых роз.

Капли в лужах плещутся размерней
И бормочут свой псалом,
Как монашенки в часы вечерни
Торопливым голоском.

Слава, слава небу в тучах черных!
То — река весною, где
Вместо рыб стволы деревьев горных
В мутной мечутся воде.

В гиблых омутах волшебных мельниц
Ржанье бешеных коней,
И душе, несчастнейшей из пленниц,
Так и легче и вольней.

28

Я не прожил, я протомился
Половину жизни земной,
И, Господь, вот Ты мне явился
Невозможной такой мечтой.

Вижу свет на горе Фаворе
И безумно тоскую я,
Что взлюбил и сушу и море,
Весь дремучий сон бытия;

Что моя молодая сила
Не смирилась перед Твоей,
Что так больно сердце томила
Красота Твоих дочерей.

Но любовь разве цветик алый,
Чтобы ей лишь мгновенье жить,
Но любовь разве пламень малый,
Что ее легко погасить?

С этой тихой и грустной думой
Как-нибудь я жизнь дотяну,
А о будущей Ты подумай,
Я и так погубил одну.

Богомъ, ка́къ на небѣ (солнце, луна, звѣзды), та́къ и на землѣ (звѣри, птицы), та́къ и въ водахъ ниже земли (рыбы, морскія чудовища). Эта же заповѣдь указываетъ, какъ слѣдуетъ христіанамъ почитать иконы, то есть изображенія истиннаго Бога во плоти и святыхъ Его, а именно: благоговѣйно взирая на иконы и воспоминая дѣла Божіи и святыхъ Его, изображенныхъ на иконахъ, мы должны передъ ними молиться Богу и святымъ Его; если же кто святымъ иконамъ воздаетъ Божеское поклоненіе и надѣется на ихъ вещество, не вознося ума и сердца къ тому, что̀ на нихъ изображено, тотъ грѣшитъ противъ второй заповѣди и впадаетъ въ грѣхъ идолопоклонства.

III. Не во̀змеши имене Господа Бога твоего всуе.

(То есть: не произноси имени Господа Бога твоего напрасно.)

29

Словно ветер страны счастливой,
Носятся жалобы влюбленных,
Как колосья созревшей нивы,
Клонятся головы непреклонных.

Запевает араб в пустыне —
«Душу мне вырвали из тела».
Стонет грек над пучиной синей —
«Чайкою в сердце ты мне влетела».

Красота ли им не покорна!
Теплит гречанка в ночь лампадки,
А подруга араба зерна
Благовонные жжет в палатке.

Зов один от края до края,
Шире, всё шире и чудесней,
Угадали ль вы, дорогая,
В этой бессвязной и бедной песне?

Дорогая с улыбкой летней,
С узкими, слабыми руками
И, как мед двухтысячелетний,
Душными, черными волосами.

30

Об Адонисе с лунной красотой,
О Гиацинте тонком, о Нарциссе
И о Данае, туче золотой,
Еще грустят аттические выси.

Грустят валы ямбических морей,
И журавлей кочующие стаи,
И пальма, о которой Одиссей
Рассказывал смущенной Навзикае.

Печальный мир не очаруют вновь
Ни кудри душные, ни взор призывный,
Ни лепестки горячих губ, ни кровь,
Стучавшая торжественно и дивно.

Правдива смерть, а жизнь бормочет ложь.
И ты, о нежная, чье имя — пенье,
Чье тело — музыка, и ты идешь
На беспощадное исчезновенье.

Но мне, увы, неведомы слова —
Землетрясенья, громы, водопады,
Чтоб и по смерти ты была жива,
Как юноши и девушки Эллады.

31. ОДА Д'АННУНЦИО

К его выступлению в Генуе

Опять волчица на столбе
Рычит в огне багряных светов...
Судьба Италии — в судьбе
Ее торжественных поэтов.

Был Августов высокий век,
И золотые строки были;
Спокойней величавых рек
С ней разговаривал Вергилий.

Был век печали; и тогда,
Как враг в ее стучался двери,
Бежал от мирного труда
Изгнанник бледный, Алигьери.

Униженная до конца,
Страна, веселием объята,
Короновала мертвеца
В короновании Торквата.

И в дни прекраснейшей войны,
Которой кланяюсь я земно,
К которой завистью полны
И Александр и Агамемнон,

Когда всё лучшее, что в нас
Таилось скупо и сурово,
Вся сила духа, доблесть рас,
Свои разрушило оковы —

Слова: «Встает великий Рим,
Берите ружья, дети горя»... —
Грозней громов, внимая им,
Толпа взволнованнее моря.

А море синей пеленой
Легло вокруг, как мощь и слава
Италии, как щит святой
Ее стариннейшего права.

А горы стынут в небесах,
Загадочны и незнакомы,
Там зреют молнии в лесах,
Там чутко притаились громы.

И, конь, встающий на дыбы,
Народ поверил в правду света,
Вручая страшные судьбы
Рукам изнеженным поэта.

И все поют, поют стихи
О том, что вольные народы
Живут, как образы стихий,
Ветра, и пламени, и воды.

32. РАЙ

Апостол Петр, бери свои ключи,
Достойный рая в дверь его стучит.

Коллоквиум с отцами церкви там
Покажет, что я в догматах был прям.

Георгий пусть поведает о том,
Как в дни войны сражался я с врагом.

Святой Антоний может подтвердить,
Что плоти я никак не мог смирить.

Но и святой Цецилии уста
Прошепчут, что душа моя чиста.

Мне часто снились райские сады,
Среди ветвей румяные плоды,

Лучи и ангельские голоса,
Внемировой природы чудеса.

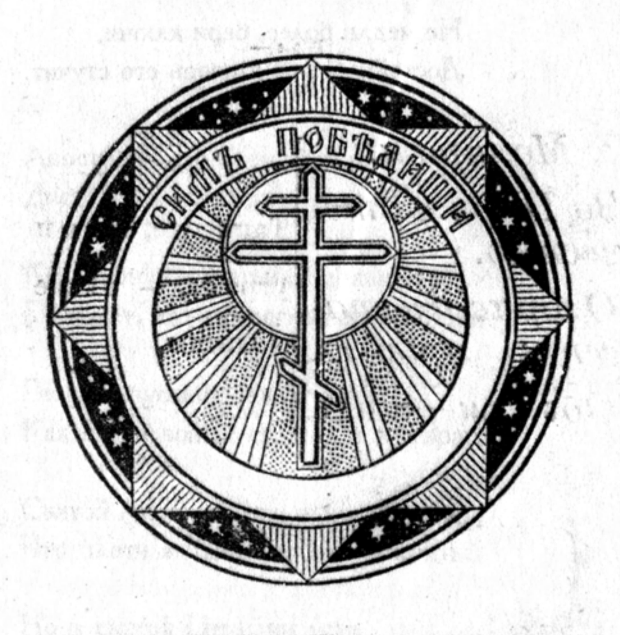
И знаешь ты, что утренние сны
Как предзнаменованья нам даны.

Апостол Петр, ведь если я уйду
Отвергнутым, что делать мне в аду?

Моя любовь растопит адский лед,
И адский огнь слеза моя зальет.

Перед тобою темный серафим
Появится ходатаем моим.

Не медли более, бери ключи,
Достойный рая в дверь его стучит.

VI. Молитва предъ сраженіемъ.

Спаситель мой! Ты положилъ за насъ душу Свою, чтобы спасти насъ; Ты заповѣдалъ и намъ полагать души свои за друзей нашихъ, за близкихъ намъ. Радостно иду я исполнять святую волю Твою

и положить жизнь свою за Царя и отечество. Вооружи меня крѣпостію и мужествомъ на одолѣніе враговъ нашихъ, и да́руй мнѣ умереть съ твёрдою вѣрою и надеждою вѣчной блаженной жизни въ Твоемъ Царствѣ.

Мати Божія! Сохрани меня подъ покровомъ Твоимъ. Аминь.

33. ПЯТИСТОПНЫЕ ЯМБЫ

М.Л.Лозинскому

Я помню ночь, как черную наяду,
В морях под знаком Южного Креста.
Я плыл на юг; могучих волн громаду
Взрывали мощно лопасти винта,
И встречные суда, очей отраду,
Брала почти мгновенно темнота.

О, как я их жалел, как было странно
Мне думать, что они идут назад
И не остались в бухте необманной,
Что дон Жуан не встретил донны Анны,
Что гор алмазных не нашел Синдбад
И Вечный Жид несчастней во сто крат.

Но проходили месяцы, обратно
Я плыл и увозил клыки слонов,
Картины абиссинских мастеров,
Меха пантер — мне нравились их пятна —
И то, что прежде было непонятно, —
Презренье к миру и усталость снов.

Я молод был, был жаден и уверен,
Но дух земли молчал, высокомерен,
И умерли слепящие мечты,
Как умирают птицы и цветы.
Теперь мой голос медлен и размерен,
Я знаю, жизнь не удалась... и ты,

Ты, для кого искал я на Леванте
Нетленный пурпур королевских мантий,
Я проиграл тебя, как Дамаянти
Когда-то проиграл безумный Наль.
Взлетели кости, звонкие, как сталь,
Упали кости — и была печаль.

Сказала ты, задумчивая, строго:
«Я верила, любила слишком много,
А ухожу, не веря, не любя,
И пред лицом Всевидящего Бога,
Быть может, самое себя губя,
Навек я отрекаюсь от тебя».

Твоих волос не смел поцеловать я,
Ни даже сжать холодных, тонких рук,
Я сам себе был гадок, как паук,
Меня пугал и мучил каждый звук,
И ты ушла, в простом и темном платье,
Похожая на древнее Распятье.

То лето было грозами полно,
Жарой и духотою небывалой,
Такой, что сразу делалось темно
И сердце биться вдруг переставало,
В полях колосья сыпали зерно,
И солнце даже в полдень было ало.

И в реве человеческой толпы,
В гуденье проезжающих орудий,
В немолчном зове боевой трубы
Я вдруг услышал песнь моей судьбы
И побежал, куда бежали люди,
Покорно повторяя: «Буди, буди».

Солдаты громко пели, и слова
Невнятны были, сердце их ловило:
«Скорей вперед! Могила так могила!
Нам ложем будет свежая трава,
А пологом — зеленая листва,
Союзником — архангельская сила».

Так сладко эта песнь лилась, маня,
Что я пошел, и приняли меня,
И дали мне винтовку и коня,
И поле, полное врагов могучих,
Гудящих грозно бомб и пуль певучих,
И небо в молнийных и рдяных тучах.

И счастием душа обожжена
С тех самых пор; веселием полна,
И ясностью, и мудростью, о Боге
Со звездами беседует она,
Глас Бога слышит в воинской тревоге
И Божьими зовет свои дороги.

Честнейшую честнейших херувим,
Славнейшую славнейших серафим,
Земных надежд небесное Свершенье
Она величит каждое мгновенье
И чувствует к простым словам своим
Вниманье, милость и благоволенье.

Есть на море пустынном монастырь
Из камня белого, золотоглавый,
Он озарен немеркнущею славой.
Туда б уйти, покинув мир лукавый,
Смотреть на ширь воды и неба ширь...
В тот золотой и белый монастырь!

1912 — 1915

34. СТАРАЯ ДЕВА

Жизнь печальна, жизнь пустынна,
И не сжалится никто;
Те же вазочки в гостиной,
Те же рамки и плато.

Томик пыльный, томик серый
Я беру, тоску кляня,
Но и в книгах кавалеры
Влюблены, да не в меня.

А меня совсем иною
Отражают зеркала:
Я наяда под луною
В зыби водного стекла.

В глубине средневековья
Я принцесса, что, дрожа,
Принимает славословья
От красивого пажа.

Иль на празднике Версаля
В час, когда заснет земля,
Взоры юношей печаля,
Я пленяю короля.

Иль влюблен в мои романсы
Весь парижский полусвет
Так, что мне слагает стансы

С львиной гривою поэт.
Выйду замуж, буду дамой,
Злой и верною женой,
Но мечте моей упрямой
Никогда не стать иной.

И зато за мной, усталой,
Смерть прискачет на коне,
Словно рыцарь, с розой алой
На чешуйчатой броне.

35. КОНКВИСТАДОР

От дальних селений,
Сквозь лес и овраги,
На праздник мучений
Собрались бродяги.

Палач приготовил
Свой молот зловещий,
И запаха крови
Возжаждали клещи.

И пел конквистадор,
Привязан у пальмы:
«До области ада
Изведали даль мы.

Вот странные воды,
Где смертный не плавал,
Где, Рыцарь Невзгоды,
Скитается Дьявол.

А дальше не будет
Ни моря, ни неба,
Там служат Иуде
Постыдные требы.

Но пелись баллады
В вечерних тавернах,
Что ждет Эльдорадо
Отважных и верных.

Под звуки органа
Твердили аббаты,
Что за морем страны
Так дивно богаты.

И в сонных глубинах
Мы видели город,
Где алых рубинов
Возносятся горы».

А пламя клубилось,
И ждал конквистадор,
Чтоб в смерти открылось
Ему Эльдорадо.

36. МАДРИГАЛ ПОЛКОВОЙ ДАМЕ

И как в раю магометанском
Сонм гурий в розах и шелку,
Так вы лейб-гвардии в уланском
Ее Величества полку.

37. ЗМЕЙ

Ах, иначе в былые года
Колдовала земля с небесами,
Дива дивные зрелись тогда,
Чуда чудные деялись сами...

Позабыв Золотую Орду,
Пестрый грохот равнины китайской,
Змей крылатый в пустынном саду
Часто прятался полночью майской.

Только девушки видеть луну
Выходили походкою статной, —
Он подхватывал быстро одну,
И взмывал, и стремился обратно.

Как сверкал, как слепил и горел
Медный панцирь под хищной луною,
Как серебряным звоном летел
Мерный клекот над Русью лесною:

«Я красавиц таких, лебедей
С белизною такою молочной,
Не встречал никогда и нигде,
Ни в заморской стране, ни в восточной.

Но еще ни одна не была
Во дворце моем пышном, в Лагоре:
Умирают в пути, и тела

Я бросаю в Каспийское Море.
Спать на дне, средь чудовищ морских,
Почему им, безумным, дороже,
Чем в могучих объятьях моих
На торжественном княжеском ложе?

И порой мне завидна судьба
Парня с белой пастушеской дудкой
На лугу, где девичья гурьба
Так довольна его прибауткой».

Эти крики заслышав, Вольга
Выходил и поглядывал хмуро,
Надевал тетиву на рога
Беловежского старого тура.

38. АНДРЕЙ РУБЛЕВ

Я твердо, я так сладко знаю,
С искусством иноков знаком,
Что лик жены подобен раю,
Обетованному Творцом.

Нос — это древа ствол высокий;
Две тонкие дуги бровей
Над ним раскинулись, широки,
Изгибом пальмовых ветвей.

Два вещих сирина, два глаза,
Под ними сладостно поют,
Велеречивостью рассказа
Все тайны духа выдают.

Открытый лоб — как свод небесный,
И кудри — облака над ним;
Их, верно, с робостью прелестной
Касался нежный серафим.

И тут же, у подножья древа,
Уста — как некий райский цвет,
Из-за какого матерь Ева
Благой нарушила завет.

Всё это кистью достохвальной
Андрей Рублев мне начертал,
И этой жизни труд печальный
Благословеньем Божьим стал.

39. ДЕРЕВЬЯ

Я знаю, что деревьям, а не нам,
Дано величье совершенной жизни,
На ласковой земле, сестре звездам,
Мы — на чужбине, а они — в отчизне.

Глубокой осенью в полях пустых
Закаты медно-красные, восходы
Янтарные окраске учат их, —
Свободные, зеленые народы.

Есть Моисеи посреди дубов,
Марии между пальм... Их души, верно,
Друг другу посылают тихий зов
С водой, струящейся во тьме безмерной.

И в глубине земли, точа алмаз,
Дробя гранит, ключи лепечут скоро,
Ключи поют, кричат — где сломан вяз,
Где листьями оделась сикомора.

О, если бы и мне найти страну,
В которой мог не плакать и не петь я,
Безмолвно поднимаясь в вышину
Неисчислимые тысячелетья!

1916

40

Марии Лёвберг

Ты, жаворонок в горней высоте,
Служи отныне, стих мой легкокрылый,
Ее неяркой, но издавна милой,
Такой средневековой красоте;

Ее глазам, сверкающим зарницам,
И рту, где воля превзошла мечту,
Ее большим глазам — двум странным птицам —
И словно нарисованному рту.

Я больше ничего о ней не знаю,
Ни писем не писал, не слал цветов.
Я с ней не проходил навстречу маю
Средь бешеных от радости лугов.

И этот самый первый наш подарок,
О жаворонок, стих мой, может быть,
Покажется неловким и случайным
Ей, ведающей таинства стихов.

41. ВСАДНИК

Всадник ехал по дороге,
Было поздно, выли псы,
Волчье солнце — месяц строгий —
Лил сиянье на овсы.

И внезапно за деревней
Белый камень возле пня
Испугал усмешкой древней
Задремавшего коня.

Тот метнулся: темным бредом
Вдруг ворвался в душу сам
Древний ужас, тот, что ведом
В мире только лошадям.

Дальний гул землетрясений,
Пестрых тигров хищный вой
И победы привидений
Над живыми в час ночной.

Очи круглы и кровавы,
Ноздри пеною полны,
Конь, как буря, топчет травы,
Разрывает грудью льны.

Он то стелется по шири,
То слетает с диких круч,
И не знает, где он — в мире
Или в небе между туч.

Утро. Камень у дороги
Робко спрятал свой оскал,
Волчье солнце — месяц строгий —
Освещать его устал.

На селе собаки выли,
Люди хмуро в церковь шли.
Конь один пришел, весь в мыле,
Господина не нашли.

42

И год второй к концу склоняется,
Но так же реют знамена,
И так же буйно издевается
Над нашей мудростью война.

Вслед за ее крылатым гением,
Всегда играющим вничью,
С победной музыкой и пением
Войдут войска в столицу. Чью?

И сосчитают ли потопленных
Во время трудных переправ,
Забытых на полях потоптанных
И громких летописях слав?

Иль зори будущие ясные
Увидят мир таким, как встарь:
Огромные гвоздики красные
И на гвоздиках спит дикарь;

Чудовищ слышны ревы мирные,
Вдруг хлещут бешено дожди,
И всё затягивают жирные
Светло-зеленые хвощи.

Не всё ль равно? Пусть время катится,
Мы поняли тебя, земля!
Ты только хмурая привратница
У входа в Божии Поля.

43. ГОРОДОК

Над широкою рекой,
Пояском-мостом перетянутой,
Городок стоит небольшой,
Летописцем не раз помянутый.

Знаю, в этом городке —
Человечья жизнь настоящая,
Словно лодочка на реке,
К цели ведомой уходящая.

Полосатые столбы
У гауптвахты, где солдатики
Под пронзительный вой трубы
Маршируют, совсем лунатики.

На базаре всякий люд,
Мужики, цыгане, прохожие —
Покупают и продают,
Проповедуют Слово Божие.

В крепко слаженных домах
Ждут хозяйки белые, скромные,
В самаркандских цветных платках,
А глаза все такие темные.

Губернаторский дворец
Пышет светом в часы вечерние,
Предводителев жеребец —

Удивление всей губернии.
А весной идут, таясь,
На кладбище девушки с милыми,
Шепчут, ластясь: «Мой яхонт-князь!» —
И целуются над могилами.

Крест над церковью взнесен,
Символ власти ясной, Отеческой,
И гудит малиновый звон
Речью мудрою, человеческой.

44. ДЕТСТВО

Я ребенком любил большие,
Медом пахнущие луга,
Перелески, травы сухие
И меж трав бычачьи рога.

Каждый пыльный куст придорожный
Мне кричал: «Я шучу с тобой,
Обойди меня осторожно
И узнаешь, кто я такой!»

Только дикий ветер осенний,
Прошумев, прекращал игру, —
Сердце билось еще блаженней,
И я верил, что я умру

Не один, — с моими друзьями,
С мать-и-мачехой, с лопухом,
И за дальними небесами
Догадаюсь вдруг обо всем.

Я за то и люблю затеи
Грозовых военных забав,
Что людская кровь не святее
Изумрудного сока трав.

45. РАБОЧИЙ

Он стоит пред раскаленным горном,
Невысокий старый человек.
Взгляд спокойный кажется покорным
От миганья красноватых век.

Все товарищи его заснули,
Только он один еще не спит:
Всё он занят отливаньем пули,
Что меня с землею разлучит.

Кончил, и глаза повеселели.
Возвращается. Блестит луна.
Дома ждет его в большой постели
Сонная и теплая жена.

Пуля, им отлитая, просвищет
Над седою, вспененной Двиной,
Пуля, им отлитая, отыщет
Грудь мою, она пришла за мной.

Упаду, смертельно затоскую,
Прошлое увижу наяву,
Кровь ключом захлещет на сухую,
Пыльную и мятую траву.

И Господь воздаст мне полной мерой
За недолгий мой и горький век.
Это сделал в блузе светло-серой
Невысокий старый человек.

46. ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЕ АНАСТАСИИ НИКОЛАЕВНЕ КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ

Сегодня день Анастасии,
И мы хотим, чтоб через нас
Любовь и ласка всей России
К Вам благодарно донеслась.

Какая радость нам поздравить
Вас, лучший образ наших снов,
И подпись скромную поставить
Внизу приветственных стихов.

Забыв о том, что накануне
Мы были в яростных боях,
Мы праздник пятого июня
В своих отпразднуем сердцах.

И мы уносим к новой сече
Восторгом полные сердца,
Припоминая наши встречи
Средь царскосельского дворца.

Прапорщик Н.Гумилев.
Царскосельский лазарет.
Большой Дворец.
5 июня 1916 г.

47. ЮГ

За то, что я теперь спокойный
И умерла моя свобода,
О самой светлой, о самой стройной
Со мной беседует природа.

В дали, от зноя помертвелой,
Себе и солнцу буйно рада,
О самой стройной, о самой белой
Звенит немолчная цикада.

Увижу ль пены побережной
Серебряное колыханье, —
О самой белой, о самой нежной
Поет мое воспоминанье.

Вот ставит ночь свои ветрила
И тихо по небу струится,
О самой нежной, о самой милой
Мне пестрокрылый сон приснится.

48. КОМАНДИРУ 5-ГО АЛЕКСАНДРИЙСКОГО ПОЛКА

В вечерний час на небосклоне
Порой промчится метеор.
Мелькнув на миг на темном фоне,
Он зачаровывает взор.

Таким же точно метеором,
Прекрасным огненным лучом,
Пред нашим изумленным взором
И Вы явились пред полком.

И, озаряя всех приветно,
Бросая всюду ровный свет,
Вы оставляете заметный
И — верьте — незабвенный след.

49

23 сент<ября> 1916

Что я прочел? Вам скучно, Лери,
И под столом лежит Сократ,
Томитесь Вы по древней вере?
— Какой отличный маскарад!
Вот я в моей каморке тесной
Над Вашим радуюсь письмом,
Как шапка Фауста прелестна
Над милым девичьим лицом.
Я был у Вас, совсем влюбленный,
Ушел, сжимаясь от тоски,
Ужасней шашки занесенной
Жест отстраняющей руки.
Но сохранил воспоминанье
О дивных и тревожных днях,
Мое пугливое мечтанье
О Ваших сладостных глазах.
Ужель опять я их увижу,
Замру от боли и любви
И к ним, сияющим, приближу
Татарские глаза мои?!
И вновь начнутся наши встречи,
Блужданья ночью наугад,
И наши озорные речи,
И Острова, и Летний Сад?!
Но ах, могу ль я быть не хмурым,
Могу ль сомненья подавить?
Ведь меланхолия амуром

Хорошим вряд ли может быть.
И, верно, день застал, серея,
Сократа снова на столе,
Зато «Эмали и камеи»
С «Колчаном» в самой пыльной мгле.
Так Вы, похожая на кошку,
Ночному молвили: «Прощай!»
И мчит Вас в Психоневроложку,
Гудя и прыгая, трамвай.

1917

50

Взгляните: вот гусары смерти!
Игрою ратных перемен
Они, отчаянные черти,
Побеждены и взяты в плен.

Зато бессмертные гусары,
Те не сдаются никогда,
Войны невзгоды и удары
Для них — как воздух и вода.

Ах, им опасен плен единый,
Опасен и безумно люб, —
Девичьей шеи лебединой,
И милых рук, и алых губ.

51. КАНЦОНА

Бывает в жизни человека
Один неповторимый миг:
Кто б ни был он: старик, калека,
Как бы свой собственный двойник,
Нечеловечески прекрасен
Тогда стоит он; небеса
Над ним разверсты; воздух ясен;
Уж наплывают чудеса.
Таким тогда он будет снова,
Когда воскреснувшую плоть
Решит во славу Бога-Слова
К всебытию призвать Господь.
Волшебница, я не случайно
К следам ступней твоих приник:
Ведь я тебя увидел тайно
В невыразимый этот миг.
Ты розу белую срывала
И наклонялась к розе той,
А небо над тобой сияло,
Твоей залито красотой.

22 февраля 1917

52. КАНЦОНА

В скольких земных океанах я плыл,
Древних, веселых и пенных,
Сколько в степях караванов водил
Дней и ночей несравненных...

Как мы смеялись в былые года
С вольною Музой моею...
Рифмы, как птицы, слетались тогда,
Сколько — и вспомнить не смею.

Только любовь мне осталась, струной
Ангельской арфы взывая,
Душу пронзая, как тонкой иглой,
Синими светами рая.

Ты мне осталась одна. Наяву
Видевший солнце ночное,
Лишь для тебя на земле я живу,
Делаю дело земное.

Да, ты в моей беспокойной судьбе —
Иерусалим пилигримов.
Надо бы мне говорить о тебе
На языке серафимов.

53. ТВОРЧЕСТВО

Моим рожденные словом,
Гиганты пили вино
Всю ночь, и было багровым,
И было страшным оно.

О, если б кровь мою пили,
Я меньше бы изнемог,
И пальцы зари бродили
По мне, когда я прилег.

Проснулся, когда был вечер.
Вставал туман от болот,
Тревожный и теплый ветер
Дышал из южных ворот.

И стало мне вдруг так больно,
Так жалко мне стало дня,
Своею дорогой вольной
Прошедшего без меня...

Умчаться б вдогонку свету!
Но я не в силах порвать
Мою зловещую эту
Ночных видений тетрадь.

54. АКРОСТИХ

Ангел лег у края небосклона.
Наклоняясь, удивлялся безднам.
Новый мир был тихим и беззвездным.
Ад молчал. Не слышалось ни стона.

Алой крови робкое биенье,
Хрупких рук испуг и содроганье,
Миру снов досталось в обладанье
Ангела святое отраженье.

Тесно в мире! Пусть живет, мечтая
О любви, о грусти и о тени,
В сумраке предвечном открывая
Азбуку своих же откровений.

24 марта 1917

55

Перед ночью северной короткой
И за нею — зори словно кровь,
Подошла неслышною походкой,
Посмотрела на меня любовь...

Отравила взглядом и дыханьем,
Слаще роз дыханьем, и ушла
В белый май с его очарованьем,
В лунные слепые зеркала...

У кого я попрошу совета,
Как до легкой осени дожить,
Чтобы это огненное лето
Не могло меня испепелить?

Как теперь молиться буду Богу,
Плача, замирая и горя,
Если я забыл мою дорогу
К каменным стенам монастыря...

Если взоры девушки любимой —
Слаще взоров жителей высот,
Краше горнего Иерусалима
Летний Сад и зелень сонных вод...

56. МУЖИК

В чащах, в болотах огромных,
У оловянной реки,
В срубах мохнатых и темных
Странные есть мужики.

Выйдет такой в бездорожье,
Где разбежался ковыль,
Слушает крики Стрибожьи,
Чуя старинную быль.

С остановившимся взглядом
Здесь проходил печенег...
Сыростью пахнет и гадом
Возле мелеющих рек.

Вот уже он и с котомкой,
Путь оглашая лесной
Песней протяжной, негромкой,
Но озорной, озорной.

Путь этот — светы и мраки,
Посвист разбойный в полях,
Ссоры, кровавые драки
В страшных, как сны, кабаках.

В гордую нашу столицу
Входит он — Боже, спаси! —
Обворожает царицу

Необозримой Руси
Взглядом, улыбкою детской,
Речью такой озорной, —
И на груди молодецкой
Крест просиял золотой.

Как не погнулись — о, горе! —
Как не покинули мест
Крест на Казанском соборе
И на Исакии крест?

Над потрясенной столицей
Выстрелы, крики, набат;
Город ощерился львицей,
Обороняющей львят.

— «Что ж, православные, жгите
Труп мой на темном мосту,
Пепел по ветру пустите...
Кто защитит сироту?

В диком краю и убогом
Много таких мужиков.
Слышен по вашим дорогам
Радостный гул их шагов».

57. ЛЕДОХОД

Уж одевались острова
Весенней зеленью прозрачной,
Но нет, изменчива Нева,
Ей так легко стать снова мрачной.

Взойди на мост, склони свой взгляд:
Там льдины прыгают по льдинам,
Зеленые, как медный яд,
С ужасным шелестом змеиным.

Географу, в час трудных снов,
Такие тяготят сознанье —
Неведомых материков
Мучительные очертанья.

Так пахнут сыростью гриба,
И неуверенно, и слабо,
Те потайные погреба,
Где труп зарыт и бродят жабы.

Река больна, река в бреду.
Одни, уверены в победе,
В зоологическом саду
Довольны белые медведи.

И знают, что один обман —
Их тягостное заточенье:
Сам Ледовитый Океан
Идет на их освобожденье.

58. ОСЕНЬ

Оранжево-красное небо...
Порывистый ветер качает
Кровавую гроздь рябины.
Догоняю бежавшую лошадь
Мимо стекол оранжереи,
Решетки старого парка
И лебединого пруда.
Косматая, рыжая, рядом
Несется моя собака,
Которая мне милее
Даже родного брата,
Которую буду помнить,
Если она издохнет.
Стук копыт участился,
Пыль всё выше.
Трудно преследовать лошадь
Чистой арабской крови.
Придется присесть, пожалуй,
Задохнувшись, на камень
Широкий и плоский,
И удивляться тупо
Оранжево-красному небу,
И тупо слушать
Кричащий пронзительно ветер.

59. ПРИРОДА

Так вот и вся она, природа,
Которой дух не признает,
Вот луг, где сладкий запах меда
Смешался с запахом болот;

Да ветра дикая заплачка,
Как отдаленный вой волков;
Да над сосной курчавой скачка
Каких-то пегих облаков.

Я вижу тени и обличья,
Я вижу, гневом обуян,
Лишь скудное многоразличье
Творцом просыпанных семян.

Земля, к чему шутить со мною:
Одежды нищенские сбрось
И стань, как ты и есть, звездою,
Огнем пронизанной насквозь!

60. ДЕВУШКА

Ты говорил слова пустые,
А девушка и расцвела:
Вот чешет косы золотые,
По-праздничному весела.

Теперь ко всем церковным требам
Молиться ходит о твоем,
Ты стал ей солнцем, стал ей небом,
Ты стал ей ласковым дождем.

Глаза темнеют, чуя грозы,
Неровен вздох ее и част,
Она пока приносит розы,
А захоти — и жизнь отдаст.

61. АННЕ РАДЛОВОЙ

Вы дали мне альбом открытый,
В нем пели струны длинных строк,
Его унес я, и сердитый
В пути защелкнулся замок.
Печальный символ! Я томился,
Я перед ним читал стихи,
Молил, но он не отворился,
Он был безжалостней стихий.
И мне приходится привыкнуть
К сознанью, полному тоски,
Что должен я в него проникнуть,
Как в сердце ваше, — воровски.

Май 1917

62. ШВЕЦИЯ

Страна живительной прохлады
Лесов и гор гудящих, где
Всклокоченные водопады
Ревут, как будто быть беде;

Для нас священная навеки
Страна, ты помнишь ли, скажи,
Тот день, как из Варягов в Греки
Пошли суровые мужи?

Ответь, ужели так и надо,
Чтоб был, свидетель злых обид,
У золотых ворот Царьграда
Забыт Олегов медный щит?

Чтобы в томительные бреды
Опять поникла, как вчера,
Для славы, силы и победы
Тобой подъятая сестра?

И неужель твой ветер свежий
Вотще нам в уши сладко выл,
К Руси славянской, печенежьей
Вотще твой Рюрик приходил?

63. СТОКГОЛЬМ

Зачем он мне снился, смятенный, нестройный,
Рожденный из глуби не наших времен,
Тот сон о Стокгольме, такой беспокойный,
Такой уж почти и не радостный сон...

Быть может, был праздник, не знаю наверно,
Но только всё колокол, колокол звал;
Как мощный орган, потрясенный безмерно,
Весь город молился, гудел, грохотал.

Стоял на горе я, как будто народу
О чем-то хотел проповедовать я,
И видел прозрачную тихую воду,
Окрестные рощи, леса и поля.

«О Боже, — вскричал я в тревоге, — что, если
Страна эта истинно родина мне?
Не здесь ли любил я и умер не здесь ли,
В зеленой и солнечной этой стране?»

И понял, что я заблудился навеки
В слепых переходах пространств и времен,
А где-то струятся родимые реки,
К которым мне путь навсегда запрещен.

64. НОРВЕЖСКИЕ ГОРЫ

Я ничего не понимаю, горы:
Ваш гимн поет кощунство иль псалом,
И вы, смотрясь в холодные озера,
Молитвой заняты иль колдовством?

Здесь с криками чудовищных глумлений,
Как сатана на огненном коне,
Пер Гюнт летал на бешеном олене
По самой неприступной крутизне.

И, царств земных непризнанный наследник,
Единый побежденный до конца,
Не здесь ли Бранд, суровый проповедник,
Сдвигал лавины именем Творца?

А вечный снег и синяя, как чаша
Сапфирная, сокровищница льда!
Страшна земля, такая же, как наша,
Но не рождающая никогда.

И дивны эти неземные лица,
Чьи кудри — снег, чьи очи — дыры в ад,
С чьих щек, изрытых бурями, струится,
Как борода седая, водопад.

65. УТЕШЕНИЕ

Кто лежит в могиле —
Слышит дивный звон,
Самых белых лилий
Чует запах он.

Кто лежит в могиле,
Видит вечный свет,
Серафимских крылий
Переливный снег.

Да, ты умираешь,
Руки холодны,
И сама не знаешь
Неземной весны.

Но идешь ты к раю
По моей мольбе.
Это так, я знаю,
Я клянусь тебе.

66. КУПАНЬЕ

Зеленая вода дрожит легко,
Трава зеленая по склонам,
И молодая девушка в трико
Купальном, ласковом, зеленом;

И в черном я. Так черен только грех,
Зачатый полночью бессонной,
А может быть, и зреющий орех
В соседней заросли зеленой.

Мы вместе плаваем в пруду. Дразня,
Она одна уходит в заводь,
Увы, она искуснее меня,
Я песни петь привык, не плавать!

И вот теперь, покинут и угрюм,
Барахтаясь в пруду зловонном,
Я так грущу, что черный мой костюм
Не поспевает за зеленым,

Что в тайном заговоре все вокруг,
Что солнце светит не звездам, а розам,
И только в сказках счастлив черный жук,
К зеленым сватаясь стрекозам.

67. РЫЦАРЬ СЧАСТЬЯ

Как в этом мире дышится легко!
Скажите мне, кто жизнью недоволен,
Скажите, кто вздыхает глубоко,
Я каждого счастливым сделать волен.

Пусть он придет, я расскажу ему
Про девушку с зелеными глазами,
Про голубую утреннюю тьму,
Пронзенную лучами и стихами.

Пусть он придет! я должен рассказать,
Я должен рассказать опять и снова,
Как сладко жить, как сладко побеждать
Моря и девушек, врагов и слово.

А если все-таки он не поймет,
Мою прекрасную не примет веру
И будет жаловаться в свой черед
На мировую скорбь, на боль — к барьеру!

68. НА СЕВЕРНОМ МОРЕ

О, да, мы из расы
Завоевателей древних,
Взносивших над Северным Морем
Широкий крашеный парус
И прыгавших с длинных стругов
На плоский берег нормандский —
В пределы старинных княжеств
Пожары вносить и смерть.

Уже не одно столетье
Вот так мы бродим по миру,
Мы бродим и трубим в трубы,
Мы бродим и бьем в барабаны:
— Не нужны ли крепкие руки,
Не нужно ли твердое сердце,
И красная кровь не нужна ли
Республике иль королю? —

Эй, мальчик, неси нам
Вина скорее,
Малаги, портвейну,
А главное — виски!
Ну, что там такое:
Подводная лодка,
Плавучая мина?
На это есть моряки!

О, да, мы из расы
Завоевателей древних,
Которым вечно скитаться,
Срываться с высоких башен,
Тонуть в седых океанах
И буйной кровью своею
Поить ненасытных пьяниц —
Железо, сталь и свинец.

Но все-таки песни слагают
Поэты на разных наречьях,
И западных, и восточных,
Но все-таки молят монахи
В Мадриде и на Афоне,
Как свечи горя перед Богом,
Но все-таки женщины грезят —
О нас, и только о нас.

69. ПРАПАМЯТЬ

И вот вся жизнь! Круженье, пенье,
Моря, пустыни, города,
Мелькающее отраженье
Потерянного навсегда.

Бушует пламя, трубят трубы,
И кони рыжие летят,
Потом волнующие губы
О счастье, кажется, твердят.

И вот опять восторг и горе,
Опять, как прежде, как всегда,
Седою гривой машет море,
Встают пустыни, города.

Когда же, наконец, восставши
От сна, я буду снова я, —
Простой индиец, задремавший
В священный вечер у ручья?

70. ПЕСЕНКА

Ты одна благоухаешь,
Ты одна;
Ты проходишь и сияешь,
Как луна.

Вещь, которой ты коснулась,
Вдруг свята,
В ней таинственно проснулась
Красота.

Неужель не бросит каждый
Всех забот,
За тобой со сладкой жаждой
Не пойдет?

В небо, чистое, как горе,
Глаз твоих,
В пену сказочного моря
Рук твоих?

Много женщин есть на свете
И мужчин,
Но пришел к заветной мете
Я один.

71. В БРЕТАНИ

Здравствуй, море! Ты из тех морей,
По которым плавали галеры,
В шелковых кафтанах кавалеры
Покоряли варварских царей.

Только странно, я люблю скорей
Те моря, суровые без меры,
Где акулы, спруты и химеры —
Ужас чернокожих рыбарей.

Те моря... я слушаю их звоны,
Ясно вижу их покров червленый
В душной комнате, в тиши ночной,

В час, когда я — как стрела у лука,
А душа — один восторг и мука
Перед страшной женской красотой.

72. ПРЕДЗНАМЕНОВАНЬЕ

Мы покидали Соуттемптон,
И море было голубым,
Когда же мы пристали к Гавру,
То черным сделалось оно.

Я верю в предзнаменованья,
Как верю в утренние сны.
Господь, помилуй наши души:
Большая нам грозит беда.

73. ХОККУ

Вот девушка с газельими глазами
Выходит замуж за американца.
Зачем Колумб Америку открыл?!

74

Мы в аллеях светлых пролетали,
Мы летели около воды,
Золотые листья опадали
В синие и сонные пруды.

И причуды, и мечты, и думы
Поверяла мне она свои, —
Всё, что может девушка придумать
О еще неведомой любви.

Говорила: «Да, любовь свободна,
И в любви свободен человек,
Только то лишь сердце благородно,
Что умеет полюбить навек».

Я смотрел в глаза ее большие,
И я видел милое лицо
В рамке, где деревья золотые
С водами слились в одно кольцо.

И я думал: «Нет, любовь не это!
Как пожар в лесу, любовь — в судьбе,
Потому что даже без ответа
Я отныне обречен тебе».

75

Из букета целого сирени
Мне досталась лишь одна сирень,
И всю ночь я думал об Елене,
А потом томился целый день.

Всё казалось мне, что в белой пене
Исчезает милая земля,
Расцветают влажные сирени,
За кормой большого корабля.

И за огненными небесами
Обо мне задумалась она,
Девушка с газельими глазами
Моего любимейшего сна.

Сердце прыгало, как детский мячик,
Я, как брату, верил кораблю,
Оттого что мне нельзя иначе,
Оттого что я ее люблю.

76. РОЗА

Цветов и песен благодатный хмель
Нам запрещен, как ветхие мечтанья.
Лишь девственные наименованья
Поэтам разрешаются отсель.

Но роза, принесенная в отель,
Забытая нарочно в час прощанья
На томике старинного изданья
Канцон, которые слагал Рюдель, —

Ее ведь смею я почтить сонетом:
Мне книга скажет, что любовь одна
В тринадцатом столетии, как в этом,

Печальней смерти и пьяней вина,
И, бархатные лепестки целуя,
Быть может, преступленья не свершу я?

77

Вероятно, в жизни предыдущей
Я зарезал и отца и мать,
Если в этой — Боже присносущий! —
Так позорно осужден страдать.

Каждый день мой, как мертвец, спокойный,
Все дела чужие, не мои,
Лишь томленье вовсе недостойной,
Вовсе платонической любви.

Ах, бежать бы, скрыться бы, как вору,
В Африку, как прежде, как тогда,
Лечь под царственную сикомору
И не подыматься никогда.

Бархатом меня покроет вечер,
А луна оденет в серебро,
И быть может не припомнит ветер,
Что когда-то я служил в бюро.

78

Пролетала золотая ночь
И на миг замедлила в пути,
Мне, как другу, захотев помочь,
Ваши письма думала найти —

Те, что Вы не написали мне...
А потом присела на кровать
И сказала: «Знаешь, в тишине
Хорошо бывает помечтать!

Та, другая, вероятно, зла,
Ей с тобой встречаться даже лень,
Полюби меня, ведь я светла,
Так светла, что не светлей и день.

Много расцветает черных роз
В потайных колодцах у меня,
Словно крылья пламенных стрекоз,
Пляшут искры синего огня.

Тот же пламень и в глазах твоих
В миг, когда ты думаешь о ней,
Для тебя сдержу я вороных
Неподатливых моих коней».

Ночь, молю, не мучь меня! Мой рок
Слишком и без этого тяжел,
Неужели, если бы я мог,
От нее давно б я не ушел?
Смертной скорбью я теперь скорблю,
Но какой я дам тебе ответ,
Прежде чем ей не скажу «люблю»
И она мне не ответит «нет».

79. ТЕЛЕФОН

Неожиданный и смелый
Женский голос в телефоне, —
Сколько сладостных гармоний
В этом голосе без тела!

Счастье, шаг твой благосклонный
Не всегда проходит мимо:
Звонче лютни серафима
Ты и в трубке телефонной!

80

Я вырван был из жизни тесной,
Из жизни скудной и простой
Твоей мучительной, чудесной,
Неотвратимой красотой.

И умер я... и видел пламя,
Не виданное никогда:
Пред ослепленными глазами
Светилась синяя звезда.

Преображая дух и тело,
Напев вставал и падал вновь.
То говорила и звенела
Твоя поющей лютней кровь.

И запах огненней и слаще
Всего, что в жизни я найду,
И даже лилии, стоящей
В высоком ангельском саду.

И вдруг из глуби осиянной
Возник обратно мир земной,
Ты птицей раненой нежданно
Затрепетала предо мной.

Ты повторяла: «Я страдаю», —
Но что же делать мне, когда
Я наконец так сладко знаю,
Что ты — лишь синяя звезда.

81. САМОФРАКИЙСКАЯ ПОБЕДА

В час моего ночного бреда
Ты возникаешь пред глазами —
Самофракийская Победа
С простертыми вперед руками.

Спугнув безмолвие ночное,
Рождает головокруженье
Твое крылатое, слепое,
Неудержимое стремленье.

В твоем безумно-светлом взгляде
Смеется что-то, пламенея,
И наши тени мчатся сзади,
Поспеть за нами не умея.

82. Я И ВЫ

Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришел из иной страны,
И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны.

Не по залам и по салонам
Темным платьям и пиджакам —
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам.

Я люблю — как араб в пустыне
Припадает к воде и пьет,
А не рыцарем на картине,
Что на звезды смотрит и ждет.

И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще,

Чтоб войти не во всем открытый,
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: вставай!

83

Дремала душа, как слепая,
Так пыльные спят зеркала,
Но солнечным облаком рая
Ты в темное сердце вошла.

Не знал я, что в сердце так много
Созвездий слепящих таких,
Чтоб вымолить счастье у Бога
Для глаз говорящих твоих.

Не знал я, что в сердце так много
Созвучий звенящих таких,
Чтоб вымолить счастье у Бога
Для губ полудетских твоих.

И рад я, что сердце богато,
Ведь тело твое из огня,
Душа твоя дивно крылата,
Певучая ты для меня.

84

Лишь черный бархат, на котором
Забыт сияющий алмаз,
Сумею я сравнить со взором
Ее почти поющих глаз.

Ее фарфоровое тело
Томит неясной белизной,
Как лепесток сирени белой
Под умирающей луной.

Пусть руки нежно-восковые,
Но кровь в них так же горяча,
Как перед образом Марии
Неугасимая свеча.

И вся она легка, как птица
Осенней ясною порой,
Уже готовая проститься
С печальной северной страной.

85

Много есть людей, что, полюбив,
Мудрые, дома себе возводят,
Возле их благословенных нив
Дети резвые за стадом бродят.

А другим — жестокая любовь,
Горькие ответы и вопросы,
С желчью смешана, кричит их кровь,
Слух их жалят злобным звоном осы.

А иные любят, как поют,
Как поют, и дивно торжествуют,
В сказочный скрываются приют;
А иные любят, как танцуют.

Как ты любишь, девушка, ответь,
По каким тоскуешь ты истомам?
Неужель ты можешь не гореть
Тайным пламенем, тебе знакомым?

Если ты могла явиться мне
Молнией слепительной Господней
И отныне я горю в огне,
Вставшем до небес из преисподней.

86. КАНЦОНА

Храм Твой, Господи, в небесах,
Но земля тоже Твой приют.
Расцветают липы в лесах,
И на липах птицы поют.

Точно благовест Твой, весна
По веселым идет полям,
А весною на крыльях сна
Прилетают ангелы к нам.

Если, Господи, это так,
Если праведно я пою,
Дай мне, Господи, дай мне знак,
Что я волю понял Твою.

Перед той, что сейчас грустна,
Появись, как Незримый Свет,
И на всё, что спросит она,
Ослепительный дай ответ.

Ведь отрадней пения птиц,
Благодатней ангельских труб
Нам дрожанье милых ресниц
И улыбка любимых губ.

87

Мой альбом, где страсть сквозит без меры
В каждой мной отточенной строфе,
Дивным покровительством Венеры
Спасся он от ауто-да-фэ.

И потом — да славится наука! —
Будет в библиотеке стоять
Вашего расчетливого внука
В год две тысячи и двадцать пять.

Но американец длинноносый
Променяет Фриско на Тамбов,
Сердцем вспомнив русские березы,
Звон малиновый колоколов.

Гостем явит он себя достойным
И, узнав, что был такой поэт,
Мой (и Ваш) альбом с письмом пристойным
Он отправит в университет.

Мой биограф будет очень счастлив,
Будет удивляться два часа,
Как осел, перед которым в ясли
Свежего насыпали овса.

Вот и монография готова,
Фолиант почтенной толщины:
«О любви несчастной Гумилева
В год четвертый мировой войны».

И когда тогдашние Лигейи,
С взорами, где ангелы живут,
Со щеками лепестка свежее,
Прочитают сей почтенный труд,

Каждая подумает уныло,
Легкого презренья не тая:
«Я б американца не любила,
А любила бы поэта я».

88

Об озерах, о павлинах белых,
О закатно-лунных вечерах
Вы мне говорили, о несмелых
И пророческих своих мечтах.

Словно нежная Шахерезада
Завела магический рассказ,
И казалось, ничего не надо,
Кроме этих озаренных глаз.

А потом в смятеньи <...> туманных
Мне, кто был на миг Ваш господин,
Дали два цветка благоуханных,
Из которых я унес один.

89

Однообразные мелькают
Все с той же болью дни мои,
Как будто розы опадают
И умирают соловьи.

Но и она печальна тоже,
Мне приказавшая любовь,
И под ее атласной кожей
Бежит отравленная кровь.

И если я живу на свете,
То лишь из-за одной мечты:
Мы оба, как слепые дети,
Пойдем на горные хребты,

Туда, где бродят только козы,
В мир самых белых облаков,
Искать увянувшие розы
И слушать мертвых соловьев.

90

В этот мой благословенный вечер
Собрались ко мне мои друзья,
Все, которых я очеловечил,
Выведя их из небытия.

Гондла разговаривал с Гафизом
О любви Гафиза и своей,
И над ним склонялись по карнизам
Головы волков и лебедей.

Муза Дальних Странствий обнимала
Зою, как сестру свою, теперь,
И лизал им ноги небывалый,
Золотой и шестикрылый зверь.

Мик с Луи подсели к капитанам,
Чтоб послушать о морских делах,
И перед любезным Дон Жуаном
Фанни сладкий чувствовала страх.

И по стенам начинались танцы,
Двигались фигуры на холстах,
Обезумели камбоджианцы
На конях и боевых слонах.

Заливались вышитые птицы,
А дракон плясал уже без сил,
Даже Будда начал шевелиться
И понюхать розу попросил.

И светились звезды золотые,
Приглашенные на торжество,
Словно апельсины восковые,
Те, что подают на Рождество.

«Тише крики, смолкните напевы! —
Я вскричал. — И будем все грустны,
Потому что с нами нету девы,
Для которой все мы рождены».

И пошли мы, пара вслед за парой,
Словно фантастический эстамп,
Через переулки и бульвары
К тупику близ улицы Декамп.

Неужели мы Вам не приснились,
Милая с таким печальным ртом,
Мы, которые всю ночь толпились
Перед занавешенным окном.

91

Еще не раз Вы вспомните меня
И весь мой мир, волнующий и странный,
Нелепый мир из песен и огня,
Но меж других единый необманный.

Он мог стать Вашим тоже и не стал,
Его Вам было мало или много,
Должно быть, плохо я стихи писал
И Вас неправедно просил у Бога.

Но каждый раз Вы склонитесь без сил
И скажете: «Я вспоминать не смею,
Ведь мир иной меня обворожил
Простой и грубой прелестью своею».

92

Так долго сердце боролось,
Слипались усталые веки,
Я думал, пропал мой голос,
Мой звонкий голос навеки.

Но вы мне его возвратили,
Он вновь мое достоянье,
Вновь в памяти белых лилий
И синих миров сверканье.

Мне ведомы все дороги
На этой земле привольной...
Но ваши милые ноги
В крови, и вам бегать больно.

Какой-то маятник злобный
Владеет нашей судьбою,
Он ходит, мечу подобный,
Меж радостью и тоскою.

Тот миг, что я песнью своею
Доволен, — для Вас мученье...
Вам весело — я жалею
О дне моего рожденья.

93

Отвечай мне, картонажный мастер,
Что ты думал, делая альбом
Для стихов о самой нежной страсти
Толщиною в настоящий том?

Картонажный мастер, глупый, глупый,
Видишь, кончилась моя страда,
Губы милой были слишком скупы,
Сердце не дрожало никогда.

Страсть пропела песней лебединой,
Никогда ей не запеть опять,
Так же как и женщине с мужчиной
Никогда друг друга не понять.

Но поет мне голос настоящий,
Голос жизни, близкой для меня,
Звонкий, словно водопад гремящий,
Словно гул растущего огня:

«В этом мире есть большие звезды,
В этом мире есть моря и горы,
Здесь любила Беатриче Данта,
Здесь ахейцы разорили Трою!
Если ты теперь же не забудешь
Девушку с огромными глазами,
Девушку с искусными речами,
Девушку, которой ты не нужен,
То и жить ты, значит, недостоин».

94

На путях зеленых и земных
Горько счастлив темной я судьбою.
А стихи? Ведь ты мне шепчешь их,
Тайно наклоняясь надо мною.

Ты была безумием моим
Или дивной мудростью моею,
Так когда-то грозный серафим
Говорил тоскующему змею:

«Тьмы тысячелетий протекут,
И ты будешь биться в клетке тесной,
Прежде чем настанет Страшный Суд,
Сын придет и Дух придет Небесный.

Это выше нас, и лишь когда
Протекут назначенные сроки,
Утренняя грешная звезда,
Ты придешь к нам, брат печальноокий.

Нежный брат мой, вновь крылатый брат,
Бывший то властителем, то нищим,
За стенами рая новый сад,
Лучший сад с тобою мы отыщем.

Там, где плещет сладкая вода,
Вновь соединим мы наши руки,
Утренняя, милая звезда,
Мы не вспомним о былой разлуке».

95

Временами, не справясь с тоскою
И не в силах смотреть и дышать,
Я, глаза закрывая рукою,
О тебе начинаю мечтать.

Не о девушке тонкой и томной,
Как тебя увидали бы все,
А о девочке тихой и скромной,
Наклоненной над книжкой Мюссе.

День, когда ты узнала впервые,
Что есть Индия, чудо чудес,
Что есть тигры и пальмы святые —
Для меня этот день не исчез.

Иногда ты смотрела на море,
И над морем сбиралась гроза.
И совсем настоящее горе
Наполняло слезами глаза.

Почему по прибрежьям безмолвным
Не взноситься дворцам золотым?
Почему по светящимся волнам
Не приходит к тебе серафим?

И я знаю, что в детской постели
Не спалось вечерами тебе,

Сердце билось, и взоры блестели,
О большой ты мечтала судьбе.
Утонув с головой в одеяле,
Ты хотела быть солнца светлей,
Чтобы люди тебя называли
Счастьем, лучшей надеждой своей.

Этот мир не слукавил с тобою,
Ты внезапно прорезала тьму,
Ты явилась слепящей звездою,
Но не всем, только мне одному.

И теперь ты не та, ты забыла
Всё, чем прежде ты вздумала стать...
Где надежда? Весь мир — как могила.
Счастье где? Я не в силах дышать.

И, таинственный твой собеседник,
Вот, я душу мою отдаю
За твой маленький смятый передник,
За разбитую куклу твою.

96. ЭЗБЕКИЕ

Как странно — ровно десять лет прошло
С тех пор, как я увидел Эзбекие,
Большой каирский сад, луною полной
Торжественно в тот вечер освещенный.

Я женщиною был тогда измучен,
И ни соленый, свежий ветер моря,
Ни грохот экзотических базаров,
Ничто меня утешить не могло.
О смерти я тогда молился Богу
И сам ее приблизить был готов.

Но этот сад, он был во всем подобен
Священным рощам молодого мира:
Там пальмы тонкие взносили ветви,
Как девушки, к которым Бог нисходит;
На холмах, словно вещие друиды,
Толпились величавые платаны,

И водопад белел во мраке, точно
Встающий на дыбы единорог;
Ночные бабочки перелетали
Среди цветов, поднявшихся высоко,
Иль между звезд, — так низко были звезды,
Похожие на спелый барбарис.

И, помню, я воскликнул: «Выше горя
И глубже смерти — жизнь! Прими, Господь,

Обет мой вольный: что бы ни случилось,
Какие бы печали, униженья
Ни выпали на долю мне, не раньше
Задумаюсь о легкой смерти я,
Чем вновь войду такой же лунной ночью
Под пальмы и платаны Эзбекие».

Как странно — ровно десять лет прошло,
И не могу не думать я о пальмах,
И о платанах, и о водопаде,
Во мгле белевшем, как единорог.
И вдруг оглядываюсь я, заслыша
В гуденьи ветра, в шуме дальней речи
И в ужасающем молчаньи ночи
Таинственное слово — Эзбекие.

Да, только десять лет, но, хмурый странник,
Я снова должен ехать, должен видеть
Моря, и тучи, и чужие лица,
Всё, что меня уже не обольщает,
Войти в тот сад и повторить обет
Или сказать, что я его исполнил
И что теперь свободен...

97

За службу верную мою
Пред родиной и комиссаром
Судьба грозит мне, не таю,
Совсем неслыханным ударом.

Должна комиссия решить,
Что ждет меня — восторг иль горе:
В какой мне подобает быть
Из трех фатальных категорий.

Коль в первой — значит, суждено:
Я кров приветный сей покину
И перееду в Camp Cournos
Или в мятежную Куртину.

А во второй — я к Вам приду —
Пустите в ход свое влиянье:
Я в авиации найду
Меня достойное призванье.

Мне будет сладко в вышине,
Там воздух чище и морозней,
Оттуда не увидеть мне
Контрреволюционных козней.

Но если б рок меня хранил
И оказался бы я в третьей,
То я останусь, где я был,
А вы стихи порвите эти.

98

Я говорил — ты хочешь, хочешь?
Могу я быть тобой любим?
Ты счастье странное пророчишь
Гортанным голосом твоим.

А я плачу за счастье много,
Мой дом — из звезд и песен дом,
И будет сладкая тревога
Расти при имени твоем.

«И скажут — что он? Только скрипка,
Покорно плачущая, он,
Ее единая улыбка
Рождает этот дивный звон.

И скажут — то луна и море,
Двояко отраженный свет —
И после — о, какое горе,
Что женщины такой же нет!»

Но, не ответив мне ни слова,
Она задумчиво прошла,
Она не сделала мне злого,
И жизнь по-прежнему светла.

Ко мне нисходят серафимы,
Пою я полночи и дню,
Но вместо женщины любимой
Цветок засушенный храню.

99

Я, что мог быть лучшей из поэм,
Звонкой скрипкой или розой белою,
В этом мире сделался ничем,
Вот живу и ничего не делаю.

Часто больно мне и трудно мне,
Только даже боль моя какая-то,
Не ездок на огненном коне,
А томленье и пустая маята.

Ничего я в жизни не пойму,
Лишь шепчу: «Пусть плохо мне приходится,
Было хуже Богу моему,
И больнее было Богородице».

100. ДВА АДАМА

Мне странно сочетанье слов — «я сам»,
Есть внешний, есть и внутренний Адам.

Стихи слагая о любви нездешней,
За женщиной ухаживает внешний.

А внутренний, как враг, следит за ним,
Унылой злобою всегда томим.

И если внешний хитрыми речами,
Улыбкой нежной, нежными очами

Сумеет женщину приворожить,
То внутренний кричит: «Тому не быть!

Не знаешь разве ты, как небо сине,
Как веселы широкие пустыни

И что другая, дивно полюбя,
На ангельских тропинках ждет тебя?»

Но если внешнего напрасны речи
И женщина с ним избегает встречи,

Не хочет ни стихов его, ни глаз —
В безумье внутренний: «Ведь в первый раз

Мы повстречали ту, что нас обоих
В небесных приютила бы покоях.
Ах ты ворона!» Так среди равнин
Бредут, бранясь, Пьеро и Арлекин.

101. РАССЫПАЮЩАЯ ЗВЕЗДЫ

Не всегда чужда ты и горда
И меня не хочешь не всегда, —

Тихо, тихо, нежно, как во сне,
Иногда приходишь ты ко мне.

Надо лбом твоим густая прядь,
Мне нельзя ее поцеловать,

И глаза большие зажжены
Светами магической луны.

Нежный друг мой, беспощадный враг,
Так благословен твой каждый шаг,

Словно по сердцу ступаешь ты,
Рассыпая звезды и цветы.

Я не знаю, где ты их взяла,
Только отчего ты так светла

И тому, кто мог с тобой побыть,
На земле уж нечего любить?

102

Ты не могла иль не хотела
Мою почувствовать истому,
Твое дурманящее тело
И сердце бережешь другому.

Зато, когда перед бедою
Я обессилю, стиснув зубы,
Ты не придешь смочить водою
Мои запекшиеся губы.

В часы последнего усилья,
Когда и ангелы заблещут,
Твои сияющие крылья
Передо мной не затрепещут.

И ввстречу радостной победе
Мое ликующее знамя
Ты не поднимешь в реве меди
Своими нежными руками.

И ты меня забудешь скоро,
И я не стану думать, вольный,
О милой девочке, с которой
Мне было нестерпимо больно.

103

Нежно-небывалая отрада
Прикоснулась к моему плечу,
И теперь мне ничего не надо,
Ни тебя, ни счастья не хочу.

Лишь одно бы принял я не споря —
Тихий, тихий золотой покой
Да двенадцать тысяч футов моря
Над моей пробитой головой.

Что же думать, как бы сладко нежил
Тот покой и вечный гул томил,
Если б только никогда я не жил,
Никогда не пел и не любил.

104. О ТЕБЕ

О тебе, о тебе, о тебе,
Ничего, ничего обо мне!
В человеческой темной судьбе
Ты — крылатый призыв к вышине.

Благородное сердце твое —
Словно герб отошедших времен.
Освящается им бытие
Всех земных, всех бескрылых племен.

Если звезды, ясны и горды,
Отвернутся от нашей земли,
У нее есть две лучших звезды:
Это — смелые очи твои.

И когда золотой серафим
Протрубит, что исполнился срок,
Мы поднимем тогда перед ним,
Как защиту, твой белый платок.

Звук замрет в задрожавшей трубе,
Серафим пропадет в вышине...
...О тебе, о тебе, о тебе,
Ничего, ничего обо мне!

105. АНГЕЛ БОЛИ

Праведны пути твои, царица,
По которым ты ведешь меня,
Только сердце бьется, словно птица,
Страшно мне от синего огня.

С той поры, как я еще ребенком,
Стоя в церкви, сладко трепетал
Перед профилем девичьим, тонким,
Пел псалмы, молился и мечтал,

И до сей поры, когда во храме
Всемогущей памяти моей
Светят освященными свечами
Столько губ манящих и очей,

Не знавал я ни такого гнета,
Ни такого сладкого огня,
Словно обо мне ты знаешь что-то,
Что навек сокрыто от меня.

Ты пришла ко мне, как ангел боли,
В блеске необорной красоты,
Ты дала неволю слаще воли,
Смертной скорбью истомила... ты

Рассказала о своей печали,
Подарила белую сирень,
И за то стихи мои звучали,

Пели о тебе и ночь и день.
Пусть же сердце бьется, словно птица,
Пусть уж смерть ко мне нисходит... Ах,
Сохрани меня, моя царица,
В ослепительных таких цепях.

106. КАНЦОНА

Как тихо стало в природе,
Вся — зренье она, вся — слух,
К последней страшной свободе
Склонился уже наш дух.

Земля забудет обиды
Всех воинов, всех купцов,
И будут, как встарь, друиды
Учить с зеленых холмов.

И будут, как встарь, поэты
Вести сердца к высоте,
Как ангел водит кометы
К неведомой им мете.

Тогда я воскликну: «Где же
Ты, созданная из огня?
Ты видишь, взоры всё те же,
Всё та же песнь у меня.

Делюсь я с тобою властью,
Слуга твоей красоты,
За то, что полное счастье,
Последнее счастье — ты!»

107

Неизгладимый, нет, в моей судьбе
Твой детский рот и смелый взор девический,
Вот почему, мечтая о тебе,
Я говорю и думаю ритмически.

Я чувствую огромные моря,
Колеблемые лунным притяженьем,
И сонмы звезд, что движутся горя,
От века предназначенным движеньем.

О, если б ты всегда была со мной,
Улыбчиво-благая, настоящая,
На звезды я бы мог ступить ногой
И солнце б целовал в уста горящие.

108. ГОНЧАРОВА И ЛАРИОНОВ

Пантум

Восток и нежный, и блестящий
В себе открыла Гончарова,
Величье жизни настоящей
У Ларионова сурово.

В себе открыла Гончарова
Павлиньих красок бред и пенье,
У Ларионова сурово
Железного огня круженье.

Павлиньих красок бред и пенье
От Индии до Византии,
Железного огня круженье —
Вой покоряемой стихии.

От Индии до Византии
Кто дремлет, если не Россия?
Вой покоряемой стихии —
Не обновленная ль стихия?

Кто дремлет, если не Россия?
Кто видит сон Христа и Будды?
Не обновленная ль стихия —
Снопы лучей и камней груды?

Кто видит сон Христа и Будды,
Тот стал на сказочные тропы.
Снопы лучей и камней груды —
О, как хохочут рудокопы!

Тот встал на сказочные тропы
В персидских, милых миньятюрах.
О, как хохочут рудокопы
Везде, в полях и шахтах хмурых.

В персидских, милых миньятюрах
Величье жизни настоящей.
Везде, в полях и шахтах хмурых,
Восток и нежный, и блестящий.

1918

109

Вдали от бранного огня
Вы видите, как я тоскую.
Мне надобно судьбу иную —
Пустите в Персию меня!
Наш комиссариат закрылся,
Я таю, сохну день от дня,
Взгляните, как я истомился, —
Пустите в Персию меня!
На все мои вопросы: «Хуя!» —
Вы отвечаете, дразня,
Но я Вас, право, поцелую,
Коль пустят в Персию меня.

110. ДВА СНА

Китайская поэма

I

Весь двор усыпан был песком,
Цветами редкостными вышит,
За ним сиял высокий дом
Своей эмалевою крышей.

А за стеной из тростника,
Работы тщательной и тонкой,
Шумела Желтая река
И пели лодочники звонко.

Лай-Це ступила на песок,
Обвороженная сияньем,
В лицо ей веял ветерок
Неведомым благоуханьем,

Как будто первый раз на свет
Она взглянула, веял ветер,
Хотя уж целых десять лет
Она жила на этом свете.

И благонравное дитя
Ступало тихо, как во храме,
Совсем неслышно шелестя
Кроваво-красными шелками.

Когда, как будто донесен
Из-под земли, раздался рокот,
Старинный бронзовый дракон
Ворчал на каменных воротах:

«Я пять столетий здесь стою,
А простою еще и десять,
Судьбу тревожную мою
Как следует мне надо взвесить.

Одни и те же на крыльце
Китаечки и китайчонки,
Я помню бабушку Лай-Це,
Когда она была девчонкой.

Одной приснится страшный сон,
Другая влюбится в поэта,
А я, семейный их дракон,
Я должен отвечать за это?»

Его огромные усы
Торчали, тучу разрезая,
Две тоненькие стрекозы
На них сидели, отдыхая.

Он смолк, заслыша тихий зов,
Лай-Це умильные моленья:
«Из персиковых лепестков
Пусть нынче мне дадут варенья!

Пусть в куче розовых камней
Я камень с дырочкой отрою,
И пусть придет ко мне Тен-Вей
Играть до вечера со мною!»

При посторонних не любил
Произносить дракон ни слова,
А в это время подходил
К ним мальчуган большеголовый.

С Лай-Це играл он, их дворцы
Стояли средь одной долины,
И были дружны их отцы,
Ученейшие мандарины.

Дракон немедленно забыт,
Лай-Це помчалась за Тен-Веем,
Туда, где озеро блестит,
Павлины ходят по аллеям,

А в павильонах из стекла,
Кругом обсаженных цветами,
Собачек жирных для стола
Откармливают пирожками.

«Скорей, скорей, — кричал Тен-Вей, —
За садом в подземельи хмуром
Посажен связанный злодей,
За дерзость прозванный Манчжуром.

Китай хотел он разорить,
Но оказался между пленных,
Я должен с ним поговорить
О приключениях военных».

Пред ними старый водоем,
А из него, как два алмаза,
Сияют сумрачным огнем
Два кровью налитые глаза.

В широкой рыжей бороде
Шнурками пряди перевиты,
По пояс погружен в воде,
Сидел разбойник знаменитый.

Он крикнул: «Горе, горе всем!
Не посадить меня им на кол,
А эту девочку я съем,
Чтобы отец ее поплакал!»

Тен-Вей, стоявший впереди,
Высоко поднял меч картонный:
«А если так, то выходи
Ко мне, грабитель потаенный!

Борись со мною грудь на грудь,
Увидишь, как тебя я кину!»
И хочет дверь он отомкнуть,
Задвижку хочет отодвинуть.

На отвратительном лице
Манчжура радость засияла,
Оцепенелая Лай-Це
Молчит — лишь миг, и всё пропало.

И вдруг испуганный Тен-Вей
Схватился за уши руками...
Кто дернул их? Его ушей
Не драть так сильно даже маме.

А две большие полосы
Дрожали в зелени газона,
То тень отбросили усы
Назад летящего дракона.

А дома в этот миг за стол
Садятся оба мандарина
И между них старик, посол
Из отдаленного Тонкина.

Из ста семидесяти блюд
Обед закончен, и беседу
Изящную друзья ведут,
Как дополнение к обеду.

Слуга приводит к ним детей,
Лай-Це с поклоном исчезает,
Но успокоенный Тен-Вей
Стихи старинные читает.

И гости по доске стола
Их такт отстукивают сами
Блестящими, как зеркала,
Полуаршинными ногтями.

Стихи, прочитанные Тен-Веем

Луна уже покинула утесы,
Прозрачным море золотом полно,
И пьют друзья на лодке остроносой,
Не торопясь, горячее вино.

Смотря, как тучи легкие проходят
Сквозь лунный столб, что в море отражен,
Одни из них мечтательно находят,
Что это поезд богдыханских жен;
Другие верят — это к рощам рая

Уходят тени набожных людей;
А третьи с ними спорят, утверждая,
Что это караваны лебедей.

Тей-Вей окончил, и посол
Уж рот раскрыл, готов к вопросу,
Когда ударили о стол
Цветок, в его вплетенный косу.

С недоуменьем на лице
Он обернулся: приседая,
Смеется перед ним Лай-Це,
Легка, как серна молодая.

«Я не могу читать стихов,
Но вас порадовать хотела
И самый яркий из цветов
Вплела вам в косу, как умела».

Отец молчит, смущен и зол
На шалость дочки темнокудрой,
Но улыбается посол
Улыбкой ясною и мудрой.

«Здесь, в мире горестей и бед,
В наш век и войн и революций,
Милей забав ребячьих — нет,
Нет глубже — так учил Конфуций».

111

Среди бесчисленных светил
Я вольно выбрал мир наш строгий
И в этом мире полюбил
Одни веселые дороги.

Когда внезапная тоска
Мне тайно в душу проберется,
Я вглядываюсь в облака,
Пока душа не улыбнется.

И если мне порою сон
О милой родине приснится,
Я непритворно удивлен,
Что сердце начинает биться.

Ведь это было так давно
И где-то там, за небесами.
Куда мне плыть — не всё ль равно,
И под какими парусами?

112

Ты пожалела, ты простила
И даже руку подала мне,
Когда в душе, где смерть бродила,
И камня не было на камне.

Так победитель благородный
Предоставляет без сомненья
Тому, что был сейчас свободный,
И жизнь и даже часть именья.

Всё, что бессонными ночами
Из тьмы души я вызвал к свету,
Всё, что даровано богами
Мне, воину, и мне, поэту,

Всё, пред твоей склоняясь властью,
Всё дам и ничего не скрою
За ослепительное счастье
Хоть иногда побыть с тобою.

Лишь песен не проси ты милых,
Таких, как я слагал когда-то,
Ты знаешь, я и петь не в силах
Скрипучим голосом кастрата.

Не накажи меня за эти
Слова, не ввергни снова в бездну, —
Когда-нибудь при лунном свете,
Раб истомленный, я исчезну.
Я побегу в пустынном поле
Через канавы и заборы,
Забыв себя и ужас боли,
И все условья, договоры.

И не узнаешь никогда ты,
Чтоб в сердце не вошла тревога,
В какой болотине проклятой
Моя окончилась дорога.

113. ПРИГЛАШЕНИЕ В ПУТЕШЕСТВИЕ

Уедем, бросим край докучный
И каменные города,
Где Вам и холодно, и скучно,
И даже страшно иногда.

Нежней цветы и звезды ярче
В стране, где светит Южный Крест,
В стране богатой, словно ларчик
Для очарованных невест.

Мы дом построим выше ели,
Мы камнем выложим углы
И красным деревом панели,
А палисандровым полы.

И средь разбросанных тропинок
В огромном розовом саду
Мерцанье будет пестрых спинок
Жуков, похожих на звезду.

Уедем! Разве Вам не надо
В тот час, как солнце поднялось,
Услышать страшные баллады,
Рассказы абиссинских роз:

О древних сказочных царицах,
О львах в короне из цветов,
О черных ангелах, о птицах,
Что гнезда вьют средь облаков.

Найдем мы старого араба,
Читающего нараспев
Стих про Рустема и Зораба
Или про занзибарских дев.

Когда же нам наскучат сказки,
Двенадцать стройных негритят
Закружатся пред нами в пляске
И отдохнуть не захотят.

И будут приезжать к нам в гости,
Когда весной пойдут дожди,
В уборах из слоновой кости
Великолепные вожди.

В горах, где весело, где ветры
Кричат, рубить я стану лес,
Смолою пахнущие кедры,
Платан, встающий до небес.

Я буду изменять движенье
Рек, льющихся по крутизне,
Указывая им служенье,
Угодное отныне мне.

А Вы, Вы будете с цветами,
И я Вам подарю газель
С такими нежными глазами,
Что кажется, поет свирель;

Иль птицу райскую, что краше
И огненных зарниц, и роз,
Порхать над темно-русой Вашей
Чудесной шапочкой волос.

Когда же Смерть, грустя немного,
Скользя по роковой меже,
Войдет и станет у порога,
Мы скажем Смерти: «Как, уже?»

И, не тоскуя, не мечтая,
Пойдем в высокий Божий рай,
С улыбкой ясной узнавая
Повсюду нам знакомый край.

114. ФРАНЦИИ

Франция, на лик твой просветленный
Я еще, еще раз обернусь
И как в омут погружусь бездонный
В дикую мою, родную Русь.

Ты была ей дивною мечтою,
Солнцем стольких несравненных лет,
Но назвать тебя своей сестрою,
Вижу, вижу, было ей не след.

Только небо в заревых багрянцах
Отразило пролитую кровь,
Как во всех твоих республиканцах
Пробудилось рыцарское вновь.

Вышли, кто за что: один — чтоб в море
Флаг трехцветный вольно пробегал,
А другой — за дом на косогоре,
Где еще ребенком он играл;

Тот — чтоб милой в память их разлуки
Принести «Почетный легион»,
Этот — так себе, почти от скуки,
И средь них отважнейшим был он!

Мы сбирались там, поклоны клали,
Ангелы нам пели с высоты,
А бежали — женщин обижали,

Пропивали ружья и кресты.
Ты прости нам, смрадным и незрячим,
До конца униженным, прости!
Мы лежим на гноище и плачем,
Не желая божьего пути.

В каждом, словно саблей исполина,
Надвое душа рассечена,
В каждом дьявольская половина
Радуется, что она сильна.

Вот ты кличешь: «Где сестра Россия,
Где она, любимая всегда?»
Посмотри наверх: в созвездьи Змия
Загорелась новая звезда.

Стихотворения, приписываемые Гумилеву

115

Первый гам и вой локомобилей...
Дверь в вигвам мы войлоком обили...

116

Некто некогда нечто негде узрел...

117. НА ДОБРУЮ ПАМЯТЬ

После долгих сонных дней
Солнце и письмо любовное,
После стольких дней-теней
Снова время баснословное.

Я, как первый человек,
А она, как Ева, кроткая,
Дразнит выгибами век
И медлительной походкой.

Все другие для меня
Точно звери бессловесные,
Я дарю им имена
Золотые и телесные.

Но, как истинный Адам
(Только зная всё заранее),
Я тоскую по плодам
Сладким — с дерева познания.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

В данном разделе помещаются все варианты стихотворных произведений Гумилева, зафиксированные по его прижизненным публикациям и сохранившимся автографам.

Варианты приводятся согласно порядку стихов в основном тексте произведения. Под номерами строк (или строф) в левой колонке указывается источник варианта, оговоренный в комментариях. Если он не указан, это означает, что источник тот же, что и для предыдущего варианта.

Если текст ранней редакции коренным образом отличается от окончательного, он воспроизводится целиком. Авторская орфография не исправляется. Первоначальный слой автографов, как правило, указывается в соответствующем разделе комментария.

1

6
автограф 1

Наполнит душу он, дразня,

вместо 5 — 12
автограф 2

Всю эту жизнь многообразную
Не помышляя об иной,
Я как великий праздник праздную,
Как нектар, воздух пью земной.

17 — 20

И Судия, с лазури пламенной
Диктующий нам свой закон,
Признает, верую, что правильно
Мой путь был мною совершен

3

загл.
Колчан

ДВА ОТРЫВКА

подзагол.

Из абиссинской поэмы

др. ред. фрагментов
IV и VII глав

1

...Они бежали до утра,
А на день спрятались в кустах.

И хороша была нора
В благоухающих цветах.
Они боялись: их найдут!
Кругом сновал веселый люд,
Рабы, монахи, иногда
На белых мулах господа,
Купцы из дальней стороны
И в пестрых тряпках колдуны;
Поклонннк дьявола порой
С опущенною головой
Спешил в нагорный Анкобер,
Где в самой темной из пещер
Живет священная змея,
Земного матерь бытия.
А ночь настала — снова в путь!
Успели за день отдохнуть,
Идти им вдвое веселей
Средь темных н пустых полей
И наблюдать с хребта горы
Кой-где горящие костры;
Гиена взвоет на пути,
Но не посмеет подойти;
В прохладной тине у реки
Вздохнут усталые быки,
И вновь такая тишина,
Что слышно, как плывет луна.
Потом пошли они в глуши,
Где не встречалось ни душн,
Где только щелканье стрекоз
Звенело в зарослях мимоз
И чудился меж дикнх скал
Зверей неведомых оскал.
Луны уж не было; н высь
Как низкий потолок была,
Но звезды крупные зажглнсь,
И стала вдруг она светла,
Переливалась... а внизу
Стеклянный воздух ждал грозу.
И слышат путники вдали
Удары бубна, гул земли,
И видят путники, растет
Во мгле сомнительный восход.

Пред ними странный караван,
Как будто огненный туман,
Пятьсот огромных негров в ряд
Горящие стволы влачат.
Другие пляшут и поют,
Трубят в рога и в бубны бьют,
А на носилках из парчи
Царевна смотрит и молчит.
То дочка Мохамет-Али,
Купца из Йеменской земли,
Которого нельзя не знать,
Так важен он, богат и стар,
Наряды едет покупать
Из Дире-Дауа в Харрар.
В арабских сказках принца нет,
Калифа, чтобы ей сказать:
— «Моя жемчужина, мой свет,
Позвольте мне вам жизнь отдать». —
В арабских сказках гурий нет,
Чтоб с этой девушкой сравнять.

2

...И лишь тогда бывал он рад,
Когда глядел на водопад,
Клоками пены ледяной
Дробящийся под крутизной.
К нему тропа, где вечно мгла,
В колючих зарослях вела,
А ниже, около воды,
Виднелись странные следы,
И каждый знал, что неспроста
Там тишина и темнота
И даже птицы не поют,
Чтоб оживить глухой приют.
Там раз в столетие трава,
Шурша, вскрывается, как дверь,
С рогами серны, с мордой льва
Приходит пить какой-то зверь.
Кто знает, где он был сто лет,
И почему так стонет он
И заметает лапой след,

Хоть только ночь со всех сторон?
О, только ночь, черна, как смоль,
И страх, и буйная вода,
И в стонах раненого боль,
Не гаснущая никогда!

Загл. Аргус ЛУИ И МИК

подзагол. *Абиссинская сказка для детей*
1—432 *отсутствуют*

между 441—442 Пред ними странный караван,
Как будто огненный туман,

454 Из Дире-Доуэ в Харар.

456 Халифа, чтобы ей сказать:

между 474—475 Я с наступленьем темноты
Тебе, любимому пажу,
Такие сказки расскажу,
Каких еще не слышал ты

489—490 На гордого Луи — и вдруг...
Вдруг прыснула... и все вокруг
506 Дочь духа доброго лесов,
512—1029 *отсутствуют*

загл. МИК АБИССИНСКИЙ РАБ И
ЛУИ ОБЕЗЬЯНИЙ ЦАРЬ
автограф 1 (Поэма)
подзагол. Глава первая
1—464 Меж острых кактусов и пальм,
По перепутанным тропам
Свирепых абиссинцев рать
Идет, чтоб жечь и убивать.
Они угрюмы: их страна
Вся Негусу покорена,
И только племя Гурабе
Своей противится судьбе.
Взошла луна. Деревня спит.

Сам дух лесов ее хранит.
За всем следит он в тишине
Верхом на огненном слоне,
Но, видно, и ему невмочь
Спасти деревню в эту ночь.
Как стадо бешеных быков,
Рванулись абиссинцы: рев,
И грохот выстрелов, и вой
Раздались в тишине ночной.
Отважно племя Гурабе,
Никто не помнит о себе,
Но бой ночной — как бег в мешке.
Копье не держится в руке;
Враги жестокие молчат
И режут, колют, как хотят.
Но свет нежданный, как заря,
Вдруг встал над хижиной царя:
Он сам поджег свой бедный кров,
Чтоб увидать своих врагов.
Туда, где гуще бой, бежит
И в грудь, широкую, как щит,
Стучит огромным кулаком,
Размахивая топором:
«Кто в бой со мною вступит, кто?»
Он ждет, но не идет никто.
И, значит, было суждено,
Чтоб вышел сам Ато Гано,
Вождь абиссинцев; он старик,
В беседе весел, в битве дик.
Он вынул нож и прохрипел
Врагу: «Ну ладно, будь же смел».
И прыгнул негр к нему на грудь,
Надеясь сразу подогнуть
Его колени, но старик
К земле увертливо приник.
Потом взмахнул ножом и вновь
Стал ждать, чтоб заструилась кровь.
Опять прыжок, удар опять,
И радостно завыла рать,
Когда свалился негр ничком
Пред беспощадным стариком.
Гано скривил улыбкой рот,

Довольно бормоча: «Ну вот».
Но был разгневан дух лесов
Пальбой и гулом голосов.
Он лег, как будто пред трубой
Перед пещерою сквозной
И закричал: «Ага-га-га,
Клыки, копыта и рога!
Бегите из лесов и с гор,
Со всех болот, со всех озер.
Здесь слишком расходился стан
Бесхвостых, голых обезьян.
Пугните их теперь, чтоб впредь
Они не смели так шуметь».
И словно рухнул водопад,
Раздался гул: слоны сопят,
Зафыркал буйвол, носорог
О черный камень точит рог
И по болоту бегемот
Тяжелой поступью идет.
Увидев их, Ато Гано
Схватил горящее бревно
И, размахнувшись, бросил в лес.
Поднялось пламя до небес.
И, обезумев, меж собой
Вступили звери в грозный бой.
Слону огромный носорог
Всадил в живот свой острый рог.
Тот прыгнул вбок и застонал
И буйвола ногами смял.
Их пламя жгло и свет слепил...
Ато Гано домой спешил.
У трупа мертвого вождя
Он натолкнулся, уходя
На мальчугана лет шести:
Его забыли унести.
«Ты сын вождя? Ну хорошо.
Ты мой, коль я тебя нашел.
Тебя зовут отныне Мик»...
И взял с собой его старик.

Глава вторая

В Адис-Абебе праздник был.
Гано подарок получил
И Мику весело сказал:
«Вот ты моим слугою стал.

В знак ласки руку я мою
Поцеловать тебе даю».
Но Мик не слушал ничего,
И больно высекли его.
Порою от насмешек слуг
Мик бегал на соседний луг.
Там был привязан на аркан
Большой косматый павиан.
Он никого не подпускал,
Зубами щелкал и рычал,
И люди ждали, что вот-вот
Он ослабеет и умрет.
Его жалея, скоро Мик
К его характеру привык.
Он приносил ему плоды
И в тыкве высохшей воды.
При виде Мика павиан
Не бесновался, как шайтан.
Обнявшись и рука в руке,
На обезьяньем языке
Они делились меж собой
Мечтами о стране иной,
Где каждый счастлив, каждый сыт,
Играет вдоволь, вдоволь спит.
И так поведал павиан
О родословной обезьян:
«В какой-то, очень древний, век
Жил бедный честный человек.
Он всем соседям задолжал,
А чем платить — совсем не знал.
Он не хотел терпеть позор.
Устроил на лугу костер
И сел, чтоб заживо сгореть,
Но было горячо сидеть!

Он в лес навеки убежал,
Людей боялся и кричал:
«Ой-ой, мне нечем заплатить!
Ой-ой, с людьми мне стыдно жить!»
И от него в тот самый год
Пошел весь обезьяний род».
Мик слушал всё с открытым ртом
И спрашивал: «А что потом?»
И снова начал павиан:
«Есть много разных обезьян,
И есть макаки, что хитрей
Шакалов и ворон и змей.
И на одной из них свой гнев
Сорвать задумал как-то лев.
Ее он к пальме привязал
И, отправляясь спать, сказал:
«Как встану, так тебя и съем».
И павиан пришел затем,
Макаку увидал и вот
Спросил, зачем она ревет.
Макака молвила: «Сосед,
Устроил Лев большой обед,
И я приглашена была,
Но много есть я не могла.
Увидел то хозяин лев
И вдруг пришел в ужасный гнев,
А мне и ввек не съесть всего,
Что подавалось у него».
Обрадовался павиан,
Сказал: «Вот буду сыт и пьян!»
Тебя сейчас я отвяжу,
Сам привяжусь и льву скажу:
«Могучий лев, хозяин наш!
Я съем до крошки всё, что дашь».
Он привязал себя и сел,
А лев схватил его и съел».
Заслушиваясь друга, Мик
От службы у людей отвык,
И слуги видели, что он
Вдруг стал ленив и несмышлен.
Узнав о том, Ато Гано
Велел ему толочь пшено,

И хохотала дворня вся,
Наказанного понося.
Уже был темен небосклон,
Когда работу кончил он,
Но, от обиды сам не свой,
Не подошел к котлу с едой.
Косматый друг его был зол,
Зачем так долго он не шел,
И, только извинившись, Мик
С ним примирения достиг.
И вот, под взорами луны,
Печальны, злы и голодны,
И павиан, и человек
Вдвоем замыслили побег.

Глава третья

Французский консул звал давно
К себе позавтракать Гано,
И наконец собрался тот
С трудом, как будто шел в поход:
Надел волшебный амулет,
Чтоб охранить себя от бед,
Прощенный Мик бежал за им
С ружьем английским, дорогим
И удивлял кругом людей,
Крича: «Дорогу, да живей!»
Гано у консула сидит,
Приветно смотрит, важно льстит,
А консул, чтоб дивился он,
Пред ним заводит граммофон.
Игрушечный аэроплан
Порхает с кресла на диван,
И электрический звонок
Звонит, не тронутый никем.
Гано доволен, тянет грог,
Любезно восхищаясь всем,
И громко шепчет: «Ой ю гут!
Ой, френджи! Всё они поймут!»
А Мик стоит в большом саду
И держит мула под узду.
У мула бегают глаза:

Боится он большого пса,
Что без ушей и без хвоста
Сидит, привязан у куста.
И Мик дивится на стекло,
Что солнце золотом зажгло,
И на фигуры у дверей
То Аполлонов, то зверей.
Но вот он видит, что идет
Какой-то мальчик из ворот,
И обруч, словно колесо
Он катит для игры в серсо.
«Ей, френдж!» — его окликнул Мик.
И мальчик обернулся вмиг.
«Ты кто?» — спросил он, и другой
Поник курчавой головой,
Ответив: «Абиссинский раб».
— «Ты любишь драться?» — «Нет, я слаб».
— «Я вижу, низок ты и тощ.
Отец мой консул». — «Мой был вождь».
— «Он умер?» — «Умер». — «Отчего?»
«В бою зарезали его».
— «Пойдем играть». — «Я не могу».
— «Пойдем». — «Я мула стерегу».
— «Меня зовут Луи». — «А я
Был прозван Миком». — «Мы друзья».
И Мик охотно рассказал,
Что он давно бы убежал
На поиски счастливых стран
И с ним бежал бы павиан,
Когда б могли они стянуть
Себе еды какой-нибудь,
Пилу, топор иль просто нож —
Без них в пустыне пропадешь.
Луи клялся секрет хранить,
Но, важный, проронил едва:
«Я с вами. Я хочу убить,
Как мой отец, слона и льва».
И убежал, но через миг
Вернулся: «На конфету, Мик».

И равнодушно Мик кладет
Какой-то белый шарик в рот,

Зачем — еще не знает он...
И вдруг затрясся, удивлен,
Как будто вновь увидел свет...
Он до сих пор не ел конфет.
Луи трясет его плечо,
Крича: «Проснись, и на еще».
Доволен, пьян, скача домой,
Гано болтал с самим собой:
«Ну, френджи! Как они ловки
На выдумки и пустяки.
Запрятать в ящик крикуна,
Чтоб говорил он там со дна,
Им нравится. Зато в бою —
Я ставлю голову свою —
Не победит никто из них
Нас — бедных, глупых и слепых.
Не обезьяны мы, и нам
Не нужен разный детский хлам».
А Мик задумчивый за ним
Бежал и, грезами томим,
Чуть не сорвался с высоты
На дно, в колючие кусты.
Угрюмо слушал павиан
О мальчике из дальних стран,
О том, что Мик решил позвать
Его с собою убежать.
Но долго спорить он не стал,
О камень спину почесал
И прорычал, хлебнув воды:
«Смотри, чтоб не было беды».

Глава четвертая

Луна склонялась, но чуть-чуть,
Когда они пустились в путь.
Луи смеялся и шутил,
Мешок с мукою Мик тащил,
И павиан среди камней
Давил тарантулов и змей.
Они бежали до утра,
А на день спрятались в кустах,
И хороша была нора

В благоухающих цветах.
Спустился вечер — снова в путь:
Успели за день отдохнуть.
Идти им вдвое веселей
Средь темных и пустых полей
И замечать с хребта горы
Кой-где горящие костры.

Однажды утром, запоздав,
Они не спрятались меж трав
И не видали, что в кустах
Их ждет совсем нежданный враг,
Пантер опаснее стократ, —
Огромный и рябой солдат.
Он Мика за руку схватил,
Ременным поясом скрутил.
«Мне улыбается судьба!
Поймал я беглого раба! —
Кричал он. — Деньги и еду
За это всюду я найду».
Заплакал Мик, а павиан
С испугу спрятался в бурьян.
Но, страшно побледнев, Луи
Вдруг поднял кулаки свои
И прыгнул бешено вперед:
«Пусти, болван! Пусти, урод!
Я белый, из моей земли
Придут большие корабли
И с ними тысячи солдат...
Пусти иль сам не будешь рад...»
«Ну, ну, — ответил, струсив, плут, —
Идите с богом, что уж тут!»
Спасенный так нежданно, Мик
К руке спасителя приник,
Ворчал смущенный павиан
И рявкнул, гневом обуян:
«Ну хорошо, ну пусть я трус!
Зато я с вами расстаюсь.
Довольно всем дорог в стране:
Налево — вам, направо — мне».
Вдруг что-то щелкнуло: в капкан
Попал ногою павиан.

Он то вздымался на дыбы,
То землю рыл, кусал столбы,
Но всё же справиться не мог
И утомленный навзничь лег.
И Мик хотел ему помочь,
Но, не сумев, помчался прочь.
Он думал, это дух могил
Их друга за ногу схватил.
Один Луи захохотал,
Нагнулся, винтик отыскал
И отвинтил его, и вот
Капкан открыл свой страшный рот.
И павиан, перетерпев
Такую боль, забыв свой гнев,
Поклялся: «В городе моем
Луи мы сделаем царем».
Потом пошли они в глуши,
Где не встречалось ни души
И лишь мелькала меж камней
Пантера шкурою своей.
Прошло два дня, и им тогда
Открылась горная гряда,
Отвесной падая стеной
Куда-то в сумрак голубой.
Оттуда доносился рев,
Гул многих тысяч голосов,
И громко крикнул павиан,
Что это город обезьян.

Глава пятая

Луи сидит на камне, Мик
Кусает сахарный тростник,
А хлопотливый павиан
Собрать задумал обезьян,
Чтоб дело вместе обсудить,
Нельзя ли им получше жить.
Уселись павианы вкруг,
Совсем покрыв просторный луг.
Из трещин, пропастей глухих
Торчали мордочки одних,
Других с отвесной высоты

Свисали длинные хвосты,
И все галдели, вереща,
Толкаясь или блох ища.
Но крикнул старый павиан:
«Молчать!» — и замер шумный стан.
Какой-то умник произнес:
«Не надо на хвосте волос!
Скорей их выщиплем, и вот
Мы будем избранный народ».
«Всё это вздор! — сказал другой. —
Мы лучше рев изменим свой.
Что «ав» да «ав»! Вот «ва» и «ва» —
Совсем похоже на слова».
Но старый павиан пинок
Ему безжалостно дал в бок
И поднял лапу, говоря:
«Не то! Мы выберем царя».
И все залаяли за ним:
«Царя! царя! хотим! хотим!
Ты самый старый, будь царем!
Нет, лучше Мика изберем!
Не надо Мика! Что нам Мик!
Луи! Он властвовать привык!
Луи! Нет, Мика! Нет, Луи!»
И, зубы острые свои
Оскалив, злятся. Наконец
Решил какой-то молодец:
«Луи — в штанах, он чародей.
К тому ж он белый и смешней».
Из лотусов и повилик
Корону сплел для друга Мик
И вместо скипетра пока
Дал кость издохшего быка,
А после отдались игре:
Кто влезет выше по горе,
Не оборвавшись, а гора
Была крута, была остра.
Всех лучше лазил павиан,
Луи — всех хуже. Он в бурьян
Чуть не сорвался и повис,
Рукой цепляясь за карниз.
Но павиан услужлив был:

Он хвост свой к мальчику спустил,
И тот приполз на высоту
По обезьяньему хвосту.
Его народ был огорчен,
Что так позорно лазал он,
И царь, кляня свою судьбу,
Устроил ловлю марабу,
Который издавна живет
На берегу больших болот.
Все бросились наперебой
Нестройной, шумною толпой,
Чтоб тотчас же вступить в борьбу
С большим и лысым марабу,
А царь остался сзади. Мик
Болота раньше всех достиг,
Но грозно щелкнул клювом враг,

И Мик замедлил в страхе шаг,
А марабу перелетел
Шагов за семьдесят и сел.
Луи смеялся: «Ну и рать!
Вам даже птицы не поймать.
Смотрите, что я натворю,
И верьте вашему царю».
Он из лианы сплел петлю,
В ней бросил мертвую змею
И Мику, верному рабу,
Велел подкинуть к марабу.
А тот, едва схватил еду,
Свою почувствовал беду,
Взлетел, но вновь слетел к земле —
Его нога была в петле.
Луи и весь его народ,
Вокруг устроив хоровод,
Смеялись весело над ним,
И, злобной яростью томим,
Он наконец им закричал:
«Ну и народ в пустыне стал!
Не позволяет мудрецам
Гулять спокойно по полям!
Вы помните ли наконец,
Что я старик, что я мудрец,

И знаю, сколько рыб в реке
И сколько гадов в тростнике,
Умею я в траве прочесть,
Чего нельзя, что можно есть.
Да что! А вы, озорники,
Как ваши знанья глубоки?»
Как стыдно сразу стало всем!
И распустил Луи затем
Петлю, и марабу, взмахнув
Крылами, вновь открыл свой клюв:
«Я очень стар и не ропщу.
Вы ж молоды, я вас прощу».

загл. — *без загл.*

автограф 3

Глава первая

1—541

Под шум склонившейся листвы
Среди колеблемой травы
Свирепых воинов отряд
Идет — по десятеро в ряд
Мех леопардов на плечах,
Винтовки меткие в руках,
То абиссинцы... вся страна
Их негусу покорена
И только племя Гурабе
Своей противится судьбе,
Сто жалких деревянных пик...
И рассердился Менелик.
Взошла луна, деревня спит,
Сам Дух Лесов ее хранит.
За всем следит он в тишине
Верхом на огненном слоне:
Чтоб Аурарис-носорог
Напасть на лучника не мог,
Чтоб бегемота Гумаре
Не застрелили на заре
И чтобы Азо-крокодил
От озера не отходил.
— То благосклонен, то суров,
За хвост он треплет рыжих львов.

Но, видно, и ему невмочь
Спасти деревню в эту ночь;
Как стадо бешеных быков
Пустились абиссинцы... рев,
И крик и стон — на место сна
И в тучи спряталась луна.
Отважно племя Гурабе,
Никто не помнил о себе,
Но бой ночной — как бег в мешке,
Копье не держится в руке,
Они захвачены врасплох
И слаб их деревянный бог
Но вот нежданная заря
Взошла над хижиной царя
Он сам, вспугнув ночную сонь,
Зажег губительный огонь
И встал огромен и суров,
Чтоб смерить взорами врагов;
Раздуты ноздри, взор горит,
И в грудь, широкую, как щит,
Он ударяет кулаком,
Размахивает топором:
«Кто в бой со мною вступит, кто?»
Он ждет, но не идет никто.

Смутились абиссинцы, но
Вдруг выступил Ато-Гано,
Начальник их; он был старик,
В беседе весел, в битве дик,
Но и в преклонные года
Не трепетавший никогда;
Он вынул нож и прохрипел
Врагу: «Ну ладно, будь же смел!»

И прыгнул негр к нему на грудь,
Надеясь сразу подогнуть
Ему колени, но старик
Увертливый к земле приник,
Потом кольнул его и вновь
Стал ждать, чтоб заструилась кровь.
Опять прыжок, удар опять,

Ударов некогда считать;
И негр упал, как бурелом
Пред беспощадным стариком
Гано скривил улыбкой рот,
Довольно бормоча: «ну вот!»
Уж битва кончилась и мгла
Прикрыла мертвые тела
И абиссинцы поскорей
Ловили женщин и детей
И, как рабов, между собой
Делили шумною толпой.

Но был разгневан Дух Лесов
Огнем и гулом голосов
И крови запахом; Он встал,
И вглубь лесов загрохотал:
«Эй, носороги, эй, слоны,
И все, что смелы и сильны,
Здесь безволосых обезьян
Разбушевался очень стан,
Из чащи, из болот глухих
Спешите и пугните их...
Га, га, га, га, га, га, га, го,
Да не щадите никого!»

И словно ожил темный лес
Гурьбой страшилищ и чудес;
Неслись из дальней стороны
Рассвирепевшие слоны,
И зверь, чудовищный на взгляд,
С кошачьей мордой, а рогат,
За ними. (Я мечту таю,
Что я его еще убью
И к удивлению друзей
Врагам на зависть принесу
В зоологический музей
Его пустынную красу.)
— Ага, сказал Ато Гано, —
Нам отдохнуть не суждено,
Вяжите пленных и, домой!»
И войско бросилось гурьбой.
У трупа павшего вождя

Он споткнулся, уходя
На мальчугана, лет семи,
Забытого его людьми.
«Ты сын вождя, ну хорошо!
Ты мой, коль я тебя нашел
Тебя зовут отныне Мик...»
Ворчал, неся его старик.

Глава вторая

В Адис-Абебе праздник был,
Гано подарок получил,
И, возвратясь из царских зал,
Он Мику весело сказал:
«Хоть был мятежник твой отец,
Но ты мне нравишься, малец.
В знак ласки руку я мою
Поцеловать тебе даю!»
Но Мик не слушал ничего
За что и высекли его.

Прошло три года. Служит Мик,
Хотя он слаб и невелик,
Когда катается Гано,
Бежит за ним, скача смешно,
Несет ружье его и щит,
У двери мула сторожит;

Порою от насмешек слуг
Он убегал в соседний луг,
Где жил, привязан на аркан,
Большой косматый павиан.
Он никого не подпускал,
Зубами щелкал и рычал
И слуги ждали, что вот, вот
Он ослабеет и умрет.

Его жалея, скоро Мик
К его характеру привык
И, видя Мика, павиан
Не бесновался как шайтан
Обнявшись и рука в руке,

На обезьяньем языке
Они делились меж собой
Мечтами о стране иной,
Где каждый счастлив, каждый сыт,
Играет вдоволь, вдоволь спит,
Поведал Мику павиан
О вольной жизни обезьян.

— Ночь целую они в горах,
Куда не доберется враг,
Где в теплой темноте пещер
Ни леопардов, нн пантер;
А утром все сбегают вниз
Есть кактус, смоквы и маис,
Порой заходят далеко
Сдоить парное молоко
У перепуганных овец,
А старый, весь седой самец,
Сев на гнездо термитов ждет
И охраняет свой народ.

Услыша гул их голосов,
Порой к ним сходит дух лесов,
И в восхищеньи без границ,
Поспешно простираясь ниц,
Они дают ему плоды
И в тыкве высохшей воды.
Старик их любит как детей,
За прихотливость их затей,
За то, что крови никогда
Не проливают их стада
И не смущают тишину,
Ведя с соседями войну.

Но есть средь них и молодцы,
Еще не старые самцы,
Которые нз мирных гор
Уходят жить в степной простор;
Столкнуться с ними трусит вепрь,
Они гоняют пестрых зебр,
Для них открыты все сады,

Ключи прозрачнейшей воды,
И, слыша шаг, они сквозь сон
Приноровились различать,
То друг иль враг, и сколь силен,
И надо ль драться, иль бежать. —

Его заслушиваясь, Мик
От службы у людей отвык,
И слуги видели, что он
Вдруг стал ленив и несмышлен;
Узнав о том, Ато-Гано
Велел ему толочь пшено,
А этот труд — позорный труд,
Мужчины все его бегут.
Была довольна дворня вся,
Наказанного понося,
И даже женщины, смеясь
В него бросали пыль и грязь.

Уже был темен небосклон,
Когда работу кончил он,
Косматый друг его был зол,
Зачем так долго он не шел,
— И в этот час большой луны,
И павиан и человек,
Печальны, злы и голодны,
Вдвоем замыслили побег.

Глава третья

Давно французский консул звал
Любимца негуса, Гано,
Среди великолепных зал
Испробовать его вино
И наконец собрался тот,
С трудом, как будто шел в поход,
Прощенный Мик бежал за ним
С ружьем английским дорогим
То позади, то впереди,
Крича настойчиво: поди!

Гано у консула сидит,

Приветно смотрит, важно льстит
И консул, чтоб дивился он,
Пред ним заводит граммофон,
Игрушечный аэроплан
Порхает с кресла на диван
И электрический звонок
Звонит, не тронутый никем.
Гано довольно тянет грог,
Любезно восхищаясь всем,
И громко шепчет: «Ой ю-гут!
Ой, френджи! Все они поймут».

А в это время Мик, в саду
Держащий мула за узду,
Не налюбуется никак
Ни на диковинных собак,
Ни на оконное стекло,
Что солнце золотом зажгло,
Ни на статуи у дверей,
То Аполлонов, то зверей;
Но вот он видит, что идет
Красивый мальчик из ворот,
И обруч, словно колесо,
Он катит для игры в серсо;
— Эй, френдж, его окликнул Мик,
И мальчик обернулся вмиг.

«Ты кто?» — спросил он и другой
Поник курчавой головой,
Ответил: — «абиссинский раб». —
«Ты любишь драться?» — «Нет, я слаб», —
«Я вижу низок ты и тощ.
Отец мой консул». — «Мой был вождь».
— «Он умер?» — «Умер». — «Отчего?» —
«В бою зарезали его». —
«Пойдем играть». — «Я не могу». —
«Пойдем». — «Я мула стерегу» —
«Меня зовут Луи». — «А я
Был прозван Миком». — «Мы друзья».

И Мик, разнежась, рассказал
Что он давно бы убежал

На поиски счастливых стран
И с ним бежал бы павиан,
Когда б они могли стянуть
Воды, еды какой-нибудь,
Потом топор, иль просто нож,
Без них в пустыне пропадешь.
Луи был счастлив может быть,
Но важный проронил едва:
— «Я с вами. Я могу убить
Как мой отец слона и льва».

И убежал, но через миг
Вернулся: «На конфету, Мик!»,
И равнодушно Мик кладет
Какой-то белый шарик в рот,
Зачем, еще не знает он,
Но вдруг затрясся, удивлен,
Луи трясет его плечо,
Крича: «Проснись и на еще».

Доволен, пьян, скача домой,
Гано болтал с самим собой:
«Ну, френджи! Как они ловки
На выдумки и пустяки,
Запрятать в ящик крикуна,
Чтоб говорил он там со дна,
Им любо; Но зато в бою,
Я ставлю голову свою,
Не победит никто из них
Нас бедных, глупых и слепых.
Не обезьяны мы, и нам
Не нужен разный детский хлам».

Угрюмо слушал павиан
О мальчике из дальних стран,
О том, что Мик решил позвать
Его с собою убежать
Но долго спорить он не стал.
О камни спину почесал
И прорычал, хлебнув воды;
«Смотри, чтоб не было беды».

Глава четвертая

Луна склонялась, но чуть-чуть,
Когда они пустились в путь
Не по тропинке, сквозь бурьян,
Луи, и Мик, и Павиан.
Луи смеялся и шутил,
Мешок с мукою Мик тащил,
А павиан среди камней
Давил тарантулов и змей.
Они бежали до утра,
А на день спрятались в кустах,
И хороша была нора
В благоухающих цветах.

Они боялись, их найдут!
Кругом сновал веселый люд
Рабы, священники, жнецы,
Прн мулах с вьюками купцы,
А ночь настала — снова в путь!
Успели за день отдохнуть,
Идти им вдвое веселей
Средь темных и пустых полей
И замечать с хребта горы
Кой-где горящне костры;
Однажды утром, запоздав,
Онн не спрятались меж трав
И не видали, что в кустах
Их ждет совсем нежданный враг,
Пантер опаснее стократ,
Огромный и рябой солдат:
Он Мика за руку схватил,
Ременным поясом скрутил.
«Мне улыбается судьба,
Поймал я беглого раба», —
Кричал. — И деньги и еду
За это всюду я найду».
Заплакал Мик, а павиан
Рычал, запрятавшись в бурьян.
Но страшно побледнев, Луи
Вдруг поднял кулаки свои

И прыгнул бешено вперед:
«Пусти, болван, пусти, урод!
Я — белый, из моей земли
Придут большие корабли
И с ними тысячи солдат...
Пусти, иль будешь сам не рад!»
«Ну, ну, — ответил, струсив, плут,
Идите с Богом, что уж тут».
Потом пошли они в глуши
Где не встречалось ни души
И слышат путники вдали
Удары бубна, гул земли
Пред ними странный караван,
Как будто огненный туман,
Пятьсот высоких негров вряд
Горящие стволы влачат,
Другие пляшут и поют,
Трубят в рога и в бубны бьют,
А на носилках из парчи
Царевна смотрит и молчит.
То дочка Мохамет-Али,
Купца из Йеменской земли,
Которого нельзя не знать, —
Так знатен он богат и стар, —
Наряды едет покупать
Из Дире-Дауа в Харрар.
Прошел, как призрак, караван
И Мик, вздыхая, говорил:
«Не надо мне счастливых стран,
Когда б рабом ее я был.
Она, поклясться я готов, —
Дочь духа доброго лесов,
Живет в немыслимом саду,
В дворце, похожем на звезду.
И никогда, и никогда
Мне, Мику, не войти туда!»
Луи смеялся: «Ну не трусь;
Войдешь, как я на ней женюсь!»

Еще два дня и им тогда
Открылась горная гряда,
Отвесной падая стеной

Куда-то в сумрак голубой
Вились карнизы вдоль стены
Пещеры страшной глубины
Чернели; около воды
Склонялись красные плоды
И слышался немолчный рев,
Гул многих тысяч голосов
Довольный крикнул павиан,
Что это город обезьян.

Глава пятая

Луи сидит на камне, Мик
Кусает сахарный тростник,
А хлопотливый павиан
Собрать подумал обезьян
И вверх и вниз, во все концы,
Уже разосланы гонцы
Они вбегают в каждый грот,
Зовут играющий народ
Сойтись и вместе обсудить,
Как им отныне надо жить,
Чтоб не стыдиться пред людьми,
Хоть и друзьями и детьми.

Собрались все и сели вкруг,
Совсем покрыв просторный луг,
Из трещин, пропастей глухих
Торчали мордочки одних,
Других с отвесной высоты
Свисали длинные хвосты;
И все галдели вереща,
Толкаясь или блох ища
И бегая вперед, назад,
Как рой веселых бесенят
Но крикнул старый павиан
«Молчать!» и замер шумный стан.

Какой-то умник произнес:
Не надо на хвосте волос,
Скорей их выщиплем и вот
Мы будем избранный народ».

«Ну это вздор», — сказал другой,
Мы лучше рев изменим свой
Что ав, да ав?! Вот ва и ва —
Совсем другое, как слова.
Но старый павиан пинок
Безжалостный ему дал в бок
И поднял лапу, говоря:
«Не то! Мы выберем царя!»
И все залаяли за ним:
«Царя, царя, хотим, хотим —
Ты самый старый, будь царем...
Нет, лучше Мика изберем...
Не надо Мика! Что нам Мик?
Луи... он властвовать привык!
Луи! Нет Мика! Нет, Луи!
И зубы острые свои
Оскалив злятся... Наконец
Решил какой-то молодец:
«Луи в штанах: он чародей...
К тому ж он белый и смешней».

Луи суровым был царем.
Он не заботился о том,
Что есть, где пить, как лучше спать,
И все сбирался воевать,
Приняв в союз других зверей,
Прогнать из Африки людей,
Иль крокодила из реки
Загнать в густые тростники,
Но ни за что его народ
Не соглашался на поход.
И огорченный властелин
Бродил печален и один.

Глава шестая

Дымился над землей туман,
И кучки сонных обезьян
Спешили в логова свои,
Когда ушел от них Луи;
Ушел, а Мик не спал всю ночь,
Тоски не в силах превозмочь;

Под утро лишь забылся он,
И взял его могучий сон
В совсем чудесную страну,
Всего вернее, на луну.
Проснулся... Старый павиан
Собрал сильнейших обезьян.
Они спустились, говоря,
Что хорошо б вернуть царя;
Порой, сплетя свои хвосты,
Чрез бездны строили мосты,
Пока пред ними темный лес
В тумане зыбком не воскрес
И не мелькнули меж стволов
Клыки и хоботы слонов,
Тогда они уселись; Мик
Пошел один и в глушь проник.
Пред ним поляны ровный круг
Кончался зарослями вдруг
И посреди его была,
Как низкий белый дом, скала.
На той скале Луи лежал,
Руками раны зажимал,
А восемь яростных пантер
Кружились возле... Из пещер
Еще спешили... Отражал
Всю ночь их мальчик и устал.

От дел правленья он отвык,
И, пролетая, крикнул Мик,
Ему показывая шиш:
«Зачем ты куришь, не царишь?»
И тот ответил: «Я курю
Затем, что следует царю!»

Чрез многоводный Сенегал
В трущобы Конго Мик влетел,
И как потом он проклинал
Тот неприветливый предел!
Там оголтелый людоед
С ножом за ним пустился вслед,
И голых полчища богов
Со свежей кровью на губах

Вдруг подняли ужасный рев
На каменных своих столбах.
В ловушки, скрытые средь скал,
Жираф ногами попадал.

Как ряд степей, бегущих вдаль,
Потом открылся Трансвааль,
И Мик запомнил навсегда
Деревни, села, города,
Где жили тысячи людей,
Не черных — белых, всех вождей.
У школы, дома одного,
Чуть не оставили его.
Старик, почтенный, словно царь,
Сказал: «Садись-ка за букварь!»
Забился Мик, его жираф
Вспотел, насилу ускакав.

«На север!» — крикнул Мик. И вот
Они вошли в страну болот
В верховьях Нила; там сильны
Загадочные колдуны
И могут, дергая струну,
Заставить мучиться луну.
Для них пылающий жираф
Был самой легкой из забав,
И безопасно ехал Мик
Средь заклинательных костров,
Как вдруг пред ним опять возник
Седой и мудрый дух лесов.

«Ну, ты наездник молодец!» —
Сказал он Мику как отец,
А Мик, поникнув головой,
Шептал: «Мне хочется домой!
Мне кажется, что я умру,
Коль не достану инджиру
И не понюхает мой нос
В Адис-Абебе красных роз».
Дух рассмеялся: «Ну, иди!
Ты счастье встретишь впереди.
Я ж три подарка дам тебе,

Помощников в твоей судьбе:

Теперь поймешь свободно ты,
Что шепчут звезды с высоты,

И над могилою Луи
Колени Мик склонил свои
И слышал в небе звездный крик:
— «Луи, он счастлив, он в раю,
Там Михаил Архистратиг
Его зачислил в рать свою». —
И престарелый павиан,
Что стал царем у обезьян,
Целуясь с Миком, уверял,
Что тот совсем мужчиной стал.
И встреться с ним Ато Гано,
Тому бы не было смешно.

Глава первая

Набросок начала поэмы

Упало солнце за утес;
Идет к ночлегу стадо коз:
Встречая их, ручной шакал
Хвостом приветно завилял;
Несутся крики негритят.
Покуда женщины доят,
Мужчины заняты своим:
Кто из кальяна тянет дым,
Кто вырубает топором
Урода вышиною в дом.
Кто аиста <ранее было: «ястреба»> следит полет,
Кто песни старые поет.

А в это время в роще пальм
По перепуганным тропам
Свирепых абиссинцев рать
Идет, чтоб жечь и убивать;
Порою звякнет длинный меч,
Меха пантер свисают с плеч,
И ярок синий шелк рубах;
У всех улыбка на губах.
И все уверенны, как львы,

Стремительны, как ястреба,
О каждом гул пройдет молвы
И каждый заведет раба.

Взошла луна. Деревня спит,
Сам Дух Лесов ее хранит,
За всем следит он в тишине
Верхом на огненном слоне —
Чтоб Аурарис-носорг
Напасть на путника не мог.
Чтоб бегемота Гумаре
Не застрелили на заре
И чтобы Азо-крокодил
От озера не отходил.

Наброски гл. VI—VIII

VI

1) Ночные шумы, 2) Сон Мика, 3) Мик спускается, 4) Луи лежит на <*нрзб.*>, 5) Смерть Луи, 7) Попытка Мика уйти, 8) Появление духа лесов, 9) Он среди обезьян, 10) Он ободряет Мика на путь.

Таился над землей туман
И кучки сонных обезьян
Спешили в логова свои
Когда ушел от них Луи
Ушел, а Мик не спал всю ночь
Тоски не в силах превозмочь
Когда сопящий бегемот
Шел к пастбищам из тьмы болот
Когда внезапный ветер с гор
Гудел в вершинах сикомор
Но в каждом шуме думал Мик
Услышать человечий крик.

II

Когда заснул наутро он
Его увел могучий сон
В совсем чудесную страну,
Всего вернее на луну
Там толпы юношей и дев
Перекликались: умер лев
А огненный громадный шар
Весь в обагряющих звездах

Как бы во власти темных чар
Прыжками двигался в кустах
И в ужасе окаменев
Вдруг понял Мик, что это лев.

III

Проснулся старый павиан
Собрал сильнейших обезьян
Они спустились говоря
Не надо ли вернуть царя
Порой сплетя свои хвосты
Чрез бездны строили мосты
И не мелькнули меж ветвей
Клыки и <*нрзб.*> с земли
Тогда он <*нрзб.*> Мик
Пошел один и в глушь проник

IV

Пред ним поляны ровный круг
Кончался зарослями вдруг
И посреди его была
Как <*нрзб.*> белый дом скала
А на скале Луи лежал
Руками раны зажимал
И восемь яростных пантер
Кружились возле... из пещер
Еще спешили... Отражал
Всю ночь их мальчик и устал
Мик крикнул «братья» <*нрзб.*>
<*Нрзб.*>

V

Как град камней в траву полян
Сорвалась стая обезьян
И силою живой волны
Пантеры были сметены
И отступили с плачем Мик
К груди товарища приник.
Кого-то бредя <*нрзб.*>
Что он царем и здесь бы стал
Когда бы <*нрзб.*>
Со мной и замолчал

Когда бы <*нрзб.*> уши звон
И улыбнувшись умер он.

VI

В лощине темной, где родник
Струями брызгая, <*нрзб.*>
Зарыл осиротевший Мик
В бою погибшего Луи
Там <*нрзб.*> ласточки живут
Щебечут меж ветвей <*нрзб.*>
Они явились издали
Из франкской, может быть, земли
И щебетали свой привет
Перед готическим окном
Где увидал впервые свет
Луи в жилище родовом

VII

1) Скачка, 2) Египет, 3) Сахара, 4) Марокко, 5) Конго, 6) <*нрзб.*>, 7) Верховья Нила, 8) Новая встреча с духом лесов, 9) Жалобы Мика, 10) Совет Духа.

<Строфы, помеченные цифрами I—III, практически не читаются, за исключением отдельных строк и слов: «Мик», «Египет», «Менелик», «Ему отдам родной Каир», «звезд», «пещер». В прочих строфах возможно прочитать следующие связные фрагменты>

IV

Ему показывая шиш
Зачем ты куришь не царишь
И тот ответил я курю
Затем что следует царю

V

Чрез многоводный Сенегал
В трущобы Конго Мик влетал
И как потом он проклинал
Свой неприветливый удел
Там оголтелый людоед
С копьем за ним пустился вслед
И голых полчища богов
Со свежей кровью на губах

Вдруг подняли ужасный рев
На каменных своих столбах
В ловушки скрытые средь скал
Жираф ногами попадал

VI

Как ряд огней, бегущих вдаль
Потом открылся Трансвааль
И Мик запомнил навсегда
<*Нрзб.*> села, города
Где жили тысячи людей
Не черных белых все вождей
У школы, дома одного,
Чуть не оставили его
Старик величествен как царь
Сказал: садись ка за букварь
<*Нрзб.*> его жираф
<*Нрзб.*> насилу ускакав

VII

На север крикнул Мик и вот
Они вошли в страну болот
В верховьях Нила где сильны
<*Нрзб.*> люди — львы и колдуны
Что могут дергая струну
Заставить мучиться луну

<Далее идут еще две нечитаемые строфы, не обозначенные цифрами. Затем следуют строфы с новой нумерацией, но плана или обозначения новой главы перед ними нет. Строфа под № 1 нечитаема>

II

<*Нрзб.*>
Слониха с маленьким идет
Слоненок годовалый <*нрзб.*>
Мать держит хоботом за хвост
Дуглас прицелился, рука
Неясно щупает курка
Раздался выстрел. Но дуло
Как-будто что-то отвело
Охотник смотрит удивлен
<*Нрзб.*>

III

Вот негодяй! — вскричал Дуглас. —
Знай, ты раскаешься сейчас
И тот ответил: «Гета что ж,
Другой раз лучше попадешь
Когда захочешь я готов
Тебе слугою быть а мне
Известно кладбище слонов
Идет под старость каждый слон
Все на один и тот же склон
Решай <нрзб.> есть
Что их и белому не счесть

Дуглас доволен: «ну веди
И коль не лжешь, награды жди
Ты молодец и вот твое
Пятизарядное ружье»
Дуглас в поту и сед, а Мик
У мулов долго челки стриг
И чистил новое свое
Пятизарядное ружье
Дуглас присвистнул <нрзб.>: да
Такой работник хоть куда

V

Прошло три месяца и вот
В Адис-Абебу Мик ведет
Из белых неизвестных стран
С слоновой костью караван.
Дуглас в волненье: он богат
<нрзб.>

VI

На троне ярком как алмаз
Сидит великий Менелик
И перед ним стоит Дуглас
А позади склоненный Мик
И молвит негус: милый гость
Как ты собрал всю эту кость
Зачем среди моих лесов
Убил ты тысячи слонов
Охотник подавляя вздох

Убил я только четырех
Ружьем моим в стране Галласс
<*Нрзб.*> Мика <*нрзб.*>

<VII—VIII строфы нечитаемы; в строфе VII первый стих, возможно: «И молвил негус:»>

IX

Теперь в Адис-Абебе нет
Глупца, который бы не знал,
Что ласки негусовой свет
На мудром Мике засиял
Он и в совете и в суде
<*Нрзб.*>

(Л. 19—20). Помимо того на л. 20 сбоку рукой Гумилева написано: «Западной Ливии. Восп. Гете, Чудуд» (?).

загл. автограф 4 МИК И ЛУИ

Поэма

между 32—33 Потом всё стихло, лишь порой
Среди зловещей тишины
Звучал меча удар глухой
Иль треск ломаемой стены.

66 Что в миг, как был он под ножом,

139 И из-за прихоти привез

146 Была собаки; те всегда

216 Тогда замыслили побег.

226 С ружьем английским дорогим,

245 Ни на статуи у дверей

255 Пред Миком белый мальчик встал,

266 И не настигнули б его,

308 Скалы в колючие кусты.

311 Решившем так легко потом

между 346—347 А ночь настала — снова в путь,
Успели за ночь отдохнуть,
Итти им вдвое веселей
Средь темных и пустых полей
И наблюдать с хребта горы
Кой-где горящне костры.

399 Нельзя н думать, чтоб напасть,

433—512 *отсутствуют*

517—518 Вершиной вставшн до небес
И упершись в дремучий лес

между 649—650 Чтоб зубы желтые свои
Вонзить в холодный труп Луи,
Она шептала всё смелей,
Она просила, чуть дыша,
И дико радовалась в ней
Ее зловонная душа.

695 Пред ним крутились; из пещер

742 Ты не померншься с врагом...

вместо 776—778 Живет мой дядя; ты ему
Скажи, что я тебя прислал,
И, след за ним вступив во тьму,
Увидишь ты, кого искал.
Но я не скрою ничего:
Знай, если только там твой брат,
То ты, поцеловав его,
Дороги не найдешь назад.
Тому, кто раз туда попал,

между 791—792 Откройся, ад, и мне яви

Тобою взятого Луи».

между 869—870 Но видишь черную дыру
Вон там, где плещется вода,
Знай, я в нее тебя запру,
Коль ты воротишься сюда!»

871 Для Мика солнце увидать.

907 Луи, он счастлив, он в раю,

910—911 И Мик, целуя горячо
Его, сказал: «крылатый друг,

985 Хвосты и гривы мулов стриг

999 И начинает свой рассказ:

между 999—1000 «О, государь, из всех даров,
Что поднести тебе готов
Седой расслабленный старик,
Одно сокровище есть — Мик.

1000—1001 Я караван оставил свой
Ему, и он теперь богат.

между 1009—1010 И словно душу обнажил,
И в мозг проник и сердце вскрыл;

1022 Пред кем была б закрыта дверь

5

загл. МОТИВ ДЛЯ ГИТАРЫ
Новая жизнь

1 Ушла! Завяли ветки

11 И нам в наш бедный угол

17—20 Мы с ним играем в шашки
Иль дремлем в тишине,

Но бегают мурашки
По согнутой спине.

8

20
ПС 1923
Зов весеннего рога.

9

1—2
автограф 1
Как этот ветер грузен, не крылат.
Мне с дыней лопнувшей сравнить закат

9
Альманах стихов
Огромные корявые дубы

9
автограф 1
Кряжистые упорные дубы

11
Всемирного движения и в ком

13
Альманах стихов
автограф 2
Слагают молньеносные стихи,

вместо 13—14
автограф 1
Терзают механическую плоть,
Чтоб косную природу побороть
И через <нрзб> <пыль?>
Аэроплан или автомобиль.

10

загл.
Колчан,
автограф 2
СТАНСЫ

5
Альманах
стихов
А есть другие — с пальмами, с дворцами

Колчан,
автографы 1, 2

9
Колчан,
автограф 2
И скрипку дивно-выгнутую в руки,

11 *Альманах стихов* *автограф 2*	Я взял и слушал, как бежала в звуке
13 *Альманах стихов,* *Колчан,* *автографы 1, 2*	Да! Это только чары, что судьбою
18	Весь мир мне дом,
вместо 21—28 *Колчан,* *автограф 2*	Но лишь на миг к моей стране от вашей Опущен мост, Его сожгут мечи, кресты и чаши Огромных звезд.

11

Воля народа	*без загл.*
2 *КСЭ*	И проснулся, смертно скорбя;
6	Как преступник от плахи своей
18	Пусть всё это было лишь сном,
20	Под твоим закрытым окном,
17—20 *автограф 1*	*отсутствуют*

12

загл. *ПС 1923*	НОВОРОЖДЕННОМУ С.Л.
посвящ. *автограф 2*	Сергею Лозинскому

17 *ПС 1923*	Он будет любимец Бога,
21	И как сладко рядить победу

13

8 *Русская мысль*	Я порою смотрю
между 20 и 21	Если ж розы запахнут, Птица кликнет, дразня, Комбинации шахмат Успокоят меня.
23	Но зато он в Кантоне

14

7 *Аполлон,* *В тылу,* *автограф 1*	Оттого, что Божие слово
12	Птиц быстрее взлетают клинки.
между 20 и 21	О, как белы крылья победы, Как безумны ее глаза! О, как мудры ее беседы, Очистительная гроза!
21	И как сладко рядить победу

15

Отечество, Аполлон, *В тылу, автографы 1, 2*	*без посвящ.*
3 *автограф 2*	И жужжат шрапнели, точно пчелы,

5
Отечество, В тылу, автограф 2

А вдали «ура», как будто пенье

6
Отечество, В тылу

Труд дневной окончивших косцов...

5
автограф 2

Труд дневной окончивших жнецов...

9
Отечество, Аполлон, В тылу

И поистине светло и свято

9
автограф 2

И поистине верно и свято

вместо строф 4—6 Отечество

Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь он разрывает тьму,
Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему.

Сквозь леса глухие и окопы,
Цепью славы связывая нас,
Он идет по пажитям Европы
Как жених к невесте в дивный час.
....

20
В тылу

Восковыми свечами горят.

16

Голос жизни — *без загл.*

7
автограф 1

Час, когда словно облак красный

13—24
автографы 1, 2

отсутствуют

18

загл. Невский альманах жертвам войны

КАК МОГЛИ МЫ ПРЕЖДЕ ЖИТЬ В ПОКОЕ

22

посвящ. Вершины	*В.К. Шилейко*
2	Ни песен, что нам пела мать,

24

между 4 и 5 Вершины	Открыта адская охота. Вот-вот завоют злобно трубы, Зальются псы и у кого-то От крови заалеют губы.
17—26	Еще чернее мглы их платье, Но взоры их светлы и прямы. Они живут одни, как братья, Родились, чтобы строить храмы. Мы к ним приблизились в тумане, Спросили их благословенья Для наших радостных скитаний, Для наших плясок, игр и пенья. Великий мастер над шарниром Взглянул, и грудь его вздохнула

27

6 Русская мысль	Точно пролит купорос,
12	Скорым, тонким голоском.
16	В буйной мечутся воде;
18	Ржанье водяных коней...
20	Так и слаще и вольней!

28

17 Полон	И с моею печальной думой

29

загл. *Новый журнал для всех*	ЖАЛОБЫ ВЛЮБЛЕННЫХ
посвящ. *автограф 1*	*Татьяне Адамович*
9	Красота ли им не покорна?
15—16	Угадали ль Вы, дорогая, В этой несвязной и бедной песне?
18	С узкими слабыми руками,
20	Черными, душными волосами.

30

1—2 *автограф 1*	Об Антиное с лунной красотой О Гиацинте и об Адонисе
между 4 и 5	Дурман густых волос и синий взор, И жар пурпурных губ и холод кожи Теперь лишь ямб магических озер, Звенящий ветр, волшебных бездорожий.
16	На беспощадное уничтоженье.

31

подзагол.	*отсутствует*
6 *Биржевые ведомости*	И золотые строфы были, —
12	Изгнанник дивный, Алигьери.
14	Она под тихий гул набата
вместо 21—24	— Д'Аннунцио, ты так светло Напомнил нам о древнем скальде, Божественно твое чело Под красной шапкой Гарибальди.

	25Слова «восстал великий Рим,
38	Народ поверил в царство света,

34

16 *Новая жизнь (журн., альм.)*	От лукавого пажа
29	И потом за мной, усталой,

35

загл. автограф 1	У СТОЛБА ПЫТОК
автограф 2	*без загл.*
посвящ.	*Александру Ивановичу Тинякову*
2 *автограф 1*	Сквозь топь и овраги
5—8 *автограф 2*	*отсутствуют*
12—13 *автограф 1*	Изведали даль мы! Вот страшные воды
15	Где, рыцарь Невзгоды
17—20	И дальше пути нет Там полог лазурный, Дошедший, да вынет Свой жребий из урны!
17—20 *автограф 2*	*отсутствуют*

25 *автограф 1*	Под вздохи органа
25—28 *автограф 2*	*отсутствуют*
35 *автограф 1*	Чтоб в муках открылось

36

1—2 *ПС 1922*	Как гурия в магометанском Эдеме, розах и шелку,

37

посвящ. *автограф 2*	*Марии Левберг*
1—4 *Аполлон,* *автографы 1, 2, 4*	*отсутствуют*
2—4 *автограф 3*	Обнималась земля с небесами, Чуда чудные зрелись тогда, Дива дивные деялись сами...
14 *Аполлон*	Крепкий панцирь под хищной луною,
18 *Аполлон,* *автографы 1, 2*	С негой глаз, с белизною молочной,
18 *автограф 3*	С блеском глаз, с белизною молочной,
между 20 и 21 *Аполлон,* *автографы 1, 2, 4*	Улыбаются скромно уста, Косы длинны, нежны и блестящи, От лучей золотого креста Грудь высокая кажется слаще.

22 *Аполлон, автограф 1*	Во дворце моем княжьем, в Лагоре:
22 *автограф 2*	Во дворце моем, в древнем Лахоре.
22 *автограф 3*	Во дворе моем царском, в Лагоре:
между 24—25 *Аполлон* *автографы 1, 2, 4*	Ветер дик и вода солона, И ночами над морем мерцанье, Там иная у пен белизна, Там иные у бурь восклицанья.
25—28 *автограф 3*	*отсутствуют*
26 *автограф 2*	Почему им милей и дороже
33—36 *Аполлон,* *автографы 1, 4*	*отсутствуют*
вместо 29—36 *автограф 2*	Меж любовью моей и судьбой Так постылы старинные распри Неужели и этой — покой Даст один отуманенный Каспий?
35 *автограф 3*	Нацеплял тетиву на рога

38

1 *Аполлон, автографы 1, 2*	Я верно, я так сладко знаю,
6 *автограф 3*	Две узкие дуги бровей
7 *Аполлон, автографы 1, 3*	Над ним раскинулись широко

13 *Аполлон, автографы 1, 2*	Широкий лоб — как свод небесный,
13 *автографы 2, 3*	Высокий лоб — как свод небесный,
15—16 *Аполлон, автограф 1*	К ним часто с робостью прелестной Склонялся нежный серафим.
15 *автограф 3*	Их часто с робостью прелестной
17 *Аполлон, автографы 1, 2, 3*	Внизу же, у подножья древа,
18 *Аполлон*	Уста — как алый райский цвет,
18 *автограф 1*	Уста, как алый райский цвет,
18 *автограф 3*	Уста, как некий алый цвет,
20 *Аполлон, автограф 1, 2*	Благой нарушила запрет,
22—24 *Аполлон, автограф 2, 3*	Андрей Рублев мне изъяснил И с той поры досуг печальный В восторг молитвы превратил.
21—24 *автограф 1*	Всё это кистью дивной отче Андрей Рублев мне изъяснил, Чтоб стал прямее и короче Мой путь к Престолу Вышних Сил.

39

1—2 *Аполлон, автограф 1*	Я верю, что деревьям, а не нам, Дано блаженство совершенной жизни.
2	Досталась слава совершенной жизни.

автограф 3

5 — Как грифы в опереньях золотых,
Аполлон, автографы 1, 3

12 — С водой, струящейся во мгле пещерной.

12 — С водой, струящейся во тьме пещерной.
автограф 2

41

8 — Задрожавшего коня.
ПС 1922, 1923

19 — Конь, как будто топчет травы,

22 — То слетает с черных круч,

24 — Или среди черных туч.

32 — Господина не нашли...

42

загл. — ВТОРОЙ ГОД
автографы 2, 3, 4

8 — ....
Нива, ПС 1922 — *цензурная купюра*

12 — Но громких в летописях слав?
автограф 3

12 — И громких в летописи слав?
автограф 4

12 — И громких в летописях слав?
ПС 1922, 1923

17 *автограф 3, 4*	Чудовищ слышны ревы лирные,
21	Не всё ль равно, пусть время катится,
17—24 *автограф 2*	Мы будем делать, что нам велено! Труба, реви, ружье, стреляй, Граната, рой в земле расщелины, Подготовляя новый рай. И ты светись, заря зловещая, Пугая и чаруя нас: Ведь время, как сибилла вещая, Нам всё расскажет в должный час.

43

Солнце России *автограф 2*	*без загл.*
11	Под пронзительный визг трубы
21—24	*отсутствуют*
25	И весной идут, таясь,
29—31	На соборе крест взнесен, Символ власти Божьей, Отеческой, И летит малиновый звон
29—32 *автограф 1*	*отсутствуют*

44

Нива, *автограф 3*	*без загл.*
загл. *автограф 2*	ТРАВЫ
между 4 и 5	Этот дикий мир мне казался

Нива	Краем древнего короля, Этот дикий мир притворялся, Что он — только наша земля.
6 *автограф 3*	Мне шептал: «Я шучу с тобой,
между 8 и 9 *автограф 2*	«Я не тот, да и ты, ты тоже, Все не те здесь и все шалят». Я порою вздыхал — «О Боже!» И я был бесконечно рад.
9 *Нива*	Только вольный ветер осенний,
13 *Нива, автограф 3*	С осокою и голубицей,
15	И в небесной белой столице

45

Одесский листок, *автограф 2*	*без загл.*
10—12 *Одесский листок*	Возвращаясь смотрит на луну, Почитает Библию в постели И заснет, как канет в глубину.
16	Грудь мою — она пришла за мной
17 *Одесский листок,* *автограф 2*	Упаду, предсмертно затоскую,

47

загл. *автограф 1*	ПЕСНЯ

автограф 2 *без загл.*

52

автограф 2 *без загл.*

строфы 1—8 *автограф 1*

Лучшая музыка в мире — нема!
Дерево, жилы ли бычьи
Выразят молнийный трепет ума,
Сердца причуды девичьи?
Краски и бледны и тусклы! Устал
Я от затей их бессчетных.
Ярче мой дух, чем трава иль металл,
Тело подводных животных!

3 *автограф 2* Сколько в степях караваны водил

4 *автограф 5* Дней и ночей несравненных.

11 *автограф 3* Сердце пронзая, как тонкой иглой

13 *автограф 5* Ты мне осталась одна; наяву

17 *автограф 1* Да! Ты в моей беспокойной судьбе —

17 *автограф 3* Да, ты в моей одинокой судьбе —

53

автограф 1

ПРОПАВШИЙ ДЕНЬ

Всю ночь говорил я с ночью,
Когда ж наконец я лег,
Уж хоры гремели птичьи,
Уж был золотым восток.

Проснулся, когда был вечер,
Вставал над рекой туман,
Дул теплый томящий ветер

Из юго-восточных стран.

И стало мне вдруг так больно,
Так жалко мне стало дня,
Своей дорогой вольной
Прошедшего без меня.

Куда мне теперь из дома?
Я сяду перед окном
И буду грустить и думать
О радости, певшей днем.

54

2
ПС 1922, ПС 1923
Наклонившись, удивлялся безднам.

3
Новый мир был синим и беззвездным.

10
О любви, о свете и о тени,

11
В ужасе предвечном открывая

55

загл.
автограф 1
ЛЮБОВЬ ВЕСНОЙ

8
Литературная мысль,
автографы 1, 2, ПС 1923
В невские, слепые зеркала.

12
Не могло меня испепелить?

вместо строф 4—5
Литературная мысль,
автограф 2, ПС 1923
Тихий снег засыплет грусть и горе,
И не будет жалко ничего,
Будет ветер, будут в Черном море
Бури кликать друга своего.

Я скажу ей: «Хочешь, мы уедем
К небесам, не к белым, к голубым,
Ничего не скажем мы соседям, —

Ни твоим, царевна, ни моим».

Не откажешься тогда, я знаю...
Только б лето поскорей прошло,
Только бы скорей дорогу к раю
Милым, хрупким снегом замело.

18
автограф 1 Слаще взора ангела высот,

строфа 6 День за днем пылает надо мною
Их терпеть не станет скоро сил.
Правда, тот, кто полюбил весною,
Больно тот и горько полюбил.

56

автограф 2 *без загл.*

6
автограф 1 Мягки трухлявые мхи

8 Старые помнит грехи

28 Крест засиял золотой

57

12
автограф 1 Чудовищные очертанья

20 Ликуют белые медведи

22
Тринадцать поэтов,
автографы 1, 2, 3 Их тягостное заключенье:

58

загл.
автографы 1, 2 КАРТИНКА

2 *Тринадцать поэтов, автограф 1*	Пронзительный ветер качает
между 19—20 автограф 1	Вон на этот

59

2 *автографы 1, 2*	Осенний пруд, дырявый плот,
3	Да луг, где сладкий запах меда
6	Похожая на вой волков,
13	Земля, к чему шутить со мною?

60

автограф 1	*без загл.*
12	Но захоти — и жизнь отдаст.

62

загл. *автографы 1, 3*	ШВЕЦИИ
3	Стремительные водопады
9	Скажи, ужели так и надо
11 *автографы 1, 2, 3*	На золотых вратах Царьграда
16	Тобой крещенная сестра?
17 *автографы 1, 2*	Ах, неужель твой ветер свежий

63

18 *автограф 1*	В глухих коридорах пространств и времен,

64

2—3 *автограф 1*	Ваш ветр поет кощунство иль псалом И вы, смотрясь в широкие озера,
8	По самой необорной крутизне.
11	Не здесь ли Бранд, угрюмый проповедник,

65

2—4 *автограф 1*	Тот заворожен, Самых нежных лилий Слышит запах он.
между 8 и 9	Есть закон — о Боже! Если кто умрет, Тот на царском ложе, Не в могиле тот.
11	И пока не знаешь

68

загл. *автографы 1, 2*	В СЕВЕРНОМ МОРЕ
13	Не нужны ли сильные руки
15	Горячая кровь не нужна ли
между 16 и 17	Чтоб англичане, не немцы, Возили всюду товары, Чтоб эльзасские дети Зубрили Гюго, а не Гете, Чтоб Джиолитти понял, Как сильно он ошибался, Чтоб устоял Венизелос В борьбе с господином своим.

69

загл. *автограф 1*	ЖИЗНЬ

70

Возрождение	*без загл.*
вместо 1—20	Много женщин в этом мире И мужчин, Но познал иные шири Я один. Ты ж одна благоухаешь, Ты одна, Ты проходишь и блистаешь Как луна. Неужель не бросит каждый Всех забот, За тобой со сладкой жаждой Не пойдет. О, какой бы он увидел Дивный сад, О, какой бы он услышал Аромат. В небе чистом... Глаз твоих.

73

загл. *автограф 1*	ТАНКА
загл. *автограф 2*	ХОККА
ПС 1922, ПС 1923	*без загл.*
2 *автограф 1*	Выходит замуж за американца —
2 *автограф 2* *ПС 1922, ПС 1923*	Выходит замуж за американца...

3 *автографы 1, 2* *ПС 1922*	Зачем Колумб Америку открыл?

74

загл. *автограф,* *ПС 1923*	ПРОГУЛКА
8 *автограф,* *КСЗ, ПС 1923*	Об еще неведомой любви.
16—17	Сводами слились в одно кольцо. И я думал — нет, любовь не это!
20	Я отныне обречен тебе.

75

загл. *автограф*	СИРЕНЬ
1	Из букета целого сиреней

76

КСЗ	*без загл.*
6—8 *КСЗ,* *автограф 1*	Забытая нарочно в миг прощанья На томике серьезного изданья (Шамполионовский Joffre Rudel),
13	И желто-розовый цветок целуя,

77

загл. *автограф 1*	УНИЖЕНИЕ

загл. ПОЗОР
автограф 2

4 Так жестоко осужден страдать.

между 1 и 2 строфами

Если б кликнул я мою собаку,
Посмотрел на моего коня,
Моему не повинуясь знаку,
Звери бы умчались от меня.

Если б подошел я к пене моря, —
Так давно знакомой и родной,
Море почернело бы от горя,
Быстро отступая предо мной.

вместо 9—16

Пусть приходит смертное томленье,
Мне оно не помешает ждать,
Что в моем грядущем воплощенье
Сделаюсь я воином опять.

78

загл. НОЧЬ
автограф

79

КСЗ *без загл.*

80

загл. СИНЯЯ ЗВЕЗДА
автограф

9—16 *отсутствуют*

17 Как вдруг из глубины осиянной

81

КСЗ	*без загл.*
загл. *автографы 1, 2*	САМОТРАССКАЯ ПОБЕДА
3 *КСЗ, автографы 1, 2*	Как Самотрасская Победа
9—11 *КСЗ* *автографы 1, 2*	И я не знаю, ты жива ли, Иль только взор твой жив сверкая, Ища в неисследимой дали
12 *КСЗ*	Огней невиданного рая.
12 *автографы 1, 2*	Огней неслыханного рая.

82

КСЗ	*без загл.*
загл. *автограф 2*	ВСТУПЛЕНИЕ
2 *КСЗ,* *Новый Сатирикон*	Я прншел из другой страны
11	А не рыцарем в пелерине,
15	А в какой-нибудь страшной щели,
16—17 *автограф 1*	Полускрытой в густом плюще. Чтоб уйти не во всем открытый,

83

загл. *автограф*	БОГАТОЕ СЕРДЦЕ

84

загл. автограф ПОРТРЕТ

1 Лишь темный бархат, на котором

6 Тревожит смутной белизной,

85

загл. автограф ЛЮБОВЬ

8 Слух их мучат злобным звоном осы.

10 И поют и дивно торжествуют,

86

КСЗ, автограф 2 *без загл.*

5—8 КСЗ, автограф 1
Переброшен к нам светлый мост,
И тебе о нас говорят
Вереницы ангелов-звезд,
Что по-разному все горят.

14 КСЗ Покажись, как незримый свет,

14 автограф 4 Появись, как незримый свет,

93

загл. автограф ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ В АЛЬБОМЕ

15 Звонкий, словно водопад кипящий.

22—24	Девушки с огромными глазами, Девушки с искусными речами, Девушки, которой ты не нужен.

94

загл. *автограф*	НОВАЯ ВСТРЕЧА
17	Милый брат мой, вновь крылатый брат,

95

загл. *автографы 1, 2, 3* *ПС 1923*	ДЕВОЧКА
вместо 1—8 *автограф 2*	Что в тебе мне, красивой и томной, Как тебя увидали бы все? — Я мечтаю о девочке скромной, Наклоненной над книжкой Мюссе.
7 *ПС 1923*	А о девочке милой и скромной,
10—11 *автограф 3*	Что есть Индия — чудо чудес, Что есть тигры и пальмы святые —
11 *ПС 1923*	Что есть тигры и пальмы святые, —
14 *автограф 1*	А на море сбиралась гроза,
14 *автограф 2*	А над морем сбиралась гроза,
14 *автограф 3*	А над морем сходилась гроза,
14 *ПС 1923*	А над морем вставала гроза,

16 *автограф 2, ПС 1923*	Застилало слезами глаза.
16 *автограф 3*	Застилало туманом глаза.
18 *ПС 1923*	Не взноситься дворцам золотым,
22—23 *автограф 3*	Не спалось вечерами тебе. Сердце билось, и взоры блестели.
26 *автограф 3*	Ты хотела стать солнца светлей,
32 автограф 1	Только мне, только мне одному.
32 *автограф 3, ПС 1923*	Хоть не всем, только мне одному.
33 *автографы 1, 3. ПС 1923*	Но теперь ты не та, ты забыла
34 *автограф 1*	Всё, чем прежде ты думала стать...
34 *автограф 2*	Всё, чем прежде ты думала стать.
34 *автограф 3, ПС 1923*	Всё, чем в детстве ты думала стать.
35—36 *ПС 1923*	Где надежды? Весь мир — как могила... Счастье где? Я не в силах дышать...
38 *автограф 2*	Вот, я душу свою отдаю
39 *автограф 3, ПС 1923*	За твой маленький детский передник,

96

загл. КСЗ	ЕЗБЕКИЕ
автограф 2	*без загл.*
4 КСЗ	Торжественно в тот вечер озаренный.
6 КСЗ, *автограф 1*	И ни широкий свежий ветер моря,
19 КСЗ, *автограф 2*	Большие бабочки перелетали
20 КСЗ, *автографы 1, 2*	Среди цветов, вознесшихся высоко,
23—24 *автограф 1*	И, помню, я воскликнул: «Глубже горя И выше смерти жизнь! Прими, Господь,
31 КСЗ	Как странно! Только десять лет прошло,
34 КСЗ, *автограф 1*	Во тьме белевшем, как единорог.
36—37 *автограф 1*	В гуденье ветра, в гуле дальней речи, Иль в ужасающем молчанье ночи
39 КСЗ	Да, только десять лет, но, хмурый путник,

98

загл. *автограф*	ПРЕДЛОЖЕНЬЕ

6—7	Мой дом и звезд и песен дом, И будет странная тревога
16	Что женщины подобной нет».

99

загл. *ПС 1923*	УТЕШЕНИЕ
5—8	*отсутствуют*
10	Лишь твержу: «Пусть плохо мне приходится,

100

Цех поэтов, ПС 1923	*без загл.*
8	Улыбкой нежной, страстными очами
8 *автограф 1*	Улыбкой нежной, синими очами
20 *Цех поэтов, ПС 1923*	В небесных успокоила б покоях.
20 *автограф 1*	В небесных упокоила б покоях.

101

КСЗ, автограф 2	*без загл.*
загл. *автограф 1*	ПЕСЕНКА
5 *КСЗ, автограф 1*	Над челом твоим густая прядь
10 *КСЗ*	Так благословен твой легкий шаг,

11 — Точно по сердцу ступаешь ты
КСЗ, *автограф 1*

13—14 — *отсутствуют*
КСЗ

15 — И тому, кто мог с тобою быть,
КСЗ, *автограф 1*

102

загл. — ПРОЩАНЬЕ
автограф

3—4 — Свое дурманящее тело
И сердце отдала другому.

10—12 — Когда и ангелы заплещут,
Твои серебряные крылья
Передо мною не заблещут

103

5 — Лишь одно я принял бы не споря,
автограф

9 — Чтобы грезить, как бы сладко нежил

104

КСЗ — *без загл.*

9 — Если звезды, внезапно горды,
КСЗ,
автограф 1

9—12 — *отсутствуют*
автограф 2

16 — Как святыню, твой белый платок.
КСЗ, *автограф 1*

106

загл. ОБЕЩАНЬЕ
автограф 1

автограф 2 *без загл.*

2 Вся зренье — она, вся слух.
автограф 4

вместо 1—13 С протянутыми руками,
КСЗ, автограф 1 С душой, где звезды зажглись,
Идут святыми путями
Избранники духов ввысь.

И после стольких столетий
Чье имя — горе и срам,
Народы станут, как дети,
И склонятся к их ногам.

Тогда я воскликну: «Где ты,

7 И будут снова друиды
автограф 5

9—11 И будут снова поэты
Вести сердца высоте,
Как ангел ведет кометы

15—16 Ты помнишь мои обеты
КСЗ, автограф 1 И веру твою в меня?

15 Ты видишь, мысли все те же,
автограф 4

20 Последнее счастье — ты».

107

загл. УСТА СОЛНЦА
автограф

2 Твой детский рот и смелый взгляд девический

8 От века им назначенным движеньем.

9 О, если б ты была всегда со мной

11 На звезды я бы мог ступить пятой

110

загл. В КИТАЕ
автограф 1
подзагол. (Начало поэмы)
вместо 1—8 Весь двор, усыпанный песком
Возрождение Просеянным и разноцветным,
Сиял — и бледносиний дом
Ему сиял лучом ответным.
В тени его больших стропил
С чудовищами вырезными
Огромный кактус шевелил
Листами жирными своими.

9 Ю-Це ступила на песок

15 Хотя уж целых восемь лет

17 И благородное дитя

19—22 Совсем тихонько шелестя
Своими красными шелками.

Когда, как будто принесен
Рекой, раздался смутный рокот

24 Ворчал на бронзовых воротах

27 Задачу трудную мою

29—152 *отсутствуют*

39 Две голубые стрекозы
автограф 1

42	Послушной девочки моленья
45	Пусть в куче брошеных камней
48	Играть до ужина со мною!»
строфы 15—16	*После строфы 18*
65	«Бежим скорей, — кричал Тен-Вей.
67—68	Вчера посажен был злодей, За злобы прозванный Манджуром.
77	В огромной рыжей бороде
91	И дверь он хочет отомкнуть,
97	Как вдруг испуганный Тен-Вэй
100	Не драть так больно даже маме
102	Дрожали на песке газона,
104	Летящего назад дракона
105	А в этот самый миг за стол
107	И между них сидит посол
110	Обед окончен, и беседу
112	Как добавление к обеду
113	Слуга приводит к ним друзей
115	А успокоенный Тен-Вей
117	И гости посреди стола
подзагол. между 120—121	*отсутствует*

вместо 121—132 На карминные ущелья пролился огонь луны,
Покрывло водопада сплыло с серого утеса,
Лунный отсвет — точно воды, воды точно небеса,
Холод утра воровато входит в сердце ненюфара.

Сон спокоен, лодка-лист легка,
Слабый ветер, рябь дрожит слегка,
Вплоть до утра, берег — государь,
Двигай осень в шумы тростника.

Воздух солнечный скрывает дождь осенний,
В туче темной слышен грохот запоздалый,
Звук источника проглочен темным камнем,
Прелесть солнца холодна в зеленых соснах.

135 Как вдруг ударился о стол

138 Он обернулся и краснея
140 В руках вторая орхидея.

строфа 36 *отсутствует*

146 На шалость дочки чернокудрой

148 Улыбкой кроткою и мудрой.

151—152 Забавы детства — весь наш свет,
Всё благо — так сказал Конфуций».

Два сна

3

ПС 1923 Не светит солнце, но и дождь
Не падает; так тихо-тихо,
Что слышно из окрестных рощ,
Как учит маленьких ежиха.

Лай-Це играет на песке,
Но ей недостает чего-то
Она в тревоге и тоске
Поглядывает на ворота.

«Скажите, господин дракон,
Вы не знакомы с крокодилом?
Меня сегодня ночью он
Катал в краю чужом, но милом».

Дракон ворчит: «Шалунья ты,
Вот глупое тебе и снится.
Видала б ты во сне цветы,
Как благонравная девица...»

Лай-Це, наморщив круглый лоб,
Идет домой, стоит средь зала
И кормит рыбу-телескоп
В аквариуме из кристалла.

Ее отец среди стола
Кольцом с печатью на мизинце
Скрепляет важные дела
Ему доверенных провинций.

«Скажите, господин отец,
Есть в Индию от нас дороги
И кто живет в ней, наконец, —
Простые смертные иль боги?»

Он поднял узкие глаза,
Взглянул на дочь в недоуменьи
И наставительно сказал,
Сдержать стараясь нетерпенье:

«Там боги есть и мудрецы,
Глядящие во мрак столетий,
Есть и счастливые отцы,
Которым не мешают дети».

Вдохнула бедная Лай-Це,
Идет, сама себя жалея,
А шум и хохот на крыльце
И хлопанье ладош Тен-Вея.

Чеканный щит из-за плеча
Его виднеется, сверкая,
И два за поясом меча,
Чтоб походил на самурая.

Кричит: «Лай-Це, поздравь меня,
Учиться больше я не стану,
Пусть оседлают мне коня,
И я поеду к богдыхану».

Лай-Це не страшно — вот опушка,
Квадраты рисовых полей,
Вот тростниковая избушка
С заснувшим аистом на ней.

И прислонился у порога
Чернобородый человек;
Он смотрит пристально и строго
В тревожный мрак лесных просек.

Пока он смотрит — тихи звери,
Им на людей нельзя напасть.
Лай-Це могучей верой верит
В его таинственную власть.

Чу! Голос нежный и негромкий,
То девочка поет в кустах;
Лай-Це глядит — у незнакомки
Такая ж ветка в волосах,

И тот же стан, и плечи те же,
Что у нее, что у Лай-Це,
И рот чуть-чуть большой, но свежий
На смугло-розовом лице.

Она скользит среди растений,
Лай-Це за ней, они бегут,
И вот их принимают тени
В свой зачарованный приют.

111

Посв.	С.А.Абаза
Возрождение	Среди бесчисленных светил Я вольно выбрал мир наш строгий И в этом мире полюбил Одни веселые дороги. Когда нежданная тоска Мне тайно в сердце закрадется, Я посмотрю на облака, И сердце сразу засмеется. Когда лукавый женский взгляд Меня встревожит ночью марта, То не стихи меня целят — Географическая карта. И если иногда мне сон О милой родине приснится, Я так безмерно удивлен, Что сердце начинает биться. Всё это было так давно И где-то там, за небесами... Куда мне плыть не всё ль равно И под какими парусами...
2 *автограф 1*	Когда тревога и тоска Зачем-то в сердце закрадется, Я посмотрю на облака И сердце сразу засмеется.
11	Я так безмерно удивлен

112

загл. *автограф*	ПРОЩЕНЬЕ

7 Тому, кто был сейчас свободный,

19 Ты знаешь, я их петь не в силах

30 Чтоб не мутила взор тревога,

113

автограф 1 (редакция 1)

ПРИГЛАШЕНИЕ В ПУТЕШЕСТВИЕ

Уедем! Разве вам не надо
В тот час, как солнце поднялось,
Послушать странные баллады,
Рассказы абиссинский роз:
О древних колдовских царицах,
О львах в короне из цветов,
О черных ангелах, о птицах,
Живущих между облаков.
Найдем мы старого араба,
Читающего нараспев
Песнь про Рустема и Зораба
И про любовь царей и дев.
И станут приезжать к нам в гости,
Когда зимой пойдут дожди,
В уборах из слоновой кости
Высокомерные вожди.
В горах, где весело, где ветры
Кричат, рубить я буду лес,
Смолою пахнущие кедры,
Платан, растущий до небес.
А вы — вы будете с цветами,
И я вам подарю газель
С такими нежными глазами,
Что, кажется, поет свирель.
И птицу райскую, что краше
И огненных зарниц, и роз,
Порхать над золотистой вашей
Чудесной шапкою волос.
Когда же жизни колесница,
Скользя по роковой меже
От нас, беспечных, отдалится,

Мы скажем смерти — «как, уже»?
И не тоскуя, не мечтая,
Пойдем в высокий Божий рай,
С улыбкой ясной узнавая
Повсюду нам знакомый край.

Возрождение
1930. 31 августа
(версия редакции 2)

ПРИГЛАШЕНИЕ В ПУТЕШЕСТВИЕ

Уедем, бросим край докучный
И каменные города,
Где Вам и холодно, и скучно,
И даже страшно иногда.

За морем Средиземным, Красным
И за пустыней есть страна,
Где, состязаясь с солнцем ясным,
Сияет кроткая луна.
Влюбленная в Эндимиона,
Вкушающего торжество,
Средь бархатного небосклона
Она не мучит никого.

Там дом построим мы из ели,
Мы камнем выложим углы,
И красным деревом панели,
И палисандровым полы.

Он встанет, светлый и просторный,
И будет на дворе фонтан
В полдневный жар вносить узорный
И влажно-блещущий туман.

А средь разбросанных тропинок
В огромном розовом саду
Мерцанье будет пестрых спинок
Жуков, похожих на звезду.

Уедем! Разве Вам не надо
В тот час, как солнце поднялось,
Послушать странные баллады

Рассказы абиссинских роз:

О древних сказочных царицах,
О львах в короне из цветов,
О черных ангелах, о птицах,
Живущих между облаков.

Чего Вы не поймете сами,
В тени нависнувшей листвы,
То Вам я расскажу стихами,
В которых только мир и Вы.

В горах, где весело, где ветры
Кричат, рубить я буду лес,
Смолой пропитанные кедры,
Платан, встающий до небес.

А Вы — Вы будете с цветами,
И я Вам подарю газель
С такими нежными глазами,
Что кажется, поет свирель.

И птицу райскую, что краше
И огненных зарниц, и роз,
Порхать над темнорусой Вашей
Чудесной шапкою волос.

Когда же жизни колесница,
Летя по роковой меже,
От нас, беспечных, отдалится,
Мы скажем смерти — «как, уже»?

И не тоскуя, не рыдая,
Пойдем в высокий Божий рай,
С улыбкой ясной узнавая
Повсюду нам знакомый край.

11—12 И красным деревом — панели,
ПС 1923 А палисандровым — полы.

38 Кричат, рубить я стану лес —

45 А Вы — Вы будете с цветами,

48 Что кажется — поет свирель;

55 Войдет, и станет у порога, —

58 Пойдем в высокий Божий Рай,

114

1—3 Франция, на лик твой осиянный
автограф Я еще, еще раз оглянусь
И как в омут брошусь, окаянный

14 Вольно флаг трехцветный пробегал,

20 И других отважнее был он!

строфа 7 *отсутствует*

30 Надвое душа расщеплена.

КОММЕНТАРИИ

«Наступила война, а с нею для Гумилева военная страда, — писал в некрологическом очерке 1922 г. А.Я.Левинсон. — Войну он принял с простотою совершенной, с прямолинейной горячностью. Он был, пожалуй, одним из тех немногих людей в России, чью душу война застала в наибольшей боевой готовности» (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 215).

Говоря о «готовности» Гумилева к войне, следует помнить, что, начиная с возвращения поэта из последнего африканского путешествия (октябрь 1913 г.) вплоть до лета 1914 г., в его жизни тянется сплошная полоса всевозможных творческих и личных неудач, в конце концов окончательно разрушивших в его глазах остатки обаяния декадентского «жизнестроительного новаторства», сохранявшегося еще и в «акмеистическом» 1913 г. Все письма этого времени наполнены жалобами «на злейшую аграфию, которая мучит <...> уже полгода» (письмо к Д.М.Цензору // Неизд. 1986. С. 130). Характерно, что в первой половине 1914 г. в творческой деятельности Гумилева резко вырастает количество переводов (в марте — отдельное издание «Эмалей и Камей» Т.Готье, в марте-апреле — перевод пьесы Р.Браунинга «Пиппа проходит» в двух книжках «Северных записок»; тогда же им подготовлены стихотворные фрагменты из «Сестер Рондоли» Г. де Мопассана и «Абиссинские песни, собранные и переведенные Н.Гумилевым»), помимо того он работает над редактурой материалов африканского путешествия, подготовив к публикации заметку «Умер ли Менелик?» («Нива». 1914. № 5, февраль) и очерк «Африканская охота» (опубликован значительно позже, в 1916 г.). Ностальгически-«ретроспективный» характер носит «африканская поэма» «Мик», воскрешающая картины Абиссинии. Вне подобной тематической экзотики оригинальные художественные произведения этого периода очень немногочисленны и носят характер случайных публикаций (в «Гиперборее», «Златоцвете» и «Новой жизни») или экспромтов.

Со всей очевидностью обозначилось противоречие между акмеистической теорией «здорового искусства» и сложностью практического воплощения принципов такого искусства художниками, бывшими плотью от плоти петербургской декадентской предвоенной богемы. «Рационалистические и позитивные рецепты — равновесия, гармонии, полноты и т.д., — писал о крушении акмеизма в «Первом цехе поэтов» Вас.В.Гиппиус, — остались фразами — жизнь поэзии развивается по неписаным законам. Новой школы из акмеизма не родилось потому, что школы творятся только мировоззрениями. Оттолкнувшись от берегов символизма и мистики, акмеисты не знали, куда пристать... и очутились в открытом море. Им оставалось одно — отдаться волнам; так оно и случилось» (Гиппиус Вас.В. Цех поэтов // Анна Ахматова. Десятые годы. М., 1989. С. 84).

Акменстический «адамизм», ранее, на заре «бунта» против символизма, представлявшийся Гумилеву *духовной работой*, формирующей у художника «мужественно-твердый и ясный взгляд на жизнь» (ПРП 1990. С. 55), теперь, по прошествии двух лет, окончательно трансформировался у большинства поэтов «Цеха» в эстетскую игру, вообще свойственную модернистскому искусству 10-х гг. с его интересом к «биологической парадигме» в мировосприятии (см.: Rusinko E. Adamism and Acmeist Primitivism // Slavic and East European Journal. 1988. Vol. 32. No. 1. Pp. 84—97). «Ни Нарбут, ни Зенкевич даже не подозревали, что существует такая вещь, как миропонимание и основная идея, на которой строится личность, — свидетельствовала Н.Я.Мандельштам. — Да и до личности им дела не было. Для них личность это шутка, забава, игра...» (Мандельштам Н.Я. Вторая книга. Париж, 1978. С. 66). Взаимное непонимание среди поэтов «Цеха» привело к внутренним расколам группы, что, в свою очередь, стало причиной целого ряда конфликтов, возникавших, как водится, большей частью по достаточно мелким организационым поводам. Однако, в конце концов, в марте 1914 г. прекратилось издание журнала «Гиперборей», а несколькими неделями спустя Гумилев без обиняков обвинил С.М.Городецкого в «предательской» деятельности по устранению «первого синдика» из «Цеха поэтов». В ответ Городецкий заметил: «От акмеизма ты сам уходишь, заявляя, что он не школа; также и из Цеха, говоря, что он погиб. Я только требую соответствия между образом мыслей и поступками» (Неизвестные письма Н.С.Гумилева / Публ. Р.Д.Тименчика // Известия АН СССР. Сер. лит-ры и яз. Т. 46. № 1. 1987. С. 71). Конфликты творческие тесно переплетались с житейскими: как чрезвычайно существенное обстоятельство личной жизни Гумилева этого времени следует упомянуть знакомство и продолжительный роман с Т.В.Адамович (Татьяна Викторовна Адамович, в замужестве — Высотская (1899—1970), сестра поэта и критика Г.В.Адамовича, в будущем — известная балерина, создательница собственной балетной школы; ей посвящена книга «Колчан»), приведший в конце концов к разрыву с Ахматовой (Гумилев предложил жене развод, но вмешательство Анны Ивановны Гумилевой, резко протестовавшей против разлуки с внуком — Л.Н.Гумилевым, которому тогда было около двух лет, — помешало этому — см.: Жизнь поэта. С. 162—163).

События лета 1914 г. — объявление Австрией войны Сербии 15-го и Германией — России 18 июля — круто изменили состояние Гумилева. «Меланхолия моя, кажется, проходит...» — пишет он Ахматовой накануне, а в следующем письме, помеченном 17 июля, сообщает о своем участии в антигерманских манифестациях в Петербурге. 30 июля, съездив предварительно в Слепнево повидать семью, Гумилев начинает собирать документы для поступления в действующую армию добровольцем («охотником»).

И в реве человеческой толпы,
В гуденье проезжающих орудий,
В немолчном зове боевой трубы
Я вдруг услышал песнь моей судьбы, —

напишет впоследствии сам поэт. В начале августа он направлен на обучение в Гвардейский запасной кавалерийский полк, а в сентябре, по завершенни обучения, — в действующую армию. С этого момента и до января 1917г. Гумилев находится на фронте — сначала в составе Лейб-Гвардии уланского Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка, а затем — в составе полка «черных гусар» — 5-го Александрийского. За это время Гумилев дослужился до прапорщика и получил три ордена — два Георгиевских креста (4 и 3 степени) и орден св. Станислава 3 степени с мечами и бантом (о военных годах в жизни Гумилева см.: Курляндский И.А. Поэт и воин // Исследования и материалы. С. 254—298; а также — пространные комментарии Е.Е.Степанова к «Запискам кавалериста» // Соч II. С. 440—474).

Как «военные» стихи Гумилева, появившиеся в периодической печати уже в первые месяцы войны (в «Аполлоне», «Отечестве», «Новой жизни», литературно-художественном приложении к «Ниве»), так и сам поэт, во время кратких отпусков выступавший в петроградских литературных салонах, поражали современников. «Был Гумилев, — писал 28 января 1915 г. в письме к Л.Я.Гуревич Ю.А.Никольский (тогда — студент Университета и участник романо-германского филологического кружка), — и война с ним что-то хорошее сделала. Он читал свои стихи не в нос, а просто, и в них самих были отражающие истину моменты — недаром Георгий на его куртке. Это было серьезно — весь он, и благоговейно. Мне кажется, что это очень много» (РГАЛИ. Ф. 131, оп. 1. Ед. хр. 161. Л. 115; цит. по: Азадовский К.М., Тименчик Р.Д. К биографии Н.С.Гумилева (вокруг дневников и альбомов Ф.Ф.Фидлера) // Русская литература. 1988. № 2. С. 183—184). Еще более эффектную сцену рисует Н.А.Оцуп: «Было что-то символическое во внешности добровольца Гумилева, находящегося в отпуске и читающего свое стихотворение "Война" на эстраде какого-нибудь петербургского литературного кафе. Это было в 1915 году. Бледные тени декадентской столицы, юноши с накрашенными губами и подкрашенными щеками, "девы неразумные" (по библейскому выражению) и писательницы, продолжавшие жить в болезненно-нервной взвинченности ночных собраний, несмотря на катастрофу, все эти обломки "культа Эроса", "искусства для искусства", все эти осколки старого мира, цеплявшиеся за что угодно, прежде чем их унесет в небытие потоп, — все это резко контрастировало с образом человека, который был вправе бросить своим современникам в лицо: ...Я вам не пара» (Оцуп. С. 94).

В оценке причин, повлекших за собой столь резкий переворот в судьбе и творчестве Гумилева в военные годы, мнения исследователей резко расходятся. Естественно, что в советском литературоведении, особенно в 30 гг., «военный» эпизод в творчестве поэта оценивался резко негативно, как очевидное проявление «шовинистических» и «милитаристских» настроений, якобы вообще свойственных «конквистадору наших дней»: «Идеологом вольнонаемнической интеллигенции, идущей на службу к империалистической буржуазии, той интеллигенции, которая служит сейчас Муссолини, того деклассированного полуинтеллигентского сброда,

который поставляет мировой буржуазии людей с бомбочкой, беспрнципных, безыдейных убийц, — вот чем объективно становится Гумилев» (Ермилов В.В. О поэзии войны //цит. по; Русский путь. С. 551). Однако, и Э.Русинко также склоина видеть в прославлении Гумилевым «великого дела войны» если не цинизм, то, по крайней мере, нечто нравственно-сомнительное (см.: Rusinko E. The Theme of War in the Works of Gumilev // Slavic and East European Journal. 1977. Vol. 21. No. 2. Pp. 204—213 — «военные приключения» поэта рассматриваются здесь как своеобразное продолжение «африканскнх» охотничьих эскапад — с той лишь разницей, что «дичью» становятся солдаты противника; продолжение этой темы см.: Hellman B. A Houri in Paradise: Nikolaj Gumilev and the War. // Studia Slavica Finlandensia. T. 1. Helsinki, 1984. Pp. 22—37), а Н.И.Ульянов полагает, что славословиями войне Гумилев и вовсе поставнл себя вне русской литературы: «Когда вспыхнула мировая война, и все крупные наши поэты откликнулись на нее стихами, полными тревоги за судьбы России и человечества, когда даже Маяковский написал гуманистическую поэму "Война н мир", — один Гумилев восторженно приветствовал пожар Европы» (Ульянов Н.И.Скрипты. Ann Arbor, 1981. С. 52). Очень распространено мнение об абсолютной политической н жизненной «наивности» Гумилева, «извиняющее», по мнению мемуаристов и биографов, поведение поэта в военные годы. Так, еще В.Ф.Ходасевич называл «увлечения» Гумилева как Африкой, так и войной — «ребячеством» (см.: Ходасевич В.Ф. Гумилев и Блок // Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 205). «Конечно, в годы первой мировой войны и даже в ее начале, в месяцы массового военного угара, — пишет А.Давидсон, — все же были люди, видевшие события более трезво и мудро, чем Гумилев. Но Гумилев... Напомню слова, сказаниые мне о нем Анной Андреевной Ахматовой:

— Какой он политик? Наивный был человек.

К тому же — а может быть в этом и таится главное объяснение — он с детства привык видеть в себе воина» (Давидсон А. Муза Странствий Николая Гумилева. М, 1992. С. 195).

С другой стороны, многие биографы поэта отмечают, что вопрос об участии или неучастии в войне, равно как и пафос его «военных» произведений, были связаны для Гумилева не столько с его политическими (монархическими или иными) убеждениямн, сколько с ясным сознанием нменно *патриотического* долга перед страной, населению и культуре которой угрожает опасность от войск агрессора, — долга, связанного естественио-неразрывно с долгом христианским, повелевающим жертвовать жизнью «за други своя». «Патриотизм его был столь же безоговорочен, как безоблачно было его религиозное вероисповедание, — вспоминал А.Я.Левинсон. — Я не видел человека, природе которого было бы более чуждо сомнение, как совершенно, редкостно, чужд был ему и юмор. Ум его, догматический и упрямый, не ведал никакой двойственности» (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 215). С этой точки зрения, действительно, у поэта просто не было выбора — «воевать или не воевать», — не в силу

«авантюристической» наклонности натуры или «монархизма», а просто из-за ясного понимания этической и религиозной несостоятельности какой-либо иной позиции. «Он никогда не менял свое отношение к войне, ее героике, — пишет Р.Плетнев. — Гумилев прошел все тяготы войны, голода, наступления и отступлений в самые тяжелые годы — с 1914 до начала 1916 г., и никогда не жаловался. <...> В нем, как в русском православном воине и поэте, была и устремленность сердца в будущее нашей жестокой, несчастной и великой Родины — России» (Плетнев Р. Н.С.Гумилев (1886—1921): С открытым забралом // Записки русской академической группы в США. 1972. Т. VI; цит. по: Русский путь. С. 586, 590). Здесь следует добавить, что в *личной* судьбе поэта война действительно сыграла роль deus ex machina, вдруг разрешив все безнадежные противоречия, как житейские, так и идейные. Последнее нужно отметить особо, поскольку резкая смена круга общения, требующая к тому же — в силу экстремального характера условий военной жизни — подлинного единства с окружающими («Я переносил все тяготы похода вместе со всеми и говорил солдатам — привычки у меня другие, но если в бою кто-нибудь из вас увидит, что я не исполняю долга, — стреляйте в меня...» — Жизнь Николая Гумилева. С. 118), позволила Гумилеву действительно, не на словах, а на деле, усвоить систему мировоззренческих ценностей, в корне отличную от интеллигентского декадентского индивидуализма. Ахматова, выделявшая в беседах с П.Н.Лукницким «период эстетства» в жизни Гумилева, утверждала, что «галломания», «дендизм» впоследствии были изжиты им совершенно: «Он был совсем простой человек потом...» (Жизнь поэта. С. 102). Перелом, происшедший с Гумилевым, она также связывала с военными годами: «...У Николая Степановича есть и период "русских" стихов — период, когда он полюбил Россию, говоря о ней, как француз о старой Франции. Это — стихи "от жизни", пребывание на войне дало Николаю Степановичу понимание России — Руси. Зачатки такого "русского Гумилева" были раньше — например, военные стихи "Колчана", в которых сквозит одна сторона только — православие...» (Там же. С. 164—165). «Войне довелось дорисовать черты личности и поэзии Гумилева», — писал Н.А.Оцуп, подчеркивая, что во время войны поэту «опротивел молодой претенциозный денди, исполненный надменности и самодовольства» и состоялось «мистическое возвращение» Гумилева в Россию, позже воспетое им в автобиографической «Памяти» (Оцуп. С. 92). Эта существенная черта, отличающая «военного» Гумилева от его петроградского окружения предреволюционных лет, была отмечена, в частности, В.Н.Хрусталевым, сопоставлявшим Гумилева с Блоком: «Противоположность мировоззрений Блока и Гумилева символична. Блок начал с принятого им без критики и анализа готового интеллигентского мировоззрения и изжил его. Гумилев начал с объективного восприятия внешнего мира и создал самостоятельное религиозно-научное мировоззрение. Война испепелила Блока и создала Гумилева» (Хрусталев В.Н. Блок и Гумилев // Возрождение (Париж) 1930. 17 февраля; цит. по: ПРП. С. 317).

Как уже стало ясно, произведения Гумилева, посвященные войне, и, в частности, его «военные» стихотворения, оценивались в прямой зависимости от вышеупомянутых мнений — от признания исключительной идейно-художественной ценности до объявления их художественно несостоятельными, а то и вовсе относящимися к агитационной литературе, писанной «на заказ» (см. об этом: Зобиин. С. 127—132).

«Военные» стихи стали завершающей тематической группой произведений, составивших книгу «Колчан», вышедшую в самом конце 1915 г. (на обложке — 1916 г., однако первые дарственные надписи на экземплярах датированы серединой декабря 1915 — см.: Соч III. С. 394). Очевидно, книга готовилась Гумилевым на протяжении года, во время отлучек с фронта, при непосредственном участии М.Л.Лозинского, в архиве которого находятся чрезвычайно разнородные материалы, связанные с изданием «Колчана» — автографы, списки рукой Лозинского, разрозненные листки гранок, вырезки из верстки номеров журнала «Гиперборей» и т.п. Первоначальное издание планировалось в издательстве «Гиперборей», однако, поскольку издательство в годы войны фактически прекратило свою деятельность (равно как и «первый» «Цех поэтов»), Гумилев в октябре 1915 г. начал переговоры с главой издательства «Альциона» А.М.-Кожебаткиным, поставив условием объявление марки «Гиперборея» на титульном листе (на обложке было проставлено: «Альциона», Москва-Петроград, 1916). Книга вышла тиражом 1000 экземпляров.

Состав книги «Колчан»:

Татиане.Викторовне Адамович

Памяти Анненского (Т. 2, 66)
Война (15)
Венеция (Т. 2, 96)
Старые усадьбы (Т. 2, 114)
Фра Беато Анджелико (Т. 2, 84)
Разговор (Т. 2, 115)
Рим (Т. 2, 80)
Пятистопные ямбы (33)
Пиза (Т. 2, 81)
Юдифь (4)
Стансы (10)
Возвращение (Т. 2, 85)
Леонард (Т. 2, 111)
Птица (Т. 2, 87)
Канцоны: 1(29)
2(30)

---

[1] Здесь и далее в скобках указываются номера стихотворений в настоящем издании. Если данное стихотворение находится в другом томе, номер тома предваряет номер стихотворения. Названия приводятся по оглавлениям книг Гумилева (в оглавлениях названия не всегда совпадают с заглавиями внутри книги).

Солнце Духа (18)
Средневековье (24)
Падуанский собор (Т. 2, 105)
Отъезжающему (Т. 2, 100)
Снова море (Т. 2, 101)
Африканская ночь (Т. 2, 107)
Наступление (14)
Смерть (16)
Видение (Т. 2, 83)
Я вежлив с жизнью современною (Т. 2, 89)
Какая странная нега (Т. 2, 108)
Я не прожил, я протомился (28)
Счастие (23)
Возьмистишие (22)
Дождь (27)
Вечер (9)
Генуя (Т. 2, 79)
Китайская девушка (13)
Рай (32)
Ислам (Т. 2, 102)
Болонья (Т. 2, 97)
Сказка (Т. 2, 86)
Неаполь (Т. 2, 104)
Старая дева (34)
Почтовый чиновник (5)
Больной (21)
Ода д'Аннунцио (31)
Два отрывка из поэмы (3)

«Колчан» вызвал многочисленные и преимущественно положительные отклики — вообще, если судить по реакции критики, это — самая «благополучная» из книг Гумилева. Фактически все без исключения авторы критических заметок согласились с мнением В.М.Жирмунского, утверждавшего, что «Гумилев вырос в большого и взыскательного художника слова» (Жирмунский В.М. Преодолевшие символизм // Русская мысль. 1916. № 12; цит. по: Русский путь. С. 423). Как торжество акмеистических принципов творчества расценила З.Бухарова появление «Колчана»: «Красной нитью проходит по всей этой книге отрицательное отношение к неясному, расплывчатому приятию мира, к нечеткой, приблизительной фиксации мысли и образа, ко всему недоговоренному и подразумеваемому. Слово, до конца верное определяемому им понятию, правдивая, вплоть до прозаизма, подлинность рисунка — вот что хотят провести в современную поэзию акмеисты и адамисты. Многое в этом credo имеет хорошее, ясное, светлое

будущее. Молодая поэзия наша — в громадном количестве своих представителей — заблудилась на туманных дорогах всяких нездоровых западнических течений, и вернуть ее на ясный, солнечный, трезвый путь — более, чем желательно» (ЕЛПН. 1916. № 7. С. 456; подп. З.Б.). Для З.Бухаровой Гумилев — «прежде всего рассудочен и уравновешен, в творчестве его философ всегда берет верх над лириком», а лучшими стихами в книге она сочла «Вещи, навеянные войной <...>, достойным и сознательным участником которой является даровитый автор "Колчана"» (Там же. С. 457). С.Парнок, напротив, полагала, что «стихи, посвященные войне, значительно ниже других стихов сборника», объясняя это тем, что для превращения эстета времен «Чужого неба» в солдата, захваченного общим патриотическим порывом, «нужно случиться чуду преображения. В целом ряде стихов то размышляя, то попросту радуясь, Гумилев дивится этому чуду и пытается утвердить свершение его. Но, очевидно, что творческий момент в данном случае одновременен с процессом этого чуда, что художник "кору снимает за корой" с материала еще не подготовленного для творческой руки: поэт, так сказать, еще не пришел в себя, не успел собрать своей воли, поэтому слова обнажены, чувства не облечены образами и зачастую кажутся поэтически-бессильными, рассудочными и прозаическими» (Северные записки. 1916. Июнь. С. 218—219; подп. Андрей Полянин). Природу поэтической «инаковости» «военных» стихов «Колчана» раскрывает Б.М.Эйхенбаум, для которого путь автора «Пятистопных ямбов» представляется путем воцерковления — от «акмеиста-конквистадора» до «смиренного» неофита-молитвенника: «Он раскаивается, что возлюбил сушу и море. Жизнь предстала ему как дремучий сон бытия...» (Русская мысль. 1916. № 2. Отд. III. С. 19). «Так вот как подготовлялось его славословие войне, — восклицает Б.М.Эйхенбаум, — вот почему его "военные" стихи приняли вид псалмов об "огнезарном бое". Он и здесь неудержим в своем тяготении к большим словам: серафимы за плечами воинов, обращения к Господу, чтобы Он благословил "подвиг сеющих и славу жнущих", солнце духа, которое "благостно и грозно разлилось по нашим небесам", древо духа, с которого люди скоро снимут "золотые, зрелые плоды", — с такими словами надо быть осторожнее: они слишком торжественны и полнозначны сами по себе, они слишком дороги всем людям, ими поэт и облегчает свою поэтическую задачу, и умаляет ее. Но не знаменательно ли самое стремление поэта — показать войну как мистерию духа?» (Там же. С. 18—19).

Откровенно панегирическими были отзывы о «Колчане» И.Гурвича (см.: Известия книжных магазинов т-ва М.О.Вольф. 1916. № 2. С. 46—47) и С.М.Городецкого (см.: Лукоморье. 1916. № 18. С. 19—20), в качестве же критического мы можем привести заметку Б.Олнодорта, в которой, помянув известное высказывание З.Н.Гиппиус о писателях «описывающих, но не пишущих», автор причисляет к таковым и Гумилева: «Зоркий глаз легко приметит в поэзии Гумилева основные стремления: перечеканить уже раз отчеканенное, из картины в музее, из учебника по истории создать несколько красиво-звучных

стихов. Ибо "Муза Дальних Странствий" Н.Гумилева — образованная муза и никогда не забудет прихватить с собой Бедекер: пригодится для справкн» (Приазовский край (Ростов-на-Дону). 1916. 6 октября, № 263). Знаменательно, что главные оппоненты акмеистов — Брюсов и Вяч.Иванов — встретили «Колчан» молчанием.

Развернутую характеристику художественно-философского миросозерцания, отразившегося в стихах «Колчана», дала в пространной «аполлоновской» статье М.М.Тумповская. По ее мнению, «Колчан» содержит в себе некую «сверхидею», что придает книге целостность, позволяющую говорить о «Колчане» как о «поэме», «может быть, о мире, а, может быть, о самом поэте». Таковой «сверхидеей» М.М.Тумповская считает идею «всеединства», выразившуюся в попытке автора преодолеть раздробленность хаотически движущегося бытия актом волевого творческого мировосприятия, примирнть противоречия «внешнего» и «внутреннего» в жизнеобращении человека. «Необычайным и сложиым путем приходит творчество Гумилева к тому спокойствию и тому единству, которое отмечает собой законченное в искусстве. Он находит их, двигаясь в движении. И в этом залог того, что завершенное не станет для него "мертвым ложем". <...> Каким станет его будущее — мы не знаем. Никто не предскажет того, что можно от него ждать, если оно измерит и победит пространства, отделяющие поэтические эскизы от созданий большого творчества. Эти пространства не могут еще не показаться подавляющими в своей громадности. И есть один только большой залог: вто "Дух Колчана" в его раскрытии» (Аполлон. 1917. № 6—7. С. 69).

В 1918 г. Гумилев планировал переиздать «Колчан», однако замысел остался неосуществленным.

В позднейшем высоко оценивалн «Колчан» Ю.Н.Верховский, открывавший этой книгой этап «зрелости» в своем очерке творчества Гумилева (см.: Верховский. С. 117) и Г.П.Струве, отмечавший, что, по его мнению, «именно тут <...> проходит грань в творчестве Гумилева: мастерство достигнуто, начинается внутреннее созревание и углубление. Сквозь бесстрастие взыскательного мастера, ученика Готье, ремесло поставившего подножием искусству, прорывается настоящая лирическая струя» (СС 2. С. XXI). В юбнлейном гумилевском сборнике 1986 г. была опубликована статья С.Шварцбанда, посвященная архитектонике «Колчана». Вслед за М.М.Тумповской, С.Шварцбанд пытается найти «ключ» к единству произведений, вошедших в книгу, для чего предлагает достаточно сложное деление на тематические «восьмерки» стихотворений, долженствующне, по мнению исследователя, иллюстрировать развитие «антиномий сознания», разрешаемых автором в финальных стихотворениях — так, что вся книга представляется «сиюминутным срезом бытия поэта» во всей сложности «сцепления» всевозможных, присущих данной «минуте» идей (см.: Шварцбанд С.Колчан: «Четвертая книга» стихотворений Н.Гумилева (квазиповествовательный текст: система и организация) // Berkeley. Pp. 293—310). В советском литературоведении «Колчан» воспринимался исключительно как сборник «военных» стихов и пото-

му практически не поминался, либо служил неким «одиозным» символом, обозначающим «агрессивно-шовинистическую» природу гумилевского творчества. Впервые после многих лет запрета на упоминание книги пространную характеристику содержания «Колчана» и его роли в творческом развитии Гумилева дал А.И.Павловский, заключая свои рассуждения изящной формулировкой: «Если сравнить, как, по-видимому, и предполагал Гумилев, стихи этой книги со стрелами, то все они остриями своими направлены не вовне, не по-конквистадорски в противника, а в собственную душу поэта. "Колчан" — книга большой печали и просветленной запоздалым раскаянием мудрости» (БП. С. 42).

Февральская революция застала Гумилева в Новгородской губернии, где он находился в служебной командировке за фуражом, в свободное время часто наезжая в Петроград. Он был свидетелем военных возмущений в городе 26 февраля (см.: Жизнь поэта. С. 196—197). В начале марта — тяжело заболел (воспаление легких с подозрением на туберкулез) и был помещен в военный лазарет на Английской набережной, где пробыл около двух — самых драматических в русской истории XX века — недель. Разумеется, все события этих дней так или иначе в лазарете становились известны: реакцией Гумилева на происходящее стал «распутинский» цикл произведений («Мужик», «Ледоход», первый набросок повести «Веселые братья», повторяющий сюжет «Мужика»). Однако от окружающих он тщательно скрывал свои чувства. Яркое описание Гумилева этой поры мы находим в воспоминаниях Г.В.Иванова, навещавшего поэта после выписки: «Худой, желтый после недавней болезни, закутанный в пестрый азиатский халат, он мало напоминал вчерашнего блестящего кавалериста.

Когда навещавшие его заговаривали о событиях, он устало отмахивался: "Я не читаю газет".

Газеты он читал, конечно. <...> Помню одну из его редких обмолвок на злобу дня: "Какая прекрасная тема для трагедии лет через сто — Керенский".

Летом Гумилев уехал в командировку в Салоники» (Иванов Г.В. О Гумилеве // Иванов Г.В. Собр. соч.: В 3 т. М., 1993. Т. 3. С. 549).

Упомянутая мемуаристом «командировка», точнее — перевод в офицерский состав особых пехотных бригад, действующих на Салоникском фронте, — результат настойчивых хлопот Гумилева, тянувшихся всю весну 1917 г. и завершившихся успехом благодаря содействию М.А.Струве, поэта, служившего тогда при штабе Петроградского военного округа. Однако до места нового назначения Гумилев не добрался: в Париже, куда он прибыл транзитом (до того побывав в Швеции, Норвегии и Англии), он был оставлен в составе управления Военного Комиссара Временного Правительства (им тогда был Е.И.Рапп) «для разбора разных солдатских дел и недоразумений», как определил сущность предстоящей работы сам поэт (В мире отечественной классики. М., 1987. Вып. 2. С. 470—471). Среди «недоразумений» особое место занимал мятеж в войсках Русского экспедиционного корпуса во Франции, поднятый солдатами гарнизона Ля Куртин, возглавляемыми большевиками и анархистами. Гумилев, будучи офицером

для поручений при Военном Комиссаре, принимал непосредственное участие в подавлении мятежа и был свидетелем всех ужасов, всюду сопровождавших массовое разложение русской армии в 1917 г. Обстановка в самом Управлении русских войск во Франции ухудшалась день ото дня, зеркально отражая те деструктивные процессы, которые происходили в России. После падения Временного Правительства и наступления уже неприкрытой анархии и паники в штабных кругах, Гумилев пытается устроиться в войсках союзников, едет снова в Англию, думая получить назначение на Месопотамский фронт, но, убедившись, что это в ближайшее время не представляется возможным и будучи крайне стеснен в средствах, принимает решение вернуться в Россию. В конце апреля 1918 г. он приезжает в Петроград.

Говоря о творчестве Гумилева 1917 г., нужно учитывать, что, вне всякого сомнения, под воздействием увиденного за эти месяцы поэт переживает нечто, что вполне можно назвать *мировоззренческой катастрофой*: усвоив за годы войны официальную — имперскую и православную — идеологию, пережив эйфорию, вызванную преодолением индивидуализма и кажущимся обретением подлинного единства с «народом» (мечта многих поколений русских интеллигентов), Гумилев был вынужден признать несостоятельность своих представлений о России и ее исторической судьбе. «Разочарование в войне Гумилев тоже перенес и очень горькое, — вспоминала Анна Ахматова, — <...> Но потом (1921 г.) он, вспоминая, любил себя солдатом» (цит. по: Тименчик Р.Д. «Над седою, вспененной Двиной...». Н.Гумилев в Латвии // Даугава. 1986. № 8. С. 131). Отсюда и изменение тематики произведений этой поры — умаление «военной» темы, создание ряда «историософских» произведений и новое обращение к «экзотике», перекликающееся с вновь возникшей в его творчестве «эзотерической» тематикой, носящей откровенно-«еретический» характер.

Особое место в его творчестве 1917 г. занимает свод лирических стихотворений, опубликованный после смерти поэта под общим заглавием «К синей звезде» (1923). Существует версия о том, что данная книга состоит, в основе своей, из стихов, посвященных Е.К.Дюбуше, в которую Гумилев был безответно влюблен во «второй» парижский период своей жизни, в 1917 г. Стихи эти были записаны в альбом, местонахождение которого ныне неизвестно (в ПС 1923 упоминается «альбом, находящийся в Париже у одного частного лица», где имеется цикл «*Картонажный мастер*», являющийся, как явствует из контекста, собранием ст-ний, вошедших в КСЗ, а в преамбуле к комментариям КСЗ очень туманно упоминается «подлинник» некоей рукописи, «хранящейся в Париже» как источник публикаций — см. КСЗ. С. 71). М.Д.Эльзон высказал предположение, что книга, известная ныне под названием «К синей звезде» является посмертным изданием гумилевской рукописи, собравшей лирические стихотворения, обращенные к разным адресатам, но объединенные общей любовной и философской тематикой (близкой к «софианству» В.С.Соловьева — П.А.Флоренского, восходящего, в свою очередь, к «мистическому эросу» Данте), составленной в

1920 г. и озаглавленной в первоначальном виде «Посреднне (так. — *Ред.*) странствия земного» (см.: БП. С. 538—539, а также — вступительную статью к ПСЗ). Признавая за доводами М.Д.Эльзона право на существование, следует все же заметить: Ахматова была уверена, что названне «Посередине (так. — *Ред.*) странствия земного» является первоначальной версией названия книги стихов «Огненный столп» (см.: Запнсные книжки Анны Ахматовой (1958—1966). М., 1996).

Так или иначе, ст-ния, собранные в КСЗ (часть из них вошла в книгу «Костер»), являют собой самое большое собрание любовной, по преимуществу, лирики Гумилева, которое мы, с большой долей вероятности, можем признать авторским.

Состав книги КСЗ:

Из букета целого сирени (75)
Много есть людей (85)
Мы в аллеях светлых пролетали (74)
Вероятно, в жизни предыдущей (77)
Мой альбом, где страсть (87)
Цветов и песен благодатный хмель (73)
Застонал я от сна дурного (11)
Лишь черный бархат (84)
Пролетала золотая ночь (78)
Об озерах, о павлинах белых (88)
Однообразные мелькают (89)
Неожиданный и смелый (79)
Отвечай мне (93)
Дремала душа твоя (83)
В час моего ночного бреда (81)
Да, я знаю, я Вам не пара (82)
Я вырван был из жизни (80)
Храм твой, Господи, в небесах (86)
В этот мой благословенный вечер (90)
Луна восходит (перевод, входит в 7 т. наст. изд.)
Еще не раз Вы вспомните (91)
Так долго сердце боролось (92)
Я говорил (98)
Езбекие (96)
Ты не могла (102)
Нежно небывалая отрада (103)
С протянутыми руками (106)
Ты пожалела, ты простила (112)
О тебе, о тебе, о тебе (104)
Не всегда чужда ты (101)
Неизгладимый, нет (107)

Временами, не справясь с тоскою (95)

На путях зеленых и земных (94)

Так, вот платаны, пальмы (отрывок из трагедии «Отравленная туника», входит в 6 том наст. изд.)

Согласно свидетельству И.В.Одоевцевой, сам Гумилев отзывался об этих стихах достаточно уничижительно: «Я застрял в Париже надолго и так до Салоник и не добрался. <...> Ну и, конечно, влюбился. Без влюбленности у меня ведь никогда ничего не обходится. А тут я даже сильно влюбился. И писал ей стихи. Нет, я не могу, как Пушкин, сказать о себе: "Но я любя был глух и нем". <...> А я как влюблюсь, так сразу и запою. Правда, скорее петухом, чем соловьем. Но кое-что из этой продукции бывает и удачно» (Одоевцева И.В. На берегах Невы. М., 1989. С. 166). Достаточно сурово оценил КСЗ и Н.А.Оцуп, считавший ст-ния, вошедшие в книгу, неудачным подражанием Петрарке: «Здесь <...> видно, что автор не дилетант. Его добродушие, его юмор, его рыцарская нежность вызывают симпатию. Но читатель также замечает, что эти стихотворения однообразны, что Гумилев не выглядит тем всемогущим творцом, тем вдохновенным певцом, которым мы восхищались в его африканских или военных стихотворениях. Его похвалы той девушке, которая "еще не ведала любви", патетичны, но, закрыв книгу, читатель больше не помнит об этой волшебнице, ибо поэт не раскрывает нам никаких именно ей свойственных черт» (Оцуп. С. 109). Более снисходителен к книге был С.К.Маковский, полагавший, что «стихи <...> искренни и отражают подлинную муку», но оговаривавшийся, что «неосторожно было бы приравнивать их к трагической исповеди», что они «часто небезупречны» (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 96). Между тем, у молодых русских читателей 20—30 гг. эти стихи пользовались несомненным успехом. Сохранились свидетельства того, что стихи КСЗ становились своеобразным любовным «кодом», как ранее, если использовать параллель Н.А.Оцупа, — стихи Петрарки (см.: Горелик Г.Е., Френкель В.Я. Матвей Петрович Бронштейн: 1906—1938. М., 1990. С. 27—28). «Это не отдельные стихотворения, а большая поэма одной несчастной любви», — писал Л.В.Горнунг, отмечая, что от этой «грустной и задумчивой» книги «разгорелось и померкло искупительное пламя «Огненного столпа»» (цит. по: Чет и нечет. М., 1925. С. 39—40). В наши дни некоторые из ст-ний КСЗ назвал «шедеврами "поздней" любовной и философской лирики Гумилева» А.И.Павловский (БП. С. 52); обстоятельное исследование книги содержится в работе К.Ичин: Циклус «Плава Звезда» Николаја Гумиљова. Београд, 1997 (см. также рец.: Николаенко В.В. Письма о русской филологии. Письмо третье // Новое литературное обозрение. 1998. Т. 29. № 1. С. 355).

В архиве Г.П.Струве находится другой альбом, содержащий, по-видимому, полный свод стихотворений и переводов, созданных Гумилевым в 1917—начале 1918 гг., и собранных автором воедино перед отъездом на родину. Этот альбом

был оставлен Гумилевым на сохранение Б.В.Анрепу, от которого и перешел к крупнейшему зарубежному издателю гумилевского наследия. Во втором томе «Собрания сочинений Н.Гумилева» Г.П.Струве дает следующее подробное описание этого альбома: «...альбом <...> представляет собой довольно толстую тетрадь в зелеиом сафьяновом переплете с надписью золотым тиснением "Autographs" (возможно, что альбом этот был куплен Гумилевым в Петербурге, в Английском магазине). В альбом вошло 76 стихотворений. Все стихи, занимающие 79 страниц альбома, вписаны рукой Гумилева, его мелким, тщательным почерком. Названия выделены красными чернилами. Заглавиый лист альбома представляет собой цветочный орнамент (желтый, красный, коричиевый) акварелью, работы Н.С.Гончаровой, с ее подписью и датой "1916". Акварелью же написано: "Н.Гумилев. Стихи". На обороте заглавной страницы и поверх текста первой страницы — двойной рисунок в красках Д.С.Стелловского, иллюстрирующий стихотворение "Змей". <...> Кроме того, имеются рисунки в красках без подписи к следующим стихотворениям: "Андрей Рублев" (орнамент, по всей вероятности, работы Н.С.Гончаровой), "Мужик" (два рисунка — вероятно, М.Ф.Ларионова — на лицевой и оборотной страницах, на которых записано это стихотворение), "Картинка" (орнамент — вероятно, Н.С.Гончаровой), "В Северном Море" ("морской" ориамент тоже на лицевой и оборотной сторонах, по всей вероятности, тоже руки Н.С.Гончаровой).

Стихотворения записаны в альбом в следующем порядке[1]:

<Змей (37)
Андрей Рублев (38)
Деревья (39)
Городок (43)
Второй год (42)
Детство (44)
«Перед ночью северной, короткой...» (55)
Юг (47)
Мужик (56)
Рабочий (45)
Ледоход (57)
Канцона первая (52)
Осень (60)
Природа (61)
Девушка (62)

---

[1] Далее следует ряд цифр, соответствующих номерам стихотворений в СС (с опечатками в нумерации); для удобства состав альбома Струве приводится в названиях и номерах стихотворений, соответствующих оглавлению настоящего издания (все особенности текстов оговариваются в каждом случае отдельно в разделе «Другие редакции и варианты» и соответствующих комментаторских статьях). Курсивом выделены переводы из китайской поэзии, вошедшие в 7-й том настоящего издания

Детская песенка
Эзбекие (96)
Творчество (53)
Странник
Счастье
«Я говорил: "Ты хочешь, хочешь?.."» (98)
Предупреждение
«Я, что мог быть лучшей из поэм...» (99)
Два Адама (100)
Рассыпающая звезды (101)
«Ты не могла, иль не хотела...» (102)
«Нежно-небывалая отрада...» (103)
О тебе (104)
Ангел боли (105)
Канцона третья (106)
«Неизгладимы, нет, в моей судьбе...» (107)
«Среди бесчисленных светил...» (111)
«Ты пожалела, ты простила...» (112)
Приглашение в путешествие (113)>

На предпоследней странице альбома в два столбика написано "Содержание". В нем перенумеровано 70 стихотворений. Против семнадцати переводных стихотворений, из которых шестнадцать вошли затем в "Фарфоровый павильон", стоит черточка красными чернилами, причем против первого из них написано "пер<евод>", а после последнего — красными чернилами цифра "17". Около половины остальных стихотворений помечено крестиками после названия. Против 27 названий крестика нет. Смысл крестика остается неясным, ибо помеченные таким образом стихотворения включают и такие, какие Гумилев потом включил в "Костер", и такие, которые туда не вошли... <...> Шесть стихотворений почему-то не были включены Гумилевым в оглавление[1] <"Купание", "Рыцарь счастья", "Прапамять", "Два Адама", "Богатое сердце", "Ночь">. Страницы с этими стихотворениями были вырезаны, но оставлены в альбоме. Одно из них <"Прапамять"> вошло в "Костер". В самом альбоме стихотворения не нумерованы, но за исключением вырезанных порядок их соответствует порядку "Содержания".

Помимо "Содержания" в лондонском альбоме имеется еще страница (вырезанная, но, по-видимому, следовавшая сразу за текстом записанных стихотворений), на которой рукой Гумилева записаны четыре списка стихотворений. Первый из них озаглавлен "Отлунье" (возможно, что так Гумилев предполагал назвать свой следующий сборник). Сюда вошло 17 стихотворений, из которых все,

[1] Названия стихотворений, заменяющие номера СС, приводятся по оглавлению настоящего издания.

кроме одного, были включены потом в "Костер". Вот этот список: "1) Да, я знаю; 2) Травы; 3) Картинка; 4) Деревья; 5) Ледоход; 6) Природа; 7) Стокгольм; 8) Мужик; 9) Рабочий; 10) На С<еверном> Море; 11) Езбекие; 12) Змей; 13) Городок; 14) Андрей Рублев; 15) Вт<орой> год; 16) Утешенье; 17) И вот вся жизнь".

От этого первого списка чертой отделен второй — тоже из 17 названий, но на этот раз включающий как старые стихотворения, так и еще тогда не напечатанные: "1) Жираф; 2) Волш<ебная> скр<ипка>; 3) Семир<амида>; 4) Товарищ; 5) Капитаны; 6) Из г<орода> Киева; 7) Я верил, я дум<ал>; 8) Турке<станские> ген<ералы>; 9) Аб<иссинские> п<есни>; 10) Памяти Анненского; 11) Побег; 12) Я вежлив; 13) Сказка; 14) Деревья; 15) Стокгольм; 16) Я и вы; 17) Два Адама". Значение этого второго списка непонятно: едва ли Гумилев думал об издании сборника в таком составе. Может быть, он записал стихотворения разных периодов, которые считал наиболее для себя характерными. Список охватывает период от "Романтических цветов" до тогда еще не напечатанного "Костра".

После новой черты следует список из 15 названий. Все названные здесь стихотворения были записаны в парижский или лондонский альбомы и некоторые потом вошли в "Костер". Вот этот список, "1) Танка; 2) Портрет; 3) Я и вы; 4) Любовь; 5) Прогулка; 6) Роза; 7) Бог<атое> сердце; 8) Тел<ефон>; 9) Сам<офракийская> поб<еда>; 10) Не всегда чужда; 11) О тебе; 12) Сон; 13) Я гов<орил>; 14) Девочка; 15) Езбекие".

Последний список самый длинный. Он разделен на четыре подотдела и включает 52 стихотворения, все к тому времени не входившие ни в один из уже изданных сборников. Приводим этот список, стихотворения в котором, может быть, долженствовали составить новый сборник стихов: "I 1) Рублев; 2) Деревья; 3) Травы; 4) Мужик; 5) Рабочий; 6) Картинка; 7) Стокгольм; 8) Сон; 9) Я и вы; 10) Езбекие; 11) Два Адама; 12) Девочка. II 1) Змей; 2) Городок; 3) Песня; 4) Ледоход; 5) Канцона; 6) В С<еверном> Море; 7) Роза; 8) Портрет; 9) Самотр<асская> П<обеда>; 10) Я, что мог...; 11) Не всегда чужда; 12) Вт<орая> канц<она>. III 1) Вт<орой> год; 2) Любовь весной; 3) Природа; 4) Девушка; 5) Танка; 6) Любовь; 7) Прог<улка>; 8) Тел<ефон>; 9) Богатое сердце; 10) Я говорил; 11) Прощенье; 12) О тебе; 13) Уста солнца; 14) Новая встреча. IV 1) Швеции; 2) Норв<ежские> горы; 3) Утешенье; 4) Жизнь; 5) В Бретани; 6) Ночь; 7) Карт<онажный> м<астер>; 8) Сирень; 9) Униженье; 10) Всю ночь гов<орил> я с ночью; 11) Нежно неб<ывалая> отр<ада>; 12) Ангел боли; 13) Прощанье; 14) Обещанье". Почти все стихотворенья этого списка и целый ряд в других разделах вошли потом в "Костер"» (СС 2. С. 273—275).

Стихотворения 1917—начала 1918 г. были изданы Гумилевым по возвращении в Россию в книге «Костер».

Состав книги «Костер»:

Деревья (39)

Андрей Рублев (38)
Осень (58)
Детство (44)
Городок (43)
Ледоход (57)
Природа (59)
Я и вы (82)
Змей (37)
Мужик (56)
Рабочий (45)
Швеция (62)
Норвежские горы (64)
На Северном Море (68)
Стокгольм (63)
Творчество (53)
Утешение (65)
Прапамять (69)
Канцона первая (52)
Канцона вторая (86)
Канцона третья (106)
Самофракийская победа (81)
Роза (76)
Телефон (79)
Юг (47)
Рассыпающая звезды (101)
О тебе (104)
Сон (11)
Эзбекие (96)

Судя по материалам, сохранившимся в архиве М.Л.Лозинского, работа над «Костром» была начата Гумилевым еще в 1916 г., когда Гумилевым был составлен сборник «Отлуние», содержащий восемь стихотворений, шесть из которых затем вошли в «Костер»: «Змей», «Андрей Рублей», «Деревья», «Городок», «Второй год», «Детство», «Рабочий», «Перед ночью северной, короткой...». Сборник, однако, издан не был. В архиве Лозинского имеется также и рукопись «Костра», очевидно представленная Гумилевым по возвращении из-за границы в возобновленное издательство «Гиперборей». Состав рукописи имеет некоторые отличия от окончательного варианта в подборе, расположении и оформлении текстов: «Я и вы» (под загл. «Вступление», которое затем было снято), «Андрей Рублев», «Осень» (под загл. «Картинка»), «Детство», «Городок», «Ледоход», «Деревья», «Канцоны I—III», «Miniature persane» (на французском языке), «Стокгольм», «Творчество», «Мужик», «Рабочий», «На Северном море», «Утешение», «Теле-

фон», «Роза», «Самотрасская победа», «Юг», «Рассыпающая звезды», «О тебе», «Сон», «Девочка», «Два Адама», «Эзбекие», «Змей», «Природа». Наконец, в архиве имеются и гранки «Костра» с пометой М.Л.Лозинского: «Верстать, согласно образцу» и датой: 21 июня 1918 г. По дарственной надписи на экземпляре «Костра» в архиве Лозинского — 17 июля 1918 года — можно точно определить время выхода книжкн. Тираж «Костра» не указан.

Известно несколько критических отзывов, посвященных «Костру» — чрезвычайно кратких, содержащих преимущественно оценку книги, без распространенной аргументации и аналитического разбора стихов (эпоха «военного коммунизма» была в разгаре и периодика в России была почти разгромлена). «..."Костер", последовавший за радостно-фантастическим "Колчаном" первого года войны, рисуется как эпизод, довольно краткое <...> intermezzo, — писал А.Я.Левинсон. — Душа, возвеличенная жертвенным подвигом воина, вновь погружена в марево северных туманов, в чистилище смутных кошмаров, над которым лишь в высоте сияет воскрылие серафимов (бесконечно любимый Гумилевым образ). Он сам ощущает "Костер", как "зловещую ночных видений тетрадь", томнтся в своем гиперборейском изгнании <...> И не тот ли это очистнтельный костер, из пепла которого, по ветхому уподоблению — должен грянуть Феникс? Я обнажил, мне кажется, интимный стержень нового цикла. Между тем, Гумилев слыл и слывет у многих парнасцем по содержанию и форме, т.е. безличным и педантичным нанизывателем отраженных чувствований собирателем живописных эпнтетов и радостных звонов. Не может быть большего заблуждения. Лиризм его — выражение сокровенной и скрытой чувствительности; другой в нем признак душевного волнения его юмор, юмор без широкой усмешки: Гумилев улыбается одними глазами. Да, конечно, он мастер н фанатнк формы: но что есть поэзия, если не постижение мира через образ и звук» (Жизнь искусства. 1918. 24 ноября, № 22). В подобном же достаточно сочувственном духе высказались о «Костре» К.В.Мочульскнй (Одесский листок. 1919. 2 марта (№ 56), б.п.) и А.А.Смирнов (Творчество. 1919. № 3). Как пример остроумного критического выпада можно привести выдержку из статьи В.Г.Шершеневича: «"Костер" написан по очень простому рецепту. Н.Гумилев зоркий критик. Он совершенно верно предугадал: по какому пути пойдет В.Брюсов после 1916 г. И забежал вперед. Он написал все то, что должен был написать В.Брюсов (может, даже пишет). И потому, что Брюсов сейчас пишет скучно и о скучном, Н.Гумилев написал скучный "Костер" — это гениальный плагиат еще не написанной книги Брюсова, и невольно вспоминается пушкинское: "Жалею я о воре"» (Свободный час. 1918. № 7. С. 15).

В позднейших упоминаниях о «Костре» — весьма немногочисленных, преимущественно в очерках биографического толка, особенно выделялась «русская тематика», присущая ряду ст-ний книги. «Он пишет проникновенно-лирические стихи о русском детстве, сохранившемся в его памяти нежным воспоминанием, о русской багряно-рябиновой осени, о провинциальном городке "над широкою рекой пояском-мостком перетянутой", о ледоходе на Неве и о творениях Ан-

дрея Рублева... В стихотворении "Мужик" сквозит горестное недоумение перед темной силой, вытолкнувшей в российскую историю зловещую фигуру Григория Распутина. Но все же и в "Костре", несмотря на прорвавшуюся русскую тему, он остается рыцарем Музы Дальних Странствий и продолжает искать свою подлинную — духовную — родину всюду, лишь изредка останавливаясь на мысли, что она может находиться именно в России» (Павловский А.И. Николай Гумилев // БП. С. 50). Обстоятельный разбор «Русской темы» в «Костре» дан Н.А.Оцупом (см.: Оцуп. С. 137—154) и А.И.Михайловым (см.: Исследования и материалы. С. 55—75). Совершенно по-иному подошел к интерпретации «общей идеи» «Костра» Р.Эшельман, утверждавший, что «"Костер" отличается (от других книг Гумилева. — *Ред.*) прежде всего попыткой <...> описать некую дискретную область — в данном случае природы — отмеченную привилегированной метафизической ценностью. С этой целью, Гумилев по-своему обращается к романтическому понятию магической природы» (далее следует анализ «пейзажных» ст-ний книги; см.: Eshelman. P. 89 и далее).

После выхода в 1922 г. второго, посмертного, издания «Костра», в периодике РСФСР и русского зарубежья появился ряд рецензий (В.Б.Шкловского, В.О.Лурье, М.Л.Слонима), имевших — в силу обстоятельств, — некрологический характер. Среди прочих откликов подобного рода особенно выделяется позднее высказывание М.И.Цветаевой: «Не "мэтр" был Гумилев, а мастер: боговдохновенный и в этих стихах уже безымянный мастер, скошенный в самое утро своего мастерства-ученичества, до которого в "Костре" и окружающем костре России так чудесно — древесно! — дорос» (см.: СС 2. С. 360).

В данном разделе комментарии к каждому произведению, обозначенные соответствующим номером, начинаются с библиографической справки, в которой перечислены в хронологическом порядке прижизненные публикации с указанием на наличие вариантов и других редакций. Шрифтовое выделение обозначает источник, по которому текст печатается в настоящем издании. Как правило, это последняя авторская публикация (отступления от этого принципа оговариваются в каждом отдельном случае). Затем дается свод важнейших посмертных публикаций в следующем порядке: отдельные издания; альманахи и сборники; журналы; газеты (с 1922 по 1997 г.). Вслед за печатными источниками указывается наличие автографов (с приведением вариантов первоначального слоя автографов), обосновывается датировка и сообщаются сведения о переводах на иностранные языки. Далее освещается творческая история произведения, дается историко-литературный комментарий, а также пояснение (применительно к контексту) малоизвестных реалий.

1914

1. «Златоцвет». 1914. № 3 (январь).

СС III - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб)2 - СП(Феникс) - - ОС 1989 - - СПП - - Кап - - СС(Р-т) III - - Соч 1 - - Круг чтения - - Престол - - Изб 1997 - - ВБП - МП - - СП 1997; Душа любви; Ленинградская правда. 1988. 8 июля (№ 158(22300)).

Автограф 1 с вар. — РГАЛИ. Ф. 543 (Д.М.Цензора). Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 2. В ст. 3 вместо «ветер» ранее было: «запах». Автограф 2 с вар. — РГАЛИ. Ф. 95 (А.Л.Волынского). Оп. 1. № 993. Л. 1.

Дат.: январь 1914 — по дате публикации.

Ст-ние было приложено к письму Гумилева Д.М.Цензору: «Многоуважаемый Дмитрий Михайлович, сейчас только получил Ваше письмо и, несмотря на злейшую аграфию, которая мучит меня уже полгода, пишу Вам и посылаю стихи.

Ане я передам Вашу просьбу, и она наверно пришлет Вам тоже.

Очень интересно будет посмотреть на Ваш "Златоцвет".

Жму Вашу руку. Ваш Н.Гумилев» (Неизд 1986. С. 130).

Цензор Дмитрий Михайлович (1877—1947) — поэт, с февраля 1913 г. — член «Цеха поэтов»; редактор журнала «Златоцвет» (1913—1914).

2. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Соч 1; Даугава. 1987. № 6 - - Русская литература. 1988. № 2, публ. К.М.Азадовского и Р.Д.Тименчика.

Автограф — ИРЛИ. Ф. 649 (Ф.Ф.Фидлера). Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 280; против ст. 6—7 запись Ф.Ф.Фидлера: «Что означает сей бред?»

Дат.: 8 февраля 1914 — по датировке К.М.Азадовского и Р.Д.Тименчика.

«8 февраля 1914 года, в день основания Санкт-Петербургского университета, в ресторане "Мало-Ярославец" состоялся торжественный обед участников романо-германского семинария во главе с известным филологом Ф.А.Брауном. Гумилев, учившийся на романо-германском отделении университета (по воспоминаниям коллег, он предпочитал прогулки по длинному коридору посещениям лекций), записал в фидлеровский альбом "В ресторане" восьмистишие "Акростих — восьмерку", обыгрывая название стихотворной книги К.Бальмонта "Фейные сказки"» (Тименчик Р.Д. Неизвестные экспромты Николая Гумилева // Даугава. 1987. № 6. С. 112).

Фидлер Федор (Фридрих) Федорович (1859—1917) — педагог, коллекционер, мемуарист; преподавал немецкий язык в гимназии Я.Г.Гуревича во время пребывания там Гумилева; впоследствии — знакомый Гумилева по «кружку Случевского» (см. об этом: Русская литература. 1988. № 2. С. 171—173).

3. Колчан, отрывок, с вар. - - Аргус. 1917. № 9—10, отрывок, с вар. - - **Мик: Африканская поэма. СПб., 1918.**

Мик 1922 - - Колч 1923 - - СС 1947 II - - СС II - - Мик 1980 - - Неизд 1986 - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - Изб(Кр) - - Изб(М) - - ЗС - - СС(Р-т) II - - СПП - - Колч 1990 - - СП(XX век) - - Изб(Х) - - Соч I - - Круг чтения - - ОЧ - - ВБП - - Изб(Сар) 2; Граффити: Лит. - худож. альманах. Вып. 2. Киев, 1996, вар. автографа 1.

Автограф 1, др. ред. — ИРЛИ. Ф. 163 (Е.А.Ляцкого). Оп. 3. Ед. хр. 48: машинопись первых пяти глав с авторской правкой. В ст. 5 вместо «их» ранее было: «вся». В ст. 6 вместо «Вся» ранее было: «Их». Между ст. 8—9 ранее было: «Непроходим тот край и дик / И рассердился Менелик». В ст. 28 вместо «увидать своих» ранее было: «смерить взорами». Между ст. 38—39 ранее было: «Но и в преклонные года / Не трепетавший никогда». В ст. 44 вместо «увертливо» ранее было: «увертливый». Между ст. 59—60 ранее было: «И от болот, и от озер». Между ст. 74—75 ранее было: «И ослепленное зверье / Как будто впало в забытье». Между ст. 80—81 ранее было: «И, обезумев, меж собой / Они вступили в грозный бой». Между ст. 82—83 ранее было: «А дух лесов людей забыл. / Он дико гаркнул с высоты / И растащил их за хвосты». В ст. 85 вместо «шести» ранее было: «осьми». Между ст. 85—86 ранее было: «Забытого его людьми». Между ст. 89—90 ранее было: «Ворчал, неся его старик». В ст. 129 вместо «навеки» ранее было «повеса». В ст. 176 вместо «котлу» ранее было «нему». Между ст. 190—191 ранее было: «От глаза тоже — знал герой, / Что у французов глаз дурной». В ст. 289 вместо «нора» ранее было: «пора». Между ст. 322—323 ранее было: «Но тот его не замечал. / Он павиана представлял,/ Как тот, и сильный, и большой,/ Запрятался в траве густой». Между ст. 350—351 ранее было: «И вдруг услышали вдали / Удары бубна, гул земли: / Пред ними странный караван / Идет, волнуясь, как туман. / Пятьсот высоких негров в ряд / Горящие стволы влачат, /Другие пляшут и поют, / Трубят в рога и в бубны бьют, / А на носилках из парчи / Царевна смотрит и молчит. / Прошел и скрылся караван, / И Мик, тоскуя, говорил: / «Не надо мне счастливых стран. / Когда б рабом ее я был. / Она — поклясться я готов — / Дочь духа доброго лесов — / Живет в немыслимом саду, / В дворце, похожем на звезду, / И никогда, и никогда / Мне, Мику, не войти туда». / Луи смеялся: «Ну не трусь, / Войдешь, как я на ней женюсь!» Вместо ст. 362—363 ранее было: «Сойтись и вместе обсудить / Как им отныне нужно жить». Между ст. 364—365 ранее было: «Чтоб не стыдиться пред людьми, / Хоть и друзьями и детьми». В ст. 365 вместо «Уселись» ранее было «И сели». Между ст. 372—373 ранее было: «И бегая вперед, назад, / Как рой веселых бесенят». В ст. 375 вместо

---

[1] Нумерация стихов в характеристиках автографов 1 и 2 дается по нумерации стихов в тексте редакции автографа 1, приведенного в разделе «Другие редакции и варианты».

«умник» ранее было «умный». В ст. 382 вместо «похоже» ранее было: «другое». В ст. 384 вместо «Ему безжалостно» ранее было: «Безжалостный ему». Между ст. 400—401 ранее было: «И вместо скиптра дал пока / Кость околевшего быка». В ст. 403 вместо «после отдались» ранее было: «там отдалися».

Автограф 2, др. ред. — Архив Лукницкого: ксерокопия рукописи первых пяти глав (местонахождение самой рукописи неизвестно), почти совпадающей с редакцией автографа 1, с добавлением всех изъятых оттуда фрагментов и со следующими изменениями. В ст. 24 вместо «жестокие» ранее было: «суровые». Ст. 33 — «Размахивает топором:». Ст. 59 — «Бегите от лесов и гор». В ст. 64 вместо «так» ранее было «здесь». Между ст. 68—69 ранее было: «И зверь чудовищный». Ст. 84—85 — «Гано споткнулся уходя / О мальчугана лет семи». В ст. 124 вместо «совсем» ранее было «увы». Между ст. 128—129 ранее было: «Он только (нрзб. — *Ред.*) / Пребольно (нрзб. — *Ред.*) себя обжег». В ст. 252 вместо «И» ранее было «Как». Ст. 254 — «Он до сих пор не ел конфет!». В ст. 263 вместо «нравиться» ранее было «любо, но». Ст. 280 — «Смотри, чтоб не было беды!». Ст. 288 — «А на день прятались в кустах». Ст. 291 — «Спустился вечер — снова в путь!». Ст. 305 — «Мне улыбается судьба». Ст. 318 — «Пусти, иль будешь сам не рад!». Во вставке между ст. 322—323 вместо «Как тот и» ранее было: «Зачем он,», а следующий стих завершался «?». Ст. 328 — «Налево вам, направо мне!». Во вставке между ст. 350—351 вместо «Прошел и скрылся караван» ранее было: «Прошел как призрак караван»; ст. «Мне, Мику, не войти туда» завершается «!». Ст. 386 — «Не то! Мы выберем царя!»». Ст. 388—393 — «Царя, царя, хотим, хотим... / Ты самый старый, будь царем... / Нет, лучше Мика изберем... / Не надо Мика! Что нам Мик? / Луи... Он властвовать привык... / Луи! Нет, Мика! Нет, Луи...». В ст. 464 вместо «молоды» раньше было «глупые». В автографе 2 отсутствуют также многие грамматически обязательные знаки препинания.

Автограф 3, др. ред. — РГАЛИ. Ф. 147. Оп. 1. № 9. Л. 1—20: рукопись шести первых глав (шестая глава не завершена), наброски шестой — восьмой(?) глав, трудночитаемые, с отсутствием многих грамматически обязательных знаков препинания, а также — отдельный вариант начала первой главы. В ст. 18[1] вместо «лучника» ранее было «спящего». В ст. 20 вместо «застрелили» ранее было: «окружили». Между ст. 54—55 ранее было: «Он думал выйдет молодой, / Не вор он почести чужой — / Но если нету никого, / Его довольно одного». Между ст. 64—65 ранее было: «Так, нападая на быка, / Пантера выжидает миг, / Потом дерет ему бока / И грудь, издав победный крик». Ст. 65—70 отчеркнуты Гумилевым. Между ст. 66—67 ранее было: «Лишь взор его врагам простил / Он умер яростно, как жил;». Ст. 71—74 отчеркнуты Гумилевым. Ст. 77—78 отчеркнуты Гумилевым. В ст. 84 вместо «и пугните» ранее было: «растопчите».

[1] Нумерация стихов в характеристике автографа 3 дается по нумерации стихов в тексте редакции автографа 3, приведенного в разделе «Другие редакции и варианты».

В ст. 104 вместо «Он спотыкнулся» ранее было: «Гано споткнулся». Ст. 111—120 отчеркнуты Гумилевым. Между ст. 116—117 ранее было: «Служи исправно, да расти, / А о прошедшем не грусти». Между ст. 126—127 ранее было: «А поздно вечером к костру / Идет готовить инжиру / И, получая свой кусок, / Спешит в укромный уголок: / А то ведь сглазят на беду / Его вечернюю еду». Между ст. 130—131 ранее было: «В глухих горах Ато-Гано / Его поймал не так давно / И из-за прихоти привез / В Адис-Абебу, город роз». Между ст. 134—135 ранее было: «Но злейшая его беда / Была — собаки: те всегда / Сбегались лаять перед ним, / И, злобной яростью томим, / Он поднимался на дыбы, / Рыл землю и валил столбы». Между ст. 136—137 ранее было: «И, отгоняя злобных псов, / Не трепетал его зубов». Между ст. 138—139 ранее было: «И наконец они сошлись: / Под вечер оба глядя ввысь,». Между ст. 144—145 ранее было: «И, забывая горький плен / Под звуки (нрзб. — *Ред.*) и рев гиен». Ст. 147—158 отчеркнуты Гумилевым. Ст. 161—170 отчеркнуты Гумилевым. Между ст. 196—197 ранее было: «Но, от обиды сам не свой, / Он не пошел за инжирой». Между ст. 198—199 ранее было: «И только извинившись, Мик / С ним примирения достиг». Ст. 205 подчеркнута Гумилевым. Между ст. 208—209 ранее было: «Был мул белей, чем полотно. / Был в красной мантии Гано.». Ст. 211—212 отчеркнуты Гумилевым. Между ст. 232—233 ранее было: «Когда б о рае слышал он / Он не был бы так удивлен, / Сказал бы душу взял мою / Господь, и я теперь в раю». Между ст. 236—237 ранее было: «Спадают волосы волной / На край матроски голубой, / Движенья ловки и быстры / И весь он создан для игры, / Для беготни и болтовни / В святые солнечные дни». Между ст. 268—269 ранее было: «Как будто запахи цветов / И звук забытых голосов, / Тепло привычного огня / Слились и радуют, дразня». В ст. 270 вместо «Крича» ранее было: «Кричит». Между ст. 282—283 ранее было: «И сладко вспомнил старый вождь / Про бой под Адуей, где дождь / И пуль и ядер слаще был, / Чем первой молодости пыл, / Где итальянский генерал / Пред Менеликом побежал, / Где он зарезал пятерых / И взял коней и ружья их». Ст. 282—286 отчеркнуты Гумилевым. Между ст. 286—287 ранее было: «Звериным нюхом чуял он, / Что в этом мире есть закон — / Чего не знаешь не ищи, / Чего не видишь — трепещи!». Между ст. 306—307 ранее было: «Послы из дальней стороны / И в пестрых тряпках колдуны; / Поклонник дьявола порой / С опущенною головой / Спешил в гористый Анкобер, / Где в самой темной из пещер / Живет священная змея. / Земного матерь Бытия». Ст. 307—313 отчеркнуты Гумилевым. Между ст. 312—313 ранее было: «Гиена взвоет на пути, / Но не посмеет подойти, / Мелькнет пантера меж камней / Пятнистой шкурою своей / И вновь такая тишина, / Что слышно, как плывет луна». В ст. 331 вместо «земли» ранее было: «страны». Между ст. 338—339 ранее было: «Где в стрекотании стрекоз / Вставали веера мимоз / Да в трещинах огромных скал / Зверей чудовищный оскал; / Луны уж не было, и высь / Как низкий потолок была / Но звезды крупные зажглись / И стала вдруг она светла, / Переливаясь... и внизу / Стеклянный

воздух ждал грозу». Между ст. 340—341 ранее было: «И видят путники растет / Во мгле сомнительный восход». В ст. 352 вместо «знатен он» ранее было «он богат,». Между ст. 354—355 ранее было: «В арабских сказках принца нет, / Калифа, чтобы ей сказать: / «Моя жемчужина, мой свет, Позвольте мне вам жизнь отдать!» / В арабских сказках гурий нет, / Чтоб с этой девушкой сравнять». Ст. 369—376 отчеркнуты Гумилевым. После ст. 438 Гумилевым сняты (зачеркнуты) две финальные строфы:

Спускался он на дно пещер,
Где сумрак трепетен и сер,
И где увидеть вы могли б
В воде озер безглазых рыб,
Чье мясо никому не впрок,
Затем, что пища их — песок:
Потом входил на крутизну
И сыпал камни в глубину,
Смотрел, как падают они,
На солнце золотом горя,
И были так печальны дни
Всем недовольного царя.
И лишь тогда бывал он рад,
Когда глядел на водопад,
Что поднимая вой и визг,
Плещась холодной пеной брызг;
К нему тропа, где вечно мгла,
В колючих зарослях вела
В конце же, около воды,
Виднелись странные плоды
И мальчик знал, что неспроста
Здесь тишина и темнота
И даже птицы не поют,
Чтоб оживить глухой уют.

Здесь раз в столетие трава,
Шурша, вскрывается как дверь.
С рогами серны, с мордой льва
Приходит пить какой-то зверь.
Кто знает, где он был сто лет
И почему так стонет он
И заметает лапой след,
Хоть только ночь со всех сторон?
О, только ночь, черна, как смоль,

И страх и буйная вода.
И в стонах раненого боль,
Не гаснущая никогда.

Между ст. 444—445 ранее было: «Когда сопящий бегемот / Шел к пастбищам из тьмы болот, / Когда внезапный ветер с гор / Гудел в вершинах сикомор, / То в каждом шуме думал Мик / Услышать человечий крик». Между ст. 448—449 ранее было: «Там толпы юношей и дев / Перекликались: «Умер лев!» / А огненный, громадный шар, / Весь в багровеющих звездах, / Как бы во власти темных чар, / Прыжками двигался в кустах. / И, в ужасе окаменев, / Вдруг понял Мик, что это лев». Между ст. 526—527 ранее было: «Все запахи и голоса, / Которыми полны леса, / Отныне каждый человек — / Богатый, бедный, самый злой — / К тебе привяжется навек / Вдруг размягченною душой; / И будешь ты творить добро, / И суд твой будет честный суд, / Но золото и серебро / В твоих подвалах как сочтут?!» В автографе 3 имеется также набросок начала поэмы (см. раздел «Другие редакции и варианты», с.228).

Автограф 3 завершается трудночитаемыми набросками глав VI—VIII (согласно нумерации, принятой в данном варианте). Первым двум из перечисленных глав предпослан тематический план с цифровой разбивкой, частично соответствующей идущим затем строфам (см. раздел «Другие редакции и варианты», с.229).

Автограф 4 с вар. — архив Струве: гранки «Нивы» с пометой «10 февр. 1917», штампами «Нива» и «А.Ф.Маркс» и надписью рукой неизвестного лица: «№ 4. Для детей. 9 гранок». В автографе 4 имеются примечания:

Абиссинцы — очень воинственный народ, смесь арабов с неграми, с незапамятных времен живущий в Восточной Африке. *Менелик* — последний абиссинский негус, великий воин и правитель, покоривший все соседние с Абиссинией негрские племена. *Дух лесов* — сверхъестественное существо, являющееся в образе величественного старика, по верованию негров охраняющий зверей и простых людей. *Деревянный бог* — Гурабе — язычники, и на площади их деревни стоит идол, охраняющий эту деревню.

В автографе 4 отсутствуют ст. 433—512, очевидно, составляющие публикацию в журнале «Аргус».

Дат.: февраль 1914 г. — по дате заседания Общества ревнителей художественного слова (см.: Соч III. С. 385).

Замысел поэмы из абиссинской жизни появился у Гумилева, очевидно, во время последнего африканского путешествия 1913 г. в составе этнографической экспедиции Российской Академии Наук. В это время он живо интересуется эфиопским фольклором, историческими преданиями, связанными с эпохой Менелика II, встречается с видными деятелями завершавшегося уже царствования (см.: Давидсон А. Муза Странствий Николая

Гумилева. М., 1992. С. 163—169). Первое авторское чтение поэмы состоялось на заседании Общества ревнителей художественного слова 25 февраля 1914 г. (обоснование даты заседания см.: БП. С. 600; Соч III. С. 385). В февральском номере «Нивы» за 1914 г. Гумилев публикует статью «Умер ли Менелик?», также посвященную абиссинским делам и создававшуюся, очевидно, параллельно работе над «Миком». О «презентации» поэмы Гумилева сообщалось в заметке, подписанной литерой Ц. (возможно, автором ее являлся Д.М.Цензор): «На днях в "Обществе ревнителей Художественного Слова" поэт Н.Гумилев прочел свою новую эпическую поэму "Миг (так! — *Ред.*) и Луи" и попутно, в виде реферата, изложил свои мысли о современном эпосе, отметнвшего главные признаки, тождественные с признаками древнего эпоса.

Как и в древнем, так и в современном эпическом произведении Н.Гумилев считает необходимым три начала: религиозное, массовое и индивидуальное. Эти главные условия способствуют созданию мифа, ибо мифотворческое начало тоже особенность настоящего эпоса.

Поэма талантливого поэта "Миг (так! — *Ред.*) и Луи", — попытка воскресить эпос. Сюжет мифологичен, хотя взят из современной жизни Абиссинии, и главными действующими лицами являются Негус Менелик, любимый Негусом и народом министр (его легендарную историю с детства в лице "Мига" и воспевает поэма), мальчик Луи, сын французского консула; затем действующими лицами являются старый орангутанг, дух лесов, обезьянье царство и т.д.

Поэма написана ярко, фабула развивается стремительно, полная завлекательных поэтических красот. Поэме присуща вся экзотичность и колоритность творчества Н.Гумилева.

Из присутствующих и принимавших участие в диспуте — Городецким, Чудовским, Недоброво, Волынским, Ауслендером, Лозинским, Зенкевичем, Георгием Ивановым, Сергеем Маковским, Пястом и мн. др. были высказаны некоторые замечания о стиле и содержании. Но в общем эту поэму можно считать очень яркой и талантливой попыткой молодого поэта» (Ц. Современная эпическая поэма // Златоцвет. 1914. № 9. С. 18).

О выступлении Гумилева было рассказано также и в «Аполлоне»: «...Н.Гумилев прочитал большую (960 строк) поэму свою "Мик и Луи", а затем изложил свои взгляды на эпический род, к коему он причисляет свою поэму, и на современные его возможности. Основная мысль сводилась к утверждению, что единственной областью, в которой еще возможно большое эпическое творчество, есть поэзия "экзотическая" <...> Во время прений большая часть высказавшихся, отдавая справедливость поэтическим достоинствам поэмы, оспаривала теоретические воззрения автора; общий вопрос о современной эпической поэзии остался открытым» (Litotes. Общество ревнителей художественного слова // Аполлон. 1914. № 5. С. 54).

После публичных чтений, достаточно удачных — насколько можно судить по приведенным откликам — Гумилев тогда же предложил поэму в журнал «Современник». Очевидно, к 1914 г. относится первая редакция пяти глав, сохранившаяся в машинописи в архиве редактора журнала Е.А.Ляцкого (автограф 1 в наст. изд.). Однако, издание поэмы откладывалось и, в конце концов, после прекращения издания журнала в 1915 г., Гумилев вынужден был пристраивать рукопись в издательство «Грядущий день», а, затем — в издательство «Огни» (сведения об этом имеются в архиве издательства «Огни» — см.: ИРЛИ. Ф. 212. № 175. Л. 7, 26, 29—30). В ходе хлопот по изданию рукописи Гумилев — очевидно, во время отлучек с фронта в 1915 г. (см.: Соч III. С. 390—394) — подверг текст поэмы существенной переработке. Результатом этого явилась вторая (т.е. промежуточная) редакция «Мика», сохранившаяся в рукописях, находящихся ныне в РГАЛИ (автограф 3). Отрывки поэмы в этой редакции и были опубликованы Гумилевым в составе «Колчана» (вышедшего в конце 1915 г.). В 1917 г. текст «Мика» был вновь переработан и предложен в редакцию «Нивы» (очевидно, при активном содействии К.И.Чуковского, о чем см. ниже), где были уже набраны гранки, взятые Гумилевым с собой в заграничную командировку весной 1917 г. (автограф 4). Однако и здесь — очевидно в силу исторических обстоятельств — поэма не была опубликована, отрывок же, изъятый из гранок «Нивы», оказался опубликованным в журнале «Аргус» (1917. № 9—10). Впервые поэма предстала на суд читателей целиком отдельным изданием в окончательной редакции, близкой к редакции «Нивы», в 1918 г. в «родном» гумилевском издательстве «Гиперборей», к тому времени возрожденном. Все эти сложные издательские перипетии, тесно связанные с историей редактирования текста «Мика», порождают значительные текстологические трудности, неизбежно возникающие при научной публикации текста.

Первые отклики на выход «Мика» трудно назвать сочувственными. «"Мик" — африканская поэма — самая странная из книг Гумилева, — писал В.Г.Шершеневич (псевд. — Г.Гальский), — Что-то среднее между Киплингом и... Чарской. Для детей — мудрено и скучно, для взрослых — наивно и... тоже скучно. В поэме повествуется довольно вялыми стихами, как бродили два мальчика со зверями. Зачем они бродят и странствуют, Господь их знает. Должно быть, так нужно, но бродят они настойчиво, особенно один из них. Впрочем, о "Мике", может быть, лучше вообще не говорить» (Гальский Г. Панихида по Гумилеву // Свободный час. 1918. № 7. С. 15). Очевидно, что исторический контекст жизни Петербурга и России в 1918 г. отнюдь не содействовал правильному пониманию «абиссинской поэмы». «Н.Гумилев — верный рыцарь и паладин "чистого искусства", — саркастически восклицал Иванов-Разумник, — В наше безбумажное время так приятно взять в руки его книжку, напечатанную шрифтом на бумаге, чуть ли не "слоновой". "Мик", африканская поэма. Слоновая бумага, к тому же вполне гармонирует с содержанием африканской поэмы: на страницах ее то и дело проходят перед нами слоны, носороги, бегемоты, павлины и прочие исконные

обитатели стилизованных лесов Африки. Стилем средним между лермонтовским "Мцыри" и бушевским "Максом и Морицем" автор живописует, как

Неслись из дальней стороны
Освирепелые слоны...

Так услаждает нас автор чистым и глубоким искусством, не запачканным повседневностью и современностью. Поэма являет собой образец того искусства (чистейшей воды), которому должен верно служить поэт, поклоняясь вечному, а не временному, что бы ни творилось вокруг. Старый мир рушится, новый рождается в муках десятилетий; А.Блок, Андрей Белый, Клюев, Есенин откликаются потрясенной душой на глухие подземные раскаты, — какое падение! Какая профанация искусства! И утешительно видеть пример верности и искусству и себе: в годы мировой бури поэт твердой рукой живописует нам, как Дух Лесов сидит "верхом на огненном слоне" и предается невинному развлечению:

То благосклонен, то суров,
За хвост он треплет рыжих львов.

Обидно было бы за поэта, если бы образы чистого искусства таили в себе иносказание, если бы "огненный слон" вдруг оказался, например, символом реакции, а "рыжие львы" — политическими партиями. Но мы можем быть спокойны: прошлое Н.Гумилева является ручательством за настоящее и будущее» (Иванов-Разумник. Изысканный жираф // Знамя. 1920. № 3—4. Стб. 51—52). Справедливости ради надо отметить, что не все критики отнеслись к поэме Гумилева с подобных «политически-злободневных» позиций: «Африканская поэма "Мик" вся изложена четырехстопными стихами, бодрыми путниками с легкой ношей. Как описать *мудрую детскость* этой эпики, где радость от тривиальных подробностей экзотического быта граничит с жизнью тропической чащи. Майн-Рид с седым мифом, где в недра дикарской преисподней нисходят отсветы христианского рая» (Левинсон А.Я. Мик. Африканская поэма // Жизнь искусства. 1918. № 22. С. 2—3). А.Я.Левинсон оставался верен своим симпатиям к гумилевской поэме и в годы эмиграции — и находил понимание у эмигрантской читательской аудитории: «Подчеркивая с большой симпатией духовное родство, соединяющее Гумилева с героями Фенимора Купера или Густава Эмара, Левинсон дает понять, что вечная тяга к приключениям и чуть ли ни детские воззрения на жизнь полностью характеризуют самого поэта, как и его главного героя Мика, — писал, откликаясь на выход статьи Левинсона «Гумилев» в № 9 «Современных записок» за 1922 г. Н.А.Оцуп, — <...> Мик и Луи являются героями очаровательной африканской поэмы. Мик — негритенок. Луи — маленький француз. Обоих детей ждут в Африке чудесные приключения. Андрей Левинсон был прав, когда писал, что самый лучший комплимент, который можно сделать

автору "Мика", состоял бы в том, чтобы рекомендовать его поэму для детской библиотеки» (Оцуп Н.А. С. 26, 83).

В советском литературоведении 1930 гг. усиливается социально-политический аспект в трактовке поэмы. «Если перейти от вопросов культуры и искусства к литературе и проявлениям великодержавного шовинизма и местного национализма в этой области, то мы увидим, что великодержавный шовинизм и местный национализм имеют общие положения, например, теорию самобытности, теорию борьбы двух культур, великодержавную теорию нации — мессии. Так, поэт Гумилев, как известно, восхвалял имперскую романтику, отражал влияние мистицизма и церковщины. В своей африканской поэме "Мик" Гумилев выявил отчетливую идеологию великодержавника-империалиста, проповедовал содружество "цивилизованных" колонизаторов и их верных рабов из местного угнетенного народа, причем культ белого господина и преданного черного раба сочетается у него с изображением действительности как эстетизированной экзотики. Все эти черты характерны для писателей империалистической буржуазии. Гумилевская поэзия — поэзия черносотенная по своему идейному содержанию и недаром она пользуется таким успехом у белоэмигрантских кругов» (Коваленко Б. Пролетарская литература СССР в борьбе за ленинское национально-культурное строительство // Пролетарская литература. 1932. № 1—2. С. 49—50). «В поэме "Мик" Гумилев выразил идею превосходства белой расы над черной. Черный мальчик Мик становится верным слугой своего господина — маленького англичанина (так! — *Ред.*). Судьба предрешила Мику быть рабом. Его спутник Луи, чувствующий свое расовое превосходство над чернокожим, хочет сделать его своим помощником, а сам стать царем» (Волков А.А. Знаменосцы безыдейности. Теория и поэзия акмеизма // Звезда. 1947. № 5. С. 175—176). В настоящее время подобная трактовка, естественно, вытесняется исследованиями поэтических и общефилософских особенностей гумилевской поэмы. Так, Л.Аллен отмечает метрическую и отчасти тематическую параллель «Мика» с лермонтовским «Мцыри», особенно, по мнению исследователя, заметную в сцене поединка Ато-Гано с отцом Мика (гл. I). Однако, к шестой главе, поэма Гумилева расходится с лермонтовской традицией, приближаясь к популярным тогда писателям, эксплуатировавшим «экзотические» темы — Киплингу и Луи Буссенару. История гибели Луи, по мнению Л.Аллена, прямо перекликается с «La chèvre de Monsieur Seguin» Альфонса Доде. Л.Аллен в то же время обращает внимание на смесь чудесного со своего рода скрупулезным реализмом и считает поэму неудачной, несмотря на ее неоспоримую формальную красоту. В частности, по его мнению, это объясняется резкими расхождениями между двумя частями поэмы. Первая представляет собой попытку перенесения на русскую почву чисто колониальной поэзии, создания развлекательной приключенческой литературы, доступной детям. Вторая часть представляет собой поэму космическую, доступную лишь посвященным, способным усмотреть великое в самых обыденных событиях. Такое несоответствие между «приключениями в джунглях» и «садом планет», где разрешается проблема все-

ленского искупления, несомненно, выявляет существенную концептуальную двусмысленность в подходе Гумилева к экзотике (см.: Allain L. La Recherche de la Forme longue dans la Poèsie de N.S.Gumilev // Berkeley. Pp. 13—19).

Есть интересные сведения и о «посмертной судьбе» поэмы. К.И.Чуковский сообщал в своих «Воспоминаниях»: «В 1919 г. он (Гумилев — *Ред.*) готовил второе издание поэмы и не раз говорил, что хочет посвятить его мне <...> В 1920 году мы стали все чаще бывать друг у друга. Обычно он был очень аккуратен, и только однажды пришел не в назначенный час, а гораздо позже. Не застав меня дома, он оставил такую записку: «<...> Я решил, что идти к Вам поздно. Если простите меня, посвящу Вам второе издание "Мика"» (Чуковский К.И. Воспоминания о Н.Гумилеве // Жизнь Николая Гумилева. Л., 1991. С. 126—127). Однако издание поэмы в 1921 г. вышло без посвящения Чуковскому.

Зато современный критик услышал перекличку гумилевской поэмы «Мик» со ст-нием Чуковского «Крокодил»: «Она (поэма Гумилева — *Ред.*) написана, за редкими исключениями, лермонтовским четырехстопным ямбом, с парными мужскими рифмами, и то, что в сказке Чуковского обычно представляется нам перелицовкой романтизма "Мцыри", на самом деле — скорее пародирование лермонтовских интонаций у Гумилева. "Мик" и "Крокодил" перекликаются неоднократно; сопоставим, например, знаменитый монолог Крокодила о страданиях зверей в неволе:

И встал печальный Крокодил
И медленно заговорил:
Узнайте, милые друзья,
Потрясена душа моя и т.д.

с речью одного из гумилевских героев:

И начал старый павиан:
О племя вольных обезьян,
Из плена к вам вернулся я,
Со мной пришли мои друзья (гл. 6).

Сходно в обоих произведениях рисуются фигуры героев-детей — "доблестного Вани Васильчикова" у Чуковского и отважного десятилетнего Луи у Гумилева. Идиллический финал "Крокодила"

И наступила тогда благодать:
Некого больше лягать и бодать...

<...> также созвучен поэме Гумилева — мечтам его героев о "стране иной", / Где обезьяньи города, / Где не дерутся никогда, / Где каждый счастлив,

каждый сыт, / Играет вволю, вволю спит (гл. 2). Резонно предположить, что сказка Чуковского явилась и освоением гумилевского опыта создания поэмы для детей на "африканском материале", и в то же время пародией на "буссенаровщину", на тяготение к южной экзотике и пафосу битвы в творчестве Гумилева. Последний, пожалуй, имел все основания шутливо сетовать в обращении к автору "Крокодила": "Но, кажется, попал тебе, Чуковский, / На зуб, на твой огромный, страшный зуб...". Нас не должно смущать то обстоятельство, что "Крокодил" увидел свет в 1917 г., а "Мик" — только в 1918-м (два фрагмента из поэмы были опубликованы в сборнике стихов Гумилева "Колчан" — 1916). Поэма Гумилева была написана, как полагают, еще в 1913 г., по возвращении поэта из последнего африканского путешествия, а в начале 1914 г. он читал ее целиком на заседании "Общества ревнителей художественного слова". Кроме того, имеются сведения, что "Мик" планировался к публикации в приложении к "Ниве" за 1917 г., даже был набран. Все это, как и обилие параллельных мест к "Мику" у Чуковского, говорит о неслучайном их возникновении» (Безродный М. Ключи сказки // Литературное обозрение. 1987. № 9. С. 62—63).

Интересно и свидетельство о воздействии «Мика» на детское сознание, в частности, сына поэта — Л.Н.Гумилева: «Помню, как Левушка мне часто декламировал наизусть "Мика", которого выучил, играя с отцом» (Гумилева А.А. Николай Степанович Гумилев // Жизнь Николая Гумилева. С. 75).

Вместе с тем рассматривать поэму «Мик» только как развлекательное повествование для детей вряд ли правомерно. О том, что Гумилев придавал ей большое значение, свидетельствует наличие 3-х редакций и многочисленных вариантов «Мика» (см. раздел «Другие редакции и варианты»).

«Люди другой веры и в особенности другой расы были для него (Гумилева, — *Ред.*) все равны перед Богом. Так, например, в поэме "Мик" белый мальчик Луи — своеобразный двойник мальчика-негритенка» (Аллен Л. «Заблудившийся трамвай» Н.С.Гумилева. Комментарий к строфам // Аллен Л. Этюды о русской литературе. Л., 1989. С. 122).

Имя героя, ставшее названием поэмы, возможно, является палиндромом имени одного из героев Киплинга — Кима. Роман Киплинга «Ким» (1901 г.) рассказывает о шпионской деятельности индийского мальчика на благо Британской империи, причем в финале роман обретал, помимо прочего, явную антироссийскую направленность. У Гумилева — европеец входит в туземный быт, а туземцы сохраняют национальную самобытность и достоинство.

Ст. 14. — *Менелик II* (1844—1913) — абиссинский негус (император), правил с 1889 г. Время его правления было отмечено ужесточением централизма, борьбой с многочисленными абиссинскими феодалами, политическими и экономическими реформами. В 1895 г. Менелику удалось одержать блестящую победу над итальянскими интервентами в битве при Адуа, что сделало его признанным общенациональным лидером. В его царствование на первые роли в государстве

выдвинулось много талантливых незнатных людей, ориентированных проевропейски — что дало повод русским историкам-африканистам сравнивать Менелика с Петром Великим. В конце 1890—начале 1900-х гг. начинали активно развиваться русско-абиссинские связи, тем более, что Абиссиния была объявлена в русской прессе той поры «единоверной». Ст. 50. — Ато-Гано. — «Очень похожее имя — Ато Гено — принадлежало человеку тоже из знатного рода, который приехал на учебу в Россию еще в 1895 году. Он <...> проникся демократическими идеями тогдашнего русского общества и вернулся на родину реформатором. И тоже добился высокого положения в эфиопской иерархии, получив титул граэмача, один из высших военно-феодальных титулов в императорской Эфиопии» (Давидсон А. Муза Странствий Николая Гумилева. М., 1992. С. 97). С другой стороны, герой поэмы напоминает раса Гобана, присоединившего к Эфиопии галасские земли Харэра в конце XIX в., замечательного кавалериста и храбреца, о котором по стране ходили легенды (см.: Лебедев В. Нетерпение достичь Харэр: По маршруту путешествия в Эфиопию поэта Николая Гумилева // Вокруг света. 1988. № 2. С. 34): Ст. 91—92. — В египетской мифологии кошачья голова символизировала веселье и радость, тогда как рога были атрибутом нечистой силы. Следующее затем первое в поэме «лирическое отступление» выдают интимный подтекст внешне объективного повествования. Ст. 122. — Авто-Георгис (Хабтэ Гиоргис) — военный министр Менелика II, начинал свою карьеру простым воином, однако рабом он не был (см.: БП С. 601). Ст. 136. — Павиан — в африканской мифологии одно из «хвалебных имен», которым наделяют обожествленных предков, вождей, местных богов. Ст. 344—345. — Почти во всех мифологиях Змея связывалась с плодородием Земли, женской производящей силой, а также с мужским оплодотворяющим началом (см.: Мифы народов мира. М., 1982. Т. 1. С. 468). В данном контексте, очевидно, имеется в виду культ офитов (змеепоклонников), почитавших в библейском змее-искусителе (дьяволе) воплощение подлинной божественной Премудрости, противостоящей косному и злому ветхозаветному Богу (точнее — Демиургу, согласно офитской терминологии). Ст. 411. — «Талеры а также пиастры были в ходу в Абиссинии с давних времен, они пришли из Европы и Ближнего Востока. Серебряный талер традиционно чеканился в Австрии для торговли с Африкой и Ближним Востоком и содержал 23,4 грамма серебра. На нем было изображение австрийской эрцгерцогини Марии Терезии (см.: Давидсон А. Муза Странствий Николая Гумилёва. М., 1992. С. 179). Ст. 441—512. — Эпизод встречи героев поэмы с Царевной напоминает мотивы традиционного для символистской поэзии мистического «куртуазного» свидания, разумеется, «травестированные» Гумилевым-акмеистом: учитывая местный экзотический колорит, можно вспомнить и о легендарной царице Савской, от которой вели свой род абиссинские правители. Ст. 587. — *Буссенар* Луи (1847—1910) — автор популярных у юношества авантюрно-приключенческих романов с экзотическим колоритом. Ст. 890—893. — В дантовском «Рае» (песни XXI и XXII)

«седьмое небо» — сфера, где «тайна предопределения» хотя и приоткрывается, но не осуществляется: в небесные Мистерии душа вовлекается лишь в «девятом небе». Ст. 908—909 — взяты эпиграфом для ст-ния Ахматовой «Утешение» (1914); впоследствии эти ст. станут существенной составляющей акмеистического мифа о поэте-«духовном ратнике» (см.: Сенделович С. Георгий Победоносец в русской культуре. Берн-Вена, 1994).

4. Новая жизнь. 1914. № 12, декабрь - - **Колчан**.

Колч 1923 - - СС 1947 II - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Изб(М) - - СтПРП - - СПП - - Колч 1990 - - Кап - - СС(Р-т) 1 - - Изб(Х) - - Соч I. - - СтП(Ир) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП - - Изб(Сар) 2.

Автограф 1 — ИРЛИ. Р1. Оп. 5. № 248, черновой набросок. Автограф 2 — Архив Лозинского.

Дат.: начало 1914 — по датировке В.К.Лукницкой (здесь и далее — по материалам П.Н.Лукницкого — Жизнь поэта. С. 175).

Ст. 1. — Пифия — В Древней Греции жрица-прорицательница. Ст. 3—4. — Согласно библейской «Книге Юдифи», благочестивая вдова Юдифь с целью спасения своего города от осады ассирийского полководца Олоферна соблазнила его и отрубила ему голову. Ст. 15—16. — Небесный бык («бык крылатый»), по ассирийской легенде, был создан верховными богами по просьбе богини Иннин для мщения Гильгамешу, отвергнувшему ее любовь («Гильгамеш» был издан в России в 1919 г. в переводе Гумилева). Ст. 19—20. — Об источниках этого образа — контаминации евангельского сюжета об усекновении главы Иоанна Предтечи (Мф 14. 3—12; Мк 6. 17—29) и сюжета одноактной драмы О.Уайльда «Саломея» (1893) — см.: БП. С. 572.

5. «Новая жизнь». 1914. № 3, март. с вар. - - **Колчан**.

Колч 1923 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Колч 1990 - - Кап - - СС(Р-т) 1 - - ОС 1991 - - СП(XX век) - - СтП(Ир) - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Свиданье.

Дат.: март 1914 — по дате публикации.

Э.Д.Сампсон указывает, что это — единственное ст-ние Гумилева, целиком написанное трехстопным ямбом (см.: Sampson Earl D. Studies in the Poetic Technique of Nikolaj Gumilev. Неопубл. докторская дисс. Harvard, Mass., 1968. P. 34).

В связи с этим ст-нием И.Винокурова выдвинула мнение о существенной разнице между восприятием России Гумилевым и символистами, Блоком и Белым: «То, чего больше всего боялись, чего не хотели, и все-таки обнаруживали в России символисты, — ее стремительное "обуржуазивание", особенно явственное в больших городах, — как раз этого-то и не видит Гумилев. В его поэзии вообще нет русских городов, даже их названий. Города как бы остались для него в Европе. В гумилевской России — одни только "тихие углы", как говорится в ст-нии "Почтовый чиновник", где идет, а вернее, стоит неподвижная, тусклая жизнь» (Винокурова И. Блок и Гумилев: Двойной портрет через 70 лет. // Русская мысль. 10 авг. 1990. № 3840. С. 10). Помимо указанной Н.А.Богомоловым переклички этого ст-ния с «Телеграфистом» А.Белого, О.А.Лекманов указывает на «не менее важный источник образности, фабулы и жанра ст-ния Гумилева» — ст-ние Саши Черного «Колыбельная (для мужского голоса)» (ср. первоначальный вариант гумилевского заглавия «Мотив для гитары»): «Если Саша Черный в очередной раз варьирует свой излюбленный сюжет о пошлой и беспросветной жизни "маленького человека", в ст-нии Гумилева слова и словечки из лексикона сатириконцев чуть ли не в строгой последовательности чередуются с "высокими" образами, характерными для раннесимволистской поэзии. А предпоследняя строфа гумилевского "Почтового чиновника" и вовсе превращает мещанский "жестокий романс" в монолог нового Гамлета. Эта строфа (разумеется, непреднамеренно) отвечает на "метафизический" вопрос, сформулированный в ст-нии раннего Ф.Сологуба "Больному сердцу любо...":

Кто дал мне землю, воды,
Огонь и небеса,
И не дал мне свободы,
И отнял чудеса?»

«Вполне декадентское представление об окружающем мире — заключает исследователь — уравновешивается в ст-нии Гумилева снижающей, «бытовой» интонацией. Главное сказано, но сказано как бы мимоходом, без нажима и аффектации» (Лекманов О.А. Книга об акмеизме // Уч. зап. московского культурологического лицея № 1310. Серия: Филология. Выпуск 4, № 3 (1998). С. 81—83).

6. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Соч I; Панорама искусств. Вып. 7. М., 1984 (публ. Е.Д.Кардовской) - - Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1986. Л., 1987 (публ. Ю.А.Козловой) - - Душа любви.

Автограф — Альбом О.Л.Делла-Вос-Кардовской (список рукой Ахматовой), архив семьи Кардовских (СПб).

Дат.: 1 марта 1914 — по датировке в альбоме.

Об истории создания данного ст-ния сохранились воспоминания Ахматовой: «В альбоме Кардовских стихотворение, написанное рукой А.А., принадлежит на самом деле Гумилеву. "Я не знала тогда, что написать, и Николай Степанович тут же придумал..." Из дневника Лукницкого. 3 января 1925 г.)» (СП(Тб). С. 483). Вероятно, импровизация Гумилева, вызванная силою случая, в образности своей восходит к картине Делла-Вос-Кардовской, некогда преподнесенной поэту в качестве подарка к свадьбе: «...Я подарила ему свою небольшую работу, изображавшую царскосельскую статую на фоне весеннего неба и деревьев» (Делла-Вос-Кардовская О.Л. Воспоминания о Н.С.Гумилеве // Жизнь Николая Гумилева. С. 34).

Кардовская (Делла-Вос-Кардовская) Ольга Людвиговна (1877—1952) — живописец и график, царскосельская знакомая Гумилева, автор одного из ранних портретов поэта — «с цветком и шляпой», автор воспоминаний о Гумилеве. См. посвященное ей ст-ние (наст. изд., т. I, № 155) и комментарий к нему.

7. Тамаре Платоновне Карсавиной - «Бродячая собака». СПб., 1914 (факсимильное воспроизведение автографа).

Неизд 1986 - - СП(Тб), факсимильное воспроизведение автографа в иллюстрациях - - СП(Тб) 2, факсимильное воспроизведение автографа в иллюстрациях - - Соч 1 - - Престол - ВБП - - МП; Мир искусств в образах поэзии. Архитектура. Скульптура. Живопись. Танец. Музыка. М., 1922 // Русский альманах. Париж, 1981 факсимильное воспроизведение автографа (публ. С.Лифаря и И.Одоевцевой); Даугава. 1987. № 6 (публ. Р.Д.Тименчика).

Автограф — Тамаре Платоновне Карсавиной-«Бродячая собака». СПб., 1914 (факсимильное воспроизведение).

Дат.: 16 марта 1914 — по дате на факсимиле автографа.

Ст-ние посвящено балерине Карсавиной Тамаре Платоновне (1885—1978), в то время ведущей солистке труппы С.П.Дягилева, и навеяно впечатлением от ее выступления 26 марта 1914 г. на ее юбилейном вечере в петербургском артистическом кафе «Бродячая собака». «Отказ Тамары Карсавиной, о котором рассказывает его стихотворение, написанное 16 марта 1914 г., сменился согласием прославленной балерины на вечер ее танцев в богемном подвале. К этому вечеру был выпущен сборник "Тамаре Платоновне Карсавиной "Бродячая собака" 26 марта 1914 г.", в котором и воспроизведено факсимильно гумилевское стихотворение <...> Балладные интонации этого мадригала развились в сюжет, основанный, увы, на фактической ошибке — 80-летний Эдгар Дега в ту пору здравствовал (он умер в 1917 г.). Может быть, потому Гумилев не возвращался к этому экспромту, не перерабатывал и не перепечатывал его» (Тименчик Р.Д. Неизвестные экспромты Николая Гумилева // Даугава. 1987. № 6. С. 114).

Примечание С.М.Лифаря в «Русском альманахе»: «Оригинал этого стихотворения находится в альбоме маркизы де Рипон, переданном мне ее дочерью Лэди Джюлетт Дафф в Лондоне в 1930 году. Весь этот альбом в двух частях посвящен Тамаре Карсавиной» (с. 80). По мнению Н.А.Богомолова, речь идет не об автографе Гумилева, а о все той же факсимильной копии его в указанном выше сборнике (см.: Соч I. С. 558).

8. Лукоморье. 1914. № 1.

ПС 1922, с вар. - ПС 1923, с вар. - - СС II, с вар. - - СП(Тб), с вар. - - СП(Тб) 2, с вар. - - СтПРП(ЗК), с вар. - - ОС 1989, с вар. - - СтПРП, с вар. - - Изб(Слов), с вар. - - ОС 1991, с вар. - - СП(XX век), с вар. - - Изб(Слов) 2, с вар. - - СС(Р-т) II, с вар. - - СтП(Ир), с вар. - - Соч I. - - СП(К), с вар. - - ВБП - - МП - - СП 1997; Ст(Куйбышев) - - Душа любви; Знамя. 1986. № 10; Книжное обозрение. 1986. 26 сентября (№ 39).

Дат.: весна 1914 — по времени публикации.

9. Альманах стихов, выходящих в Петрограде. Вып. 1, Пг., 1915, с вар. - - **Колчан.**

Колч 1923 - - СС 1947 II - - СС I - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - Ст(Полиграф) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Колч 1990 - - Ст(М-В) - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) I - - ОС 1991 - - СП(XX век) - - Изб(X) - - Соч I. - - Ст(М) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Крут чтения - - Русский путь - - ОЧ - - Ст 1995 - - ВБП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Ст(Куйбышев)- - Русские поэты серебряного века - - Душа любви - - Русская поэзия сереб. века; Знамя 1986. № 10.

Автограф 1, с вар. — РГАЛИ. Ф. 147 (Н.С.Гумилева). Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 3. Автограф 2, с вар. — РГАЛИ. Ф. 543 (Д.М.Цензора). Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 4., список рукой Ахматовой, вместе со ст-нием № 10. Автограф — Архив Лозинского.

Дат.: 20 мая—середина июня 1914 — по датировке В.К.Лукницкой (Жизнь поэта. С. 175), с уточнением дат пребывания Гумилева и Ахматовой в Слепнево весной-летом 1914 г. (Соч III. С. 387). Упоминание Ахматовой о «конце лета 1914», как о времени написания данного ст-ния в Слепнево (см.: Соч I. С. 521) — очевидная аберрация памяти.

Перевод на франц. яз. («Soir») — La Poesie Russe. Edition Bilingue / Ответственный ред. Elsa Triolet. Paris, 1965. P. 268. Перевод на англ. яз. («Evening») — SW. P. 73. Перевод на чешский яз. («Vecer») — Honzik.

Первые 4 стиха этого ст-ния были процитированы И.Оксеновым в его

рецензии на «Колчан» как одно из достоинств книги: пример «довольно изощренной наблюдательности поэта» (Новый журнал для всех. 1916. № 2—3. С. 74).

Другой современник Гумилева писал: «Рост его творчества не кончился. Оно становилось все углубленнее, в него проникали философские моменты, оно начало было развиваться под знаком той большой мысли, что поэтам, властелинам ритмов, доверены судьбы вселенского движения и что они

Слагают окрыленные стихи,
Расковывая косный сон стихий.

Да, он верил, что стихи — враги ленивой инерции, нарушители стихийного сна, что на крыльях своих несут они в мир энергию животворящих мыслей. Преодоление косности, споспешествование мировому движению, подвижность, как подвиг: это — вообще основные линии его одновременно динамической и величавой поэзии» (Айхенвальд Ю. Поэты и поэтессы. 1922. С. 48).

В том же духе писал впоследствии и В.Крейд, считавший, что это ст-ние «довольно внезапно показывало перелом в мироощущении поэта в сторону большей мистичности, большей глубины и совсем нового аспекта в его творчестве — философской лирики». Для Гумилева, по мнению Крейда, «его «дубы» — только символика — символ могучего сопротивления, которое природа может оказать человеку. Так же как лесорубы, которые валят деревья, как рыбаки, которые "рвут воду веслом", поэт активно, даже насильственно "расковывает косный сон стихий". <...> Поэту у Гумилева доверены судьбы "вселенского движения" — провозглашение космического назначения поэта» (Крейд В. Петербургский период Георгия Иванова. Tenafly, New Jersey, 1989, С. 128, 130).

О восприятии этого ст-ния в конце столетия говорит Н.Роднянская: «Как помним, зачинщицей его (Гумилева, — *Ред.*) поэтической реабилитации выступила "Литературная Россия" (1986 — 11 апреля). Там Гумилеву выдан был тот пропуск в Литературу, который для начала казался особо надежным: удостоверялось, что перед нами стиховой двойник автора "Алых парусов" и "Бегущей по волнам", яркий предтеча "бригантинных" мотивов нашей поэзии, той, кто мужественной и мечтательной романтикой может пригодиться нам для жизни и борьбы <...> Кому-нибудь, знакомящемуся с Гумилевым по его отражениям в периодике, должно быть странно будет после этих бравурных звуков услышать хотя бы такое:

Как этот ветер грузен, не крылат!
С надтреснутою дыней схож закат.
И хочется подталкивать слегка
Катящиеся мимо облака».

(Роднянская И. Возвращенные поэты // Позиция. Литературная полемика. М., 1988. С. 114).

О пластичности образов ст-ния см.: Papla E. Akmeizm: Geneza i program. Wroclaw; Warszawa; Krakow; Gdansk, 1980. S.66.

Ст. 2. — Ср. надпись И.Ф.Анненского на «Книге отражений», подаренной

Гумилеву в ответ на преподнесенный им «Путь конквистадоров»:

Н.С.Гумилеву

Меж нами сумрак жизни длинной,
Но этот сумрак не корю,
И мой закат холодно-дынный
С отрадой смотрит на зарю.
1906

(Анненский И.Ф. Стихотворения и трагедии. Л., 1990. С. 208; День поэзии. 1986. М., 1986. С. 215). Н.А.Богомолов указал также как на возможный источник данного сравнения в ст-нии Гумилева — статью Анненского о «Преступлении и наказании», также помещенную в «Книге отражений» (см.: Соч I. С. 521).

10. Альманах стихов, выходящих в Петрограде. Вып. 1. Пг., 1915, с вар. - - Колчан, с вар. и разбивкой на строфы - - **Нива. 1918. № 9.**

Колчан 1923, вар. Колчана - - СС 1947 II, вар. Колчана - - СС I, вар. Колчана - - Ст 1988, вар. Колчана - - СП(Волг), вар. Колчана - - СП(Тб), вар. Колчана - - БП, вар. Колчана - - СП(Тб) 2, вар. Колчана - - СП(Феникс), вар. Колчана - - Изб(Кр), вар. Колчана - - СтПРП(ЗК), вар. Колчана - - ОС 1989, вар. Колчана - - Изб(М) - - СтПРП, вар. Колчана - - СПП, вар. Колчана - - Колч 1990, вар. Колчана - - Кап, вар. Колчана - - СС(Р-т), I вар. Колчана - - Изб(Х) - Соч I, вар. Колчана - - СтП(Ир), вар. Колчана - - Ст(Яр), вар. Колчана - - Круг чтения, вар. Колчана - - Изб(ХХ век), вар. Колчана - - ОЧ, вар. Колчана - - Изб 1997, вар. Колчана - - ВБП, вар. Колчана - - Изб(Сар) 2; Поэзия серебряного века: 1880—1925. М., 1991 - - Акаткин.

Автограф 1 с вар. — РГАЛИ. Ф. 543 (Д.М.Цензора). Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 5—5 об., список рукой Ахматовой, вместе со ст-нием № 9. Автограф 2, с вар. и разбивкой на строфы — Архив Лозинского.

Дат.: 20 мая—середина июня 1914 — по датировке предшествующего ст-ния.

Об этом ст-нии в связи с общей духовной эволюцией поэта писала М.Тумповская: «Таково свойство этого творчества, что сложный и мудрый рисунок обычной жизни, углубленная жизнь души в ее повседневной рамке — уходят от него. <...> Но вот пространства расширяются, вражда обоих миров становится мистически-беспредельной, сатира вырастает в печаль, насмешка идола становится вдруг сама заклятьем разгневанного божества, а окружающее и враждебное — желанной и недоступной, буколической страной людей <приводятся ст. 1—8> и вот уже встает томление по человеческому, печаль о том, чего не было <приводятся ст. 21—24 варианта "Колчана">. Так, не довольствуясь самым

ярким и героическим, что поэт способен найти в реальной и земной жизни, он расширяет ее пределы и вводит свое творчество в мир фантастики» (Тумповская М.М. «Колчан» Н.Гумилева // "Аполлон". 1917. № 6—7. С. 63). Особое эстетическое содержание этого ст-ния отмечали и другие современники Гумилева. «Существовало общепринятое мнение: "Блок красивый, Гумилев — некрасивый". Противоположности во всем. Не могу примкнуть к этому суждению. Есть стать, осанка, мерный шаг, глубокий голос, нежно и твердо очерченные губы, тонкие пальцы белых рук, а главное — окружающая атмосфера — все не укладывается в понятие "некрасивый". В нем очень чувствовалась его строфа:

...Но лишь на миг к моей стране от Вашей
Опущен мост, кресты и чаши
Его сожгут мечом огромных звезд...

Эти слова — реальная действительность» (Мочалова О.А. Навсегда.// Жизнь Николая Гумилева. С. 113. Цитата из ст-ния Гумилева приведена автором мемуаров неточно). «Самый мир не делается хаотическим, а в *музыкальном плане* только гармонизуется: <приводятся ст. 9—18>. Если такое чувство владеет душою на острове, "где *умер Пан*", то не воспринимается пессимистически заключение: "Но лишь на миг к моей стране от вашей / Опущен мост"» (Верховский. С. 125—126).

Ст. 3. — Имеется в виду остров Патмос, упоминаемый в кн. Откровения Иоанна Богослова (Откр 1, 9; русская транскрипция первого слова названия последней книги Библии — Апокалипсис) — см. о нем: Библейская энциклопедия. С. 555. Ст. 4. — Предание о смерти бога скота, лесов и полей Пана изложено у Плутарха (De def. or. 27) и связано с о.Паксос (Палодес): слова «Умер великий Пан!» выкрикнул кормчий Тамус, проплывая мимо острова, на что ответом был таинственный плач некоего «голоса гор». На «географическую» контаминацию в ст-нии Гумилева было указано М.Д.Эльзоном (см.: БП. С. 572—573). Однако в христианской традиции упомянутый эпизод связывается с рождением Христа и гибелью языческого мира (см.: Мифологический словарь. С. 424), так что сопряжение упоминания о кн. Откровения, повествующей о конце нашего мира, и легенды о смерти Пана — мира языческого — в тексте Гумилева логически оправдано. Ст. 9. — Образ «волшебной скрипки» в творчестве Гумилева устойчиво связывается с новеллой И.С.Тургенева «Песнь торжествующей любви» (см. ст-ние «Двенадцатый год» — наст. изд., т. 2, № 17).

11. Альманах «Аполлона». СПб., 1914 - - Воля народа. 1918. 19 мая, с вар. - - **Костер**.

Кост 1922(Б) - - Кост 1922(Л) - - Кост 1922(М-Пг.) - - КСЗ, с вар. - - ИС 1946 - - СС 1947 III - - СС II - - Кост 1979 - - Изб(Огонек) - -

СП(Волг) - - СП(Тб) - - Ст(Полиграф) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Кост 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) II - - ОС 1919 - - Изб(Х) - - ПСЗ, вар. КСЗ - - СП(XX век) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Соч I - - СП(К) - - ЛиВ - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Престол - - Изб(XX век) - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; В мире отеч. классики - - Чудное мгновенье. Любовная лирика русских поэтов. Кн. 2. М., 1988 - - Ст(Куйбышев) - - Душа любви - - Русская поэзия сереб. века - - Антология русской поэзии и прозы XX века. В помощь учащимся 11 класса, Ч. 1. М., 1994 - - Школа классики; Новый мир. 1986. № 9 - - Смена. 1988. № 3.

Автограф 1 с вар. — Архив Лозинского. Автограф 2 — Архив Лозинского, гранки Костра с авторской правкой. Автограф 3 — Альбом Струве. Автограф 4 — Архив Струве, черновые наброски, не поддающиеся расшифровке.

Дат.: первая половина 1914 — по дате публикации.

Перевод на англ. яз. («The Dream») — SW. P. 83.

Ахматова считала, что ст-ние обращено к ней (см.: Комолова Н.П. «Италия» Ахматовой и Гумилева // Россия и Италия. М., 1993. С. 259): По версии В.Л.Полушина, ст-ние перекликается с монологом Трапезондского царя в трагедии Гумилева «Отравленная туника» («И даже ночью стану я с мечом / Перед дверьми в ее опочивальню»), что доказывает обращенность ст-ния к Е.К.Дюбуше (см.: Полушин В.П. Рыцарь русского ренессанса // Гумилев Н.С. В огненном столпе. М., 1991. С. 42). До сих пор ст-ние интерпретируется в сугубо эмоциональном плане. Так, Ю.Н.Верховский писал: «Эта высокая человечность наиболее полно сказалась в стихотворении "Сон": <цит. ст. 1—20>» (Верховский. С. 133). «Жемчужиной лирики» назвал это ст-ние наш современник И.А.Панкеев (см.: Изб(Слов). С. 34), а Л.А.Смирнова заключает: «Нигде, как здесь, не звучал такой сладостный восторг перед женщиной. Но счастье — лишь во сне, в бреду. А реально — томленье по непостижимому» (Смирнова Л.А. «...Припомнить всю жестокую милую жизнь» // Изб(М). С. 23).

12. Новый журнал для всех. 1915. № 2, с датой: «20 июля 1914» - - **В тылу. Альманах. Пг., 1915.**

ПС 1923, с вар. - - СС II, вар ПС - - СП(Тб), вар. ПС - - БП, вар ПС - - СП(Тб) 2, вар ПС - - Изб(Кр), вар ПС - - СтПРП(ЗК), вар ПС - - ОС 1989, вар ПС - - СтПРП, вар ПС - - СПП, вар ПС - - Кап, вар ПС - - СС(Р-т) II, вар ПС - - Соч I, с дат. - - СтП(Ир), вар ПС - - Круг чтения, с дат. - - Русский путь, вар ПС - - Изб 1997, вар ПС - - ВБП, с дат. - - МП, с дат.

Автограф 1 — Архив Лозинского, черновой набросок карандашом с датой, проставленной рукой М.Л.Лозинского: «20 июля 1914 г.». Автограф 2 с вар. — Архив Лозинского.

Дат.: 20 июля 1914 — по датировке автора в первой публикации.

Ст-ние написано по поводу рождения у М.Л.Лозинского сына и вступления России в мировую войну. «В стихотворении "Новорожденному", — пишет Ю.В.Зобнин, — трагизм войны — это трагизм, схожий с изначальным, «бытийным» трагизмом конца и начала, рождения и смерти. Это — трагизм объективный, равно относящийся ко всему сущему, которое всегда должно исчезнуть, чтобы уступить место другому. Война, как и природные катаклизмы, лишь обнажает, делает явным этот извечный, общий закон; крик новорожденного младенца, сливающийся с грохотом орудий и ревом боевых труб, напоминает уходящим на смерть бойцам о вечном круговороте жизни. С этой диалектикой начала и конца, смерти и рождения связана и христианская (трагическая) проповедь жертвенности:

Он будет любимец Бога,
Он поймет свое торжество,
Он должен. Мы бились много
И страдали мы за него.

В понимании "ужасного" (страдания и смерти) как искупительной жертвы во имя будущих поколений скрыта возможность катарсического «подъема», чувства радости: <цит. ст. 3—4> (Зобиин. С. 136).

Лозинский Сергей Михайлович (1914—1985) — сын М.Л.Лозинского, впоследствии выдающийся математик.

13. Русская мысль. 1914. № 7, с вар. - - **Колчан.**

Колч 1923 - - СС 1947 II - - СС I - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - Изб(М) - - СтПРП - - СС(Р-т) 1 - - ОС 1991 - - СПП - - Колч 1990 - - Изб(Х) - - Соч I - - СтП(Ир) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ОЧ - - НШБ - - ВБП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2.

Автограф — Архив Лозинского, корректура Колчана с авторской правкой.

Дат.: июль 1914 г. — по дате публикации.

Перевод на англ. яз. («My bower is blue») — Modern Poems from Russia. London, 1942 (2-е изд. — Westport, Connecticut, 1977).

В.М.Жирмунский причислял это ст-ние к ряду лучших «экзотических» ст-ний «Колчана», которые «могут быть примерами словесной четкости и строгости» (Жирмунский В.М. Преодолевшие символизм // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 230). В записных книжках Гумилева имеется перевод данного ст-ния на французский язык (СС II. С. 268—269), авторство которого не установлено (Г.П.Струве, а вслед за ним ряд авторитетных исследователей считали это автопереводом). По утверждению С.Фошеро, «это стихотворение, которое Гумилев счел возможным самому перевести на

французский, восходит к Готье, а не к китайской поэзии» (Fauchereau S. Ou Pound et Eliot rencontrent Goumilev, Mandelstam et Akmatova // Revue litteraire mensuelle. No. 601. 1979. P. 60; там же цитируется «Chinoiserie» Готье). «Является это стихотворение оригинальным или переводным — неясно, — пишет М.Д.Эльзон. — Опубликованный в Собрании сочинений (СС — *Ред.*) французский текст сопровожден примечанием, что это — автоперевод из записной книжки. Но, судя по тому, что там же был неверно атрибутирован Гумилеву перевод стихотворения "Камень" <...>, данное стихотворение также может оказаться копией не установленного пока источника» (БП. С. 575).

Ст. 19. — Танка — древняя восточная форма пятистрочного ст-ния без рифм и ясно ощутимого метра. Ст. 24. — Речь идет о сдаче экзаменов на право замещения административной должности.

14. Аполлон. 1914. № 10, с вар. - - В тылу. Альманах. Пг., 1915, с вар. и цензурными купюрами - ст. 4, 21—24 - - **Колчан** - - Весенний салон поэтов. М., 1918, перепечатка из «Колчана».

Колч 1923 - - ИС 1946 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Колч 1990 - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) 1 - - ОС 1991 - - СП(XX век) - - Изб(Х) - - Соч I - - Ст(М) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ОЧ - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; The Oxford Book of Russian Verse. Ed. Maurice Baring. Oxford. 1925: 2nd ed., 1953 (русский текст) - - Акме - - Слово. Вып. 1. М., 1989 - - Душа любви - - Русская поэзия сереб. века - - Акаткин - - Свиданье - - Поэзия серебряного века. Антология. СПб, 1996; Русский собор. 1993. № 6; Вечерняя Москва. 1989. 15 апреля (№ 88).

Автограф 1 с вар. — Собрание В.А.Петрицкого (СПб). Автограф 2 — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой.

Дат: октябрь 1914 — по дате публикации.

Переводы на англ. яз. («The Attack») — Modern Poems from Russia. Tr. Gerald Shelley. London, 1942; («Offensive») — SW. P. 70.

В ст-нии описываются события конца октября 1914 г. — наступление русской армии в пределы Восточной Пруссии и бои под Владиславовом (подробно об этом эпизоде в военной биографии Гумилева см.: Соч 2. С. 447—449). О состоянии поэта в момент написания ст-ния мы можем судить из письма к М.Л.Лозинскому от 1 ноября 1914 г.: «Пишу тебе уже ветераном, много раз побывавшим в разведках, много раз обстрелянным и теперь отдыхающим в зловонной ковенской чайной. Все, что ты читал о боях под Владиславовом и о

последующем наступлении, я видел своими глазами и во всем принимал посильное участие. Дежурил в обстреливаемом Владиславове, ходил в атаку (увы, отбитую орудийным огнем), мерз в сторожевом охранении, иочью срывался с места, заслыша ворчание подкрадывающегося пулемета, и опивался сливками, объедался курятиной, гусятиной, свининой, будучи дозорным при следовании отряда по Германии. В общем, я могу сказать, что это лучшее время моей жизни. Оно несколько напоминает мне мои абиссинские эскапады, но менее лирично и волнует гораздо больше. Почти каждый день быть под выстрелами, слышать визг шрапнели, щелканье винтовок, направленных на тебя, — я думаю, такое наслаждение испытывает закоренелый пьяница перед бутылкой очень старого, крепкого коньяка. Однако, бывает и реакция, и минута затишья — в то же время минута усталости и скуки. Я теперь знаю, что успех зависит совсем не от солдат, солдаты везде одинаковы, а только от стратегических расчетов — а то бы я предложил общее и энергичное наступление, которое одно поднимает дух армии. При наступленьи все герои, при отступленьи все трусы — это относится и к нам, и к германцам» (Изв. АН СССР, Сер. Лит-ры и яз. 1987. № 1. С. 72—73). В черновом варианте «Записок кавалериста» мы также находим схожие мотивы при описании тех же событий: «Невозможно лучше описать картины наступления, чем это сделал Тютчев в четырех строках:

Победно шли его полки,
Знамена весело шумели,
На солнце искрились штыки,
Мосты под пушками гремели...

Я сомневаюсь, чтобы утром наступления могло быть не солнечным, столько бодрости, столько оживления разлито вокруг. Команда звучит особенно отчетливо, солдаты заламывают фуражки набекрень и, молодцеватые, устраиваются в седлах. Штандарт, простреленный и французами, и турками, вдруг приобретает особое значение, и каждому эскадрону хочется нести его навстречу победе» (Соч II. С. 449—450; нужно отметить цитируемое ст-ние Ф.И.Тютчева «Неман», как вероятный источник влияния). В окончательном тексте «Записок кавалериста», рассказывающем о взятии Владиславова, имеется также весьма существенное для понимания ст-ния место: «Эти шоссейные дороги, разбегающиеся в разные стороны, эти расчищенные, как парки, рощи, эти каменные домики с красными черепичными крышами наполнили мою душу сладкой жаждой стремления вперед, и так близки показались мне мечты Ермака, Перовского и других представителей России, завоевывающей и торжествующей» (Соч 2. С. 288).

Сохранились воспоминания Вс.А.Рождественского о чтении ст-ния автором: «Была осень 1916 года. Шел литературный вечер в одной из университетских аудиторий, традиционный осенний "Вечер поэзии" под председательством проф<ессора> романо-германского отделения А.К.Петрова. За столом, покры-

тым для торжественного случая синим сукном, при свете двух старинных канделябров сидели представители тогдашнего литературного Олимпа — акмеисты, близкие редакции журнала «Аполлон», — Мих.Лозинский, Г.Иванов, Г.Адамович, О.Мандельштам. Длилось монотонное чтение стихов. Выступали и поэты нашего университетского кружка, допущенные к этому действу после строгого предварительного отбора. Я тоже попал в число счастливцев и, волнуясь, ожидал своей очереди. Наконец вызвали и меня. Не помню, что и как я читал. Пришел в себя в тесноте и толкучке у самых дверей, когда уже отшумели не очень дружные, снисходительные аплодисменты. Я спешил выбраться в длинный университетский коридор, чтобы немного отойти от пережитых волнений. Там было и пусто, и темновато. Кто-то вышел за мной следом и, чиркнув спичкой, закурил папиросу. Это был высокий, очень худощавый человек в защитной военной форме. Он подошел ко мне и спросил, слегка шепелявя: "Это Вы читали сейчас стихи? О царскосельском парке. Я не ослышался, Ваша фамилия?". Я назвал себя. "Ну, я так и думал. Мы с Вами земляки. Я тоже царскосел. Учился с Вашим братом Платоном. Позвольте представиться. Гумилев. Николай Степанович". Сказал он это несколько церемонно и по-военному щелкнул каблуками. Я растерялся и не знал, что ему ответить. Он, видимо, заметил мое смущение и начал какой-то обычный разговор, спрашивал что-то про общих знакомых, сказал между прочим, что несколько дней тому назад приехал в отпуск с фронта. Я уже пришел в себя и собирался о чем-то спросить, относящемся к литературе, как в эту минуту распахнулись двери, в коридор повалила студенческая толпа. Начался антракт. Гумилева сразу же узнали, окружили плотным кольцом. Я уже не рискнул подойти к нему ближе. Прогремел звонок, я, стиснутый забившей аудиторию толпой, увидел его уже рядом с председательским столом. Он стоял выпрямившись во весь рост, совершенно неподвижно, и мерно, но не очень отчетливо, читал, не повышая и не понижая голоса:

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня.
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.

Словно молоты громовые,
Или волны гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей...

Потом, после него, были еще стихи. Много стихов. Но все остальное проплыло для меня, как в тумане. И запомнилось из всего вечера только это "Золотое сердце России"». (Исследования и материалы. С. 411—412).

Ст-ние Гумилева вызвало противоречивые оценки. «Гумилев — приторно

патетичен», — заявлял Н.Бернер, цитируя ст. 21—24. (Бернер Н. Война и поэзия // Песни жатвы. Тетрадь первая. М., 1915. С. 27). «Какая идиллия!» — восклицал Н.Венгров по поводу ст. 3—5 и 7—10 (Венгров Н. Н.Гумилев. Колчан. Стихи // Летопись. 1916. № 1. С. 416). Однако другие выявляли внутреннюю мощь гумилевских стихов. «Внешняя оболочка его стихов становится наиболее безупречной там, где в своих стилистических построениях она достигает возможной простоты и строгости. Потому что именно в этих свойствах она находит свою особенную печать, ту успокоенную энергию, то спокойствие басовых нот, которые <...> дали подлинное выражение патетизма военных стихов "Колчана": <цит. ст. 1—4> В разгаре боя его чувства (не — "Sentiments", а "Sens") теряют предел и меру, они перерастают себя, становятся видениями наяву: <цит. ст. 13—14>. Такой галлюцинирующей силой заражены все ощущения одновременно <цит. ст. 17—20>.

Здесь снова мыслимый образ переходит в чувственный. Ощущения напряжены до силы нечеловеческой, но хаоса нет, их жизнь раздельна и явственна, но еще явственней над ними жизнь сознания, которая, не ослабляя силы, овладевает ими в минуту наивысшей страсти» (Тумповская М.М. «Колчан» Н.Гумилева // "Аполлон". 1917. № 6—7. С. 64).

Ю.И.Айхенвальд отмечал, что «Наступление» — яркий образец того, что в творчестве Гумилева этой поры «экзотика уступила место патриотизму» (Айхенвальд Ю.И. Поэты и поэтессы. М., 1922. С. 46), а Н.А.Оцуп возводил патриотический пафос гумилевских стихов к пушкинской поэзии, оговаривая, впрочем, известную ограниченность подобного сравнения: «Далеко не идеализируя свою "страшную родину", Гумилев воспевает ее с акцентом спокойного восхищения:

Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей, —

утверждает он в одном из самых замечательных стихотворений "Колчана" ("Наступление"). Пушкин не выступал с такими торжественными заявлениями. Но, подчеркнем снова, универсальный гений Пушкина мог совместить в себе два противоположных взгляда на Россию — взгляд Блока и взгляд Гумилева». (Оцуп. С. 143).

Отдал дань «восхищения» этому ст-нию Гумилева и Г.И.Чулков:

«И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

Это превосходно. Нельзя не восхищаться великолепным сочетаньем слов и торжественным ритмом. Такую счастливую форму для песен <о> битвах мог

найти лишь поэт, который ничего не знает о новом душевном опыте, мучительном и глубоком, противоречивом и ответственном.

Гумилев, как поэт, полон юных сил и творческих дерзаний, и, при всем том, он весь в прошлом, а не в будущем, и мы, его современники, воистину можем сказать: мы понимаем вас и ценим, «но между нами есть преграда..."» (Чулков Г.И. Поэт-воин // Неизд 1986. С. 207).

«Золотое сердце русское, бьющееся в миллионах, населяющих Русь, — писал о ст-нии Гумилева Н.К.Рерих, — никогда не помышляло о чем-то узконациональном, шовинистическом, захватническом. Нет, оно всегда томилось неосознанными устремлениями всемирности и мечтало о храме всеобъемлющем, о граде Китеже, Новом Иерусалиме» (Рерих Н.К. Листы дневника. III том. 1942—1947. М., 1996. С. 190—191).

В годы советской власти оценка военной лирики, и особенно стихотворений «Наступление», «Война», «Солнце духа», была одиозначной. «Последовательно империалистическим — в ленинском смысле этого слова — поэтом был Николай Гумилев. Задолго до начала войны 1914 года он начал развертывать в своей поэзии наступательно-героическую программу пиратско-конквистадорской романтики <...>. Книга "Колчан" (1916) содержит в себе уже современные (по сравнению с книгой "Жемчуга", куда входят "Капитаны" — *Ред.*) гимны, в которых Гумилев страстно призывает к борьбе, к наступлению. Война предстает как священное дело, как величественное священнодействие. Здесь будет уместным привести целиком одно из замечательнейших по художественной силе стихотворений поэта, необычайно полно вскрывающее наступательно-милитаристические вожделения певца российского империализма: <цит. ст. 1—24>.

Здесь сосредоточено все — и бесконечно-наглая уверенность в своих силах, и подчеркнутый национализм, и религиозно-мистическое понимание войны, как "подвига", и уверенность в "правоте" своего дела, свершитель которого настолько «велик», что ему даровано бессмертие. Такой последовательности и силы не было более ни у одного из певцов-апологетов войны 1914 года» (Тарасенков А.К. Поэзия и война 1914 года // ЛОКАФ. 1931. № 5—6. С. 161). А.Тарасенкову вторил А.Селивановский: «"В этот страшный и светлый час войны, — писал он (Гумилев. — *Ред.*), — господне слово лучше хлеба питает нас": — и эти слова могли бы звучать как издевательство над организаторами царской армии, если бы здесь не была ясна попытка империалистической лакировки действительности» (Селивановский А.П. Очерки русской поэзии XX века // Литературная учеба. 1934. № 8. С. 27). Не отставал от А.П.Селивановского О.В.Цехновицер: «Нельзя было говорить о фронтовых трудностях. В явно шовинистическом стихотворении Н.Гумилева "Наступление" царской цензурой была вычеркнута строка, где говорилось о том, что солдаты не ели четыре дня при наступлении. <...> Разве Гумилев протестует здесь против голода на фронте? Наоборот: здесь поэт утверждает, что "божие слово" лучше хлеба земного» (Цехновицер О.В. Литература и мировая война 1914—1918 годов. М., 1938. С. 255—256). Итог подвел

А.А.Волков: «Вполне естественно, что художественно обосновать и оправдать "радость" империалистической войны нельзя. Возвеличение антинародной войны и человеконенавистничества приводит к литературной лжи, к антихудожественной тенденциозности. Гумилев вынужден прибегнуть к ходульности и абстрактности:

...Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого что господне слово
Лучше хлеба питает нас.

"И залитые кровью недели ослепительны и легки", "Лишь под пулями в рвах спокойных веришь в знамя господне, твердь" — такими сентенциями заполнены все его военные стихи. Печать художественности, религиозно-мистической абстракции лежит на всех его изобразительных приемах» (Волков А.А. Очерки русской литературы конца XIX и начала XX веков. М., 1952. С. 542).

Об эволюции по отношению к творчеству Гумилева свидетельствовало утверждение В.Н.Орлова: «В первых книгах Гумилева не было решительно ничего, что хотя бы намеком говорило об исторической действительности. Как слепой и глухонемой, прошел он через 1905 год и все, что за ним последовало. Империалистическая война впервые повернула его к теме России: <цит. 17—20>» (Орлов В. Перепутья: Из истории русской поэзии начала XX века. М., 1976. С. 124). В наши дни трактовка военных ст-ний Гумилева и «Наступления» в частности выходит на новый уровень. «Стихи, написанные им на фронте, значительно отличаются не только от "Жемчугов", но и от "Чужого неба", — достаточно прочитать хотя бы "Наступление", чтобы увидеть это отличие: здесь и эмоциональные оценки, и трагизм, и желание понять тайны жизни и смерти, что выводит стихотворение на философский уровень» (Панкеев И.А. Николай Гумилев. М., 1995. С. 78).

«Насколько мы можем судить по "рыцарским" мотивам в гумилевском творчестве, поэт мечтал о каком-либо подобном "ордене", но созданном в лоне православной церкви и отражающем специфику славянского религиозного менталитета. По крайней мере, в "военных" произведениях Гумилева российское "православное воинство" изображается с очевидными элементами символики, присущей средневековым "воинам Христа": <цит. ст. 5—8, 17—20.

С идеей "православного рыцарства" связан и обостренный интерес поэта к современным ему наследникам тамплиеров — масонам» (Зобнин Ю.В. Странник духа (о судьбе и творчестве Н.С.Гумилева) // Русский путь. С. 35—36)

О насыщении батальной картины в ст-нии не только религиозной образностью, но и религиозным мироощущением пишет Е.Г.Эткинд (см.: Эткинд Е.Г. Материя стиха. Париж, 1978. С. 216—218), а подробно эту тему раскрыла М.В.Смелова, выделявшая в «Колчане» «военный микроцикл», имеющий содержанием духовное становление героя перед лицом смертельной опасности, и особенно отмечавшая среди ст-ний этого «микроцикла» — «Наступление»: «"Наступление"

— это уже само действие, то, ради чего расцветал дух, тот, может быть, единственный поступок, подвиг, для осуществления которого была дана жизнь. Здесь накал духовной жнзни одного человека возрастает до воплощения предельно интенсивной духовной жизни народа» (Смелова М.В. Роль христианства в картине мира Н.С.Гумилева // Ахматовские чтения. Анна Ахматова, Н.Гумилев и русская поэзия начала XX века. Тверь, 1995. С. 34).

15. Отечество. 1914. 23 ноября, № 4., др. ред. - - Аполлон. 1915. № 1, с вар. и редакционной сноской: «Стихотворение это печатается дополненным и в новой редакцин» - - В тылу. Альманах. Пг., 1915, с вар. - - Война в русской поэзии. Пг., 1915 - - **Колчан.**

Колч 1923 - - ИС 1946 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Колч 1990 - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) 1 - - ОС 1991 - - СП(XX век) - - НШБ - - Изб(Х) - - Соч I. - - Ст(М) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Carmina - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ОЧ - - ЧН 1995 - - Ст 1995 - - НШБ - - Изб 1997 - - ВБП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Слово. Вып. 1. М., 1989 - - Свиданье.

Автограф 1 с вар. — Архив Лозинского. Автограф 2 с вар. — РГАЛИ. Ф. 147 (Н.С.Гумилева) Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 4об.—5.

Дат.: ноябрь 1914 — по дате публикации.

Перевод на англ. яз. («The War») — Modern Russian Poetry: An Anthology with Verse Translations, ed. with an introduction by Vladimir Markov and Merrill Sparks. [N.p.]/ 1966. Перевод на чешский яз. («Valka») — Honzik.

Ст-ние было прочитано Гумилевым на вечере в «Бродячей собаке» 27 января 1915 г. — см.: Ю.В-н (Волин Ю.С.). Вечер поэтов в «Бродячей собаке» // «Петроградский курьер. 1915. 29 января; БП. С. 570. Об этом чтении сохранились воспоминания Н.А.Оцупа (Оцуп. С. 94, см. также с. 281 наст. изд.).

Современники Гумилева восприняли это ст-ние по-разному. «Чем-то "своим" веет от стихов г.Гумилева о войне. В этих стихах гула пушек, лязга сабель, стонов раненых не слышно. Поэт видит всюду подвиг, но и подвига самого не воспевает. Ему важнее труд подвига: <цит. ст. 5—16>» (Гурвич И. Ласкающие стрелы // Известия книжного магазина т-ва М.О.Вольфа. 1916. № 2. С. 47). По поводу ст. 9—16 отозвался Н.Венгров: «Можно весьма откровенно рассказать о своей дыре в душе — это блестяще сделал Гумилев своими блестящими стихами. Но говорить в таком же тоне о войне — это выше всякой меры! Ведь война — не "молочно-белый мрамор Каррары", ведь там люди умирают» (Венгров Н.Н.Гумилев. Колчан. // Летопись. 1916. № 1. С. 416). В общефилософский план перевел трактовку ст-ния «Война» Ю.И.Айхенвальд: «Наконец, по

земле-звезде странствует наш путник-поэт непременно с оружием в руках; его скитания — завоевания; и созвездия чужих небес, Южный Крест, кресты, топоры, загорающиеся в небесных садах, нередко освещают его бранные дела. Вообще Гумилев — поэт подвига, художник храбрости, певец бесстрашия. Мужчина по преимуществу, он чувствует себя на войне, как в родной стихии; он искренне идеализирует ее, и в его устах, устах реального воина (на идеализацию имеет право только реалист), не фразой звучит утверждение: "Воистину светло и свято дело величавое войны"» (Айхенвальд Ю.И. Поэты и поэтессы. М., 1922. С. 38).

В советское время отдал дань уважения Гумилеву Ан.Тарасенков. Процитировав строфу из его ст-ния «Война» — «И воистину светло и свято...», он пришел к выводу: «Военная поэзия Гумилева — умная поэзия. Она никогда, например, не скатывается к примитивному националистическому сквернословию по адресу немцев, она вся — пафос отвлеченного наступления, абстрактной победы, неземного бесстрастия. И это было вполне объяснимо с точки зрения внутренней логики империалистического мировоззрения, которое было у Гумилева. Цели войны 1914 года были настолько отвратительны, что говорить о них откровенно, т.е. конкретно — Гумилев не мог. В этом он оказывался значительно дальновиднее многих из своих коллег по политическим идеям и литературной школе <...>. Гумилев дал своему классу необходимые ему в 1914 году мотивы натиска, победы, бесконечной самоуверенности, — вдребезги расшибленные впоследствии, когда после Октябрьской революции Гумилев погрузился в мистический пессимизм и созерцательство» (Тарасенков А.К. Поэзия и война 1914 года // ЛОКАФ. 1931. № 5—6. С. 161). С этим не соглашалась Р.Мессер: «Религиозные мотивировки благости и святости войны даны в героических тонах, а не в упадочно-мистических <цит. ст. 9—12>.

Благословение на воюющих призывается не как на мучеников, а как на производителей земных ценностей, война подается как положительное земное дело, при этом освященное свыше: <цит. ст. 14—16>.

У Гумилева в его подходе к мировой войне проявляется внутренняя сращенность буржуазно-дворянской идеологии: активно-империалистическая их устремленность, осложненная религиозными доводами» (Мессер Р.Д. Русские символисты и империалистическая война // Ленинград. 1932. № 7. С. 74). На это указывал и А.Селивановский: «Атрибутом гумилевской поэзии стал образ Георгия-победоносца: <цит. ст. 9—12>. Как и символизму, 1917 год принес акмеизму смерть, хотя акмеизм оказался более живучим, чем его старший брат» (Селивановский А. Очерки русской поэзии XX века. Глава вторая. Распад акмеизма // Литературная учеба. 1934. № 8. С. 26). Подытожил оценку «военных» стихов Гумилева О.В.Цехновицер: «Итак, чувство веры сильнее всего. Здесь залог и победы, и личного сомнения. Задача воина заключена лишь в том, что должен он бездумно и безропотно следовать высшему религиозному идеалу. Это положение о самоотвержении ради высших целей развивает Гумилев в ряде своих поэтических произведений. <...> По мнению этих идеалистов, страдание оправ-

дано, ибо война должна обновить жизнь. Война есть религиозный подвиг, очищающий земную скверну. И Гумилев видит за плечами бойцов крылатых серафимов (Цехновицер О.В. Литература и мировая война 1914—1918 годов. М., 1938. С.196).

Г.П. Струве увидел в этом ст-нии «сочетание русской воинской и христианской традиции, традиции Сергея Радонежского» (Струве Г.П. Три судьбы (Блок, Гумилев, Сологуб) // Новый журнал. № 17, 1947. С. 201).

В последние десятилетия трактовка ст-ния «Война» стала разнообразной. «...В его стихах мы встречаем не только "крылатых серафимов" за плечами воинов, но и "тружеников, медленно идущих на полях, смоченных в крови", и таких же, как и те, "что гнутся под сохою". Самая война раскрывается в образах сельского пейзажа: <цит. ст. 1—4>. (Евгеньев Н.Н. Модернистские течения и поэзия межреволюционного десятилетия // Русская литература конца XIX—начала XX в. 1908—1917. М., 1972. С. 312) С.И.Чупринин заявляет «Во всяком случае, для того, чтобы патетически произнести <цит. ст. 9—12> не обязательно, право же, было жить в окопах: такой война могла открыться и из петербургского кабинета» (Чупринин С.И. Из твердого камня. Судьба и стихи Николая Гумилева // Октябрь. 1989. № 3. С. 20).

Все большее внимание привлекает общефилософское содержание ст-ния. О.Б.Черненкова услышала перекличку Гумилева со строками Г.Р.Державина: «Свыше пастырь вдохновенный / Пред ними идет со крестом; / Венцы нетленны обещает / И кровь пролить благословляет / За честь, за веру, за царя». «Двух поэтов роднит чувство причастности к великим событиям (война, победа, смерть), их высокая гражданская оценка мужества знаменитого полководца и рядового солдата, понимание воинского долга как дела чести, освященного небесными силами» (Черненкова О.Б. Черты типологического сходства в поэтике Г.Р.Державина и Н.С.Гумилева // Творчество Г.Р.Державина. Специфика. Традиции: Научные статьи, доклады, очерки, заметки. Тамбов, 1993. С. 234). «Герой "Колчана" — христианин-воин, и само название сборника вызывает в памяти таких "идеологов войны", как Гераклит, Г. фон Клейст ("Молитва Зороастра"), Ницше (раздел "Афоризмы и стрелы" из книги "Помрачение кумиров") и др.» (Десятов В.В. Фридрих Ницше в художественном и экзистенциальном мире Николая Гумилева. Автореф. канд. диссертации. Томск, 1995. С. 11).

«Сфера идеального, мистического в гумилевской модели «макрокосмоса» лежит за пределами "нечеловеческой" стихии, поскольку она неведома и существует в не материальных, иных формах, нежели "мир" и "жизнь людей". Это не просто бытие по иным законам, но качественно иное бытие. Подобно тому как общий природный "стихийный" мир включает в себя "жизнь людей", так и эта "третья" сфера включает в себя "бытие", определяя некий "мировой ритм", подчиняя все "сверхзакону" космической гармонии <...>. В непрерывном движении всего сущего, в совершающихся стихийных катаклизмах, в "медленных, инертных преображениях естества", таким образом, скрыт высший призыв, высшее побуждение,

"первоначальные слова". Чем активнее движение, тем слышнее этот, не имеющий никакой видимой или умопостигаемой формы и причины "зов".

Таким образом, <...> сквозь гром и скрежет грозы-войны лирический герой военного цикла слышит и неведомый гармонический "призыв", увлекающий его в стихию навстречу гибели. В стихотворениях этот "призыв" является то "голосом войны", то "песней судьбы", то "пением ангелов", то "ослепительным светом".

Вторжение в стихотворения военного цикла христианской символики тесно связано с ощущением этого высшего, "провиденциального" зова — так "мир иной" сквозит за красками и событиями "мира":

Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны».
(Зобнин. С. 133—134)

Эту тему продолжает М.В.Смелова, написавшая, что ст-ние «Война» «сразу, резко вбрасывает читателя в суровую действительность. Поэт изображает реалии военной жизни. Но еще не дочитав до конца первую строфу, видишь, что не сама война в конкретно-бытовом значении этого слова — главное здесь. Гумилев включает нас, своих читателей, в контекст мировой духовности, мировой истории, которая по-настоящему началась лишь с возникновением христианства и через него приобрела глубину внутреннего смысла. Эта глубина постигается обращением поэта к тому слою, без которого невозможно представить жизнь человека на протяжении двадцати веков, — к христианству. Обращение к традиции боговдохновенной книги почти отнимает у Гумилева его собственные прежние слова, и тема ведет за собой поэта. Поэт теперь — один из "тружеников, подвиг сеющих и славу жнущих" во славу Господа. Трагичность темы войны смягчается святостью этого дела, постижением священного долга перед Родиной, родимой землей и народом, перед христианской историей и общечеловеческой культурой: <цит. ст. 9—12>» (Смелова М.В. Роль христианства в картине мира Н.С.Гумилева // Ахматовские чтения. А.Ахматова, Н.Гумилев и русская поэзия начала XX века. Тверь, 1995. С. 33). А А.В.Доливо-Добровольский обращает внимание на то, что «Гумилев <...> не только к другу, но и к врагу питает светлые христианские чувства: <цит. ст. 21—24>» (Доливо-Добровольский А.В. Акмеизм и символизм в свете идей Л.Н.Гумилева // Гумилевские чтения. С. 99—100). Возникли и ранее невозможные сближения: «...созвучны музы Гумилева и Клюева в развитии темы войны, что послужило даже в свое время (в 1930 годы) поводом для тогдашнего литературоведения зачислить этих поэтов по ведомству "поэзии русского империализма". Оба поэта воспели ее (войну. — *Ред.*) как суровый и благостный ратный труд. Знаменательно, что у Гумилева она предстает как труд крестьянский, и здесь они с Клюевым <...> вполне пересекаются: <цит. ст. 5—8>» (Михайлов А.И. Николай Гумилев и Николай Клюев // Исследования и материалы. С. 69).

В зарубежном литературоведении акцент, в основном, делается на особенности поэтики Гумилева. Эшельман указывает на почти полное отсутствие напряженности между победителями и побежденными, в связи с отсутствием зла в акмеистической теодицее Гумилева (зло — только отсутствие добра, изъян или аберрация) (см.: Eshelman. P. 91).

По мнению Э.Русинко, это ст-ние более лирически выдержано, чем «Солнце духа». Она проводит параллели между природными и военными сценами; но, хотя посторонние мотивы эффективно переданы, тон не ровен, и в противоположности простому лирическому описанию, Гумилев вставляет высокопарную дикцию и риторические образы <цит. ст. 9—12>. «Дело величавое войны» не вяжется с предыдущим описанием «мирного селенья», крылатого серафима со смиренными тружениками. Совмещение разных стилистических уровней в одном стихотворении весьма характерно для Гумилева, но это часто приводит к амбивалентной тональности, скорее чем к проинтегрированному восприятию. Как считает Э.Русинко, тот же религиозно-риторический дух, что и в стихах о Великой мировой войне, встречается и в «приключенческих» стихах: «Открытие Америки», «Снова море», или же, прежде всего, «Африканская ночь». Поэтому она солидаризуется с мнением Н.Ульянова о том, что «дело войны» — «святое для Гумилева не за счет благородной цели, а как нечто, ценное в себе (ценный в себе опыт)». Несмотря на патриотическую духовность его собственно «военных» стихов, можно поэтому полагать, что его подход к войне мало отличался от его подхода к африканским путешествиям (см.: Rusinko E. The Theme of War in the Works of Gumilev // Slavic and East European Journal. 1977. Vol. 21. No. 2. Pp. 206—207). Р.Эшельман рассмотрел ст-ние в плане связи поэтики Гумилева с метафизикой стоиков, где физическое соединялось с логическим, а природная жизненная сила — с образующей духовной силой Космоса. Проанализировав первую строфу, он отметил, что гумилевская «смешанная метафора» (собака-пулемет-пули, кровь-мед, собираемый пчелами) несет метонимический смысл: образы природы (собака как друг человека; пчелы как посредники между природой и человеком) ассоциируются с несущими смерть техническими изобретениями, подобными пулеметам или шрапнели. «Посредством ассоциирования разрушительных, искусственных орудий войны с полезными или прирученными животными Гумилев показывает, что это разрушение несет в себе скрытый позитивный смысл, который не может быть понят». Отличие метафизики Гумилева от формалистской концепции «остранения» Р.Эшельман видит в том, что Гумилев, делая вещи странными, прочно связывает их с надежной телеологической основой (Eshelman. P. 112—112). Мотивы посвящения прояснены в дарственной надписи на экземпляре «Колчана» в собрании М.И.Чуванова: «Многоуважаемому Михаилу Михайловичу Чичагову от искренне его любящего и благодарного ему младшего унтер-офицера его взвода Н.Гумилева в память веселых разъездов и боев. 27 декабря 1915 г. Петроград» (см.: Wiener Slawistischer Almanach. 1988. Bd. 9. P. 389). О поручике М.М.Чичагове упоминается также в «Записках кавалериста» (см.:

Соч 2. С. 300—301, 310—311, 330—331 и комментарии к ним).

Ст. 1—2. — Ср. признание Гумилева о том, что он во время боев за Владиславов «...ночью срывался с места, заслыша ворчание подкрадывающегося пулемета» (Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1987. № 1. С. 72—73).

16. Голос жизни. 1915. 27 мая, с вар. - - Война в русской поэзии. Пг., 1915 - - **Колчан**.

Колч 1923 - - ИС 1946 - - СС 1947 II - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Изб(М) - - СтПРП - - СПП - - Колч 1990 - - Кап - - СС(Р-т) I - - ОС 1991 - - СП(XX век) - - Изб(Х) - - Соч I. - - Ст(М) - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Carmina - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Слово. Вып. 1. М., 1989.

Автограф 1 с вар. — РГАЛИ. Ф. 147 (Н.С.Гумилева). Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 5 об. Автограф 2, с вар. — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой.

Дат.: конец 1914 — начало 1915 — по датировке В.К.Лукницкой (СП(ТБ). С. 478), с корректировкой противоречий между приводимыми ею сведениями.

О «метафизике» ст-ния говорится в статье С.Н.Булгакова: «Всякая великая война являет собой этот образ последнего столкновения добра и зла, ангелов и демонов, Христа и князя мира сего, в котором всегда есть *две* борющиеся стороны. Если не включить 1000-летнее царство в виду таинственности и, может быть, даже незримости его, то история и по Откровению представляет собой ряд военных волн, чередующихся между собой вплоть до последнего восстания Гога и Магога. Пацифизм, как таковой, потому уже бессилен одержать победу, что возбудитель войны есть личный носитель зла в мире, князь сего мира и его слуги — антихристы. И может быть, надо прямо это сказать, мир недобрый, сатанический пацифизм может стать не благом, но разложением, человек безнаказанно не выносит дарового покоя, обывательского благополучия. Несение креста, конечно, может оставаться и чисто духовным, ибо существенным является не тот или другой образ крестоношения, но он сам, его сила. Однако духи злобы никогда не слагают своего оружия, доколе не будут извергнуты из мира в бездну небытия, доколе мир не будет освобожден от них. На путях борьбы духовной, происходящей в мире, почти неизбежно возникают и войны. Война не есть единственный, а, может быть, и не худший вид зла в мире для открытой борьбы с ним. В этой борьбе есть разные стороны. Духовная победа может и не совпадать с победой бранной, ибо сплетена с ней в один сложный комплекс, с плюсом или минусом на обеих сторонах. Война есть мировой пожар истории, в котором многое сгорает, ценное и бренное, многое переплавляется и обновляется к жизни. И в том смысле она есть

все-таки начало жизни, а не смерти, хотя и смертным путем. "Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода" (Ио. XII, 24). Эта жизнь приносится к ногам Источника Жизни, Воскресителю умерших, Который ведет мир за порог смерти, к новой жизни воскресения.

Есть так много жизней достойных,
Но одна лишь достойна смерть:
Лишь под пулями в рвах спокойных
Веришь в знамя Господне — твердь.
(Н.Гумилев)»

(Булгаков С.Н. Размышления о войне // Звезда. 1993. № 5. С. 150).

Эту тему с несколько иных позиций продолжает и Г.И.Чулков: «В недавно опубликованных дневниках Толстого есть между прочим примечательное рассуждение о войне; казалось бы, Толстой принципиально отрицал войну, не должен становиться на историческую точку зрения, но в своих интимных записках он как будто уклоняется от принципиальности: он недоумевает, как это теперь, именно теперь возможно воевать: прежде, во время Наполеоновских войн или даже во время севастопольской кампании, люди, по его мнению, воевали искренно, а вот сегодня, когда каждый гимназист понимает, что война есть зло, воевать уже нельзя, невозможно, противоестественно. Такое толстовское непонимание войны в большей или меньшей степени, несмотря ни на какие философические отговорки, свойственно почти всем современникам. Нелицемерно принимают войну как таковую, войну как «рыцарское и благородное» состояние, а не как необходимое, но всегда ужасное зло, лишь люди такого душевного строя, который вовсе не созвучен новой жизни, новой культуре, новому религиозному сознанию.

Гумилев один из них. Он даже не подозревает возможность рефлексии в деле войны. Он до конца искренен в своей любви к бранной славе. Вот почему так удачны его военные стихи:

Есть так много жизней достойных,
Но одна лишь достойна смерть,
Лишь под пулями в рвах спокойных
Веришь в знамя Господне, твердь.

Здесь нет и тени сомнений. Здесь искренность, твердость, непосредственность, которым позавидует, пожалуй, и самый убежденный из германских воинов. <...> Стихов, посвященных войне, немного в книгах поэта, но ко всему в этом мире он подходит, как воин, которого на время отпустили из стана, чтобы он отдохнул и пображничал. Гумилев как будто всегда чувствует, что все это "пока", а вот заиграют «марш величавый» и надо вновь садиться на коня по властному зову

строгого вождя. Ему и в небе мерещится полководец:

Там Начальник в ярком доспехе,
В грозном шлеме звездных лучей,
И к старинной, бранной потехе
Огнекрылых зов трубачей».
(Чулков Г.И. Поэт-воин // Неизд 1986. С. 206—207).

Н.А.Оцуп указывал на особое место этого ст-ния в традиции европейской «батальной» поэзии XX века: «Военные стихи Габриеле д'Аннунцио звучат чуть-чуть театрально рядом с такими же стихами его русского почитателя. Среди тех поэтов, которые приняли войну с религиозной радостью, только у одного, у француза Шарля Пеги, нашлись такие же возвышенные и благородные чувства и слова, как у Гумилева.

Есть так много жизней достойных,
Но одна лишь достойна смерть».
(Оцуп. С. 95).

Современного исследователя привлекает плодотворность этого ст-ния в русской поэтической традиции. «Нельзя не обратить внимание и на ряд бесспорных текстуальных совпадений между стихами Гумилева о войне 1914 г., с одной стороны, <...> и переводами из Бартеля и поэтическим миром Мандельштама в целом, с другой. Так <...> строки мандельштамовского перевода "рвутся наши солнечные кони, / Тучи огнепалые плывут" "восходят", вероятно, к гумилевскому ст-нию 1915 года "Смерть": "...душу ту / Белоснежные кони ринут / в ослепительную высоту". <...> Не исключено, что образы этого стихотворения Гумилева отзываются в воронежских стихах Мандельштама, ср.: "Свод небесный будет раздвинут" — и: "счастливое небохранилище — / Раздвижной и прижизненный дом" и, во-вторых, соответственно: "Но и здесь, на земле, не хуже" и: "Только здесь, на земле, а не на небе"» (Шиндин С.Г. Мандельштам и Гумилев: о некоторых аспектах темы //Н.Гумилев и русский Парнас. СПб, 1992. С. 77, 81). Ст-ние рассматривается и в общефилософском аспекте: «Смерть в сражении воспринимается под знаком бессмертия души. В жизни повседневной эта вера не владеет человеком с такой силой, как на войне. Здесь она становится непререкаемой и полной, благодаря окрепшему духу <цит. ст-ние "Смерть">, можно не принимать этот взгляд, но отрицать его достоверность едва ли нужно. Он имеет опору в духовной культуре и нравственности народа. Война не соизмерима с физической природой человека. "Жестокая милая жизнь" ("милый день") безусловно владеет им, но она — не все, чем он владеет, если душа его бессмертна. Это все полемики: либо принимается — либо нет, как сама вера в Бога и бессмертие души. Для Гумилева в том не было ни сомнений, ни колебаний» (Размахнина

В.К. Серебряный век: Очерки к изучению. Учебное пособие. Красноярск, 1993. С. 91).

Ст. 13—16. — Начальник в ярком доспехе — по мнению М.Д.Эльзона, — Михаил Архистратиг, «один из семи архангелов, предводитель «небесного воинства» в борьбе с силами ада» (БП. С. 574, 602).

17. Биржевые ведомости. 1915. 1 февраля (№ 14646, утренний выпуск).

СС II - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СПП - - Кап - - СС II - - Ст 1986 - - ОС 1991 - - Соч I - - СтП(Ир) - - Круг чтения - - Престол - - Изб(XX век) - - Ст 1995 - - ВБП - - МП - - СП 1997; Душа любви; Родник (Рига). 1988. № 10.

Автограф — Архив Лозинского.

Дат: конец 1914 — начало 1915 — по датировке В.К.Лукницкой (Жизнь поэта. С. 182), с учетом времени публикации и биографических данных о поездках с фронта в Петроград (см.: Соч 3. С. 390).

И.Оксенов в начале своего критического обзора литературы 1915 г. дал высокую оценку этого ст-ния: «...вот, например, эстетизма в России больше нет, ибо эстетизм сейчас был бы кощунством. Н.Гумилев, глава акмеистов, побывал на войне, написал прекрасные стихи, в которых совсем нет любования какой-нибудь изысканной красотой. Мы хотим привести его строки, которым присуждена вечность: <цит. ст. 25—28>.

Тоска по невозможному и немыслимому, искания Бога, тоска по лучшей жизни, которая наступит "через 300 лет", стремление к идеальному женскому образу — вот настроения, владеющие русской литературой с чеховских времен» (Оксенов И. Литературный год // Новый журнал для всех. 1916. № 1. С. 57).

В дневнике П.Н.Лукницкого (март 1926 г.) читаем: «До вчерашнего дня А<нна> А<ндреевна> смутно чувствовала его (Вийона. — *Ред.*) влияние на Гумилева, знала, что оно есть, но не знала, в чем именно оно выражается. Вчера она уловила это. И вот — что именно: у Виллона есть строки, где он перечисляет женские имена и говорит об их смерти. <...> Эти строки несомненно повлияли на стихотворение Гумилева "Священные плывут и тают ночи" — в котором есть такое же перечисление имен (И.Энери, Ахматова, Карсавина) и Гумилев говорит о смерти. Но уже не об их смерти, — а о своей собственной. (И этот прием перенесения чего-либо относящегося у влияющего поэта к 3-ему лицу на себя — в своих стихах — известен за Гумилевым.) Кстати. В тех же строках Виллона есть и "сиренный голос" — "Voix de sirène"» (О Гумилеве: Из дневников П.Лукницкого / Публ. В.К.Лукницкой Примеч. В.К.Поливанова // Литературное обозрение. 1989. № 6. С. 88).

Т.В.Адамович-Высоцкая рассказала о вечерах в родительском доме, где со-

бирались известные поэты, музыканты, художники. В их числе упоминается и Ирина Энери. В комментарии к публикации ее воспоминаний отмечено: «Быть может, об этих вечерах Гумилев вспоминал в своих военных стихах "Священные плывут и тают ночи..."» (Жизнь Николая Гумилева. С. 89, 251). Эту версию развивает И.Панкеев: «Стихотворение "Священные плывут и тают ночи...", не вошедшее затем ни в один из авторских сборников, не случайно было прочитано в "Привале комедиантов" наряду со стихами о войне. Ибо здесь грусть по былому смешивалась с уверенностью в себе, а все это увязывалось с самыми светлыми именами в биографии поэта и с самыми теплыми воспоминаниями, в свою очередь связанными с этим подвальчиком, с этим кабаре...» (Панкеев И.А. Николай Гумилев. М., 1995. С. 85).

Р.Д.Тименчик пишет о ярком впечатлении, какое производили на современников батальные сцены у Гумилева, в том числе «каталог образов смерти» в данном ст-нии (см.: Тименчик Р.Д. «Над седою, вспененной Двиной...»: Н.Гумилев в Латвии // Даугава. 1986. № 8. С. 116). Общефилософскую трактовку ст-ния предлагает Ю.В.Зобнин: «В стихотворении "Священные плывут и тают ночи..."— катарсический "выход" из того же "исконного" единства — противостояния жизни и смерти основывается на утверждении безусловной победы жизни: человек оказывается так тесно связан с существующим вечно миром, что, даже умерев физически, он продолжает жить, бессмертный в той любви, которую он оставил после себя в мире:

Так не умею думать я о смерти,
И всё мне грезятся, как бы во сне,
Те женщины, которые бессмертье
Моей души доказывают мне.

Война и тут лишь усиливает, концентрирует трагизм, изначально заложенный в существовании мира и человека в мире» (Зобнин. С. 136).

Ст. 16. — Ирина Энери — сценический псевдоним Горяниновой Ирины Александровны (в девичестве — Сухотина; 1897—1980), пианистки-виртуоза (см.: БП. С. 596). Ст. 19. — Карсавина Тамара Платоновна — см. комментарий к № 7. Ст. 24. — «В рукописной тетради "В ста зеркалах" (РНБ) Ахматова воспроизвела строфу, сделав примечание к эпитету "сиренный": "au voix de Sirène" (Villon)» (БП. С. 596). Отталкиваясь от этого комментария М.Д.Эльзона, Н.А.Богомолов называет в качестве возможного источника ст-ния «Балладу о дамах былых времен» Ф.Вийона (Соч I. С. 558).

18. Невский альманах жертвам войны. Вып. 1. Пг., 1915, с вар. - - Война в русской поэзии. Пг., 1915 - - **Колчан**.

Колч 1923 - - ИС 1946 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Колч 1990 - - Кап - - СС(Р-т) I - - ОС 1991 - - СП(XX век) - - Изб(X) - - Соч 1 - - Ст(М) - - СтП(Ир) - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ЧН 1995 - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Слово. Вып. 1. М., 1989 - - Душа любви - - Бог и человек в русской классической поэзии XVIII—XX веков. СПб, 1997.

Дат.: конец 1914 — начало 1915 — по датировке В.К.Лукницкой (Жизнь поэта. С. 175), с учетом времени публикации и данных Е.Е.Степанова (см.: Соч 2. С. 447).

Перевод на англ. яз. («The Sun of the Spirit») — SW. P. 72.

О переживаниях, ассоциирующихся у него с образом «солнца духа», Гумилев писал в «Записках кавалериста»: «Чувство страшного торжества переполняло мое сознание. Вот мы, такие голодные, измученные, замерзающие, только что выйдя из боя, едем навстречу новому бою, потому что нас принуждает к этому дух, который так же реален, как наше тело, только бесконечно сильнее его. И в такт лошадиной рыси в моем уме плясали ритмические строки:

Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь, он разрывает тьму,
Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему.

Мне чудилось, что я чувствую душный аромат этой розы, вижу красные языки огня» (Соч II. С. 328—329; см. также комментарии на с. 447). «Четверостишию, <...> купленному столь дорогой ценой, Гумилев придавал особое значение, — писал Вяч. Вс. Иванов. — Сперва он включил его в стихотворение "Война", позднее перенес в стихотворение "Солнце духа" <...>, где тема этого четверостишия развивается в гораздо более широком космическом и философском плане, без того приурочения к конкретному военному опыту, религиозное осмысление которого составляло суть первого стихотворения» (Иванов Вяч. Вс. Звездная вспышка (Поэтический мир Н.С.Гумилева) // СтПРП. С. 17). Ст-ние было прочитано в «Бродячей собаке» (см.: Ю.В-н (Волин Ю.С.) Вечер поэтов в «Бродячей собаке» // Петроградский курьер. 1915. 29 января) и вызвало восторг у тамошней публики. «Н.Гумилев первый написал стихотворение, прославляющее войну. Эти чудесные стихи жалко даже видеть напечатанными. Их бы распевать под "рокот трубы побед"», — писал «по горячим следам» пережитого Г.В.Иванов (Иванов

Г.В. Военные стихи //Аполлон. 1915. №4—5. С.83). После Октябрьской революции оценка изменилась кардинально. «Об империалистической войне он писал восторженно и в то же время рассудочно, почти цинично, — он на весах измерял колбами "кровь лиловую немцев, голубую кровь французов и славянскую алую кровь", он сравнивал "ура"бросаемых на убой солдатских масс с "пеньем в трудный день окончивших жнецов" о войне он писал так: <цит. ст. 9—12>. (Селивановский А.П. Октябрь и дореволюционные поэтические школы // Очерки по истории русской советской поэзии. М., 1936. Цит. по: Селивановский А. В литературных боях. М., 1963. С. 362). И после Великой Отечественной войны отношение к патриотизму Гумилева не изменилось: «Многие былые символисты еще до войны вместе с акмеистами начали прославлять царскую Россию как "земной рай". Теперь они вместе с акмеистами стали в первые ряды ура-патриотов, превозносящих "святой" образ царской России. Вождь акмеистов Н.Гумилев быстро сменил конквистадорские доспехи на оружие и обмундирование добровольца. В войне Гумилев увидел осуществление своих давнишних идеалов. Война всегда была его желанной стихией. Недаром он высказывает удивление, как это "могли мы прежде жить в покое и не ждать ни радости, ни бед"» (Волков А.А. Поэзия буржуазного упадка // История русской литературы. Т. X. М.; Л., 1954. С. 444).

Во второй половине столетия ст-ние анализировалось и более подробно, и более масштабно. «...К так называемым военным стихам Гумилева нельзя подойти упрощенно и отмести их в сторону. Прежде всего они художественно ценны. А затем, и это главное, несмотря на их несомненную "бытовую" порочность (едва ли участники последних мировых побоищ считали их "военными забавами" и "прекраснейшими из воен»...), есть все же зерно какой-то высшей, сложной, конечно, правды. Стихи эти отнюдь не простые патриотические мечты о величии и славе России <...> В них поэт говорит о "солнце духа", с которого "снимут люди золотые, зрелые плоды". Михаил Архистратиг <...> осеняет эти стихи не просто как некая декоративная фигура. В нем — обещание торжества небесного воинства над демоническими силами земли вообще. И, вникнув в духовную целеустремленность этих стихов, автора их ощущаешь уже не как наймита-кондотьера или патриотически-экзальтированного вольноопределяющегося, а как некоего участника небесного воинства...» (Кленовский Д. Оккультные мотивы в русской поэзии нашего века // Грани. № 20, 1953. С. 132—133). Э.Русинко рассматривает ст-ние как яркий пример риторического упоения Гумилева. Ст-ние восславляет воинов, ободренных и воодушевленных «солнцем духа». Его основная идея — типичная для патриотического увлечения, порожденного ситуацией, и нет сомнения, что чувство — подлинное. И все же Гумилев выступает не как индивидуальность, тронутая интенсивностью эмоций, а как оратор, стремящийся воодушевить коллективного адресата благородным рвением. Оно написано с точки зрения риторического «мы», мощным декламаторским тоном. И хотя можно сомневаться в том, хотел ли Гумилев тут передать «внутренний голос души»... далеко не понятно,

удалось ли ст-ние даже в плане риторики. Гумилев эксплуатирует риторические фигуры в ущерб структуре и развитию идей. Нет центрального сознания или средоточия (образ «Солнца духа» недостаточно разработан для того, чтобы придать ст-нию концептуальное единство, нет четко выраженной линии мысли) (см.: Rusinko E. The Theme of War in the Works of Gumilev // Slavicand East European Journal. 1977. Vol. 21. No. 2. Pp. 205—206).

«"Солнце духа" через использование растительной образности... связывается со ст-нием 1914 г. "Война", где Гумилевым предельно развернуто архаическое метафорическое уподобление военных действий работе земледельцев <...>, что, в свою очередь, перекликается с одним из немногих "провоенных" ст-ний Мандельштама: "В белом раю лежит богатырь:/ Пахарь войны, пожилой мужик"» (Шиндин С.Г. Мандельштам и Гумилев: о некоторых аспектах темы // Гумилев и русский Парнас. СПб., 1992. С. 77). В связи с проблемой «адамизма» Ю.В.- Зобнин рассматривает военную лирику Гумилева, приходя к выводу: «Война, как можно уже догадаться, являлась в глазах Гумилева своеобразным очистительным огнем, мгновенно разрушающим наносную кору "рефлексий и сомнений" (С.Городецкий) и обнажающим истинную, первобытно-девственную человеческую душу, с которой он "заново" войдет в "обновленный" мир. По мысли Гумилева, в пограничной между жизнью и смертью ситуации,

...под пулями в рвах спокойных, —

человек обретает все величие и радость своего существования, чувствует истинную ценность простых человеческих чувств: любви, ненависти, дружбы, скорби и т.п., которые предстают в своей первозданной ясности.

Становится понятным теперь, почему на смену "войне-грозе", обнажающей бытийный трагизм мира, на первый план выступает ослепительная "заря" — "солнце духа":

Чувствую, что скоро осень будет,
Солнечные кончатся труды,
И от древа духа снимут люди
Золотые, зрелые плоды»
(Зобнин Ю.В. С. 136—137).

«Поэзия Гумилева, — пишет Ирина Делич, — насыщена апокалипсическими образами. Апокалипсис сопутствует возвращению в Сверхмир и пробуждает Адама. Один из ликов Апокалипсиса — война, и батальную поэзию Гумилева необходимо рассматривать прежде всего как принятие Катастрофы и Суда, а не проявления войны как таковой. Война несет наказание для "всегда слишком твердой плоти" и пробуждает дух. Именно в терминах пробуждения описана война в ст-нии "Солнце духа" (1918): <цит. ст. 1—4>.

Победы, которые имеет в виду поэт, — это прежде всего победы духа» (Делич И. Николай Гумилев // История русской литературы. XX век. Серебряный век. М., 1995. С. 496).

1915

19. Вершины. 1915. № 8 январь, как первое ст-ние цикла «Любовь» (вместе со ст-нием № 20).

СС II - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СС(Р-т) II - -ОС 1991 - - СПП - - Соч I - - СтП(Ир) - - ЧК - - Круг чтения - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - МП; Душа любви - Русская литература XX века. Хрестоматия для 11 класса средней школы. Ч. 1. М., 1993.

Дат.: начало 1915 — по дате публикации.

Ст. 7—8. В трагедии В.Шекспира «Отелло» ее героиня Дездемона поет песню про иву (Действие 4, сцена 3).

20. Вершины. 1915. № 8 (январь), как второе ст-ние цикла «Любовь» (вместе со ст-нием № 19).

СС II - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - Соч I - - СтП(Ир) - - Круг чтения - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - МП.

Дат.: начало 1915 — по дате публикации.

21. Вершины. 1915. № 25 - - **Колчан.**

Колч 1923 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - Изб(Огонек) - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Колч 1990 - - Ст(М-В) - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) I - - СП(XX век) - - Изб(Х) - - Соч I - - Ст(М) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Русский путь - - ОЧ - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Руские поэты серебряного века - - Душа любви.

Автограф — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой.

Дат.: 10 марта — конец мая 1915 — по датировке В.К.Лукницкой (Жизнь поэта. С. 182), с уточнением дат пребывания Гумилева в госпитале (Соч 3. С. 391).

Перевод на англ. яз. («The Sick Man») — SW. P. 69. Перевод на чешский яз. («Nemocuny») — Honzik.

В восприятии современников Гумилева это ст-ние вызывало разные ассоциации с другими поэтами. Один из них писал: «В пении души растворились и "нежданные и певучие бредни" "одинокой музы" "последнего из царскосельских

лебедей": какой-то заглушенный, но глубокий отзыв голосу И.Ф.Анненского всплывает вдруг на поверхность, когда, например, —

> В моем бреду одна меня томит
> Каких-то острых линий бесконечность...»
> (Верховский. С. 139).

Исследуя ст-ние А.Ахматовой «Широко распахнуты ворота...», Р.Тименчик сделал следующее наблюдение: «Примиренный звон призван опровергнуть предположения о посмертном бытии из гумилевского ст-ния "Больной"... <цит. ст. 3—12>. Полемичен (невольно?) к гумилевскому "Больному" "Бой часов" Михаила Лозинского: "Звучишь, как колокол спасенья, / Высокий голос рукотворный. / О еле слышный, о блаженный, / Рожденный сердцем отзвук рая, / Так величав твой зов нетленный, / И тишина в тебе какая! / Ты — вестник, ты ведешь к покою, / К перегрешившему безмолвью, — / К беззвучно-царственному строю / Над буйной родиной и кровью". Напомним о стихотворной подписи Гумилева Лозинскому на "Колчане", где он называет Лозинского "изобличитель моей в измене вечному" и обещает, что в его поэзии настанет "Рим звонов и лучей"» (Тименчик Р.Д. Храм премудрости Бога: стихотворение Анны Ахматовой «Широко распахнуты ворота...» // Slavica Hierosolymitana. Vol. 5—6. 1981. P. 315).

В архитектоническом — по отношению к «общей идее» «Колчана» в целом — аспекте рассмотрел ст-ние Гумилева С.Шварцбанд: «"Дремучий сон бытия" и "косный сон стихий", Господь, явившийся "мечтой", и требование рая, лирическое "я" и "личины" людей — такова явь современности, в которой "глас вопиющего в пустыне" — "бледные Слова, затерянные ныне". Но и "бред" колоколов Вечности не лучше: <цит. ст. 5—10>. Вот почему без них "бред" о Вечности оборачивается "злыми, нескончаемыми волнами". И для "антиномий сознания" Гумилева (явь — бред) единственным разрешением становится сон примиренья разных стихий: воды ("седых морей") и камня ("каменья")» (Шварцбанд С. «Четвертая книга» стихотворений Н.Гумилева (квазиповествовательный текст: система и организация) // Berkeley. С. 305).

Ст. 4. — Образ восходит к апокрифическому преданию о сумасшествии К.Н.Батюшкова. На вопрос лечащего врача А.Дитриха: «Который час?» — поэт ответил: «Вечность!» (см.: Батюшков К.Н. Сочинения. СПб., 1887. С. 342). Ср.: «И Батюшкова мне противна спесь: /«Который час?» — его спросили здесь, / А он ответил любопытным: "Вечность"» (О.Э.Мандельштам «Нет, не луна, а светлый циферблат...» (1912)). О высокой оценке данного ст-ния Гумилевым в эпоху становления акмеизма см.: Мандельштам О.М. Полное собрание стихотворений. СПб., 1995. С. 529 (Новая библиотека поэта).

Ст. 11. — Упоминаются пифагорейские символы, позже, в тайных мистических учениях обратившиеся в символы «первоэлементов стихий».

22. Вершины. 1915. № 25, с вар. - - **Колчан.**

Колч 1923 - - СС 1947 II - - Изб 1959 — СС I - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Колч 1990 - - Ст(М-В) - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) I - - ОС 1991 - - СП(XX век) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ОЧ - - ЧН 1995 - - Ст1995 - - НШБ - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Акме - - Ст(Куйбышев) - - Русские поэты серебряного века - - Душа любви - - Русская литература XX века: Хрестоматия для 11 класса средней школы. Ч. 1. М., 1993 - - Русская литература. XX век. Учебная книга для учащихся старших классов. Ч. 1. Смоленск, 1995 - - Свиданье: Знамя. 1986. № 10 - - Литература в школе. 1990. № 5; Книжное обозрение. 1986. 26 сентября (№ 39).

Дат.: 10 марта—конец мая 1915 — по датировке В.К.Лукницкой (Жизнь поэта. С. 182), с уточнением дат пребывания Гумилева в госпитале (Соч 3. С. 391).

Перевод на чешский яз. («Osmiversí») — Honzík.

Появление «Восьмистишия» в «Колчане» было воспринято благожелательно. «..."Огнезарный бой", "рокочущая труба побед", "зудящие грозно бомбы", шрапнели, которые "жужжат", "словно пчелы, собирая ярко-красный мед", оказались маловдохновительными для Гумилева как для стихотворца, и стихи, посвященные войне, значительно ниже других стихов сборника, среди которых есть превосходные (так, например, "Восьмистишие"...)». (Андрей Полянин [Парнок С.Я.]. Н.Гумилев. Колчан // Северные записки. 1916. № 6. С. 218—219). «...Красивая страница, которую он вписал ею (своей поэзией. — *Ред.*) в историю нашей литературы, получает еще новое излучение смысла как от его общей веры в божественность живого слова, идущего за пределы земного естества, так, в частности, и от идеи его "Восьмистишия"» (Айхенвальд Ю. Поэты и поэтессы. М., 1922. С. 49).

О связи этого ст-ния с общими принципами акмеизма размышляет Н.Богомолов: «Вот в чем дело: теперь поэзия окончательно становится не заклинанием, а лишь способом почувствовать неведомое, приблизиться к нему и "изобразить душу в те моменты, когда она дрожит, приближаясь к иному". Не случайно именно в "Колчане" напечатано "Восьмистишие", смысл которого внешне совершенно ясен: <цит. ст. 1—8>.

"Высокое косноязычье" здесь — не просто индивидуальное сочетание, а явная проекция на библейский текст, где Моисей жалуется Господу, что он косноязычен, и слышит в ответ: "...пойди; и Я буду при устах твоих, и научу тебя, что тебе говорить"(Исход, 4, 12). Высокое косноязычье даруется не всякому, а только тому, кто заключил завет с Богом, кто в силах провозгласить истину, которая выше него» (Богомолов Н.А. Читая Гумилева // Изб (XX век). С. 15—16).

О библейском подтексте пишет и О.Ронен: «В одном из самых значительных ст-ний акмеизма, Гумилев сформулировал принцип "высокого косноязычья", который роднит поэта с Моисеем (Исх. 4, 10). Не позже 1910 г., Мандельштам ввел эту тему в ст-ние "Мне стало страшно жизнь отжить" <...>: "И в пустоте, как на кресте, / Живую душу распиная, / Как Моисей на высоте, / Исчезнуть в облаке Синая"» (Ronen O. An Approach to Mandel'stam. Jerusalem, 1983. P. 168). Программное значение формы «восьмистишия» для поэтов-акмеистов — Ахматовой, Городецкого, Мандельштама в 1913—1914 гг. отмечено Р.Д.Тименчиком и А.В.Лавровым (см.:Тименчик Р.Д., Лавров А.В. Материалы А.А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1974 год. Л., 1976. С. 58—59).

23. Колчан

Колч 1923 - - СС 1947 II - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - Изб(М) - - СтПРП - - СПП - - Колч 1990 - - Ст(М-В) - - Кап - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - Соч I - - СтП(Ир) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ОЧ - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Душа любви.

Автограф — Архив Лозинского.

Дат.: 10 марта—конец мая 1915 — по датировке В.К.Лукницкой (Жизнь поэта. С. 182), с уточнением дат пребывания Гумилева в госпитале (Соч 3. С. 391).

Ст. 7—8. — Упоминание героини известной сказки-притчи Г.-Х.Андерсена «Принцесса на горошине» здесь следует понимать как символ тайной помехи, ощущаемой лирическим героем среди кажущегося благополучия и великолепия его духовной жизни. Ст. 21—22. — Упоминаются два евангельских эпизода: исцеление прокаженного (Мф 8, 2—3) и воскрешение дочери Иаира (Мк 5, 41), а также — притча о бедном Лазаре (Лк 16, 19—31), сказанная в полемике со сребролюбивыми фарисеями.

24. Вершины. 1915. № 29—30, др. ред. - - **Колчан.**

Колч 1923 - - СС 1947 II - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Изб(М) - - СтПРП - - СПП - - Колч 1990 - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) I - - ОС 1991 - - Изб(Х) - - Соч I - - Ст(М) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ЧН 1995 - - ВБП - - МП - - Изб(Сар) 2; Акме.

Автограф 1 — Архив Лозинского. Автограф 2 — Архив Лозинского, список рукой Ахматовой. Автограф 3 — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой.

Дат.: 10 марта—конец мая 1915 — по датировке В.К.Лукницкой (Жизнь поэта. С. 182), с уточнением дат пребывания Гумилева в госпитале (Соч 3. С. 391).

Ст-ние обращено к А.Л.Бенуа, дочери архитектора Л.Н.Бенуа, работавшей тогда в Лазарете деятелей искусств на Введенской улице, где находился на излечении Гумилев (см.: Соч III. С. 391). Возможно, «масонские» темы ст-ния обусловлены общением как с ней, так и с ее родными (известно, что Гумилев устраивал из госпиталя «побеги», во время которых наносил визиты своим петроградским знакомым (см.: Жизнь Николая Гумилева. С. 48)). О «масонской» образности ст-ния достаточно много поминается в самых различных исследованиях. Так, В.И.Новиков, утверждая, что «Гумилев — "самый масонский" из русских поэтов», пишет: «Стихотворение "Средневековье" <...> можно даже понять как картинку из средневековой жизни. Здесь все названо своими именами. Масоны заняты своим прямым делом: они — и камнетесы, и камнерезчики и просто строительные рабочие. Великий Мастер, покрытый каменной пылью, как дирижер из центра храма руководит их трудами. Тайный смысл раскрывается в заключительных строках: <цит. ст. 29—32>» (Новиков В.И. Масонство и русская культура. М., 1993. С. 55—56). На это же обращает внимание и Н.А.Богомолов, отметив, что «во многих стихотворениях "Колчана" и "Костра" прежнее мистическое настроение стихов-заклинаний объективируется, становится предметом изображения» — и приводил как яркий образец подобной «объективации» — «Средневековье», где «эти самые настроения выносятся в текст, становятся видны невооруженным глазом» (см.: Богомолов Н.А. Читая Гумилева // Изб(XX век). С. 16). М.Йованович называет «Средневековье» «масонским поэтическим документом» (Йованович М. Николай Гумилев и масонское учение // Н.Гумилев и русский Парнас. СПб., 1992. С. 36). Следует, впрочем, отметить, что в «военном» творчестве Гумилева — в отличие от последующего творчества «революционных» лет — тема масонства, по крайней мере — в подобной открытой форме — скорее всего исчерпывается настоящим ст-нием.

В ст-нии активно используется масонская символика: «Каждый символ имеет свое объяснение и толкование. Так, например, линейка и отвес символизируют равенство сословий. Угломер — символ справедливости. Циркуль служит символом общественности, а наугольник, по некоторым толкованиям, означает совесть. Дикий камень — это грубая нравственность, хаос, кубический камень — нравственность "обработанная". Молоток служит для обработки дикого камня. Молоток, являясь принадлежностью мастера, служит символом власти. Молоток — символ молчания, повиновения и совести, по другим объяснениям, молоток означает веру. Лопаточка — снисхождение к слабости человека и строгости к себе. Ветвь акации — бессмертие; гроб, череп и кости — презрение к смерти и печаль об исчезновении истины. Молоток, наугольник и циркуль считаются наиважнейшими символами» (Иванов В. Православный мир и масонство. М., 1993 С. 6—7).

Ст. 19—20. — Имеется ввиду так наз. «легенда Хирама» — история построения мастером Хирамом-Абиффом Храма Соломона, умерщвления мастера и воскресения его — важнейшая аллегорическая формула масонского дела. Ст. 25. — Великий Мастер — в жесткой иерархии тайной масонской организации — глава объединения нескольких лож. Нивелир — оптико-механический инструмент, служащий для выравнивания поверхности при земляных и каменных работах; несет символический смысл равенства.

25. Петроградские вечера. Кн. 4. Пг., 1915.

СС II - - Изб(Огонек) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Изб(Кр) - - СС(Р-т) II - - Соч I - - ВБП - - МП; Душа любви.

Автограф — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой.

Дат.: 10 марта—конец мая 1915 — по датировке В.К.Лукницкой (Жизнь поэта. С. 182), с уточнением дат пребывания Гумилева в госпитале (Соч 3. С. 391).

Ст-ние обращено к А.Л.Бенуа (см. комментарий к № 24).

С сильной иронией в Советской стране 1930 гг. было истолковано это ст-ние: «Вера Гумилева в силу духа и религиозного чувства настолько крепка, что он в своем поэтическом послании "Сестре милосердия" предлагает ей не думать о сплетении мышц и костей, о "святой работе и долге", ибо все это <...> сказки для детей. Воин, если дух у него здоров, сам собой поправится, "под попреки санитаров и томительный бой часов". <...> И, поскольку вера Гумилева в исцеляющую силу духа сильнее веры в мощь лечебной помощи, он в качестве идеала ставит женщину не в белой косынке, а подругу, в серьгах и кольцах, которая "от духов и притираний обольстительна вдвойне". Он вспоминает об англичанке, песней славшей мужчин на бой и поцеловавшей воина перед восторженной толпой. Эта девушка, по мнению поэта, лучше всех сестер милосердия поняла свой юный долг» (Цехновицер О.В. Литература и мировая война 1814—1918 годов. М., 1938. С. 195—196). Иные трактовки появились в последующие годы. «Наряду с натуралистическими зарисовками (см. "Записки кавалериста") он (Гумилев — *Ред.*) прославлял религиозные чувства и силу духа русских воинов, повелевающие им, "голодным, измученным и замерзающим", едва выйдя из одного боя, бесстрашно идти навстречу новому. Таковы строки из стихотворного послания "Сестра милосердия", прославляющего "здоровье духа солдат"» (Вильчинский В.П. Литература 1914—1917 годов // Судьбы русского реализма начала XX века. Л., 1972. С. 248). По мнению Е.Томпсон, в ст-нии наблюдается сдача критического мышления силе идеологии. Поэт призывает медицинскую сестру не тратить время на ухаживание за ослабевшими жертвами войны, а поверить в здоровье русского духа. Метафоры полета и молнии, как то часто бывает у Гумилева, сопряжены с агрессией. «Знакомая тенденция приписывать победу добродетели, а не силе, также налицо: дух, а не военная мощь, как будто, приведут русских в глубь Западной Европы» (Thompson

E. N.S.Gumilev and the Russian Ideology // Berkeley. P. 316—317). С такой концепцией спорит Ю.В.Зобнин: «Рыцарство — если уйти от внешних расхожих атрибутов, от исторического антуража — было самой совершенной формой деятельного личностного религиозного "жизнестроительства", воплощением во внешнем действии внутреннего духовного "движения". Для истории европейского религиозного сознания рыцарство было величайшей школой усвоения личностью соборного достояния католичества, утверждением "общего" действия в "частном". Не случайно тема "рыцарства" была чрезвычайно актуальна для тех русских мыслителей, которые пытались угадать возможность выхода из духовного кризиса, в который попала вступившая в полосу затяжных революций Россия. "К горю нашему, в русской истории не было рыцарства, — писал Н.А.Бердяев. — Этим объясняется и то, что личность не была у нас достаточно выработана, что закал характера не был у нас достаточно крепок... Нравственно прекрасен наш бытовой демократизм, наша простота... но в отсутствии аристократии была и наша слабость, а не только наша сила. В этом чувствовалась слишком большая зависимость от темной народной стихии, неспособность выделить из огромного количества руководящее качественное начало". Этой мысли Бердяева созвучны стихи Гумилева <цит. ст. 29—32>» (Зобнин Ю.В. Странник духа (о судьбе и творчестве Н.С.Гумилева) // Русский путь. С. 35). Р.Томсон приводит данное ст-ние (ст. 25—28) как образец эффектной комбинации анапестического дольника с четырех- и пятистопным хореем, вообще характерной для Гумилева (см.: Thomson R.D.B. The Anapaestic Dol'nik in the Poetry of Akmatova and Gumilev // Russian Language Journal, Special Yssue. Spring. 1975. P. 50).

26. Петроградские вечера. Кн. 4. Пг., 1915.

СС II - - Изб(Огонек) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Изб(Кр) - - СС(Р-т) II - - Соч I - - ВБП - - МП; Душа любви.

Автограф — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой.

Дат.: 10 марта—конец мая 1915 — по датировке В.К.Лукницкой (Жизнь поэта. С. 182), с уточнением дат пребывания Гумилева в госпитале (Соч 3. С. 391).

По мнению Е.Томпсон, в ст-нии передается самоуничижительное сознание русских в то время, как военные победы воспринимаются, как само собой разумеющееся. Медицинская сестра допускает, что русские вернутся из дальнего похода победителями, но одновременно обращается к плачу из «Слова о полку Игореве». Таким образом, она воспринимает себя как попранную и неоцененную жертву агрессии. «Установка на Ярославну» придает ст-нию скорее племенное, чем общечеловеческое значение. Иначе говоря, внешняя агрессия русского государства не подрывает самовосприятие россиян как униженной нации, страдающей от исторической несправедливости. Ст-ние, по мнению толкователя, представляет собой ско-

рее рифмованное воспроизведение клише, чем поэтическую интерпретацию новых мыслей (см.: Thompson E. N.S.Gumilev and the Russian Ideology // Berkeley. P. 317).

27. Русская мысль. 1915. № 7, с вар. - - **Колчан.**

Колч 1923 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - ОС 1989 - - СтПРП(ЗК) - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Колч 1990 - - Ст(М-В) - - Кап - - ОС 1991 - - Изб(Х) - - Соч I - - Ст(М) - - СтП(Ир) - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ОЧ - - ЧН 1995 - - Ст 1995 - - НШБ - - ВБП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Ст(Куйбышев) - - Русские поэты серебряного века - - Душа любви.

Автограф — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой.

Дат.: 10 марта—конец мая 1915 — по датировке В.К.Лукницкой (Жизнь поэта. С. 182), с уточнением дат пребывания Гумилева в госпитале (Соч 3. С. 391).

Современник Гумилева заметил по поводу двух его ст-ний: «Есть у Гумилева довольно изощренная наблюдательность, доказательством чего служат стихотворения "Дождь" и "Вечер"» (Оксенов И. «Колчан» Н.Гумилева // Новый журнал для всех. 1916. № 2—3. С. 74).

28. Полон: Литературный сборник. Пг., 1916, с вар. и опеч. - - **Колчан** - - Весенний салон поэтов. М., 1918, перепечатка из «Колчана».

Колч 1923 - - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Колч 1990 - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) I - - ОС 1991 - - СП(XX век) - - Изб(Х) - - Соч I - - Ст(М) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Престол - - Изб(XX век) - - ОЧ - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Ст(Куйбышев) - - Русская литература XX века. Дооктябрьский период. Хрестоматия. Л., 1991 - - Душа любви - - Русская литература XX века. Хрестоматия для 11 класса средней школы. Ч. 1. М., 1993 - - Русская поэзия серебряного века - - Хрестоматия по отечественной литературе XX века. Для учащихся 11 класса. М., 1995 - - Бог и человек в русской классической поэзии XVIII—XX веков. СПб., 1997; Литература в школе. 1990. № 5.

Автограф — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой.

Дат.: 3(15) апреля — по смыслу ст-ния, с учетом указания В.К.Лукницкой, что ст-ние было написано в 1915 г. (Жизнь поэта. С. 182).

Перевод на англ. яз. («It Wash't Living») — SW. P. 74. Перевод на чешский («Ja neprozil, ja promucilse jen...») — Honzik.

О значении этого ст-ния в творческой эволюции Гумилева писал Б.М.Эйхенбаум: «...недаром совсем трагическим, совсем необычным становится стиль Гумилева в стихотворении, которое кажется мне наиболее цельным, наиболее напевным из всего сборника: <цит. ст. 1—8>. Это ли не измена Музе Дальних Странствий? Он раскаивается, что взлюбил сушу и море. Жизнь предстала ему, как дремучий сон бытия — это ли словарь акмеиста-конквистадора?» (Эйхенбаум Б.М. Новые стихи Н.Гумилева// Русская мысль. 1916. №2. Отд. III. С. 19). Его поддерживал Ю.Верховский: «В начале этого второго периода (творческого развития Гумилева. — *Ред.*) поэт, как бы перешагнув рубеж, задумчиво и "молитвенно" отмечает пройденные полпути: <цит. ст. 1—4>. Он тоскует с "тихой и грустной думой" о непреодоленной "молодой силе": <цит. ст. 13—16>» (Верховский. С. 118).

Иначе ст-ние трактовалось в последующие годы. «Чувство боли и ущерба характерно для всего творческого пути Гумилева. Он пугается своих "дум", которые как "коршуны" "зловеще и угрюмо" "требуют мести". Поэт грустит у "сонной заводи", где "днем так приятно плавать, а вечером плакать". Даже в сборнике "Колчан", где собраны стихи наиболее "оптимистического" периода Гумилева — кануна и начала империалистической войны — упаднические мотивы звучат рядом с "бодрыми". В стихотворении "Счастье" он обращается к богу с вопросом: "За что же?" — предчувствуя, что бог "отринет" "бедную душу" поэта. В другом стихотворении этого сборника Гумилев подводит мрачные итоги своему жизненному пути: <цит. ст. 1—8>» (Волков А.А. Очерки русской литературы конца XIX и начала XX веков. М., 1952. С. 464). О мотиве самоосуждения в этом ст-нии рассуждает Е.Б.Тагер, цитируя ст. 1—12: «Речь идет, понятно, не просто о противопоставлении земной любви христианской аскезе; в религиозной оболочке стихотворения Гумилев предпринимает своего рода пересмотр собственного идейно-художественного credo. Влюбленность в "сушу и море", "самоценность" любого явления, любой данности утрачивает значение важнейшей заповеди художника, наоборот, осознается ее ущербность перед "горним светом", то есть некими высшими ценностями, существование и превосходство которых не может не признать поэт. В то же время он не в силах — да в тайне и не хочет — вырваться из сладкого плена, стряхнуть "дремучий сон бытия": "Но любовь разве пламень малый, что ее легко погасить?"» (Тагер Е.Б. Модернистские течения и поэзия межреволюционного десятилетия // Русская литература конца XIX — начала XX вв.: 1908—1917. М., 1972. С. 292—293).

На связь «лермонтовско»-задумчивых интонаций («Молитва») с этим ст-нием указывала Л.Хихадзе (Хихадзе Лина. Гумилев и Кавказ // Литературная Грузия. 1988. № 12. С. 119), о достижении «высокого косноязычья», когда Гумилев окончательно выходит на собственный путь, когда «путь "конквистадора" в том его виде, как до сих пор, уже отринут окончательно», утверждает И.А.Панкеев (Панкеев И.А. Посредине странствия земного // Изб (Слов). С. 29).

Ст. 2. — ср.: «Земную жизнь пройдя до половины, /Я очутился в сумрачном лесу...» (Данте А. Божественная комедия. Ад. Песнь 1, пер. М.Л.Лозинского). «Половиной жизни» некоторые из комментаторов Данте называют 30-летний возраст. Ст. 5. — Имеется в виду Преображение Господие, происшедшее на горе Фавор: «По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился перед ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет» (Мф 17, 1—2). Полемика вокруг природы «фаворского света» играет значительную роль в православной мистике.

29. Новый журнал для всех. 1915. № 5, с вар. - - **Колчан**, как первое ст-ние цикла «Канцоны» (вместе со ст-нием № 30).

Колч 1923 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) — - СтПРП(ЗК) - - Изб(М) - - СтПРП - - СПП - - Колч 1990 - - Кап - - СС(Р-т) I - - ОС 1991 - - Изб(Х) - - Соч I - - СтП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(ХХ век) - - ОЧ - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Русские поэты серебряного века.

Автограф 1 с вар. — Собрание А.Н.Кирпичникова (СПб), карандашная запись на обороте титульного листа и шмуцтитуле Ж 1910 (факсимильное воспроизведение — БП. С. 228). Автограф 2 — Канцоны. Запись авторского чтения Гумилевым этого ст-ния (без последней строфы) — см.: Кругозор. 1989. № 12. С. 4—5.

Дат.: 15 апреля 1915 — по датировке В.К.Лукницкой (Жизнь поэта. С. 182).

В связи с этим ст-нием рецензент «Костра» писал: «В поэзии Гумилева мы часто встретим такое полное слияние духовного и чувственного образа, что нельзя различить, происходит ли воплощение первого, или спиритизация второго.

Словно ветер страны счастливой,
Носятся жалобы влюбленных...

Таковы "Канцоны" во всем их целом. Поэт достиг в них мастерства совсем особенного. Их полу-образы, полу-чувства, рассеянные где-то в земном пространстве, нашли свой язык, неуловимый и тонко чувственный. Стихи сделались живым голосом ощущаемого» (Тумповская М.М. «Колчан» Н.Гумилева // Аполлон. 1917. № 6—7. С. 63).

Ст. 17. — Этот образ нашел отзвук в одном из вариантов «Поэмы без героя» А.Ахматовой:

Объяснил мне совсем без слов,
А одной улыбкою летней,

Как была я ему запретней
Всех семи смертельных грехов

(Стихотворения и поэмы. Л., 1976 (Б-ка поэта. Большая серия). № 652). На это обратили внимание Т.Г.Цивьян (Заметки к дешифровке «Поэмы без героя» // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. Вып. 5. С. 270) и Л.К.Чуковская (Заметки об Анне Ахматовой. М., 1997. Т. 3 (1963—1966). С. 44).

30. Вершины. 1915. № 31—32 (август) - - **Колчан**, как второе ст-ние цикла «Канцоны» (вместе со ст-нием № 29).

Колч 1923 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - Изб(М) - - СтПРП - - СПП - - Колч 1990 - - Кап - - СС(р-т) I - - ОС 1991 - - Изб(Х) - - Соч I - - СтП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ОЧ - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Baranski Z., Litwinow J. Rossyiskie manifesty literacki. Cz. 1. Poznań, 1974, под. загл. «Канцоны» - - Rosyjskie kierunki literackie: Przelom 19—20 wieku. Warszawa, 1983, под. загл. «Канцоны» - - Поэтические течения в русской литературе конца XIX — начала XX века: Литературные манифесты и художественная практика. Хрестоматия. М., 1988 - - Русские поэты серебряного века.

Автограф 1 с вар. — Архив Лозинского. Между ст. 4 и 5 вместо «холод кожи» ранее было: «мрамор тела», вместо «Теперь лишь ямб магических озер» ранее было: «Всё спит в земле, дрожит на дне озер», вместо «Звенящий ветр, волшебных бездорожий» ранее было: «Сиренным голосом им гибель пела». В ст. 15 вместо «идешь» ранее было: «живешь». В ст. 16 ранее было: «Для беспощадного уничтоженья». Третья строфа в автографе приписана в конце после подписи. Автограф 2 — Канцоны.

Дат.: 15 апреля 1915 — по датировке В.К.Лукницкой (Жизнь поэта. С. 182).

В первых отзывах на «Колчан» это ст-ние послужило поводом для разговора о некоем переломном моменте в творчестве Гумилева: «...ему открылись новые пути. Недаром грустью овеяны его итальянские стихи <...> недаром аттические выси воспеты им так скорбно: "Печальный мир не очарует вновь <...> Стучавшая торжественно и дивно"» (Эйхенбаум Б.М. Новые стихи Н.Гумилева // Русская мысль: 1916. № 2. Отд. III. С. 19). Конкретнее этот «поворот» охарактеризовал В.М.Жирмунский в статье «Преодолевшие символизм» (Русская мысль. 1916. № 12): «В последних сборниках Гумилев вырос в большого и взыскательного художника слова. Он и сейчас любит риторическое великолепие пышных слов, но он стал скупее и разборчивее в выборе слов и соединяет прежнее стремление к напряженности и яркости с графической четкостью словосочетания. Как все поэты "Гипер-

борея", он пережил поворот к более сознательному и рациональному словоупотреблению, к отточенному афоризму, к эпиграмматичности строгой словесной формулы. Лучшие из экзотических стихотворений в "Колчане" ("Об Адонисе с лунной красотой...", "Китайская девушка", "Болонья") могут быть примерами словесной четкости и строгости» (цит. по: Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 130).

Ст. 1. — Адонис — в греческой мифологии прекрасный юноша, возлюбленный Афродиты; убитый на охоте вепрем, он был превращен богиней в анемон, из сочувствия ее горю боги даровали ему частичное освобождение из царства мертвых. Ст. 2. — Гиацинт — мифический спартанский юноша, любимец Аполлона, случайно убитый им при метании диска; из крови Гиацинта вырос цветок, носящий его имя. Нарцисс — красавец, наказанный богами за его равнодушие к страдающим от любви к нему женщинам безумной влюбленностью в собственное отражение в воде; умерший от безотрывного лицезрения себя самого, он был превращен в «красивый, но холодный» цветок нарцисс (см.: Мифы народов мира. М., Т. 2. 1992. С. 201). Ст. 3. — Имеется в виду героиня греческой мифологии Даная, на ложе к которой спустился в виде золотого дождя верховный бог Зевс, от него ею был рожден герой Персей. Ст. 7—8. — Речь идет об эпизоде из «Одиссеи» Гомера: дочь царя феаков Навзикая дает приют потерпевшему кораблекрушение, выброшенному бурей на берег Одиссею, который сравнивает ее стройность с пальмой:

В Делосе только я — там, где алтарь Аполлонов воздвигнут, —
Юную стройно-высокую пальму однажды заметил
<...>
Юную пальму заметив, я в сердце своем изумлен был
Долго: подобного ей благородного древа нигде не видал я.
Так и тебе я дивлюсь!

(Песнь шестая. Перевод В.А.Жуковского).

31. Биржевые ведомости. 1915. 12 мая. № 14 837, с вар. - - **Колчан.** Колч 1923 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Изб(М) - - СтПРП - - СПП - - Колч 1990 - - Ст(М-В) - - СС(Р-т) I - - ОС 1991 - - СП(XX век) - - СтП(Ир) - - Изб(Х) - - Соч I - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ОЧ - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Слово. Вып. 1. М., 1989.

Автограф 1 — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой. Автограф 2 — РГБ. Ф. 245 (Л.М.Рейснер). К. 5. Ед. хр. 20. Л. 11, список рукой Рейснер и перевод его на франц. язык.

Дат.: 5—12 мая 1915 — по датам публикации и тематике.

Ст-ние является откликом на речь широко известного в России начала XX в. итальянского писателя Габриэле Д'Аннунцио (1863—1938), обращенную с призывом к войне против Германии. Речь была произнесена 5 мая 1915 г., в день памяти о начале похода интернационального отряда Д.Гарибальди во время итало-австрийского конфликта 1860 г. По поводу речи в петербургской газете «Биржевые ведомости» в заметке «Речь д'Аннунцио» (15 мая 1915 г., утренний вып.) сообщалось: «О пламенной речи Габриэля д'Аннунцио, произнесенной на острове Кварто, подле Генуи, в юбилейный день экспедиции славной гарибальдийской тысячи, уже были краткие телефонные сообщения <...>

Речь эта — блестящее соединение образной латинской риторики с пламенной неподдельной непосредственностью». Далее шли выдержки из самой «речи»: «Поднятая длань нашего национального героя указывает нам путь, которым мы должны идти теперь.

Она указывает на море!

Ах, если когда-либо камни в мечтах пророков получали дар речи, то сегодня мы видим воочию это воплощение мечты. Эта бронза громко и страстно говорит нам о нашем долге!

В эту ночь не остывший еще металл будет ярким пламенем рдеть над темно-синей рябью моря, и другие герои, которых воскресит в эту ночь все еще живое пламя души Гарибальди, бросят нам великие слова: "Хвала Богу! Итальянцы вновь зажгли огонь на алтаре Италии" <...> мощный голос его (Гарибальди. — *Ред.*) взывает ко всей Италии: — Все, все отдайте пылающей Италии!

Блаженны юные, блаженны имеющие целомудренную душу, сильное тело и мать, достойную сына-героя <...>

Блаженны те, которые безмолвно и безропотно примут великую необходимость и не пожелают быть последними, а двинутся первыми.

Блаженны юные, алчущие и жаждущие славы, — они будут утолены.

Блаженны милостивые — им предстоит святая радость милосердия.

Блаженны те, которым суждено вернуться увенчанными победой, — они узрят преображенный лик Рима и ликующую красоту обновленной Италии!» Глубоко солидарное с пафосом этой речи, как бы раскрывающее ее духовно-исторический смысл ст-ние Гумилева имеет в истории отечественного литературоведения противоречивые оценки. «В Италии д'Аннунцио произносит воинственную речь на открытии памятника Гарибальди и его тысячи в Кварто <...> Демагогическая речь поэта была полна призыва вступить в войну на стороне тройственного согласия <...>.

Гумилев, перекликаясь с д'Аннунцио, славит его шовинистическое выступление в Кварто ("Ода д'Аннунцио").

Эти воинственные призывы к личному участию в утверждении колониально-захватнических идеалов на время захватывают довольно значительное число литераторов по обе стороны фронта.

Этот наиболее яркий представитель русской империалистической поэзии со

всей рьяностью служит делу войны и в результате награждается двумя георгиевскими крестами» (Цехновицер О.В. Литература и мировая война 1914—1918 годов. М., 1938. С. 101). «Непосредственным поводом к стихотворению Гумилева послужила речь Д'Аннунцио, с которой он выступил 5 мая 1915 г. и призвал Италию вступить в начавшуюся первую мировую войну на стороне Антанты, а значит, и на стороне России. Эта идея итальянского поэта совпала с патриотическими чувствами самого Гумилева, добровольно ушедшего на фронт. Гумилев приветствовал поэтому позицию Д'Аннунцио и видел в ней подтверждение особой миссии поэта в обществе» (Комолова Н.П. «Италия» Ахматовой и Гумилева // Россия и Италия. М., 1993. С. 265). «Через д'Аннунцио Гумилев, — размышляет о внутренней связи между обоими поэтами Л.Аллен, — как будто проецирует самого себя. Не является ли, в самом деле, знаменательным фактом, что "изнеженный поэт", порицаемый народниками всех мастей, модернист, который сотворил из своей жизни пир, предоставляя другим заботиться о социальной справедливости, ослепил мир своим мужеством, став глашатаем битвы <цит. 5 строфа>.

Быть может, д'Аннунцио, так воспетый Гумилевым, не воздал такую безоговорочную хвалу войне. Но именно здесь мы, кажется, касаемся великой тайны, когда Гумилев поддается иностранному влиянию. Это влияние служит ему, главнее всего, реактивом для проявления его вдохновения» (Аллен Л. У истоков поэтики Н.С.Гумилева. Французская и западно-европейская поэзия // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 250). О значении этого ст-ния в общей структуре книги «Колчан» С.Шварцбанд пишет: «В "Оде д'Аннунцио" Гумилев синтезировал все "подлежащие" сорока двух стихотворений (книги. — *Ред.*) в "логически музыкальном, непрерывном <...> развитии образа-идеи", представленном как "сказуемое" книги "Колчан":

Слова: "Встает великий Рим,
Берите ружья, дети горя"...
— Грозней громов...

Синтез "антиномий сознания" позволил Гумилеву снять все противоречия и противоборства "образов-идей" отдельных стихотворений в "примиряющем" слове: море ("как мощь и слава"), горы (где "зреют молнии в лесах"), конь ("встающий на дыбы"), народ (поверивший в "правду света") — "страшные судьбы", врученные "рукам изнеженным поэта". Вот почему:

И все поют, поют стихи
О том, что вольные народы
Живут, как образы стихий,
Ветра, и пламени, и воды»

(Шварцбанд С. «Четвертая книга» стихотворений Н.Гумилева (квазиповество-

вательный текст: система и организация) // Berkeley. P. 305—306). По воспоминанию ученицы Гумилева поэтессы В.И.Лурье, он однажды в любительской пантомиме (при режиссировании С.Э.Радлова) «изображал Д'Аннунцио в черной бороде; принесли его на стульях, изображавших аэроплан; Н<ик>олай Степ<анович> был хорош даже своими угловатыми движениями рук» (De Visu. 1993. № 6. С. 10).

Ст. 5—6. — Имеется в виду эпоха правления первого римского императора Октавиана Августа (63 до н.э. — 14 н.э.), при котором в стране был восстановлен мир после затяжной гражданской войны, наступил «золотой век» римской литературы, эпоха Горация, Овидия, Вергилия. Ст. 15—16. — Речь идет об итальянском поэте Торквато Тассо (1544—1595), авторе прославившей его поэмы «Освобожденный Иерусалим», увенчанном лавровым венком (знаком всенародного признания) только перед смертью. Ст. 20. — Александр — вероятно, Александр Македонский (4 в. до н. э.); Агамемнон — герой эпической поэмы Гомера «Иллиада», главный вождь греков в войне против троянцев.

32. Голос жизни. 1915. 27 мая (№ 22) - - **Колчан.**

Колч 1923 - - СС 1947 II - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Изб(М) - - СтПРП - - СПП - - Колч 1990 - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) I - - ОС 1991 - - СП(XX век) - - Изб(Х) - - Соч I - - Ст(М) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Изб 1997 - - ВБП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2.

Автограф — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой.

Дат.: до 27 мая 1915 — по дате публикации.

Перевод на англ. яз. («Paradise») — Modem Poems from Russia, Tr. Gerald. Shelley. London, 1942; перепеч. — Westport, Connecticut, 1977. Перевод на чешский яз. («Raj») — Honzik.

Ст-ние вызвало восхищение Н.А.Оцупа (назвавшего его «чудесно искренним») полным отсутствием в нем рефлексии, несмотря на, казалось бы, явное признание поэтом за собой противоречивых свойств («плоти <...> не мог смирить» и — «душа моя чиста»): «У него нет и следа тех сомнений и угрызений совести, которые слышатся в воззваниях, заклинаниях и горьких сетованиях Ахматовой» (Оцуп. С. 41). По определению Е.Тагер, сопоставившей это ст-ние с близким по теме ст-нием Ф.Сологуба «Я испытал превратности судеб...» (1919), у Гумилева в качестве «мотивировок права на вход в рай» выступают «добродетели вполне почтенные, но, так сказать, рядовые, доступные каждому», в то время как Сологуб (также не отрицающий своей «человеческой греховности») претендует на вход в рай как поэт — «носитель высшего творческого дара»: «Здесь сталкиваются разные концепции человеческой личности, концепции "малого" и "боль-

шого" мира» (Тагер Е. Модернистские течения в русской литературе и поэзия межреволюционного десятилетия (1908—1917) // Тагер Е. Избранные работы по литературе. М., 1989. С. 426). Э.Папля видит в ст-нии выражение «основной черты мировоззрения Гумилева-художника», а именно «принятие определенного порядка бытия, в основе которого лежит принцип иерархии и особое чувство "равновесия обязанностей": поэт воспевает земной мир Божий, — тот же, в свою очередь, вознаграждает его вечной жизнью.

Понятно, что этот своеобразный договор приводит к заметной трансформации образа Бога: сейчас Он — как "договорщик" — становится ближе герою, доверявшему Ему свои поступки для справедливой оценки. Герой, следовавший законам этики — те же, как известно, у Гумилева связаны прежде всего с традиционными мужскими добродетелями, с "рыцарским этосом" — может рассчитывать на толерантность. Такая позиция, не лишенная доли кокетства, заметна в стихотворении "Рай" (1916), шуточной полу-биографии, полу-исповеди. Однако доверие и надежда на милость не нарушают иерархии: все мы, смертные, рано или поздно должны явиться перед лицом праведного Судьи» (Папля Э. Homo peregrinans в лирике Николая Гумилева // Berkeley. P. 217). По определению Ю.В.Зобнина, ст-ние является выражением непошатнувшейся веры поэта в христианскую церковь как непреходящую живую религию: «Впервые для художника-декадента "традиционная", "историческая", если следовать терминологии Мережковского, церковь и ее догматика не были чем-то чуждым, чем-то, что нужно «преодолеть», но явились средой для применения всего арсенала богатейшей "декадентской" эстетики. Гумилев мог с полным правом сказать о себе:

Апостол Петр, бери свои ключи,
Достойный рая в дверь твою стучит
<...>

Действительно, при всех "безумствах" 1906—1908 гг., "еретиком" Гумилев не был никогда и идеи "подправить" православие, создать "новую церковь" сочувствия у него никогда не находили. Он на какое-то краткое время "шатнулся" от церкви, поддавшись декадентским поискам "красоты", но очень скоро увидел, что христианство, православие, ложно понятые "декадентами" как статичные, мертвые институты, на самом деле обладают живой динамической духовной полнотой, вполне могущей служить базой для художника, стремящегося к эстетическому совершенству» (Зобнин Ю.В. Странник духа (о судьбе и творчестве Н.С. Гумилева) // Русский путь. С. 32—33).

Ст. 1. — Святой Апостол Петр — один из двенадцати избранных учеников и последователей Христа, первоначально рыбак по имени Симон (имя Петр — «камень» — дано ему Христом за твердость веры); по средневековой христианской легенде, назначен Христом быть привратником при входе в рай и ад (с

ключами от них). Ст. 5—6. — Георгий Победоносец — св. великомученик, христианский воин-мученик, живший, по преданию, в конце III—начале IV вв.; в 1769 г. в России был учрежден орден его имени четырех степеней за отличие в ратных подвигах; Гумилев был дважды награжден за личную храбрость орденом св. Георгия IV и III степени — в декабре 1914 и декабре 1915 гг. Ст. 7. — Святой Антоний — преподобный Антоний Великий (ум. в 356 г.) — основоположник монашества, жил в Египте; значительное место в его «Житии» занимают эпизоды искушения дьяволом (в том числе и соблазном женских прелестей), которые он преодолевал строгой аскезой. Ст. 9. — Святая Цецилия (ум. в 230г.) — христианская мученица, давшая в юности обет девственности.

33. Колчан.

Колч 1923 - - СС 1947 II - - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Колч 1990 - - Ст(М-В) - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) 1 - - ОС 1991 - - СП(XX век) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Изб(X) - - Соч I - - СП(К) - -Ст(Яр) - - Круг чтения - - Carmina - - Изб(XX век) - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Силард 1979 - - Силард 1983 - - В мире отеч. классики - - Слово. Вып. 1. М., 1989 - - «Люблю я вас, богини пенья...»: Антология. М., 1989 - - Об Анне Ахматовой. Л., 1990, неполная публ. - - Ст(Куйбышев) - - Русские поэты серебряного века; Новый мир. 1986. № 9; Голос Родины. 1989. Ноябрь, № 44(2708).

Автограф — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой.

Дат.: октябрь—15 декабря 1915 — период работы над окончательной редактурой «Колчана», до выхода его в свет (см.: Соч 3. С. 393).

Перевод на чешский яз. («Petistope jamby») — Honzik.

Данный текст представляет собой окончательную — после первой редакции 1913 г. — *редакцию ст-ния*. Ввиду особой программной роли обеих редакций ст-ния «Пятистопные ямбы» в творческой биографии Гумилева, а также — из-за резко отличных исторических реалий в первой и окончательной версиях, *обе редакции публикуются во 2 и 3 томах настоящего издания по правилам, соответствующим публикации самостоятельных произведений — см. т. 2; № 98 и комментарии к нему, с. 294. Библиографические сведенья и, по возможности, комментарии, относящиеся к первой редакции, в данной статье не повторяются*. Напомним лишь, что первая редакция «Пятистопных ямбов» вышла в № 3 журнала «Аполлон» за 1913 г., в коллективной подборке произведений, долженствующих, как то было сказано в заметке «От редакции», «служить иллюстрацией к <...> теоретическим соображениям» идеологов акмеизма. В первой редакции ст-ния рассказывалось о становлении новой эстетической группировки, сопоставимой, по мнению тогдашнего Гумилева, с деятельностью некоей всемир-

ной масонской ложи по построению символического Храма. Впрочем, уже в первых отзывах на ст-ние в афишированной в журнальном сопровождении «акмеистичности» ему было отказано: «Пока, к сожалению, этой бодрости, этого "акмеистического" духа еще не видно. Пока в их стихах преобладают те же старые тона и образы, что в прежних их произведениях — до объявления себя акмеистами, и мало чем отличаются от таковых у символистов <...> "Пятистопные ямбы" Н.Гумилева проникнуты неподдельной грустью, истинным разочарованием в жизни» (Долинин А. Акмеизм // Заветы. 1913. № 5. С. 160). Непреодоленность в этих стихах символизма отмечалась и значительно позже: «В большинстве случаев слишком очевидна была их (акмеистов. — *Ред.*) связь с поэзией символизма. Заметна она была и в "Пятистопных ямбах" Гумилева, в которых экзотические мотивы переплетались с туманной символикой ставших уже традиционными поэтических образов» (Тимофеев В. Поэтические течения в русской поэзии 1910-х годов. Поэзия акмеизма и футуризма. Н.С.Гумилев. А.А.Ахматова. О.Э.Мандельштам. В.Хлебников // История русской поэзии: В 2 т. Л., 1969. Т. 2. С. 372). Однако значительной частью исследователей мотив «разочарований» и «печали» в этих стихах объясняется не влиянием символизма, а личными обстоятельствами жизни поэта в период их написания, а именно разрывом с Ахматовой: «В стихотворении, которое долгие годы толковали чуть ли не как гимн милитаризму, заключено печальное прощание с возлюбленной <...> Здесь отзвук реальной драмы Гумилева — его разрыв с первой любимой женой — Анной Андреевной Горенко (А.Ахматова)» (Смирнова Л.А. «...Припомнить всю жестокую, милую жизнь...» // Изб(М). С. 8—9). В исповедальных строках этого ст-ния, посвященных разрыву с любимой женщиной, некоторые исследователи находят смысл, значительно превышающий семейную драму: «Печаль этого прощания неизгладима. Кажется, она сильней любви, а облик женщины — строго величавый — соотносим не только с конкретным именем, но с представлением о Вечной Женственности, оставляющей поэта. Не случайно возникает сходство-созвучие с блоковской строкой: "Ты в синий плащ печально завернулась..." Возможно, в эту минуту, уходя, любовь запечатляется в поэтическом образе глубже, чем в реальности. "Синий плащ" и "темное платье" — уже не собственно одежда, а эмблема, оттеняющая непреклонность женщины, чей уход скорбен, но неотвратим» (Размахнина В.К. Серебряный век. Красноярск, 1993. С. 87). По утверждению же самой Ахматовой, пессимизм «Пятистопных ямбов» связан с потерей поэтом веры в смысл своих странствий и поисков: «А путешествия были вообще превыше всего и лекарством от всех недугов <...> И все же и в них он как будто теряет веру (временно, конечно). Сколько раз он говорил мне о той "золотой двери", которая должна открыться перед ним где-то в недрах его блужданий, а когда вернулся в 1913 году, признался, что "золотой двери" нет. Это было огромным ударом для него» («Самый непрочитанный поэт»: Заметки Анны Ахматовой о Николае Гумилеве // Новый мир. 1990. № 5. С. 223). Преобладающей, однако, является точка зрения на «Пятистопные ямбы» как на выражение жизненной и

творческой зрелости поэта, подведение им итогов перед началом нового пути, что отмечалось уже в рецензии Б.М.Эйхенбаума: «Это стихотворение, кажется мне, можно рассматривать как поэтический итог пережитого, как поэтическую оценку пройденного пути». Здесь же обращалось внимание на то, что «поэтический словарь Гумилева меняется. Конец поэмы насыщен, даже с некоторым излишком, молитвенными выражениями, а заключительная строфа полна такой экзальтации, которая может показаться совершенно неожиданной в его творчестве для того, кто не вспомнит, что он предпочел чистые краски Анжелико <...> Это ли прежний акмеист, славивший пути конквистадоров и преданный горделивой Музе Дальних странствий? И право, он, как неофит, не знает меры новым словам (чувство меры, вообще, не свойственно его поэзии), когда говорит о своей душе <...> И не удивителен ли конец?..» (Эйхенбаум Б.М. Новые стихи Н.Гумилева // Русская мысль. 1916. № 2. Отд. III. С. 17—18). Современными исследователями усматривается в этом обновлении поэзии Гумилева ее поворот к большей человечности, душевной теплоте и боли, чем это было присуще ей раньше: «Пятистопные ямбы» — одно из наиболее сильных произведений Гумилева не только по отточенности найденной им строфы, верности психологической и вещной детали, по воздушности всей постройки, несмотря на живущую в стихотворении тяжелую печаль. Оно похоже на маленькую поэму, где есть все: война, любовь, разлука, сомнения, раскаяние — одним словом, живая, не надуманная, не экзотическая жизнь» (Павловский А.И. Николай Гумилев // БП. С. 42). Это — «камертонное произведение сборника; оно — как туго натянутая тетива, с которой слетают стрелы воспоминаний о прежней и оценок былой жизни <...> Оно, как узором по ковру, выткано нитями лет и дней, формировавших основу души поэта...» (Панкеев И.А. Николай Гумилев. М., 1955. С. 13, 81). Тема войны в «Пятистопных ямбах» отмечается как центральная почти всеми исследователями — с существенными различиями в ее трактовке. Дерзость и одновременно достоинство находит в ней Н.А.Оцуп, — то, что «Гумилев посмел признаться, что он пошел на войну во имя войны», но также и то, что ни в одном из стихотворений, «посвященных войне, не воспевается парадная Россия, Россия политических сектантов. Его Россия полна достоинства, чувства долга, религиозной веры и даже милосердия к врагу» (Оцуп. С. 143). Наоборот, «романтизм завоевателя» увидел с позиций вульгарного социологизма и классовой борьбы в этой теме критик Комакадемии О.Бескин (см.: Литературная энциклопедия. М., 1930. Стлб. 83). Новое выражение жизненного долга (после дела «мореплавателя и стрелка») находит в теме войны этого ст-ния современный исследователь, полагая, что «именно военный опыт у Гумилева (как и на Кавказе у Лермонтова) оказался решающим в его становлении» (Иванов Вяч. Вс. Звездная вспышка (Поэтический мир Н.С.Гумилева) // Взгляд: Критика. Полемика. Публикации. М., 1988. С. 347). По мысли другого исследователя, тема войны мотивирована здесь «лирическим исповеданием веры», востребованием «истинного преображения в жертве героического подвига» (Аллен Л. Этюды о русской литературе. Л., 1989. С. 141). Попытка разобраться в сложных перипетиях

войны и веры в этом стихотворении приводит к выводу, что, по Гумилеву, «воевать и побеждать значит уже быть угодным Богу. Под христианской оболочкой видим религию викинга» (Ульянов Н.И. Гумилев // Человек. 1990. № 1. С. 176). Полная реабилитация военной темы в этом ст-нии (с существенным ее уточнением) содержится в суждении: «Гумилев пишет о войне в эпической традиции, уходящей к древним истокам ратоборства. Всего превыше в нем "дух войска", который захватывает каждого воина и поднимает его на гребень бесстрашия <...> Все это есть и в русской и мировой литературе, но никогда не трактовалось как "прославление милитаризма", в чем много раз обвиняли Гумилева. Что война — страдание и гибель, он знал лучше многих обличителей войны. Но она — факт человеческой истории, и менее всего поэт в этом факте повинен. Он видит его как данность, требующую от человека действия, выбора. "Я вдруг услышал песнь моей судьбы" — в этом нечто большее, чем безотчетный порыв. И сознание опасности, возможной смерти, жертвенности не отвращает от выбора, а поднимает поэта над дремотной заурядностью покоя. Он больше не принадлежит себе. Былые каждодневные заботы становятся ничтожными перед лицом великого деяния, которым теперь поглощена душа <...> Отказавшись от личных забот, он вверяет себя высшей силе — Богу и судьбе. Это освобождение от дольнего мира и прославляет поэт» (Размахнина В.К. Серебряный век. Красноярск, 1993. С. 89). Темой войны объясняется и усиление в «Пятистопных ямбах» религиозного чувства поэта, «которое было у него и раньше», — уточняет Н.Никитенко, приводя затем рассказ о его непосредственном выражении: «Гумилев, обнажив голову и привлекая внимание прохожих, широко крестился на каждую церковь, в храме становился на колени, а в конце, подходя ко кресту, целовал руку священника. Поэтому вряд ли можно сомневаться в истинной религиозности Гумилева» (Никитенко Н. К 50-летию расстрела Н.С.Гумилева // Русская мысль. 1971, 23 сентября (№ 2861). С. 8). Эту же тему продолжает М.В.Смелова (Роль христианства в картине мира Н.С.Гумилева // Ахматовские чтения. А.Ахматова, Н.Гумилев и русская поэзия начала XX века. Сб. научных трудов. Тверь, 1995). Отметив, что «Гумилев в "Пятистопных ямбах" утверждает, что военные дороги святы» и процитировав ст. 67—72, исследовательница заключает: «Поэт, бившийся в тисках неразрешимых противоречий и сомнений, находит в себе мужество повернуть. Необходимый опыт дает война, а мужество, сильная воля у поэта уже есть. Гумилев осознает, что, принимая Бога, он не теряет ни себя, ни своего мира, а, наоборот, включает себя в мировую целостность. Он становится как бы соучастником всей силы бытия и воли Бога и одновременно ее выразителем. Поэт понимает, что полноты истины нет нигде и ни в чем, кроме Бога» (С. 30—31).

Современными исследователями отмечается также внутренняя идейно-образная созвучность «Пятистопных ямбов» с отечественной поэтической классикой: «Военные стихи Гумилева с их искренним пафосом перекликаются с державинскими одами, часто растянутыми, громоздкими, но не менее торжественными и искренними: <цит. ст. 73—78» (Черненькова О.Б. Черты типологического сход-

ства в поэтике Г.Р.Державина и Н.С.Гумилева // Творчество Г.Р.Державина. Специфика. Традиции: Научные статьи, доклады, очерки, заметки. Тамбов, 1993. С. 234). По поводу последних строк ст-ния Н.А.Оцуп пишет: «Не напоминает ли этот "пустынный монастырь из камня белого, золотоглавый", куда поэт мечтает уйти, "покинув мир лукавый", ту "надоблачную келью", где Пушкин стремился "спрятаться в соседстве с Богом"? Сходство между творением Гумилева и созданием автора чисто русской поэмы "Евгений Онегин", лишенное какого бы то ни было псевдопатриотизма, является для Гумилева высшей хвалой» (Оцуп. С. 142—143). Сопоставляя обе редакции ст-ния (с «масонской» концовкой в первом и «военно-христианской» — во втором), Н.А.Богомолов находит оба завершения «функционально равнозначными, поскольку являются всего лишь различными путями "приближения к иному", становящемуся "внутренней сущностью" единого метода изображения и преображения действительности, на который теперь рассчитывает Гумилев» (Богомолов Н.А. Читая Гумилева // Изб (XX век). С. 16—17). Относительно самой стихотворной формы «Пятистопных ямбов» высказывалась мысль о некоторой несогласованности частей и «явном перегружении эффектами, что мешает им стать "совсем прекрасными"» (Тумповская М. «Колчан» Н. Гумилева // Аполлон. 1917. № 6—7. С. 60), а также о «несколько искусственном (правда, и очень искусном) строфическом построении», что, однако, «не мешает свободной текучести лирического повествования» (Верховский. С. 135—136).

Лозинский Михаил Леонидович (1886—1955) — поэт, переводчик, секретарь редакции журнала «Аполлон», издатель журнала «Гиперборей», близкий друг и доверенное лицо Гумилева. В ответ на посвящение ему «Пятистопных ямбов» он писал Гумилеву 21 октября 1915 г.: «...я хочу просить у тебя позволения украсить посвящением тебе мои пятистопные ямбы, трактующие о каменьях, растущих, как лилии, о бездонной тьме, о племенах беспечных, о башнях Эдема и об эдемском луче. Их поток родился на той же вершине, что и твои "Пятистопные ямбы" (помнишь нашу беседу об автобиографических ямбах)...» (Неизд 1986. С. 149; речь идет о ст-нии Лозинского «Каменья», опубликованном в его сб. «Горный ключ» (Пг., 1916). Ст. 12. — Вечный Жид или Агасфер — персонаж поздних средневековых легенд, иерусалимский башмачник, проклятый Богом и осужденный на вечные скитания за то, что отказал Христу в отдыхе во время крестного пути. Ст. 15. — Имеются в виду картины, привезенные Гумилевым из поездки в Абиссинию в 1913 г., из которых четыре были подарены им художнице Е.С.Кругликовой, передавшей затем их в Музей антропологии и этнографии Петра Великого (см.: Огонек. 1987. № 15. С. 21). Ст. 25. — Левант — общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря (Сирия, Ливан, Египет, Турция, Греция). С. 27—28. — Имеются в виду герои поэмы В.А.Жуковского «Наль и Дамаянти», представляющей собой вольный перевод поэмы немецкого поэта Рюккерта, в которой в свою очередь использован эпизод индийского эпоса «Махабхарата». Гумилев здесь не точен: в поэме Наль проигрывает в

кости не свою жену Дамаянти, а только свои владения, из которых уходит вместе с нею. Ст. 54. — «Буди, буди» — выражение, подкрепляющее данную клятву, подобное «аминь, аминь» (см., напр.: Числа 5, 22). Ст. 73—74. — Похвала Богородице: «Честнейшую херувим, и славнейшую без сравнения серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем».

34. Новая жизнь. 1915. № 11, ноябрь, с вар. - - **Колчан.** - - Новая жизнь: Литературно-общественный альманах. Кн. 1. М., 1916, перепечатка публ. 1915 г.

Колч 1923 - - СС 1947 II - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Изб(М) - - СтПРП - - СПП - - Колч 1990 - - Кап - - СС(Р-т) I - - ОС 1991 - - СП(ХХ век) - - Изб(Х) - - Соч I - - Ст(М) - - СтП(Ир) - - Круг чтения - - Престол - - Изб(ХХ век) - - Изб 1997 - - ВБП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2.

Автограф — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой.

Дат.: ноябрь 1915 — по дате публикации.

Перевод на чешский яз. («Stará panna») — Honzik.

Ю.Н.Верховский отнес это ст-ние (наряду с ст-ниями «Городок», «Старые усадьбы» и «Почтовый чиновник») к таким, в которых обнаруживается новое качество поэзии Гумилева — умение изображать предмет «изнутри», проникать «в душевное человеческое и в самую душу вещей»: «...в такую поэзию уже не только всматриваешься со стороны, чтобы полюбоваться ею; она начинает вовлекать в себя и, преломляясь, будить отзвук себе, тоже изнутри» (Верховский. С. 120—121). Е.Б.Тагер использует первую строчку этого ст-ния (в ее статье «Модернистские течения в русской литературе и поэзии межреволюционного десятилетия (1908—1917)», сопоставив ее с блоковским стихом «Жизнь пуста, безумна и бездонна» из «Шагов командора» (1910—1912), для подтверждения своей мысли о том, что «в целом акмеизм утратил ту далекую перспективу, которая обогащала поэтический образ символистов», что стих Блока «существует в контексте высокой и общезначимой трагедии: «Выходи на битву, старый рок!» А строчка Гумилева вводит в микродраму частной, унылой судьбы...» (Тагер Е.Б. Избранные работы. М., 1988. С. 425). И.Винокурова ссылается на него, высказываясь о том, что «русские стихотворения, которыми переслоены в "Колчане" "итальянские", выделяются на их фоне своей неизбывной грустью» (Винокурова И. Блок и Гумилев: Двойной портрет через 70 лет // Русская мысль. 1990, 10 августа (№ 3840). С. 10). По определению Н.А.Оцупа, оно (вместе с ст-нием «Почтовый чиновник») «погружает нас в атмосферу чеховской России» (Оцуп. С. 145).

Ст. 23. — Стансы — небольшое ст-ние, каждая строфа которого имеет свое замкнутое, требующее отдельного осмысления содержание.

35. Лукоморье. 1915. № 50 (12 декабря).

ПС 1922 - - ПС 1923 - - ИС 1943 - - СС II - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СПП - - СС(Р-т) II - - Соч I - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ВБП - - МП.

Автограф 1 с вар. — РГАЛИ. Ф. 147 (Н.С.Гумилева). Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1-1 об. В ст. 18 вместо «полог» ранее было: «купол». Автограф 2 с вар. — РГАЛИ. Ф. 147 (Н.С.Гумилева). Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 27—28.

Дат.: до 12 декабря 1915 — по дате публикации.

И.Ростовцева приводит это ст-ние в доказательство своей мысли о том, что «история проделала с Гумилевым удивительную вещь, превратив его из автора в героя поэмы, баллады или величественного эпоса»: «Но, может быть, к этому и стремился? Не случайно же он с 1914 года числил себя "воином, а не поэтом" <...> не случайно, как и воспетый им конквистадор, он смог еще при жизни заглянуть в даль — "до области ада" — и увидеть, что будет дальше...» (Ростовцева И. Судьба. Шаг судьбы. К 75-летию со дня смерти Николая Гумилева// Литературная Россия. 1996, 23 августа (№ 34). С. 10).

Конквистадор — см. наст. изд., т. I, коммент к № 36. Ст. 20. — Треба — церковная служба, совершаемая по заказу (потребности); здесь имеется в виду кощунственный молебен, совершаемый сатанистами. Ст. 23. — Эльдорадо — название вымышленной страны, которая по представлению испанцев — искателей удачи в Южной Америке, — изобиловала золотом и драгоценными камнями. Ст. 33—36 — реминисценция из ст-ния Э. По «Эльдорадо».

36. При жизни не публиковалось. **Печ. по ПС 1923.**

ПС 1922, с вар. - - ПС 1923 - - СС II - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СС(Р-т) II - - Соч I - - СтП(Ир).

Дат.: 1915 — по времени службы Гумилева в Лейб-гвардии Уланском полку и датировке Г.В.Иванова в ПС.

Неожиданное уподобление в этом ст-нии войны раю (вызвавшее у современников протест, в частности, пародию В.Пяста) Б.Хелман объясняет тем, что Гумилев («хотя его воинская карьера впечатляет») «был сравнительно благополучен и нечувствителен к тому, что происходило вокруг него <...> Гурии никогда не лишаются девственности при всей полноте интимных переживаний в мусульманском раю» (Hellman B. A Houri in Paradise. Nikolaj Gumilev and the War //Studia Slavica Finlandensia. Tomus I. Helsinki, 1984. P. 26). В.Л.Полушин, наоборот, считает, что за разговором о войне «как об увеселительной прогулке» (в беседе с любопытствующими на эту тему друзьями) и чтением в доказательство «посвященных полковым дамам мадригалов» Гумилев скрывал свое

истинное, серьезное отношение к войне как «священному долгу перед родиной», которую он «должен защищать <...> в любых условиях» (Полушин В.Л. Рыцарь русского ренессанса // Н.Гумилев. В огненном столпе. М., 1991. С. 35).

Мадригал — небольшое лирическое ст-ние, содержащее комплимент определенному лицу, обычно женщине. Ст. 2. — Гурия — в мусульманской мифологии вечно юная дева, услаждающая в раю праведников. Ст. 3. — Лейб-гвардия — в монархическом государстве привилегированные войска, в задачу которых входила охрана особы императора и его семьи; Уланский полк — кавалерия, вооруженная пиками, саблями и пистолетами; в 2-й маршевый эскадрон лейб-гвардии уланского Ее Величества полка был назначен в конце сентября 1914 г. Гумилев.

37. Аполлон. 1916. № 1, другая ред. - - **Костер.**

Кост 1922 (Б) - - Кост 1922 (М-П) - - СС 1947 III - - СС II - - Кост 1979 - - Изб(Огонек) - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Кост 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап - - СС II - - СП(XX век) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Изб(X) - - Соч I - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Престол - - Изб(XX век) - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП – МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Серебряный век. Петербургская поэзия конца XIX - начала XX века. Л., 1991 - - Душа любви - - Серебряный век русской поэзии - - Школа классики - - Поэты серебряного века. Йошкар-Ола, 1997.

Автограф 1 другой ред. — Архив Лозинского. Автограф 2 другой ред. — Собрание А.К.Станюковича (Москва). Автограф 3 с вар. — Альбом Струве. Автограф 4 другой ред. — Отлучие. Автограф 5 — Архив Лозинского, рукопись Костра.

Дат.: конец 1915 — начало 1916 — по местоположению в Альбоме Струве (с учетом близости расположения материала в нем к хронологическому) и дате публикации.

Назвав это ст-ние «мифологическим», Н.А.Оцуп видит в нем увлечение Гумилева «отражением всеобщих старых верований индоевропейских племен доисторических времен». Не создавая нового мифа, Гумилев, по его словам, сближает здесь «легенду о драконе с легендой о Вольге, герое русской эпопеи». Далее Н.А.Оцуп интерпретирует: «Стихотворение "Змей" одновременно эпическое и лирическое. Автор почти жалеет похитителя красивых девушек, из которых ни одна не остается в живых после похищения. Они умирают одна за другой во время полета, и змей бросает их тела в море. Вот почему могучее чудовище жалуется и воет, завидуя простым пастухам, чьи мелодичные песни привлекают молодых красавиц.

С стилистической точки зрения "Змей" является искусным переложением

народных сказок с их красочным языком <...> Афанасьев, Орест Миллер, Потебня, Александр Веселовский и другие ученые-фольклористы отнесли бы, вероятно, "Змея" к категории сказок с исторической основой. Ведь Гумилев упоминает мимоходом "Золотую Орду", "пестрый грохот равнины китайской", Китай. Поэта привлекал этот таинственный большой мир. Китай, кстати, дал ему одну из его любимых тем, тему дракона» (Оцуп. С. 149—150). Эту мысль подтверждает современный исследователь: «Древний восточный образ Дракона, чья смерть начинает письменную историю, у Гумилева так или иначе связан со старыми славянскими преданиями о волшебных змеях» (Иванов Вяч. Вс. Звездная вспышка (Поэтический мир Н.С.Гумилева) // СтПРП. С. 30).

Ст. 22. — Лагор — древний город Индии, столица провинции Пенджаб. Ст. 33. — Вольга (или Волх) — герой одноименной былины киевского цикла, богатырь-оборотень, обладающий властью над силами природы.

38. Аполлон. 1916. № 1, с вар. - - **Костер.**

Кост 1922(Б) - - Кост 1922(М-П) - - СС 1947 III - - Изб 1959 - - СС II - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - Кост 1979 - - Изб(Огонек) - - Сп(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Кост 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - СП(XX век) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Carmina - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Мир искусств в образах поэзии. Архитектура. Скульптура. Живопись. Танец. Музыка. М., 1922 - - Собеседник. Литературно-критический ежегодник. Вып. 8. М., 1987 - - Ст(Куйбышев) - - Душа любви - - Поэзия серебряного века: 1880—1925. М., 1991 - - Хрестоматия по отечественной литературе XX века. Для учащихся 11 класса. М., 1995; Огонек. 1986. № 17.

Автограф 1 с вар. — Архив Лозинского. Автограф 2 с вар. — Альбом Струве. Автограф 3 с вар. — Отлучие. Автограф 4 — Архив Лозинского, рукопись Костра.

Дат.: конец 1915—начало 1916 — по местоположению в Альбоме Струве (с учетом близости расположения материала в нем к хронологическому) и дате публикации.

Ахматова в беседе с П.Н.Лукницким (28 мая 1925 г.) отнесла это ст-ние (хотя оно и навеяно, по ее словам, книжным впечатлением, а именно, статьей Н.Пунина «Андрей Рублев» в «Аполлоне» — 1915. № 1) к «русскому Гумилеву», т.е. к стихам, написанным в «период, когда он полюбил Россию», что совпадает с его «пребыванием на войне» (Жизнь поэта. С. 164, 165). Рецензент «Костра» приводит его в доказательство того, что «при всем своем постижении чужеземной жизни автору

по-прежнему знакомы красоты родной природы, родного искусства, и в творчестве Андрея Рублева ему, совершенно неожиданно для нас, открываются совсем другие моменты земной жизни» (Шкловский В. Н.Гумилев. «Костер» // Книга и революция. 1922. № 7(19). С. 57). По словам другого современника поэта, «Россия духа глядит на него с иконы Андрея Рублева» (Айхенвальд Ю.И. Поэты и поэтессы. М., 1922. С. 46). Ст-ние послужило поводом для Н.А.Оцупа отметить особый характер религиозности поэта: «В демонстрации своего религиозного сознания Гумилев так сдержан, даже стыдлив, что у него малейший намек часто имеет исповедальное значение. Так случается в стихотворении, посвященном Андрею Рублеву ("Костер"). Поэт изображает величайшего иконописца, или точнее одно из его творений, со свойственной ему исключительной аккуратностью (немцы называют это свойство "Sachlichkeit"). Он с гордостью заявляет, что "с искусством иноков знаком". Жизнь иноков, кстати, сильно привлекала Гумилева» (Оцуп. С. 146). По словам современного исследователя, ст-ние относится к тем, «в которых лирический герой осознает себя наследником предшествующих художников» и более того: «В данных стихах лирический герой удваивается в другом герое. Такое удвоение характерно для романтизма. Одинокая, порвавшая с миром и людьми личность жаждет понимания и участия. Поэтому-то романтическое "я" и удваивается порой в стихотворении» (Корман Б.О. Лирика и реализм. Иркутск, 1986. С. 81). Своеобразную концепцию женского начала в творческом сознании мужчины обнаруживает в этом ст-нии Р.Эшельман: «По своеобразной логике гумилевской метафизики, женский персонаж может участвовать в трансцендентности, недоступной проецирующему этот персонаж поэту-мужчине. Это наиболее программно выражено в ст-нии "Андрей Рублев", в котором показывается, как иконописец проецирует женскую фигуру, состоящую почти целиком из эмблем трансцендентности: однако его жизненный путь — печален, — вероятно, потому что он, в качестве проецирующего,не причастен идеальности проецируемого образа» (Esheman. P, 96).

По наблюдению Ю.В.Зобнина, эпитет «сладкий», присутствующий в первой строке ст-ния, в творчестве Гумилева чаще всего употребляется в значении «сакральности» «определяемого им объекта», что в аксиологической системе поэта напрямую соотносится с предпочтением «незнания» над знанием, поскольку ценность первого в том, что оно дает возможность верить в то, что «разум "целомудренного" художника-акмеиста не может "познать". "Неведомое", по Гумилеву, дает нам "детски-мудрое, до боли сладкое ощущение собственного незнания" <...> "неведомое" порождает сакральное ("сладостное") переживание необыкновенной интенсивности ("до боли") — в этом, по мнению Гумилева, его главная и единственная ценность» (Зобнин Ю.В. Странник духа (о судьбе и творчестве Н.С.Гумилева) // Русский путь. С. 42).

Ст. 9. — Сирин — в средневековой мифологии птица радости, райская птица, изображавшаяся с женским лицом и грудью.

39. Аполлон. 1916. № 1, с вар. - - **Костер.**
Кост 1922(Б) - - Кост 1922 (М-П) - - СС 1947 III - - Изб 1959 - - СС II

- - Изб 1986 - - Кост 1979 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Кост 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Кап - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - СП(XX век) - - СтП(Ир) - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Carmina - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ЧН 1995 - - Ст 1995 - -Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Ежов-Шамурин 1925 - - Акме - - Душа любви - - Ежов-Шамурин 1991 - - Серебряный век русской поэзии - - Акаткин - - Свиданье - - Поэзия серебряного века. Антология. СПб, 1996 - - Антология акмеизма. М., 1997 - - Поэты серебряного века Йошкар-Ола, 1997.

Автограф 1 с вар. — Архив Лозинского. Автограф 2 с вар. — Альбом Струве. Автограф 3 с вар. — Отлуние. В ст. 13 вместо «точа» ранее было: «дробя». Автограф 4 — Архив Лозинского; рукопись Костра.

Дат.: конец 1915—начало 1916 — по местоположению в Альбоме Струве (с учетом близости расположения материала в нем к хронологическому) и дате публикации.

Переводы на англ. яз. («Trees») — Lyrics from the Russian. Trans. Gilbert E. Cunningham. N.p., 1951; A Second Book of Russian Verse. Ed. C.M. Bowra. London, 1948. (Trans. Y.Hornstein.) Перевод на чешский яз. («Stromy») — Honzik.

И.А.Груздев относит это ст-ние (наряду с ст-ниями «Память» и «Слово») к значительным образцам философской лирики Гумилева, представляющим его как «подлинно большого поэта», переставшего производить впечатление «продолжателя и эпигона Брюсова» (Груздев И.А. Русская поэзия в 1918—1923 гг. // Книга и революция. 1923. № 3(27). С. 33). По утверждению Р.Эшельмана, оно одно из многих ст-ний периода «Костра» о «магической природе». «Характерно, что Гумилев тут не жалуется на недоступность для него тайной сообщности природы, т.к. эти знаки он воспринимает скорее риторично, чем семантично, как эмблемы трансцендентной области, а не носителей тайного значения, которое нужно расшифровать. Его единственное желание — найти аналогичное идеальное пространство, где бы он освободился от своего эсхатологического томления. В этом стихотворении он создает свободное романтическое пространство — от "глубин земли" до звезд, из которого он себя строго исключает» (Eshelman. P. 91). Исходя из этого ст-ния, Л.Аллен размышляет о цветовой семантике в поэзии Гумилева: «Зеленый цвет — самый любимый у Гумилева <...> обладает религиозной символикой. Этим объясняется тот факт, что в его поэзии зеленый цвет часто соединяется с красным как парные цвета, естественно входящие в гармонический союз» (Аллен Л. «Заблудившийся трамвай» Н.С.Гумилева: Комментарии к строфам // Аллен Л. Этюды о русской литературе. Л., 1989. С. 126). Подчеркнув ст. 9—10, Блок (в экземпляре подаренного ему Гумилевым «Костра») сделал напротив приписку: «Французское убожество» (Библиотека А.А.Блока. Описание. Кн. I. Л., 1984. С. 253).

Ст. 9. — С этим стихом перекликаются строки Ахматовой из «Мартовской элегии» (1960): «И огромных библейских дубов / Полуночная тайная сходка...» (обратил внимание Р.Д.Тименчик (Timenchik R. Akhmatóva's «Macbeth» // Slavic and East European Journal, 24(1980). P. 366, 368 note 11).

1916

40. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

БП - - СПП - - Соч I - - Круг чтения; Душа любви.

Автограф — Собрание А.К.Станюковича (Москва).

Дат.: январь 1916 — по датировке К.М.Азадовского и Р.Д.Тименчика (Русская литература. 1988. № 2. С. 185).

Лёвберг Мария Евгеньевна (урожд. Купфер, 1894—1934) — поэтесса, драматург, переводчица, с нею Гумилев познакомился осенью 1915 г. на одном из заседаний «Кружка Случевского», членом которого она являлась. Ее книгу стихов «Лукавый странник» он в письме к ней характеризовал: «Стихи Ваши обличают Вашу поэтическую неопытность. В них есть почти все модернистские клише, начиная с изображения себя, как рыцаря под забралом, и кончая парижским кафе, ресторанами и даже цветами в шампанском... Конечно, это еще не книга, а только голос поэта, заявляющего о своем существовании.

Однако во многих стихотворениях чувствуется подлинно поэтическое переживание, только не нашедшее своего настоящего выражения. Материал для стихов есть: это — энергия солнца в соединении с мечтательностью, способность видеть и слышать и какая-то строгая и спокойная грусть, отнюдь не похожая на печаль» (Жизнь поэта. С.178). Ст-ние, по словам адресата, было написано «в Музее антропологии и этнографии, где Гумилев и Лёвберг осматривали экспонаты. Передавая ей стихотворение, Гумилев предупредил, что оно недоделано, в особенности последняя строфа.

У Гумилева с Лёвберг был роман осенью 1915 г. Ей посвящен первый вариант стихотворения «Змей» (см.: Азадовский К.М., Тименчик Р.Д. К биографии Н.С.Гумилева (Вокруг дневников и альбомов Ф.Ф.Фидлера) // Русская литература. 1988. № 2. С. 185).

41. ЕЛПН. 1916. № 2.

ПС 1922, с вар. - - ПС 1923, с вар. - - СС II - - СП(Тб), вар. ПС - - БП - - СП(Тб) 2, вар. ПС - - СтПРП(ЗК) вар. ПС - - ОС 1989 - - Ст(XX век) - - СтПРП вар. ПС - - СПП - - Кап - - СС(Р-т) II - - Соч I - - СтП(Ир), вар. ПС - - СП(К) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ВБП - - МП - - СП 1997; Семья. 1993. № 26.

Дат.: февраль 1916 — по дате публикации.

Ст. 3. — Волчье солнце — образ, заимствованный из ст-ния Т.Корбьера «Волчье солнце» (перевод с франц. Б.Лившица; таково же название и второй книги стихов самого Лившица — 1914).

42. Нива. 1916. № 9 (27 февраля), с цензурными купюрами. **Печ. по автографу 1**, как самому близкому к версии прижизненной публикации.

ПС 1922, с вар. (цензурная купюра) - - ПС 1923, с вар. - - Неиз 1952, вар. автографа 3 - - СС II, вар. автографа 3 - - СП(Тб), вар. ПС 1923 - - БП, вар. автографа 4 - - СП(Тб) 2, вар. ПС 1923 - - Изб(Кр), вар. ПС 1923 - - СтПРП(ЗК), вар. ПС 1923 - - ОС 1989, вар. автографа 4 - - СтПРП, вар. ПС 1923 - - СПП, вар. автографа 4 - - Изб(Слов), вар. ПС 1923 - - Кап, вар. автографа 4 - - СС(Р-т) II, вар. автографа 3 - - СП(XX век), вар. ПС 1923 - - Изб(Слов) 2, вар. ПС 1923 - - СтП(Ир), вар. ПС 1923 - - Соч I, вар. автографа 4 - - Круг чтения, вар. автографа 4 - - Изб(XX век), вар. автографа 4 - - Русский путь, вар. автографа 2 - - Ст 1995, вар. автографа 4 - - ВБП, вар. автографа 4 - - МП, вар. автографа 4 - - СП 1997, вар. автографа 4; Силард 1979 - - Силард 1983 - - Душа любви.

Автограф 1 — РГАЛИ. Ф. 147 (Н.С.Гумилева). Оп. 1. Ед.хр. 7. Л. 26. Автограф 2 с вар. — РНБ. Ф. 124 (П.Л.Вакселя). Ед.хр. 1398. Л. 2. Автограф 3 с вар. — Альбом Струве. Автограф 4 с вар. — Отлучие.

Дат.: февраль 1916 — по дате публикации.

Перевод на чешский яз. («Druhy rok») — Honzik.

Ст-ние отражает перелом в отношении Гумилева к войне. Интерпретируя его, Р.Д.Тименчик пишет: «...приподнятая риторика ранних военных стихов уступила место видениям мрачным и прогнозам фантастическим. Затянувшаяся война обращала всю культурную историю человечества вспять. На рубеже 1916 года Гумилев переписал свое старое стихотворение 1911 года. Новый вариант смешал воедино восторги пророческого ужаса с тревожной сумятицей фронтового настоящего...» (Тименчик Р.Д. «Над седою вспененной Двиной...» Н.Гумилев в Латвии: 1916—1917 // Даугава. 1986. № 8. С. 118). Этот же перелом в воззрении Гумилева на войну отмечает и Ю.В.Зобнин сопоставляя данное ст-ние с его же ст-нием «Солнце духа» (1915): «Между ними совсем небольшой промежуток времени, и в том и в другом стихотворении понимание войны неизменно — это все та же стихия, гроза и одновременно — "заря". Но в отличие от радостного, светлого восхождения "Солнца Духа" — это "заря зловещая" <...> Страх возникает оттого, что человек, попавший в горнило войны, "крылатый гений" которой "буйно издевается" над людской "мудростью", превращается не столько в "нового Адама", сколько в дикаря <...> Желанный прогресс обернулся регрессом, вместо ожидаемого "преображения" произошло "одичание". Наверняка, подобное изображение войны <...> было "синтезом реальных впечатлений"» (Зобнин. С. 139—140).

В ст-нии Гумилев использовал несколько стихов из ст-ния «Двенадцатый год» — см. наст. изд. Т. 2, № 17 и комментарии к нему.

43. Солнце России. 1916. Март, № 317, с вар. - - **Костер.**
Кост 1922(Б) - - Кост 1922(М-П) - - СС 1947 III - - Изб 1959 - - СС II - - Изб 1986 - - Кост 1979 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Кост 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Кап - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - СП(XX век) - - СтП(Ир) — Изб(Х) - - Соч I - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Русский путь - - Ст 1995 - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Акме - - Душа любви - - Серебряный век русской поэзии - - Свиданье - - Поэзия серебряного века. Антология. СПб, 1996 - - Поэты серебряного века. Йошкар-Ола, 1997.
Автограф 1 с вар. — Альбом Струве. Автограф 2 с вар. — Отлуние. Автограф 3 — Архив Лозинского, рукопись Костра.
Дат.: март 1916 — по дате публикации.

Рецензентом «Костра» в ст-нии был отмечен элемент «фламандской живописи» и само оно отнесено к стихам, в которых «очень полновесен эпический элемент», дающий повод предполагать, что поэт «должен быть хорошим прозаиком» (Медведев П. Н.Гумилев. «Костер» // Записки Передвижного Общедоступного театра. Пг., 1919. Вып. 24—25 (Август—Сентябрь). С. 15). Аналогию с живописью отмечает и Н.А.Оцуп: «В стихотворении "Городок" продолжается ряд картинок русской провинциальной жизни. Это стихотворение написано пером, которое снова напоминает нам кисть Фра Анжелико <...>.

"Городок" изобилует русизмами в области стилистики. Выбор слов показывает намерение поэта фиксировать что-то специфически русское» (Оцуп. С. 146). По мнению Е.Томпсон, ст-ние представляет собой картину невинной Руси, в которой преобладают внутренняя пассивность и простота. Отсюда — не «"солдаты", а "солдатики", а суда капитанов-победителей (кораблей в цикле "Капитаны" превращаются в "лодочки"» (Thompson E. N.S.Gumilev and the Russian Ideology // Berkeley. P. 319). И.Винокурова считает, что «при всей своей подчеркнутой игрушечности» ст-ние «дает представление о характере и направлении пути, о "русской идиллии" навырост <...> Гумилева вовсе не пугает угроза "сытости", "благополучия", "торгового" существования, якобы умерщвляющего дух. Он твердо знает, что дух не умертвить...» (Винокурова И. Жестокая, милая жизнь // Новый мир. 1990. № 5. С. 257). А.И.Михайлов приводит последнюю строфу как исключение в подтверждение своей мысли о том, что в целом Гумилев, изображая «православную Русь», не поднимается над «долом реальности низшей», в противоположность Н.Клюеву, А.Ремизову и попыткам А.Блока, — к «Руси сокровенной» (Михайлов А. Николай Гумилев и Николай Клюев // Исследования и материалы. С. 68).

Блоком в подаренном ему Гумилевым экземпляре «Костра» подчеркнуто слово «настоящая» в ст. 6 и напротив написано: «Так вот что настоящее». В ст. 12. подчеркиуто «совсем лунатики» и рядом поставлены восклицательный и вопросительный знаки. Ст. 21—28 отчеркнуты Блоком фигурными скобками, напротив им же написано: «Одно из двух» (Библиотека А.Блока. Описание. Л., 1984. Кн. I. С. 253).

44. Нива. 1916. 12 марта. № 11, с вар. - - **Костер.**

Кост 1922(Б) - - Кост 1922 (М-П) - - СС 1947 III - - Изб 1959 - - СС II - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - Кост 1979 - - Изб(Огонек) - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - Ст(Полиграф) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СП(К) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Кост 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - СП(XX век) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Изб(X) - - Соч I - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ЧН 1995 - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Слово. Вып. 1. М., 1989 - - Душа любви - - Свиданье.

Автограф 1 — РНБ. Ф. 124 (П.Л.Вакселя). Ед.хр. 1398. Л. 1—1 об., черновые наброски, практически нечитаемые. Автограф 2 с вар. — Альбом Струве. Автограф 3 с вар. — Отлуние. В ст. 19 вместо «Что» ранее было «Где». Автограф 4 — Архив Лозинского, рукопись Костра.

Дат.: март 1916 — по дате публикации.

Переводы на англ. яз. («Childhood») — SW. P. 94; Russian Poetry: The Modern Period. Ed. John Glad and Daniel Weissbort. Iowa City, 1978 (Trans. Joseph Kiegel); Перевод на чешский яз. («Detstvi») — Honzik.

Н.А.Оцуп отмечает биографическую точность этого ст-ния (детство поэта прошло в Царском Селе): «Тут изображен царскосельский ландшафт. Царская резиденция изобиловала "пахнущими лугами", где паслись прекрасные стада с окружающих ферм, где растили большое количество отборного скота» (Оцуп. С. 12—13). По утверждению Л.Хихадзе, в ст-нии выражено «острое ощущение <...> прекрасной изначальности» жизни, хотя в целом поэту свойственно активное неприятие ее «как повседневности» (Хихадзе Л. Гумилев и Кавказ // Литературная Грузия. 1988. № 12. С. 122). Э.Папля находит в нем выражение характерного для зрелой лирики Гумилева «чувства особого согласия с природой», в нем (как и в ст-нии «Костра» «Канцона вторая») «сенсуальное и духовное начало гармонически сопряжены, — пример того, что Пруст назвал однажды "содействием религиозного духа и любви вещей"» (Папля Э. Homo peregrinans в лирике Николая Гумилева // Berkeley. P. 216). Оно, по утверждению Л.Аллена, относится к тем ст-ниям Гумилева о России и себе в связи с Россией, которые «полностью опровергают легенду о "нерусскости" поэта. Оглядываясь на свое

прошлое, например, в стихотворениях "Детство" и "Память", Гумилев недвусмысленно осознавал свою принадлежность к родной национальной стихии» (Аллен Л. У истоков поэтики Н.С.Гумилева. Французская и западноевропейская поэзия // Исследования и материалы. С. 251). В.С.Баевский видит в этом ст-нии образец «высокого достижения» поэта в области дольника (как «романтического метра русской поэзии XX века»), «одним из самых последовательных создателей» и мастером которого Гумилев был (Баевский В.С. Николай Гумилев — мастер стиха // Исследования и материалы. С. 84).

Ст. 17—20 отчеркнуты Блоком в подаренном ему Гумилевым экземпляре «Костра» (Библиотека А.А.Блока. Описание. Л., 1984. Кн. I. С. 253).

Ст. 12. — Возможно, аллюзия-антитеза на мандельштамовское: «Неужели я настоящий, / И действительно смерть придет?» («Отчего душа так певуча...», 1911).

45. Одесский листок. 1916. 10 апреля (№ 97), с вар. - - **Костер.**

Кост 1922 (Б) - - Кост 1922 (М-П) - - ИС 1943 - - ИС 1946 - - СС 1947 III - - Изб 1959 - - СС II - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - Кост 1979 - - Изб(Огонек) - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Кост 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - Изб(Х) - - Соч I - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ЧН 1995 - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Ежов-Шамурин 1925 - - Антология петербургской поэзии эпохи акмеизма (Munchen, 1973; The Penguin Book of Russian Verse). Harmondsworth, 1965 (русский текст с подстрочным прозаическим переводом на англ. яз.); The Heritage of Russian Verse, Ed. Dmitri Obolensky. Bloomington, Indiana, 1976 - - Силард 1979 - - Силард 1983 - - Русская поэзия начала XX века. Дооктябрьский период. М., 1988 - - Поэтические течения в русской литературе конца XIX - начала XX века: Литературные манифесты и художественная практика. Хрестоматия. М., 1988 - - Слово. Вып. 1. М., 1989 - - К огню вселенскому. Русская советская поэзия 20—30 годов. М., 1989 - - Русская литература XX века. Дооктябрьский период. Хрестоматия. Л, 1991 - - Серебряный век. Петербургская поэзия конца XIX - начала XX века. Л., 1991. - - Душа любви - - Ежов-Шамурин 1991 - - Бавин С., Семибратова И. Судьбы поэтов серебряного века. М., 1993 - - Антология русской поэзии и прозы XX века. В помощь учащимся 11 класса. Ч. 1. М., 1994. - - Акаткин - - Свиданье - - Поэзия серебряного века. Антология. СПб, 1996 - - Антология акмеизма. М., 1997 - - Школа классики; Простор. 1986. № 12 - - Дон. 1987. № 12 - - Звезда. 1993. № 6.

Автограф 1 — Альбом Струве. Автограф 2 с вар. — Отлуние. Автограф 3 — Архив Лозинского, рукопись Костра. Машинописная копия с разночтениями — РГАЛИ (Ф. 1334 (А.Е.Крученых) Оп. 1. Ед.хр. 1131).

Дат.: до 10 апреля 1916 — по дате публикации.

Переводы на англ. яз. («A Workman») — SW. P. 97; («The Worker») — Modern Russian Poetry: An Anthology with Verse Translations. n.p. 1966; Twentieth Century Russian Poetry. London, 1993.

Первоначальная интерпретация этого ст-ния, породившего в дальнейшем множество истолкований, касающихся биографии, судьбы и провидческого дара поэта, носит весьма ограниченный характер сопоставления Гумилева с В.Брюсовым на предмет неизжитых влияний последнего на первого: «Кто же, как не Брюсов, может допустить такую рифмованную прозу: "Все он занят отливаньем пули, что меня с землею разлучит" <...> Конечно, говорится о немецком рабочем. Но почему у него блуза "светло-серая"? Почему "отлитая" и "вспе́ненной", а не "отлита́я", "вспене́нная"? Что значит: "она пришла за мной". Кто она? Грудь? За что воздаст Бог? За то, что невысокий человек, которого в "большой" (!) (это у рабочего-то?) постели ждет жена, занимался "отливаньем пули"? Весь ералаш этого стихотворения, неудачность эпитетов, абстракция — все это вина и Гумилева, и Брюсова» (Гальский Г. <В.Г.Шершеневич> Панихида по Гумилеву // Свободный час. 1918. № 7. С. 15). Высоко был оценен «Костер» другим рецензентом, но за исключением как раз данного ст-ния: «Все это, если не считать неудавшихся "Мужика" и "Рабочего" с их намеренной грубостью поз и вымученно-примитивной сентиментальностью, хорошо, интересно, ярко, сильно, звучно» (Медведев П. Н.Гумилев. «Костер» // Записки Передвижного Общедоступного театра. Пг., 1919. Вып. 24—25 (август—сентябрь). С. 15). На всех последующих оценках «Рабочего» лежит печать неизменного осознания трагической гибели поэта, все их авторы в более или менее скрытых выражениях исходят именно из него. Классово-антагонистический характер конфликта в этом ст-нии не вызывал у современников сомнения: «На нашей памяти Гумилев писал о том, что рабочий отливает пулю для него, — и ведь сбылось» (Крученых А. Гибель Есенина. М., 1926. С. 4). «Поразительным стихотворением» называет его Ю.И.Айхенвальд. Не слишком распространяясь, возможно, ввиду «опасной темы», он обобщает: «Так наш русский рыцарь гадал о своей судьбе и угадал свою судьбу. Трагический отсвет на его поэзию бросает его жизнь и смерть» (Айхенвальд Ю.И. Поэты и поэтессы. М., 1922. С. 51). Последним робким напоминанием в 20-е годы о значительности этого ст-ния было цитирование Е.Ф.Никитиной двух строк из него, характеризующих, по ее мнению, общую тональность «Костра»: «...нужно отметить необычайно грустный тон всей книги ("Господь воздаст мне полной мерой за недолгий мой и горький век...") (Никитина Е.Ф. Поэты и направления (Пути новейшей поэзии) // Свиток. М., 1924. Кн. 3. С. 134). На долгий затем период безраздельное право монопольной «интерпретации» этого ст-ния на родине поэта переходит в руки партийно-официозного литературоведения: «К буржуазному же настоящему, в котором, пусть еще угнетенной, но действующей силой является рабочий класс, — Г<умилев> питает отвращение. В "Рабочем" он

рисует представителя этого класса, от к<оторого> он ждет своей гибели <...> Поэт ненавидит "серого" человека. И спасаясь от этого призрака, гоняющегося за представителями старого барства, поэт не за страх, а за совесть примыкает к стану империализма, становясь его верным, проникновенным певцом» (Бескин О.М. Гумилев // Литературная энциклопедия. М., 1930. Т. 3. Стлб. 84). «Гумилев учил свое социальное поколение не только жить и властвовать, но и умирать, не боясь смерти, как "старый конквистадор" <...> С точки зрения Гумилева, брюсовское отношение к грядущей пролетарской революции (в ст-нии "Грядущие гунны", 1905. — *Ред.*) было бы ничем не оправданным интеллигентским слюнтяйством. Трезво и холодно глядел Гумилев в будущее, и чем далее шли года, тем яснее становилось ему, что борьба с восставшим пролетариатом неизбежна.

В стихотворении "Рабочий" он писал о своем враге без истерических кликушеств, он знал, что смертельная борьба неизбежна, и готовился к ней <...>

И немудрено, что Октябрьскую революцию Гумилев встретил без колебаний — в том смысле, что он был заранее подготовлен к контрреволюционной поэзии» (Селивановский А.П. Очерки истории русской поэзии XX века // Литературная учеба. 1934. № 8. С. 27—28). «Мы знаем подлинную цену «беспартийности» этого "почетного синдика". Он как был, так и остался твердолобым империалистом, непримиримым врагом пролетариата. Достаточно ясно он выразил свою ненависть к этому классу, перестраивающему мир, в стихотворении "Рабочий" <...> Как раз в то самое время, когда Гумилев особенно рьяно проповедовал "беспартийность" искусства, он являлся прямым шпионом империализма, участником контрреволюционного таганцевского заговора» (Волков А.А. Поэзия русского империализма. М., 1935. С. 212—213). В записи Ахматовой (Записная книжка, 5 авг. 1963) тенденция трактовать образ рабочего в этом ст-нии с позиций классового антагонизма решительно отвергается: «Фразы вроде "Я люблю только "Огненный столп"", отнесение стих<отворения> "Рабочий" к годам Революции и т.д. ввергают меня в полное уныние, а их слышишь каждый день» («Самый непрочитанный поэт»: Заметки Анны Ахматовой о Николае Гумилеве // Новый мир. 1990. № 5. С. 223). В последнее десятилетие круг интерпретации этого ст-ния существенно расширился, наряду с антагонистически-классовой доминантой появились другие: «Рапповская критика 20-х и 30-х годов расценивала стихотворение Гумилева "Рабочий" как предчувствие контрреволюционером своей гибели от пули сознательного пролетария. Грубая подтасовка фактов. "Рабочий" написан до революции, когда поэт, проявив незаурядную храбрость (награжден двумя Георгиями), воевал на русско-германском фронте, проходившем по Двине. Речь в стихотворении идет о немецком рабочем, готовящем пулю для русского солдата, не случайно строфу, которая называет место действия, рапповцы, цитируя стихотворение, — исключали» (Стихи Николая Гумилева. Предисловие и публикация М. Шаповалова // Дон. 1987. С. 152). Р.Д.Тименчик ярко фиксирует биографический контекст ст-ния, ссылаясь на перевод Гумилева в новый, гусарский полк — «в Аузинии (Овсеевку) под Даугавпилсом»: «Но первые стихи на новом месте

отнюдь не были выдержаны в двухвековой традиции гусарского эпикурейства. Приближалось тридцатилетие прапорщика Гумилева — 3 апреля по старому стилю. Можно было подводить какие-то жизненные итоги. И мысль о смерти приобрела предельно-конкретные, реальные до галлюцинации, мелкие и необязательные подробности. Островерхие черепичные крыши латвийских городков вызывали ассоциации с враждебным миром германского средневековья. И за окошком какого-нибудь, похожего на вот эти, аккуратного домика привиделся его обитатель, этакий литейщик у Круппа» (Тименчик Р.Д. Над седою, вспененной Двиной... Н. Гумилев в Латвии: 1916—1917 // Даугава. 1986. № 8. С. 115). К версии об антагонизме уже на новом уровне, выделяя в нем не столько классовый, сколько духовный характер, обращается А.И.Михайлов, замечая, что уже ранее понятие «рабочий» ассоциировалось у Гумилева со смертью («За гробом», 1908). Соглашаясь с тем, что в первом варианте ст-ния 1916 г. «рабочий», возможно, и задумывался поэтом как представитель враждебного государства, он далее пишет: «Однако при включении в 1918 г. стихотворения в сборник "Костер" что-то заставило поэта лишить своего героя черт военного противника. Он стал просто рабочий. И в стихотворении четче обозначилась оппозиция между беззаветно влюбленным в жизнь поэтом, в жизнь с ее горестями и радостями, с ее ностальгией по прошлому и страстной тоской по небу и его убийцей — почти безликим человеком, всецело сосредоточившимся лишь на одном деле смерти <...>

Душа поэта, продиктовавшая его перу волю переключить конфликт из плана национальной войны в план социально и духовно-антагоиистического характера, оказалась пророческой... Гумилев действительно пал от пули, отлитой не во вражеской стране, а в собственном отечестве — пал жертвой террора "диктатуры пролетариата" <...>

В дальнейшем от пули, отлитой своим же рабочим, предстояло погибнуть еще многим и многим поэтам» (Михайлов А.И. Николай Гумилев и Николай Клюев // Исследования и материалы. С. 73). Р. Эшельман отмечает здесь весьма своеобразную «тематизацию зла, которое имеет лишь контингентное значение: оказывается ведь, что рабочий выполняет функцию, предопределенную божеством. К тому же со стороны Гумилева тут не простое желание смерти, а приближение к стоическому понятию <...> судьбы: главная задача стоика заключается в примирении поэта с путями Логоса, которые неизменимы, и неизбежно включают в себя и его смерть» (Eshelman. P. 92). В близком направлении интерпретирует ст-ние Ю.В.Зобнин: «Рабочий из одноименной баллады 1916 г. — уже не человек, собственно, он орудие провидения, у него нет собственной воли, его воля — слепая, нечеловеческая воля стихии. Он не вовлечен в военную бурю, но сам часть этой бури; он так же бесстрастен, лишен эмоций, так же прост в своей нечеловеческой правоте, как и сама война. Два начала — стихийное и человеческое — здесь сливаются, вернее: человеческое подчиняется стихийному. Связь Рабочего, его упорной деятельности с исполнением не его воли, связь с провиденциальным началом открыто декларируется в финале баллады <...> И этот "искомый" синтез, этот

исход, который обещало встающее Солнце Духа, неприемлем для поэта, страшен, поскольку деятельность Рабочего лежит за пределами морали, за пределами добра и зла — всего человеческого. Полное единство "стихийного" и "человеческого" невозможно, поскольку это означает смерть человечества. Освобожденный от моральной ответственности за судьбу каждого, переложивший эту ответственность на внешние силы стихии, человек утрачивает себя, превращается в бездушный автомат...» (Зобнин Ю. С. 140). Е.Сампсон отмечает стилистический сдвиг в ст-нии после 3 строфы (т.е. в середине ст-ния) — от сугубо реалистического описания к возвышенному и абстрактному: «Главное средоточие стихотворения, конечно, на мгновении смерти, и ее торжественность и значение невозможно передать одними физическими реалиями» (Sampson E. Nikolai Gumilev. Boston, 1979. P. 127—128). Комментируя ст. 13—16, Б.О.Унбегаун констатирует: «Параллельная грамматическая конструкция ритмически так сильна, что она едва ли не устраняет перенос между <ст. 15 и 16>. Кроме того, совмещение двух противоположных приемов — синтаксического параллелизма и переноса — выявляет блестящее мастерство и неотразимую прелесть» (Unbegaun B.O. Russian Versification. Oxford. 1956. P. 122).

46. При жизни не публиковалось. **Печ. по публикации.**
ЛГ-Досье. 1992. № 2 (публ. Н.Обуховича).
Автограф — ГАРФ.
Дат.: 5 июня 1916 — по дате на автографе.

Обнаружено в личном фонде в. к. Анастасии Николаевны (1901—1918) — младшей дочери Николая II. Преподнесение этого послания состоялось в период, когда Гумилев, заболев весной 1916 г. бронхитом, находился на излечении в Царском Селе в лазарете Большого дворца (см.: Лукницкая В. Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990. С. 183). Там же несли службу дипломированных сестер милосердия императрица Александра Федоровна и две ее старшие дочери Ольга и Татьяна, принимавшие участие в самых сложных операциях. Младшие, Мария и Анастасия, тоже постоянно посещали раненых и больных, подолгу беседовали с ними.

Под стихами Н.Гумилева, преподнесенными Анастасии ко дню рождения, поставили свои подписи еще 15 раненых (см.: ЛГ-Досье. 1992. № 2). Ср. также с воспоминаниями О.Н.Арбениной-Гильдебрандт, относящимися также к лету 1916 г.: «На просьбу (Гумилева. — *Ред.*) пойти меня проводить я могла только сказать, что я не одна — телефон ему дала — еще он сказал: "Я вчера написал стихи за присланные к нам в лазарет акации Ольге Николаевне Романовой — завтра напишу Ольге Николаевне Арбениной"» (Исследования и материалы. С. 429). Вероятно, здесь произошла контаминация памяти мемуаристки, основанная на двойном совпадении ее имени с именем старшей дочери царя (О.Н.Романова, 1895—1918). Впрочем, вполне возможно, что гумилевская стихотворная эписто-

лярия, обращенная к царствующим особам, и не исчерпывается публикуемым текстом.

47. Творчество. Кн. 2. М., 1918, без деления на строфы - - **Костер.**

Кост 1922(Б) - - Кост 1922(М-П) - - СС 1947 III - - СС II - - Кост 1979 - - Ст 1986 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Кост 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - СП(XX век) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Carmina - - Изб(XX век) - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Любовь многоцветная. Избранные стихи. Иваново-Вознесенск. 1922 - - Чудное мгновенье. Любовная лирика русских поэтов. Кн. 2. М., 1988 - - Ст(Куйбышев).

Автограф 1 с вар. — Альбом Струве. Автограф 2 с вар. — Архив Лозинского, рукопись "Костра". В рукописи входило в цикл «Песенки» вместе со ст-нием № 101.

Дат.: начало июня 1916 — по датировке В.К.Лукницкой (СП(Тб). С. 479).

По воспоминаниям О.А.Мочаловой, посвящено Маргарите МарьяновнеТумповской (1891—1942) — поэтессе, переводчице, литературному критику (рецензировала сб. ст-ний Гумилева «Колчан»), близкой подруге поэта: «В то лето Николай Степанович написал прелестное стихотворение — "О самой белой, о самой нежной..."» (Мочалова О.А. Николай Гумилев // Жизнь Николая Гумилева. С. 118). В.К.Лукницкая, основываясь на данных П.Н.Лукницкого, считает адресатом ст-ния А.Н.Энгельгард (СП(Тб). С. 479). О.Н.Арбенина уверена, что в ст-нии говорится о ней (см.: Исследования и материалы. С. 433). Очень вероятно, что «правы все», и мы имеем дело со свойственным Гумилеву «синхронным посвящением» одного и того же ст-ния нескольким адресаткам, жаждущим «бессмертия».

По мнению М.Малин, «все элементы ландшафта способствуют тому, чтобы возвращать поэту образ его возлюбленной. Вещь малозначительная, которая все-таки подкупает своей красотой и весьма продуманной законченностью своего построения» (Maline M. Nicolas Goumilev. Poète et critique acmeiste. Bruxelles. 1964. P. 117).

48. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Соч I. См. также: Степанов Е.Е. Несколько страниц из жизни прапорщика гусарского полка Николая Гумилева // Даугава. 1994. № 2. С. 149—150.

Автограф — Архив Лукницкого, список рукой П.Н.Лукницкого.

Дат.: 30 августа 1916 — по дате полкового праздника (см.: Соч 3. С. 396).

В материалах П.Н.Лукницкого и публикации в СП(Тб) текст ст-ния помещен с неверным названием полка в загл. («Александровский») и указанием

адресата — («Никитину»). Правильно название полка, в который Гумилев был переведен 28 марта 1916 г. в только что полученном звании прапорщика, — 5-й Александрийский Ее Величества государыни императрицы Александры Федоровны гусарский полк, командовал же им полковник А.Н.Коленкин (см.: Исследования и материалы. С. 261).

По поводу возможных обстоятельств появления этого ст-ния в условиях военной службы поэта исследователь замечает: «Армейские будни не обходились без прикладного стихотворчества. То это была здравица сослуживцу ко дню рождения <...>, то — мадригал командиру полка к полковому празднику...» (Тименчик Р.Д. «Над седою вспененной Двиной...» Н. Гумилев в Латвии: 1916—1917) // Даугава. 1986. № 8. С. 117).

Действительно, сослуживцы Гумилева вспоминали, что среди офицеров полка было много поклонников Гумилева-поэта. «Командир полка, полковник А.Н.Коленкин, — вспоминал Ю.А.Топорков, — человек глубоко образованный и просвещенный, всегда говорил нам, что поэзия Гумилева незаурядная, и каждый раз на товарищеских обедах и пирушках просил Гумилева декламировать свои стихи, всегда был от них в восторге, и Гумилев всегда исполнял эти просьбы с удовольствием, но, признаюсь, многие подсмеивались над его манерой читать стихи. <...> Всегда молчаливый, он загорался, когда начинался разговор о литературе и с большим вниманием относился ко всем любившим писать стихи. Много у него было экспромтов, стихотворений и песен, посвященных полку и войне» (Жизнь Николая Гумилева. С. 92—93). «При встрече с командиром четвертого эскадрона, подполковником А.Е. фон Радецким, — дополняет изложенное выше В.А.Каразин, — я его спросил: "Ну, как Гумилев у тебя поживает?" На это Аксель, со свойственной ему краткостью, ответил: "Да-да, ничего. Хороший офицер и, знаешь, парень хороший". А эта прибавка в словах добрейшего Радецкого была высшей похвалой. Под осень 1916 года подполковник фон Радецкий сдавал свой четвертый эскадрон ротмистру Мелик-Шахназарову. Был и я у них на торжественном обеде по этому случаю. Во время обеда вдруг раздалось постукивание ножа о край тарелки, и медленно поднялся Гумилев. Размеренным тоном, без всяких выкриков, начал свое стихотворение, написанное к этому случаю. К сожалению, память не сохранила мне из него ничего. Помню только, что в нем были такие слова: "Полковника Радецкого мы песнею прославим..." Стихотворение было длинное и было написано мастерски. Все были от него в восторге. Гумилев важно опустился на свое место и так же размеренно продолжал свое участие в пиршестве. Все, что ни делал Гумилев — он как бы священнодействовал» (Жизнь Николая Гумилева. С. 94—95).

49. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд. 1980 - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Соч I - - МП; В мире книг. 1987. №4.

Автограф — РГБ. Ф. 245 (Л.М.Рейснер). К. 6. Ед. хр. 20. Л. 1 (факсимильное изображение — Жизнь поэта. Вклейка между с. 160—161).

Дат.: 23 сентября 1916 — по дате автографа.

Посвящено Ларисе Михайловне Рейснер (1895—1926) — журналистке, публицисту, участнице гражданской войны (явилась прообразом Комиссара в «Оптимистической трагедии» Вс.Вишневского), дипломату. Была близкой знакомой Гумилева в 1916—1917 гг. Лери — обращение, отсылающее равным образом и к ее имени Лариса, и к героине гумилевской драматической поэмы «Гондла» — Лере, деве-воительнице.

Гумилев познакомился с Рейснер в 1916 г. в артистическом ресторане-кабаре «Привал комедиантов». Ею вдохновлены многие ст-ния «Костра». Данное ст-ние представляет собой одно из писем к ней Гумилева в стихах. О его увлечении Л.Рейснер свидетельствует письмо, посланное им из действующей армии в начале ноября 1916 г.: «...больше двух недель как я уехал, а от Вас ни одного письма. Не ленитесь и не забывайте меня так скоро, я этого не заслужил. Я часто скачу по полям, кричу навстречу ветру Ваше имя, снитесь Вы мне почти каждую ночь. И скоро я начинаю писать новую пьесу, причем если Вы не узнаете в героине себя, я навек брошу литературную деятельность» (Жизнь поэта. С. 187). В ответ на обращение к ней «Лери» Рейснер называла Гумилева «Гафизом». В своем последнем письме Гумилеву она признавалась в его благотворном влиянии на нее: «И моя нежность к людям, к уму, поэзии и некоторым вещам, которая благодаря Вам — окрепла, отбросила свою собственную тень среди других людей — стала творчеством. Мне часто казалось, что Вы когда-то должны еще раз со мной встретиться, еще раз говорить, еще раз все взять и оставить. Этого не может быть, не могло быть. Но будьте благословенны Вы, Ваши стихи и поступки. Встречайте чудеса, творите их сами. Мой милый, мой возлюбленный. И будьте чище и лучше, чем прежде, потому что действительно есть Бог. *Ваша Лери*» (Там же. С. 189). В черновых набросках задуманного «обзора о состоянии современной поэзии» Рейснер в 1916 г. писала о Гумилеве: «С совершенно языческой смелостью, подобно Платону, который над бренным и смертным миром создал царство чистых и абсолютных идей, Гумилев наделяет искусство безграничной свободой, идеальным бытием, которое не знает уничтожения и не боится вечности» (цит. по: Шоломова С. Судьбы связующая нить (Л.Рейснер и Николай Гумилев) // Исследования и материалы. С. 486). Узнав о гибели Гумилева, она писала в конце 1922 г. из Афганистана (где находилась в должности дипломата) своей матери: «Если бы перед смертью его видела, — все ему простила бы, сказала бы правду, что никого не любила с такой болью, с таким желанием за него умереть, как его, поэта, Гафиза, урода и мерзавца. Вот и всё». (там же. С. 484).

Ст. 2. — «И под столом лежит Сократ» — т.е. том «сократических» сочинений Платона или Ксенофонта, содержащих запись устных бесед и диалогов древнегреческого философа Сократа (ок. 470—399 до н.э.). Ст. 24. — Острова — острова невской дельты в Петербурге: Елагин, Крестовский и каменный, застра-

ивавшиеся дачами и особняками знати, а также являвшиеся излюбленным местом прогулок и увеселений горожан. Ст. 31. — «Эмали и камеи» — книга стихов французского поэта Теофиля Готье (1811—1872), изданная в переводах Гумилева в 1914 г. Ст. 35. — Психоневроложка (простореч.) — Психоневрологический ин-т, ныне им. В.М.Бехтерева, в котором училась Л.М.Рейснер.

1917

50. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Неизд 1980 - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Соч I - - Изб (XX век) - - ВБП - - МП; В мире книг. 1987. № 4.

Автограф — РГБ. Ф. 245 (Л.М.Рейснер). К. 6. Ед. хр. 20. Л. 11.

Дат.: 6 февраля 1917 — по дате на штемпеле открытки.

Ст-ние было послано Л.М.Рейснер на открытке с репродукцией картины Л.Авилова «Гусары смерти в плену». «Посылаю Вам военный мадригал, только что испеченный. Посмейтесь над ним», — писал Гумилев. Текст «Мадригала» написан рядом с картинкой.

Ст. 5. — Бессмертные гусары — традиционное название гусар, служащих в 5-м гусарском Александрийском полку (см.: Тименчик Р.Д. «Над седою вспененной Двиной...» // Даугава. 1986. № 8. С. 116).

51. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Неизд 1980 - - СП(Тб) - - БП - - СПТб) 2 - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СПП - - Кап - - ОС 1991 - - Соч I - - СтП(Ир) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Ст 1995 - - ВБП - - МП - - СП 1997; Душа любви - - «В мире книг». 1987. № 4.

Автограф. — РГБ. Ф. 245 (Л.М.Рейснер). К. 6. Ед. хр. 20. Л. 13, на открытке с изображением акварели Г.Нарбута «Св. София». На открытке были стихи, зачеркнутые рукой Гумилева:

Сказал таинственный астролог:
«Узнай, султан, свой вещий рок, —
Не вечен будет и не долог
Здесь мусульманской власти срок.
Придет от севера воитель
С священным именем Христа —
Покрыть Софийскую обитель
Изображением креста.

Дат.: 22 февраля 1917 — по дате автографа.

По определению А.Алексеевой, ст-ние предстает как «строки, проникнутые чисто акмеистическим возвеличиванием предмета своей любви» (Алексеева А. «Я часто скачу по полям, крича навстречу ветру Ваше имя»: О переписке Н.С.Гумилева и Л.М.Рейснер // Хронограф 89. Ежегодник. М., 1989. С. 291).

52. Юг. 1918. № 2 (данные П.Н.Лукницкого, в современных книгохраннлищах такое издание не обнаружено) - - **Костер** (с указанием порядкового номера в загл.: «Канцона первая»).

Кост 1922 (Б) - - Кост 1922(М-П) - - СС 1947 III - - Избр 1959 - - СС II - - Кост 1979 - - Неизд 1980 - - Изб 1986 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Кост 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Ст(М-В) - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - СП(XX век) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Carmina - - Изб(XX век) - - ЧН 1995 - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Серебряный век русской поэзии - - Поэты серебряного века. Йошкар-Ола, 1997; В мире книг. 1987. № 4.

Автограф 1 другой ред. с иной строфикой — РГБ. Ф. 245 (Л.М.Рейснер). К.6. Ед. хр. 20. Л. 14—14 об., на открытке с изображением картины Н.Самокиша «В австрийской деревне». Автограф 2 с вар. — ИРЛИ. Ф. 474 (К.А.Сюннерберга). Ед. хр. 462. Л. 3—4, машинопись с подписью и авторской правкой. В ст. 3 вместо «караваны» ранее было: «караванов». В ст. 17 вместо «беспокойной» ранее было: «одинокой». Автограф 3, с вар. — Альбом Струве. Автограф 4 — Архив Лозинского, рукопись "Костра". Автограф 5 с вар. — Канцоны. Автограф 6 — архив семьи Рождественских (СПб).

Дат.: 23 февраля 1917 — по штемпелю на открытке (автограф 1).

Вяч. Вс. Иванов указывал на «блоковскую» метрику ст-ния: «Подобные бесспорные совпадения именно у позднего Гумилева делают очевидным возрастающее влияние на него Блока (что не имеет никакого отношения к достаточно напряженным их личным и литературно-общественным отношениям)» (Иванов Вяч. Вс. Звездная вспышка (Поэтический мир Н.С.Гумилева) // СтПРП. С. 10—11).

53. Юг. 1918. № 2 (данные П.Н.Лукницкого, в современных книгохранилищах такое издание не обнаружено) - - **Костер.**

Кост 1922(Б) - - Кост 1922(М-П) - - СС 1947 III - - Изб 1959 - - СС II - - Кост 1979 - - Изб 1986 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - Ст(Полиграф) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Кост 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - СП(XX век) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(К) - - Ст(Яр) - -

Круг чтения - - Carmina - - Престол - - Изб(XX век) - - Русский путь - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Поэзия серебряного века: 1980—1925. М., 1991 - - Свиданье; Театр. 1986. № 9.

Автограф 1 другой ред. — Альбом Струве. Автограф 2 — Архив Лозинского, рукопись Костра.

Дат.: 23 февраля 1917 — по датировке В.К.Лукницкой (СП(Тб). С. 479).

Перевод на англ. яз. («Creation») — SW. P. 89. Перевод на чешский яз. («Tvorba») — Honzik.

54. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

ПС 1922, с вар. и без загл. (последнее, очевидно, техническая ошибка при печати) - - ПС 1923, с вар. - - СС II, вар. ПС - - СП(Тб), вар. ПС - - БП - - СП(Тб) 2, вар. ПС - - СП (Феникс) - - СтПРП(ЗК), вар. ПС - - ОС 1989, вар. ПС, неправильное оформление загл. - - СтПРП, вар. ПС - - СПП - - Кап - - СС(Р-т) II, вар. ПС - - Соч I - - СтП(Ир), вар. ПС - - ЧК - - Круг чтения - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997; Образ Ахматовой. Антология. 2-е изд. Л., 1925 - - Силард 1979 - - Силард 1983 - - Свиданье; Родник (Рига). 1988. № 10 - - Посвящается Ахматовой: Стихи разных поэтов, посвященные Ахматовой / Сост. П.Дэвидсон и И.Тласти. Tenafly, New Jersey, 1991, с неверной датой: 1911; Вечерняя Москва. 1989. 15 апреля, № 88.

Автограф — РГАЛИ. Ф. 13 (А.А.Ахматовой). Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 1—2.

Дат.: 24 марта 1917 — по дате на автографе.

В ст-нии изложена версия о происхождении мира, присущая валентинианству — гностической ереси II в. н.э. Образование мира, согласно этой ереси, — следствие отпадения одного из эонов (т.е. «сущего» начала, в отличие от «существующего», производного: валентиниане обозначали этим понятием Бога в Его «характеристиках» — истечениях) от Плиромы (т.е. общей полноты Божественного бытия), а именно — Премудрости, попавшей под влияние эротической страсти к Отцу-первоначалу. «Выпав» из Плиромы, Премудрость, по учению валентиниан, отделилась от света и качественно частично преобразилась, превратившись в Ахамот (т.е. мудрость) — Душу нашего Мира, состояние которой и определяет по-сю-стороннее космическое бытие. «...От страха же и печали (Ахамот. — *Ред.*) получило начало все остальное. Именно: от слез его произошла всякая влажная сущность, от смеха — светящаяся; от печали и изумления — телесные стихии мира. Ибо, как говорят (валентиниане. — *Ред.*), оно то плакало и печалилось о том, что оставлено одно во тьме и пустоте, то веселилось и смеялось, когда ему приходил на мысль оставленный им свет, то опять впадало в страх, а иногда в недоумение и изумление» (Св. Ириней Лионский. Творения. М., 1996. С. 30—31 (Б-ка Отцов и Учителей Церкви)). Несомненно, что существенную роль при создании ст-ния играло созвучие имен Ахамот — Ахматова (последняя также, в какой-то мере, являлась «Душой» творимого ею художественного

мира). Ст-ние открывает собой «второй» еретический период в творчестве Гумилева, вызванный идейным и жизненным кризисом в эпоху революции. По определению Э.Ф.Голлербаха, ст-ние близко «по духу» к лирике Ахматовой, которой «тесно в мире», где мечты о любви и свете омрачены «предвечным ужасом». Одна строка этого акростиха — «"хрупких рук испуг и содроганье" говорит больше, чем иной законченный портрет» (Голлербах Э.Ф. Образ Ахматовой // Антология. Л., 1925. С. 10).

55. Творчество. Кн. 1. Пг., 1917.

Литературная мысль. Пг., 1922, другая ред. - - ПС 1923, другая ред. - - ИС 1946, другая ред. - - Неиз 1952, вар. автографа 1 - - СС II, вар. автографа 1 - - СП(Тб), другая ред. - - БП, с ошиб. - - СП(Тб) 2, другая ред. - - СтПРП(ЗК), другая ред. - - ОС 1989, другая ред. - - Ст(XX век) - - СтПРП, другая ред. - - СПП, с ошиб. - - Изб(Слов), другая ред. - - Кап. с ошиб. - - СС(Р-т) II, вар. автографа 1 - - ОС 1991, другая ред. - - СП(XX век), другая ред. - - Изб(Слов) 2, другая ред. - - СтП(Ир), другая ред. - - Соч I, с ошиб. - - СП(К), другая ред. - - ЛиВ - - Круг чтения, с ошиб. - - Ст 1995, с ошиб. - - Изб 1997, другая ред. - - ВБП - - МП, с ошиб. - - СП 1997, Литературная мысль. Альманах. Кн. 1. Пг., 1922, другая ред. - - Петербург в русской поэзии (XVIII - начала XX века): Поэтическая антология. Л., 1988 - - Ст(Куйбышев) - - Душа любви; Новый Журнал (Нью-Йорк), 1944. № 8, вар. автографа 1 - - Знамя. 1986. № 10.

Автограф 1 с вар. — Альбом Струве. Автограф 2 другой ред. — Отлучие.

Дат.: весна 1917 — по времени публ., месту в Альбоме Струве и содержанию.

Ст-ние подробно анализируется Д.Мицкевичем относительно выделенных им в специальные подзаголовки тем: морфогенетики (текстологии), многоплановости, референциальной неопределенности (возможности буквального и метафорического прочтения: дорога - как peregrinatio vitae и т.п.), текстуальных перекличек, доминанты (ключевых слов), плотности словесных перекличек, вещественности слов, возможности воздействия на его словесную структуру теории «лучизма» (в частности, «реалистического лучизма», теории прозрачности и 4-го измерения), аллегории рефлективности (действие излагается как отражение реифицированных цветов неба), звуковых усилений (инструментовки), звуковых жестов (как своеобразного признака «школы Гумилева»), тональности речи, вещественности и силы воздействия образов, балансированных ассиметричностей, полисемичности на уровне семантики, полифункции, поэтической функции, мифопоэтики (любовь, ведьма, дракон, царевна, рай), сиюминутной реальности (времени действия), реального адресата (намечаются многие интертекстуальные связи с Ахматовой), переклички с другими ст-ниями Гумилева. По мнению Мицкевича, семантический охват этого ст-ния достаточно широк и его содержание достаточно богато, чтобы выдержать приподнятый тон его дикции. В этой зрелой вещи давно установив-

шаяся высокая теоретическая компетентность Гумилева находится в полном соответствии с его усовершенствующейся стихотворной практикой (см.: Mickewicz D. Functioning Poetics and Poetic Functions: Gumilev's Poem «Pered noc'ju severnoj, korotkoj...» // Berkeley. P. 155—214).

Ст 19. — Горний Иерусалим (то же, что «новый», «небесный») — символ ожидаемого духовного спасения человечества в лоне победившей христианской церкви, обозначаемой столицей древней Иудеи Иерусалимом, что предсказывается уже в Ветхом Завете Библии: «Восстань, светись, Иерусалим, ибо пришел свет твой, и слава Господня взошла над тобою... И придут народы к свету твоему...» (Ис. 60, 1—3). Эпитет «горний» происходит, во-первых, от характера самого месторасположения города — с находящейся в нем святыней — Ковчегом Завета — (на холме Сион): «И пойдут многие народы и скажут: приидите, и взойдем на гору Господню, в дом Бога Иаковлева» (Ис., 2, 3), а во-вторых, от представления о недостижимо высоком обитании самого Бога, царство которого предназначено только для праведников: «...вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму...» (Евр 20, 22); для прочих же это пока еще только пророческое видение будущего: «И я Иоанн увидел святый город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба <...> И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и он будет обитать с ними; они будут Его народом...» (Откр. 21, 2—3). Гумилев использует этот образ в весьма условном применении к пейзажу, как бы преображенному «небесным», «горним» обликом возлюбленной поэта (см. концовку ст-ния № 52, где образ Иерусалима также ассоциируется с любовью, возлюбленной).

56. Костер.

Кост 1922(Б) - - Кост 1922(М-П) - - СС 1947 III - - Изб 1959 - - СС II - - Кост 1979 - - Ст 1986 - - Изб 1986 - - Изб(Огонек) - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Кост 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап - - ОС 1991 - - СП(XX век) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Престол - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Антология петербургской поэзии эпохи акмеизма. Munchen, 1973 - - The Penguin Book of Russian Verse. Harmondsworth, 1965 (русский текст с подстрочным прозаическим переводом на англ.); The Heritage of Russian Verse. Bloomington, Indiana, 1976 - - Петербург в русской поэзии (XVIII - начала XX века): Поэтическая антология. Л., 1988 - - Серебряный век. Петербургская поэзия конца XIX - начала XX века. Л., 1991 - - Ст(Куйбышев) - - Душа любви - - Серебряный век русской поэзии - - Свиданье - - Антология акмеизма. М., 1997 - - Школа классики - - Поэты серебряного века. Йошкар-Ола, 1997; Знамя. 1986. № 10 - - Дон. 1987. № 12 - - Звезда. 1998. № 9.

Автограф 1 с вар. — Альбом Струве (в альбоме ст-ние иллюстрировано М.Ф.Ларионовым, репродукцию рисунка см.: СС II, вклейка между 12 и 13 страницами). Автограф 2 с вар. — Отлуние. Автограф 3 — Архив Лозинского, рукопись Костра. Автограф 4 — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой.

Дат.: весна 1917 — по датировке В.К.Лукницкой (Жизнь поэта. С. 200).

Перевод на англ. яз. («The Muzhik») — SW. P. 98.

Почти всеми интерпретаторами этого ст-ния его героем признается легендарно известный Григорий Ефимович Распутин (наст. фамилия Новых; 1872—1916) — сибирский крестьянин, ставший в семье последнего русского императора в силу своих исключительных природных способностей (обаяния, силы внушения) фаворитом (в качестве целителя, «святого старца», пророка) и убитый придворными заговорщиками из опасения его отрицательного влияния на государственную политику царя. Именно из его феномена исходят истолкователи гумилевского ст-ния, пытаясь прежде всего определить весьма неявно выраженное само отношение поэта к своему герою. М.Цветаева писала: «Что в этом четверостишии (имеются в виду ст. 19—22. — *Ред.*)? Любовь? Нет. Ненависть? Нет. Суд? Нет. *Оправдание?* Нет. Судьба. Шаг судьбы.

Вчитайтесь, вчитайтесь внимательно. Здесь каждое слово на вес крови <...> Дорогой Гумилев, есть тот свет или нет, услышьте мою, от лица всей поэзии, благодарность за двойной урок: поэтам — как писать стихи, историкам — как писать историю. Чувство истории — только чувство Судьбы» (СС II. С. 356). Н.А.Оцуп объясняет отношение Гумилева к Распутину путем истолкования сложности, исторической многоликости и художественной универсальности образа этого последнего в ст-нии: «Мог ли такой сомнительный человек вдохновить благородное стихотворение? Гумилев доказывает, что да. Если бы он ограничился тем, что передал в стихах биографию Распутина, то не достиг бы намеченной цели. Если бы Гумилев изображал Распутина только как символ, стихотворение лишилось бы своей жизненной силы. Гумилев же рисует Распутина как великий художник. Он и восхищается им, и выражает одновременно свое глубокое отвращение к нему. Восхищение Гумилева глубже, чем умиление своим героем у безымянного сочинителя — создателя Фрола Скобеева, лица, рожденного народным воображением. Мужик Гумилева не только мошенник, которому улыбнулось счастье. Он, конечно, обладает чрезвычайной ловкостью. Но Фролу ведь удалось только присвоить себе достояние тестя, а гумилевский мужик стал, хоть на время, вершителем судеб необъятной России. Сами масштабы его грандиозного торжества позволяют предчувствовать неизбежную трагическую развязку. Будучи связанным историчностью своей темы, поэт, впрочем, не нуждался ни в каких изменениях в "ткани" повествования. Он лучше справился со своей задачей, создавая легенду на основе фактов, изложенных во всех газетах мира. Его мужик — изображение не одного лишь реального исторического лица. С одной стороны, можно усмотреть в нем

"Соловья-Разбойника" известной былины. С другой стороны, он — духовный брат таких исторических фигур, как "Пугач" и Стенька Разин. Строгий голос русского монашества, которое не дозволяло никакого покушения на святость религиозных символов, чувствуется в следующих строках <цитируются ст. 27—30>.

Крушение царизма и наступление революции — вот настоящая тема стихотворения Гумилева, которое напоминает до известной степени исторические песни русского народа <...> Сколько песен посвящалось одному только Ивану Грозному! Но почти везде и всегда его страшное имя окружено ореолом восхищенной симпатии.

"Мужик" Гумилева трактуется в том же духе. Поэт испытывает отвращение к своему герою, но он знает, что именно этот герой является настоящим «строителем» своей родины <...>

Из всех тех, кто писал о Распутине, один Гумилев сумел сравнить его с героями народных легенд, не лишая своего персонажа тех правдивых черт, которыми отличались древнерусские летописи <...> Гумилев утверждал, что "поэзия и религия — две стороны одной и той же монеты". Мифотворчество было для него настоящей целью большой поэзии. "Мужик", как и некоторые другие стихотворения Гумилева, может рассматриваться как попытка мифотворчества» (Оцуп. С. 148, 149). В трактовке К.Баура Гумилев воспринимает Распутина как полноправного представителя народной России: «Во-первых, в своем вступительном рассказе о Распутине, как детище дикой природной глуши, он возвеличивает традиционные черты мужика-крестьянина. Распутин и в самом деле был воссоздан в масштабе, неестественно большем, чем жизнь, и Гумилев изображает его таким образом для того, чтобы подчеркнуть, отчасти, ту огромную пропасть, которая должна была бы отделять его от Императрицы и, отчасти, его первобытную власть и могучую личность. Во-вторых, Гумилев, считая Распутина чудовищем, все-таки по-своему справедливо относится к нему. В приписанных ему Гумилевым предсмертных словах, он обращается к русскому народу, спрашивая, кто теперь защитит сироту, и утверждая, что в его стране — еще много подобных ему "мужиков", "гул" чьих шагов слышен по дорогам. Это — дань несомненному авторитету Распутина, как представителя русского народа» (Bowra C. Poetry and Politics. 1900—1960. Cambridge, 1966. P. 24). «Торжественной эпитафией» Распутину называет это ст-ние А.Эткинд, обращая внимание на то, что предсказанное Распутиным будущее («Слышен по вашим дорогам Радостный гул их шагов») «желанно было» и Гумилеву, «одной из ближайших его жертв» (Эткинд А. Содом и Психея: Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М., 1996. С. 114). И, наоборот, никакого сочувствия своему герою не находит у Гумилева А.И.Павловский: «В стихотворении "Мужик" сквозит горестное недоумение перед темной силой, вытолкнувшей в российскую историю зловещую фигуру Григория Распутина» (Павловский А.И. Николай Гумилев // Николай Гумилев. Стихотворения и поэмы. Л., 1988. С. 50).

«Аристократическую» и одновременно мифологическую трактовку Гумиле-

вым Распутина обнаруживает в этом ст-нии Ю.В.Зобнин: «В поздних произведениях (Гумилева — *Ред.*) иррациональная, бесформенная стихия "масс", историческое "дионисийство" трактуется поэтом как "темное" начало, противостоящее аристократическому творчеству отдельных личностей, встающих на пути слепого демократического порыва, налагающих на хаос исторической "стихии" морфологические узы "цивилизации".

Очень ярко подобное отрицание стихии проявляется в известном стихотворении "Мужик", посвященном "распутинской" тематике. История возвышения и падения Распутина опознается Гумилевым как проекция в русскую конкретику 1914—1916 гг. мифа о торжествующем, страдающем и возрождающемся Дионисе. В стихотворении всячески подчеркивается "земляная", хтоническая природа "мужика", его исступленная "веселость", родственная оргийному плясу. Во всех действиях Мужика ощущается "сонное", "бредовое" начало — провозглашенная еще от Ницше дионисийская "радостная необходимость сонных видений". Гумилевский Мужик-Распутин преосуществляет "дионисиово" действо — умирает, чтобы воскреснуть во множестве таких же "мужиков" <...>

Гибель Распутина — гибель Феникса, костер на котором в марте 1917 г. сжигали вытащенный из-под царскосельской часовни труп "старца" — ритуальный жертвенник, "революционные массы" — своеобразные "мэнады", терзающие божество, чтобы воплотить в себе его бродящие "стихийные" силы.

В общем, весь этот историософский "шифр" довольно традиционен для творчества поэтов "новой школы", однако оценочные акценты Гумилевым решительно изменены. С "дионисийским" началом в истории связывается нечто отвратительное, серое, вызывающее безнадежную, "смертную тоску". Гумилевский "мужик" — Распутин-Дионис — подобен "гадам", живущим в "болотах", в "мохнатых и темных" логовищах. В хаотическом безумии "масс" не проявилось даже отрицательное, "злое", но внешне-яркое начало "мощи". Грандиозная "историческая оргия" Февральской революции воплотилась в апофеоз "распутинщины". Ни с этической, ни даже с эстетической точки зрения подобное "действо" не могло быть оправдано» (Зобнин Ю.В. Странник духа (о судьбе и творчестве Н.С.Гумилева) // Русский путь. С. 48—49).

Находится, наконец, среди интерпретаций героя этого ст-ния и достойный двойник: «Не подлежит сомнению, что основным прототипом "Мужика" из второй части стихотворения послужил Григорий Распутин. Более существенным, хотя и менее очевидным, кажется нам сходство героя гумилевского стихотворения с другим знаменитым "Мужиком", олонецким поэтом Николаем Клюевым.

Так или иначе в стихотворении Гумилева представлены почти все составляющие клюевского биографического шифра.

Уже вторая строчка "Мужика": "У оловянной реки" — провоцирует читательское сознание на воспоминание о клюевском Олонце <...> В стихотворении Гумилева присутствуют непосредственные переклички с "сектантской" поэзией самого Клюева. Так, строка "Чуя старинную быль", возможно, навеяна заглавием

клюевского стихотворения "Святая быль" <...> В свернутом виде присутствует в стихотворении "Мужик" и еще один элемент клюевского биографического мифа. Строки Гумилева "Обворожает царицу / Необозримой Руси" наряду с очевидным "распутинским подтекстом", как представляется, содержат отзвук рассказа Клюева о чтении стихов перед царским двором <...>

Разрушительное начало оказалось в русском мужике более сильным, чем пресловутые патриархальность, милосердие и добросердечие. Благостный Клюев обернулся Распутиным» (Лекманов О. Еще один мужик (к теме «Гумилев и Клюев») // Russian Studies. 1996. P. 137, 138, 140). Структурный анализ этого ст-ния дает Е.Томпсон повод утверждать, что оно «свободно от обычного для трактовки темы о Распутине у "русских идеологов" проповедничества. Оно строится не на выражении политических взглядов или описаний событий, но за счет поразительных коннотаций его образов. Сочетаются в одном и том же персонаже странник Влас и жадный конквистадор. Значение стихотворения покоится в структуре, от которой оно неотделимо» (Thompson E. N.S.Gumilev and the Russian Ideology // Berkeley. P. 320—321).

Ст. 7. — Стрибог — божество древнерусского языческого пантеона, кумир которого до крещения Руси находился в Киеве. Ст. 8. — Эта строка, в подтверждение версии О.Лекманова о Клюеве — как прототипе гумилевского «Мужика», явно перекликается (даже ритмически) с клюевским — «Чуять, как сказочник — руль / Будит поддонные были» («Тучи, как кони в ночном...», 1912 или 1913). Ст. 10. — Печенег, печенеги — народ тюркского происхождения, занимавший в X в. степи между Доном и Дунаем и постоянно нападавший на Русь. Ст. 11. — Подчеркнуто Блоком в экземпляре «Костра», подаренного Гумилевым, слово «гадом» и против поставлен вопросительный знак (см.: Библиотека А.А. Блока. Описание. Кн. 1. Л., 1984. С. 253). Ст. 29—30. — Казанский собор — кафедральный собор во имя Казанской иконы Божией Матери (архитектор А.Н.Воронихин), Исаакий — кафедральный собор во имя Святого Исаакия Далматского, Исаакиевский собор (архитектор О.Монферран), главные соборы Петербурга. Ст. 39—40. — Реминисценция строк ст-ния В.Брюсова «Грядущие гунны» (1905): «Слышу ваш топот чугунный / По еще неоткрытым Памирам».

57. Тринадцать поэтов. Пг., 1917, с вар. - - **Костер**.

Кост 1922(Б) - - Кост 1922(М-П) - - СС 1947 III - - СС II - - Кост 1979 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - Ст(Полиграф) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Кост 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Кап - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - СП(XX век) - - СтП(Ир) - - Изб(X) - - Соч I - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Русский путь - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - СП 1997; Акме - - Петербург в русской поэзии (XVIII - начала XX века); Поэтическая антология. Л., 1988 - -

Ст(Куйбышев) - - Душа любви; Знамя. 1986. № 10; Смена (Л). 1990. 27 мая (№ 122).

Автограф 1 с вар. — Альбом Струве. Автограф 2 с вар. — Архив Лозинского, рукопись Костра. Автограф 3 с вар. — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой.

Дат.: весна 1917 — по датировке В.К.Лукницкой (Жизнь поэта. С. 200).

Перевод на.англ. яз. («Ice Floes and the River Neva») — SW. P. 93. Перевод на чешский («Odchod ledu») — Honzik.

По мнению Р.Эшельмана, это ст-ние — самое яркое выражение положительной теодицеи Гумилева. Хотя вступительное описание заставляет считать, что Нева — злая по своей природе, к последней строфе уже понятно, что угроза, которую представляет река — обман. Такой эсхатологический «обратный ход» показывает, что противоборство добра и зла — лишь поверхностно, и приводит к заключению, что все — в том числе и то, что кажется отрицательным — имеет положительную функцию (см.: Eshelman. 92—93). Вас. В. Гиппиус писал: «Открываю новые книги Гумилева "Фарфоровый павильон" и "Костер". Первая целиком состоит из пряников — по китайскому рецепту. Пряники сыплются и из второй. Вот напр<имер>, что удалось сделать Гумилеву, когда воображение его остановилось на теме невского ледохода:

Река больна, река в бреду.
Одни, уверены в победе,
В зоологическом саду
Довольны белые медведи.

И знают, что один обман —
Их тягостное заточенье:
Сам Ледовитый океан
Идет на их освобожденье.

Не правда ли, прочитав эти строки, нельзя удержаться от улыбки — но не насмешливой, а ласково-поощрительной, чуть ли не такой, которой мы встречали наиболее удачные словосочетания Игоря Северянина? Гумилев не такой озорник, как Северянин, он не все, а только кое-что принесет в жертву остроте и пряности, — зато, вероятно, он и не "выскочит из ландомира, девушками окруженный". Но историки нашей поэзии вспомнят, что первый голос, раздавшийся в защиту фокуснической ловкости Северянина, был голос Гумилева (в Аполлоне 1911 года — рецензия об электрических стихах). Родство их несомненно. Гумилев — облагороженный Северянин, или Северянин — опошленный Гумилев: как угодно» (Гиппиус В.В. Пряники // Исследования и материалы. С. 547). «Среди символистов, — пишет Вяч. Вс. Иванов, — оказавших воздействие на поэтику Гумилева,

наряду с Брюсовым и Вяч. Ивановым (не говоря о Блоке, идущем "вне конкурса"), следует назвать и Андрея Белого. Его влияние сказалось в подходе Гумилева к ритмике, в отношении к накоплению пиррихиев, то есть к строкам с двумя пропущенными ударениями. Относительно высокое число подобных строк характеризует даже такое позднее стихотворение, как "Ледоход", где встречается сочетание их подряд:

Неведомых материков
Мучительные очертанья. —

и отдельная строка того же вида в последней строфе (во второй ее строке):

Их тягостное заточенье»

(Иванов Вяч. Вс. Звездная вспышка. (Поэтический мир Н.Гумилева) // СтПРП. С. 26—27).

Ст. 9—12 отчеркнуты Блоком в экземпляре Костра, подаренного Гумилевым (Библиотека А.А.Блока. Описание. Кн. 1. Л., 1984. С. 253).

58. Тринадцать поэтов. Пг., 1917, с вар. - - **Костер.**

Кост 1922(Б) - - Кост 1922(М-П) - - СС 1947 III - - СС II - - Кост 1979 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Кост 1989 - - Изб(М) - - СтПРП - - СПП - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Кап - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - Изб(Х) - - Соч I - - СтП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Carmina - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Акме - - Душа любви.

Автограф 1 с вар. и разделением на строфы в 7, 6, 4 и 8 ст. — Альбом Струве. Автограф 2, с вар. — Архив Лозинского, рукопись Костра. Автограф 3 — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой.

Дат.: весна 1917 — по датировке В.К.Лукницкой (Жизнь поэта. С. 200).

Перевод на англ. яз. («Autumn») — SW. P.95.

В рецензии на «Костер» П.Н.Медведев писал: «О себе и своем личном Н.Гумилев говорить не любит. Вообще ему чужд тот интимный музыкальный лиризм, который составляет такое очарование стихов хотя бы Фета или Блока. Н.Гумилев в поэзии не инструменталист, а пластик. В своих стихах он дает объективную картину средствами ярких, скульптурных, большей частью, чисто зрительных образов. В поисках за этими образами Н.Гумилев нередко тянется памятью к экзотике, к Востоку, но его экзотика опрозрачена и умиротворена резиньякцией, она не дурманит ни его самого, ни читателя. Дионис прошел мимо нее стороной. Вообще, все, в чем бродит хмель экстаза, вся мистика и все подполье человеческой души далеки от Н.Гумилева. Его песни не об изначальном и не о последнем, а о среднем,

"нормальном". Любимая им литературная форма — баллада. Во многих стихах Н.Гумилева очень полновесен эпический элемент; он должен быть хорошим "прозаиком". Все эти начала остаются незыблемыми и в "Костре", последней книге стихов Н.Гумилева. Они довлеют и в своеобразном построении "Осени", где очень оригинален пушкинский прием характеристики через подбор соответствующих жанровых образов...» (Медведев П.Н. Н.Гумилев. «Костер» // Записки Передвижного Общедоступного театра. Пг., 1919. Вып. 24—25. С. 14—15). «Это красочное и картинное стихотворение, — писал Ю.Н.Верховский, — показательно своей действенной, передающейся динамикой. Изобразительность его — не только внешняя, но настолько одушевленная, что, например, совершенно непосредственно передается этот момент, когда вдруг останавливается стремительное движение — и, задыхаясь, тупо удивляешься неподвижным краскам и тупо слушаешь ветер, в котором только что жил, и рвался и несся» (Верховский. С. 120).

Метрическому разбору ст-ния посвящена специальная статья: Granicz, I. A haromhangsulyos tagolovers ritmikai variacionaiah eloszlasa N.Gumiljov Osz's. kolteményebén // Helikon. 1969. № 15. Pp. 407—414. Л.Лосев отмечает точные словесные совпадения первых трех строк с таким же лишенным сентиментальности описанием Царского Села в ст-нии Ахматовой «Царскосельская статуя» (окт. 1916): «Уже кленовые листы/ На пруд слетают лебединый, / И окровавлены кусты / Неспешно зреющей рябины» (Loseff L. The Toy Town Ruined // A Sense of Place: Tsarskoe Selo and its Poets. Columbus, Ohio, 1993. P. 45). Для Гумилева безусловно важным является момент слияния движения — внутреннего и внешнего — поэта-мистика и мощного «космического» ритма окружающего его мира. Ю.В.Зобнин подчеркивает: «В гумилевском акмеистическом манифесте эта идея выражена недвусмысленно: "...Ощущая себя явлениями среди явлений, мы становимся причастными к мировому ритму, принимаем все воздействия на нас и в свою очередь воздействуем сами". А в стихотворении "Осень" — на первый взгляд, эскизной импрессионистической зарисовке — подобное переживание момента единения с мировой, природной динамикой и последующего разлада с ней передано с исключительной "чувственной наглядностью"» (Зобнин Ю.В. Странник духа (о судьбе и творчестве Н.С.Гумилева) // Русский путь. С. 17—18).

59. Костер.

Кост 1922(Б) - - Кост 1922(М-П) - - СС 1947 III - - Изб 1959 - - СС II - - Кост 1979 - - Изб 1986 - - Изб(Огонек) - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - Ст(Полиграф) - - БП - - СП(Тб) 2 - -СП(Феникс) - - Изб(Кр) - -СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Кост 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - СП(XX век) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ЧН 1995 - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Акме

- - День поэзии (М). М., 1986 - - Русская поэзия начала XX века. Дооктябрьский период. М., 1988 - - Человек и животные. М., 1988 - - Русские поэты серебряного века - - Душа любви; Смена (Л). 1987. 9 апреля (№ 83(18633)).

Автограф 1 с вар. — ИРЛИ. Р.1. Оп. 5. Ед.хр. 248. Л. 2. Автограф 2 с вар. — Альбом Струве. Автограф 3 — Архив Лозинского, рукопись Костра.

Дат.: весна 1917 — по датировке В.К.Лукницкой (Жизнь поэта. С. 200).

Переводы на англ. яз. («Nature») — A Second Book of Russian Verse. London. 1948; SW. P. 88.

Ю.И.Айхенвальд писал об этом ст-нии: «Свои дальние путешествия он совершает не поверхностно, он не скользит по землям, как дилетант и турист. Нет, Гумилев оправдывает себя особой философией движения, "божественного движения", которое одно преображает жизнь. Кроме того, у него есть чувство космичности: он не довольствуется внешней природой, той, которой "дух не признает"; он прозревает гораздо глубже ее пейзажа, ее наружных примет, когда видит луг, "где сладкий запах меда смешался с запахом болот", когда слышит "ветра дикую заплачку, как отдаленный вой волков", когда видит "над сосной курчавой скачку каких-то пегих облаков", то, возмущенный этим показным убожеством и преднамеренной бесцветностью, глубокомысленно восклицает <цит. последние две строфы>» (Айхенвальд Ю.И. Поэты и поэтессы. М., 1922. С. 37—38). Говоря об этом ст-нии, Вяч. Вс. Иванов, в частности, отмечает: «Из поразительных обращений, одновременно угадывающих и стихи будущего атомного века, и размышления над ним, стоит упомянуть окончание стихотворения "Природа" <цит. ст. 13—16>. Интересно сравнить это обращение с откровенно футуристическим "Болезни земли" Пастернака того же времени:

Надо быть в бреду по меньшей мере,
Чтобы дать согласье быть землей...

Гумилев в поздних стихах подходил к выработке совершенно нового стиля, быть может, предугадывая и будущий путь развития тех больших поэтов, с которыми вместе он основал акмеизм» (Иванов Вяч. Вс. Звездная вспышка (Поэтический мир Гумилева) // СтПРП. С. 22—23). По мнению Н.Ю.Грякаловой, углубление философичности поэзии Гумилева связано с пониманием мира как «"божественного космоса" с его вечными темами: жизнь и смерть, тленность тела и бессмертие духа, инобытие души» (Русские поэты «серебряного века». С. 114). «Постигнув Слово, которое было способно остановить движение солнца <...> Адам смог бы найти в себе силы, чтобы "расширить скудные пределы естества"; он сумел бы преобразовать природу в нечто такое, что "дух может принять", — отмечает И.Делич. — Очевидно, "второй Адам" призван стать помощником Бога. Не столько называющим уже сотворенные объекты, сколько собирающим Богом "разбросанные семена", или искры творящего Духа. Он призван слить эти искры в единый огонь, который мог бы снова превратить землю в "звезду"» (Делич И. Николай Гумилев // История... С. 498). Ст-ние, в интерпретации

Ю.В.Зобнина «является прекрасной иллюстрацией "эзотеризма", присущего творческому мировосприятию Гумилева: его взгляд легко "считывает" с живого "текста" природы то глубинное содержание, которое для обыденного, "эзотерического" сознания оказывается скрытым за внешними формами. Примером подобного "эзотеризма" в подходах к изображаемому явлению могут служить гумилевские стихотворения "Свидание", "Больной", "Деревья", написанные в разные периоды жизни, но объединенные единым композиционным замыслом — контрастом, вскрывающим "сокровенное", идеальное за видимым, материальным. В финале другого, программного стихотворения — "Природа" — читаем: <цит. посл. строфа>.

"Эзотеризм" здесь очевиден, как очевидно и "гераклитианское" обоснование этого "эзотеризма" — все та же идея изначального космического огня, являющегося "сущностью всего"» (Зобнин Ю.В. Странник духа (о судьбе и творчестве Н.С.Гумилева) // Русский путь. С. 16). Р.Эшельман отметил в начале стихотворения перекличку с Тютчевым («Не то, что мните вы, природа!..»), «но это кажущееся романтическим описание синкретической природы быстро уступает место высокому пафосу эсхатологической позы Гумилева» (Eshelman. P. 96). Ср. также заключительные строки «Природы» со стихотворением С.Е.Нельдихена «От старости скрипит земная ось...» (1922 г.): «От старости скрипит земная ось; / На ней вертелся долгими веками / Тяжелый шар, дымящийся парами, / Водой, огнем пронизанный насквозь. / И мастера у Бога не нашлось, / И он решил, что люди могут сами/ Ее исправить рыжими руками».

Блок отметил данное ст-ние в экземпляре Костра, подаренном ему Гумилевым (Библиотека А.А.Блока. Описание. Кн. 1. Л., 1984. С. 253).

60. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу 2.**

СС 1947 IV - - Неизд 1952 - - СС II - - БП - - СП(Тб) 2 - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - -СтПРП - - СПП - - Кап - - СС(Р-т) II - - Соч I - - СтП(Ир) - - Круг чтения - - Престол - - Изб(XX век) - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997; Новый Журнал (Нью-Йорк). 1944. № 8.

Автограф 1 с вар. — РГАЛИ. Ф. 95 (А.Л.Волынского). Оп. 1. Ед. хр. 993. Л. 1—1 об. Автограф 2 — Альбом Струве.

Дат.: весна 1917 — по местоположению в Альбоме Струве, с учетом вероятной обращенности ст-ния к Л.М.Рейснер (см. комментарий).

В ст-нии нашли отражение обстоятельства романа Гумилева с Л.М.Рейснер. В недатированном письме (очевидно — начала 1917 г.) она пишет: «Если по Каменному <проспекту> дойти до самого моста, до барок и большого городового, который там зевает, то слева будет удивительная игрушечная часовня. И даже не часовня, а две каменных ладони, сложенных вместе со стеклянными, чудесными просветами. И там не один св. Николай, а целых три. Один складной, и два сами по себе. И монах не знает, который влиятельней. Потому свечки ставятся всем заодно» (Неизд 1980. С. 136—137). В одном из последующих писем она вновь

повторяет: «Ваш угодник очень разорителен: всегда в нескольких видах и еще складной с цветами и большим полотенцем» (Там же. С. 138). В письме говорится о часовне храма Иоанна Предтечи (архитектор Ю.М.Фельтон) — одного из самых «литературных» храмов Петербурга, связанного с именами Г.Р.Державина и А.С.Пушкина. В 1937 г. храм был закрыт и поруган — здесь был устроен склад, а затем — спортивный зал военного санатория. В 1990 г. храм и часовня возвращены Православной Церкви (см.: Михайлова М. На Каменном острове // Православный Петербург. 1997. № 12(66). С. 4).

61. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1986 - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Соч I - - МП; Даугава. 1987. № 6.

Автограф. — РГАЛИ. Ф. 147 (Н.С.Гумилева). Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 1 (на листке дневника-календаря за 16 августа, с подписью и датой).

Дат.: май 1917 — по дате автографа.

Радлова Анна Дмитриевна (урожд. Дармолатова; 1891—1949) — поэт, переводчик (известная более всего как создатель собственной «шекспировской» школы перевода, вызвавшей в 30-е годы бурную полемику), жена известного режиссера С.Э.Радлова. Одна из красивейших женщин «литературного Петербурга» 10—20 гг., в годы революции активно поддерживавшая «новые веянья» и ратовавшая за радикальное обновление искусства (преимущественно — театра). Погибла в лагере.

62. Костер.

Кост 1922(Б) - - Кос 1922(М-П) - - СС 1947 III - - Изб 1959 - - СС II - - Кост 1979 - - Неизд 1980 - - Ст 1986 - - Изб 1986 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Кост 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) II - - СП(XX век) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Изб(X) - - Соч I - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Школа классики; «В мире книг». 1987. № 4.

Автограф 1 с вар. — РГБ. Ф. 245 (Л.М.Рейснер). К. 6. Ед. хр. 20. Л. 15, на почтовой открытке с припиской: «Привет и извинение за такие стихи». Автограф 2 с вар. — ИРЛИ. Р. 1. Оп. 5. Ед. хр. 248. Л. 2. Автограф 3 с вар. — Альбом Струве. Автограф 4 — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой.

Дат.: 30 мая (н.ст.) 1917 — по дате автографа 1.

Перевод на англ. яз. («Sweden») — SW. P.9.

Говоря об этом ст-нии, Н.А.Оцуп, в частности, писал: «он (Гумилев. — *Ред.*) обращается к своей стране со следующим вопросом: <цит. ст. 17—20>. Земля,

которая была по словам древних хроник "большой и обильной", но нуждалась в порядке, не могла, по мнению Гумилева, обойтись без внешней организующей силы. Отсюда его дань признательности древней Швеции, которая подняла Русь, свою сестру,

Для славы, силы и победы» (Оцуп. С. 152—153).

Исходя из неверной датировки, Н.А.Цуриков приводит подробное сравнение со «Скифами» Блока, как два разных отклика на Октябрьскую (Так! — *Ред.*) революцию: «Русь печенежью» (прославление которой Цуриков усматривает в «Скифах»), давшую бой Руси варяжской. При этом полем битвы была славянская душа, и Русь печенежья победила. Это видение и неизбежное признание наличия «печенежьих» элементов в природе русского человека все же, конечно, не помешало Гумилеву резко возразить Блоку на его «евразийскую саморекомендацию». «Гумилев ответил тем, что, повернувшись лицом к Западу, называет Швецию, из которой пришел к нам сломивший "печенега" "суровый муж" Рюрик, "нашей родной сестрой". Но не в этой этнографической генеалогии суть и центр спора — или не только в ней. "Евразийская" революция, возненавидевшая дело Петра, и заколотившая руками Ленина "окно в Европу", Петром прорубленное, для Гумилева не "братский пир труда и мира" и не "новая эра", а томительный бред, в который "опять поникла, как вчера" Россия. Революция не какой-то шаг <...> вперед, а провал в какое-то доисторическое прошлое великой страны, которая была подъята "для славы, силы и победы", т.е. всего того, что воспел Пушкин». Соотнеся пушкинское ст-ние «Олегов щит» с гумилевскими строками, Цуриков писал: «"Швеция" <...>, пусть даже не по-пушкински неумеренная в заостренности своих формулировок, выдержана, однако, всецело в пушкинской традиции "славы, силы и победы" России. Но, мало этого, являясь одним из откликов Гумилева на революцию 1917 г., она совершенно явно продолжает мотив <...> пушкинского стихотворения». «Сличая эти вещи, — писал далее Н.А.Цуриков, — невольно начинаешь думать, что "Швеция" написана Гумилевым непосредственно после прочтения Пушкина, прямым продолжением его темы, — до того разительно сходство этих вещей, сходство некоей риторичности обоих стихотворений, их образов, отдельных слов, не говоря уже о полном совпадении размера <...> "Олегов щит" — по поводу нашей тогдашней неполной политической удачи (имеется в виду русско-турецкая война 1829 г., не завершившаяся взятием Константинополя. — *Ред.*) с изящно-грустной улыбкой самоутешения в конце, оно именно своим концом, в дни "мира без аннексий и контрибуций", спустя почти 90 лет, и должно было много сказать Гумилеву, русскому воину и патриоту. Несравненно тягчайшие события вызвали и соответствующую по размеру реакцию: вместо грустной улыбки Пушкина, мы имеем у Гумилева уже горькую жалобу и патриотический стон, подлинный стон боли за Россию» (Цуриков Н.А. Заветы Пушкина: Мысли о национальном возрождении России. Белград, 1937. С. 38—40). Как отклик на Революцию «Швеция», спустя почти четверть века после Цурикова, рассматривалась также в других работах (см.: Dombre-Potocki N. L'Exotique et le merveilleux

dans la poésie de Goumilev. Неопубл. докт. дисс. Paris; Nanterre. Pp. 87—88). Если Ю.Л.Кроль видит в «Швеции» предвосхищение некоторых тем «Заблудившегося трамвая» (тревога поэта за судьбу России, восприятие русской государственности, «которая имела в представлении Гумилева варяжское (шведское) происхождение») (см.: Кроль Ю.Л. Об одном необычном трамвайном маршруте («Заблудившийся трамвай» Н.С.Гумилева) // Русская литература. 1990. № 1. С. 213), то Ю.В.Зобнин проводит сопоставление «Швеции» со ст-нием «Мужик». Распутин, по мнению исследователя, «олицетворял собой в поздней историософской лирике Гумилева начало "стихийное" <...> начало "цивилизации" символизировалось другой исторической фигурой — Рюриком, некогда победившим славянскую стихийную вольницу деспотической, дисциплинирующей государственной волей. В этом смысле "Мужику" противостоят стихотворения "шведского" цикла — "Швеция", "Стокгольм", "В Северном море", "Ольга". В творчестве Гумилева возникает историософская эмблематика, определяющая полярные начала, взаимодействие которых обусловливает движение русской истории. В стихотворении "Швеция" констатируется торжество "печенежьего" хаоса над творческой волей, заложенной Рюриком в русское государство: <цит. ст. 5—8, 17—20>.

Тем не менее, победа сил "хаоса", которую поэт наблюдал в 1917 г. в России, не порождала историософского пессимизма. Напротив, для него это было "вызовом", брошенным историей творческим, аристократическим силам русского народа, поводом для формирования в русской среде "рыцарства", которое должно защитить и продолжить дело, начатое Рюриком» (Зобнин Ю.В. Странник духа (О судьбе и творчестве Н.С.Гумилева) // Русский путь. С. 49).

Ст. 7—8. — Имеется в виду призвание варягов на Русь: «И сказали себе (новгородцы. —*.Ред*.): "Поищем себе князя, который владел бы нами и судил по праву". И пошли за море, к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а иные еще готландцы, — вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: "Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами". И избрались трое братьев со своими родами, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля» (Повесть временных лет / Пер. Д.С.Лихачева // Повести Древней Руси XI—XII века. Л., 1983. С. 131—132). Ст. 11—12. — Гумилевым соотносятся два эпизода русской истории — легендарный поход князя Олега на Царьград (Константинополь) в 907 г., когда князь «повесил свой щит на вратах <Царьграда> в знак победы» (Повесть временных лет. С. 136) и скандал вокруг т. н. «ноты Милюкова», повлекшей за собой отставку министра иностранных дел Временного правительства П.Н.Милюкова и крах забалканской политики России в Первой мировой войне. Страсти вокруг «ноты Милюкова» разгорелись 18—30 апреля 1917 г., т.е. в канун отъезда Гумилева из России.

63. Костер.

Кост 1922(Б) - - Кост 1922(М-П) - - СС 1947 III - - СС II - - Ст 1986 - - Кост 1979 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Кост 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Кап - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - Изб(Х) - - Соч I - - СтП(Ир) - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Carmina - - Изб(XX век) - - Русский путь - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Русская поэзия советской эпохи. Будапешт, 1973 - - Русская поэзия советской эпохи. 2-е изд. Будапешт, 1984.

Автограф 1 с вар. — Альбом Струве. Автограф 2 — Архив Лозинского, рукопись Костра. Автограф 3 — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой.

Дат.: июнь 1917 — по биографическим данным (Соч 3. С. 400—401), с учетом датировки ст-ния № 62.

Перевод на англ. яз («Stockholm») — SW. P. 90.

«Скрытая жизнь», по наблюдению Ю.Верховского, проявилась и в ст-нии «Пиза», «и под готикой "Падуанского собора", и под жанровыми картинами "Генуи", "Болоньи", "Неаполя". Далее, тоже молитва или колдовство одушевляют образы, вызываемые к жизни "норвежскими горами" или сном о Стокгольме с его гулом и грохотом, похожим на безмерно потрясенный орган, с его прозрачною тихой водою, окрестными рощами, лесами, полями <цит. ст. 13—20>.

Так мы видим сначала как бы слияние души личной с этими душами городов и душевного с внешнереальным, но потом эти воплощения вскрываются, как только этапы странствований и блужданий самой души» (Верховский. С. 122). По мнению Вяч. Вс. Иванова, процитированные строки предвосхищают внимание поэта к «бездне времен», образ которой появится в «Заблудившемся трамвае» (Иванов Вяч. Вс. Звездная вспышка. Поэтический мир Гумилева // СтПРП. С. 7—8). На связь этих стихотворений обратил внимание и Ю.Л.Кроль, уточнив, впрочем, «что "бездна времен" указывает на глубь (или неизвестное множество) разных времен; что эти времена — "не наши", т.е. иные, чем настоящее время; и что между ними существуют "слепые переходы" или "глухие коридоры", позволяющие человеку переходить из одного времени в другое; это происходит в особом состоянии — во сне — или, как в "Заблудившемся трамвае", с помощью "машины времени"» (Кроль Ю.Л. Об одном трамвайном маршруте. («Заблудившийся трамвай» Н.С.Гумилева) // Русская литература. 1990. № 1. С. 215). В контексте гумилевского пространства Р.Эшельман находит в этом стихотворении прямую «тематизацию того свободного, но недоступного человеку пространства, о котором речь идет в "Деревьях"» (Eshelman. P. 91). «Север для него — порог его родины, — писал об этом ст-нин Н.А.Оцуп, раскрывая конкретные историко-пространственные его истоки, — но разве эта родина

серая и однообразная? Сколько влияний и культур скрещивается в этих безграничных просторах! Строгий византийский аскетизм, славянская древность, восточные легенды и мифы, завоевательный дух Норманнов... Блок почти не выходит из границ России — "существа", сознающего свои непомерные страдания. Гумилев восхищается ее разнообразием.<...> Гумилев начинает с Севера, где он уверен, что нашел своих предков» (Оцуп. С. 152).

Р.Матло упоминает о ст-ниях А.Рембо как о возможных источниках ст-ния Гумилева (Matlaw R. Gumilev, Rimbaud and Africa: Acmeism and the Exotic // Actes du VIe Congres de l'Association Internationale de Litterature Comparée. Stuttgart, 1975. P. 658). В своих комментариях к «Заблудившемуся трамваю» Н.А.Богомолов приводит слова Ахматовой: «а строка "Он заблудился в бездне времен" — из старинной, еще от Лонгфелло идущей темы». В пояснении к этому Н.А.Богомолов цитирует «Дня нет уж...» в переводе И.Анненского: Не тех грандиозных поэтов, / Носителей громких имен, / Чьи стоны звучат еще эхом / В немых коридорах Времен. «Следует отметить, — продолжает исследователь, что более близкая параллель к строке Лонгфелло находится в стихотворении Гумилева "Стокгольм"» <цит. ст. 17—18>. (Соч I, 544—545).

64. Костер.

Кост 1922(Б) - - Кост 1922(М-П) - - СС 1947 III - - СС II - - Ст 1986 - - Кост 1979 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Кост 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Кап - - СС(Р-т) II - - Изб(Х) - - Соч I - - СтП(Ир) - - СП(К) - - ЧК - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Русский путь - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Школа классики.

Автограф 1 с вар. — Альбом Струве. Автограф 2. — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой.

Дат.: июнь 1917 — по биографическим данным (Соч 3. С. 400—401), с учетом датировки ст-ния № 62.

«В ст-нии "Норвежские горы", — писал Н.Оцуп, — поэт, кажется, подчеркивает внешнюю убогость пейзажа для того, чтобы возвеличить богатство северного духа. Он не знает, значит ли гимн этих гор "кощунство или псалом". Он вспоминает Бранда, Пера Гюнта и их творца Ибсена, который "сдвигал лавины именем Творца". Память Гумилева, возбужденная северными голосами, стала какой-то прапамятью, "Индией духа", чем-то надисторическим, неотразимо влекущим его. Первые модернисты посвящали многие стихотворения Греции, Китаю, Персии, Индии, Вавилонии и вообще странам и истории Востока. Большинство этих стихотворений обладают книжным характером. Гумилев не избегает этого недостатка, но он подражает другим только в начале своих географических и исторических открытий. Как только он проверил на собственном опыте то, что он узнал

в книгах, штампы исчезают из его творчества. Нельзя, конечно, путешествовать в глубины древности, но поэтическая интуиция, помогая наблюдениям над теперешней жизнью и размышлениями над былой жизнью, способствует восстаноление в сознании образов безвозвратно ушедших времен» (Оцуп. С. 153). Современное осмысление «шведского цикла» Гумилева допускает сопоставление ст-ния с творчеством «высоко ценимым им (Гумилевым. — *Ред.*) Николаем Рерихом, считавшим важным и полезным скандинавское влияние на русскую культуру. Недаром в стихотворении "Норвежские горы" мы находим прямые ссылки на скандинавских классиков <...>, постоянное сравнение Скандинавии с родной землей. По Гумилеву, Скандинавия — это сестра России, "земля такая же, как наша"» (Николай Гумилев и Север / Публ. и коммент. В.Бондаренко // Север. 1988. № 1. С. 80). «Ощущение "тайного единства" мира, скрытого от глаз непосвященных, но случайно, "внезапно" открывающегося взгляду умеющего "видеть сквозь туман" мистика — так, как некогда нагота Дианы открылась Актеону <...>, — не покидало Гумилева всю его краткую, но чрезвычайно творчески интенсивную жизнь. Иногда это ощущение проявлялось непосредственно-поэтически, так, например, как в стихотворении "Норвежские горы" с их великолепным антропоморфизмом, выстроенным на последовательно развитой метафоре одушевления: <цит. ст. 17—20>» (Зобнин Ю.В. Странник духа (О судьбе и творчестве Н.С.Гумилева) // Русский путь. С. 17).

По мнению Э.Д.Сампсона, хотя в этом ст-нии отсутствует тематика сна и смещение временных планов, его атмосфера боле кошмарная, чем в «Стокгольме». Это происходит оттого, что линия между реальной жизнью и фантастикой проведена весьма нечетко. «Субъективное, импрессионистическое воссоздание поэтом реального пейзажа граничит с фантастикой. Объективное и субъективное взаимопроникают, и нельзя уже понять, представляет ли это собой воздействие поразительных природных явлений на воображение поэта, или же проекцию его субъективной точки зрения на объект. Являются ли, например, "дыры в ад" лишь зрительно эффективным изображением пещер, или же настоящим признаком присутствия злой силы». Далее исследователь находит, что в ст-нии — два кульминационных выражения ужаса: во второй и последней (пятой) строфах. По его мнению, вторая строфа гораздо сильнее в отношении словаря, но она менее тревожит, потому что ее «кошмарность» обезврежена — тем, что она переносится на продукт чужого творчества. А в последней строфе поэт непосредственно передает свою собственную тревогу (Sampson E.D. Nikolai Gumilev. Boston, 1979. Pp. 121—122).

«"Норвежские горы" имеют так называемый выровненный ритм: все три начальные стопы имеют приблизительно или точно одинаковое количество ударений. Вот как распределяются ударения в "Норвежских горах": 16, 16, 16, 3, 20» (Баевский В.С. Николай Гумилев — мастер стиха // Материалы и исследования. С. 88).

Ст. 17—20 отчеркнуты Блоком в экземпляре «Костра», подаренного Гумилевым (библиотека А.А.Блока. Описание. Кн. 1. Л., 1984. С. 253). Ст. 5—12 — Пер Гюнт, Брандт — герои одноименных драм Г.Ибсена.

65. Костер.

Кост 1922(Б) - - Кост 1922(М-П) - - СС 1947 III - - Неизд 1952 - - Изб 1959 - - СС II - - Кост 1979 - - Изб 1986 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - Ст(Полиграф) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Кост 1989 - - Изб(М) - - СтПРП - - СПП - - Кап - - СС(Р-т) II - - Изб(Х) - - Соч I - - СтП(Ир) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ВБП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2.

Автограф 1 с вар. — Альбом Струве. Автограф 2 — Архив Лозинского. Автограф 3 — Архив Лозинского, рукопись Костра, текст зачеркнут Лозинским и на полях помечено: «Природа?» (очевидно, предполагалось заменить это ст-ние в составе Костра на ст-ние № 61). Автограф 4 — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой.

Дат.: июнь 1917 — по биографическим данным (Соч 3. С. 400—401), с учетом датировки ст-ния № 68.

Перевод на англ. яз. («Consolation») — S.W. P. 101.

По наблюдениям Р.Эшельмана ст-ние несомненно построено по образцу «Les cydalies» де Нерваля. Есть семантическое совпадение (в могиле — «au tombeau»), одинаковые метрическая и строфическая структура, тематическое сходство: тайна жизни — в смерти, и этот факт преподносится в утешение адресата. «Утешение» достигает почти что чистого, неоклассического модернистского стиля, однако его неориторический успех означает и его крах (неуспех) с точки зрения модернистской эстетики: его статичность, догматичность подтверждается возвращением к романсам XIX в. «Стихотворение не представляет собой своего рода подчеркнутую фигуру: оно дает понять, что смерть (в смысле жизнь после смерти) является утешением. Эта традиционная христианская точка зрения подкрепляется авторитетным, аподиктическим тоном поэта: анонимной возлюбленной рассказывается, что она взойдет на небо "по его мольбе". И это повторяется, как будто бы заклинание» (Eshelman. P. 98—99). Ср. также с лермонтовским «Из Гете».

66. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Неизд 1952 - - СС II - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - СПП - - Соч I - - СтП(Ир) - - Престол - - Изб(XX век) - - Ст 1995 - - ВБП - - МП - - СП 1997; Школа классики; Новый Журнал (Нью-Йорк). 1944. № 8.

Автограф. — Альбом Струве.

Дат.: июнь 1917 — по местоположению в Альбоме Струве.

67. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Неизд 1952 - - Изб 1959 - - СС II — Изб 1986 - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - СПП - - Соч 1 - - СтП(Ир) - - Изб(XX век) - - Ст 1995 - - ВБП - - МП - - СП 1997; Поэзия серебряного века: 1880—1925. М., 1991 - - Акаткин; Новый Журнал (Нью-Йорк). 1944. № 8 - - «Юность». 1988. № 7.

Автограф — Альбом Струве.

Дат.: июнь 1917 — по местоположению в Альбоме Струве.

Перевод на англ. яз. («A Knight of Happiness») — SW. P. 131.

«Николай Гумилев, наверное, самый светлый поэт XX века, — писал А. В. Доливо-Добровольский. — Он по праву наследует определение "светлое имя", принадлежавшее А. С. Пушкину. Сколько светлого и радостного оптимизма надо было иметь в душе, чтобы написать эти задорные и жизнеутверждающие строки: <цит. ст. 1—8>. Историческое значение Гумилева и созданного им акмеизма в том, что он пытался вернуть русскую поэзию к ее истокам от уже распадавшегося символизма и нарождающегося футуризма, вообще отрицавшего классическое наследие. Он успешно противостоял и декадансу, и мистицизму, и популярному в те годы нигилизму. Недаром Г. Адамович писал "о героической фигуре Гумилева среди глубокого и жалкого помрачения наших дней". Поэт и литературовед Л. Страховский писал: "Николай Степанович Гумилев — один из прекраснейших русских поэтов, приведший русскую поэзию опять к чистоте, простоте, точности и ясности после ее засорения туманностями символизма". Многие современнники ставили его имя сразу за именами Пушкина и Лермонтова. Ведущие литературоведы называли акмеизм петербургским классицизмом или неоклассицизмом» (Доливо-Добровольский А. В. Гумилев — светлый рыцарь русской поэзии серебряного века // Бюллетень Петербургского Дворянского Союза. 1997. Май, № 1. С. 14).

68. Костер.

Кост. 1922(Б) - - Кост 1922(М-П) - - СС 1947 III - - Неизд 1952 - - Изб 1959 - - СС II - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - Кост 1979 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Кост 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Кап - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - СП(XX век) - - СтП(Ир) - - Изб(Х) - - Соч 1 - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Carmina - - Изб(XX век) - - Изб 1997 - - ВБП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Акме.

Автограф 1 с вар. — Архив Лозинского. Автограф 2 с вар. — Альбом Струве (в альбоме ст-ние иллюстрировано Н. С. Гончаровой(?)). Автограф 3

— Архив Лозинского, рукопись Костра. Автограф 4 — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой.

Дат.: конец июня 1917 (н. ст.) — по времени письма к М. Л. Лозинскому (см.: Известия АН СССР. Сер. Лит. и языка. Т. 46. № 1. 1987. С. 76, дат. Р. Д. Тименчика).

Из письма Гумилева к М. Л. Лозинскому (Лондон, конец июня 1917 г.): «Отношение к русским здесь совсем не плохое, а к революции даже прекрасное. Посылаю тебе одно из моих последних стихотворений, если папа захочет, пусть печатает в "Аполлоне", с твоего одобрения, потому что я еще не знаю, хорошо оно или плохо...» (Неизвестные письма Н. С. Гумилева (Публ. Р. Д. Тименчика) / / Изв. АН СССР Сер. литературы и языка. Т. 46. № 1. 1987. С. 76). Папа Мако — прозвище С. К. Маковского (Прим. Р. Д. Тименчика).

"Срываться с высоких башен" — в этом стихе Гумилев ссылается, должно быть, на сон Григория в "Борисе Годунове" Пушкина» (Аллен Л. «Заблудившийся трамвай» Н. С. Гумилева. Комментарии к строфам // Аллен Л. Этюды о русской литературе. Л., 1989. С. 125). В работе В. В. Десятова «Фридрих Ницше в художественном и экзистенциальном мире Николая Гумилева» (Томск, 1995. С. 13) в ст-нии выявляется ницшеанский подтекст (наряду с такими произведениями, как: «Два Адама», «Детство», «Деревья», «Слово»).

Пометы Блока: заглавие заключено в скобки, напротив — надпись: «Зачем стоит скромное заглавие?» (Библиотека А. А. Блока. Описание кн. I. Л., 1984. С. 253). Вероятно, помета Блока вызвана совпадением названия ст-ния Гумилева с блоковским ст-нием, вошедшим в «Вольные мысли» («В северном море»). Ср. ст-ние Гумилева также со ст-нием К.Д.Бальмонта «Из рода королей...» и бальмонтовским переводом «Странствия Мальдуна» А.Теннисона с его мотивом «Острова Башен Двойных». Возможно, в ст-нии нашли отражение беседы Гумилева с Б.Анрепом, ср. характеристику последнего в письме А.Хаксли к брату Леонарду от 1 октября 1916 г.: «Сегодня приехало (в Гарсингтон, под Оксфорд. — *Ред.*) странное существо по имени Анреп... с поразительным цинизмом относится к войне, которую он рассматривает, как конфликт татар с гуннами, русских с немцами — ничего для него не имеет значения, кроме вопроса о расе. К тому же, он весьма бодро смотрит на ужасы... все весьма радостно оправдывает тем, что война есть война, что мы стремимся лишь к тому, чтобы разбивать и убивать и по мере возможности уничтожать Германию, и что немцы вправе делать то же самое с нами» (Letters of Aldous Huxley. London, 1969. P. 115).

69. Костер.

Кост 1922(Б) - - Кост 1922(М-П) - - СС 1947 III - - Изб 1959 - - СС II - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - Кост 1979 - - Изб(Огонек) - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - Ст(Полиграф) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - -

Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Кост 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Изб(Х) - - Соч 1 - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ЧН 1995 - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Акме - - Ст(Куйбышев) - - Русские поэты серебряного века - - Душа любви - - Хрестоматия по отечественной литературе XX века. Для учащихся 11 класса. М., 1995; Знамя. 1986. № 10.

Автограф 1 с вар. — Альбом Струве. Автограф 2. — Архив Лозинского, рукопись Костра.

Дат.: конец июня — начало июля 1917 — по местоположению в Альбоме Струве и по содержанию.

Перевод на англ. яз. («Reincarnation») — A Second Book of Russian Verse. London, 1948; SW. P. 96; Russian Poetry: The Modern Period. Yowa City, 1978.

«Как и «Ледоход» <...>, стихотворение «Прапамять» содержит две аналогичные строки, где подряд используется одна и та же редкая до того ритмическая форма, полностью преображающая традиционный четырехстопный ямб:

Мелькающее отраженье
Потерянного навсегда»

(Иванов Вяч. Вс. Звездная вспышка. (Поэтический мир Н. С. Гумилева) // СтПРП. С. 27). «Стихотворение "Прапамять" заключает в себе антиномию: <цит. первые три строфы>. Вернуть "потерянное навсегда" человечеством, не пропустить что-то настоящее и неведомое во внутреннем бытии людей хочет герой. Поэтому называет себя "хмурым странником", который снова должен ехать, должен видеть. Под этим знаком предстают встречи со Швецией, Норвежскими горами, Северным морем, садами в Каире» (Смирнова Л. А. «Припомнить всю жестокую милую жизнь...» // Изб. (М) С. 25). «Время общечеловеческой жизни оказывается у Н. С. Гумилева более статичным, нежели время индивидуальной судьбы. Изображая человека ранних и поздних цивилизаций, он заостряет внимание на непреходящих качествах, на общеродовых чертах. Лирический герой в своей психологии несет память обо всем человечестве ("Прапамять")» (Подшивалова Е. А. Предисловие // ОС 1991. С. 21) На ключевой характер этого стихотворения в сборнике «Костер» обратили внимание Н. В. Лущик и С. Л. Слободнюк: «Мир идеальный, данный человеку в его представлениях, и мир реальный, зримо и осязаемо окружающий его, порой не совпадают, и это порождает чувство трагической раздвоенности. Но это уже явление совершенно иного порядка, нежели двоемирие раннего Гумилева. Под знаком целостности идеальное и реаль-

ное выступают как две неразделимые сферы бытования личности, предстают в виде своего рода диалектического единства: реальность порождает представления об идеальном, идеальное воздействует на реальность, меняет ее» (Лущик Н. В. Эволюция лирического героя Н. Гумилева (1914—1921). Автореф. дисс. канд. филолог. наук. М., 1994. С. 18). Конкретизируя философский аспект «Прапамяти» в структуре «Костра» С. Л. Слободнюк, в частности, обращает внимание на то, что «перед нами своеобразное осмысление Гумилевым отдельных фрагментов теории сансары — чувственных перевоплощений, в которых душа может достигнуть освобождения. Метемпсихоз (переселение души), пожалуй, единственный из элементов индийской духовности, встречающейся в творчестве поэта. В стихотворении "Стокгольм", автор, пользуясь тем же приемом введения сна, что и в "Прапамяти", снова говорил об одном из перевоплощений героя, одном из бесконечного числа подобных: ...» (Слободнюк С. Л. Элементы восточной духовности в поэзии Н. С. Гумилева // Исследования и материалы. С. 174).

70. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Неизд 1952 - - СС II - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - Соч 1 - - СтП(Ир) - - Изб(XX век) - - Ст 1995 - - ВБП - - МП; Возрожденье. 1926. 26 августа, др. ред. - - Новый Журнал (Нью-Йорк). 1944. № 8.

Автограф — Альбом Струве.

Дат.: конец июня — начало июля 1917 — по местоположению в Альбоме Струве.

Перевод на англ яз. («A Little Song») — SW. P. 132.

71. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Неизд 1952 - - СС II - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СС(Р-т) II - - Соч 1 - - СтП(Ир) - - Изб(XX век) - - Ст 1995 - - ВБП - - МП; Русский сонет: Сонеты русских поэтов начала XX века и советских поэтов. М., 1987 - - Сонет серебряного века: Русский сонет конца XIX начала XX века. М., 1990; Новый Журнал (Нью-Йорк). 1944. № 8.

Автограф — Альбом Струве.

Дат.: конец июня — начало июля 1917 — по местоположению в Альбоме Струве и по содержанию.

Данное ст-ние упоминается в воспоминаниях О. А. Мочаловой, близкой знакомой Гумилева, размышляющей о понимании поэтом любви: «Он — неустрашимый — чувствовал себя беспомощным "перед страшной женской красотой" <...> Он только один раз (в своей поэзии — *Ред.*) произнес слово "страшная"» (Мочалова О. А. Навсегда // Жизнь Николая Гумилева. С. 115).

72. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Неизд 1952 - - СС II - - СтПРП(ЗК) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СС(Р-т) II - - Соч 1 - - СтП(Ир) - - СП(К) - - Изб(XX век) - - ВБП - - МП - - СП 1997; Новый Журнал (Нью-Йорк). 1944. № 8.

Автограф — Альбом Струве.

Дат.: конец июня — начало июля 1917 — по местоположению в Альбоме Струве и по содержанию.

Приводится в авторском стихотворном переводе в статье: Rusinko E. An Acmeist in the Theater: Gumilev's Tragedy «The Poisoned Tunic» // Russian Literature. 1992. vol. 31. P. 411. Е.Русинко указывает на сходство между пессимизмом этого ст-ния и пессимизмом «Отравленной туники», которая учит: «Если есть выход из политической коррупции и морального разложения, которые правят миром, то только через веру в вечный план божественной мудрости и духовной транцендентности, поддерживающий политический строй, несмотря на видимость обратного» (Там же. С. 410—411).

73. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу 3.**

ПС 1922, с вар. - - ПС 1923, с вар. - - Неизд 1952, вар. автографа 1 - - СС II, вар. автографа 1 - - СП(Тб), вар. ПС 1923 - - БП - - СП(Тб) 2, вар. ПС 1923 - - СтПРП(ЗК), вар. ПС 1923 - - ОС 1989, вар. автографа 1 - - СтПРП, вар. ПС 1923 - - СПП - - Изб(Слов), вар. ПС 1923 - - Кап - - СС(Р-т) II, вар. автографа 1 - - СП(XX век), вар. ПС 1923 - - Изб(Слов) 2, вар. ПС 1923 - - СтП(Ир), вар. ПС 1923 - - Соч 1 - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ВБП - - МП - - СП 1997; Русская поэзия советской эпохи. Будапешт, 1973, вар. - - Русская поэзия советской эпохи. 2-е изд. Будапешт, 1984, вар.; Даугава. 1987. № 6, факсимильное воспроизведение автографа - - Дон. 1987. № 12.

Автограф 1 с вар. — Альбом Струве. Автограф 2 с вар. — альбом Н. Э. Радлова, см. факсимильное воспроизведение в статье Р. Д. Тименчика «Неизвестные экспромты Николая Гумилева» (Даугава. 1987. № 6), без указания местонахождения альбома. В автографе — рисунок Гумилева, изображающий экзотический пейзаж. Автограф 3 — Альбом Э. Ф. Голлербаха (РНБ. Ф. 207. (Э.Ф.Голлербаха). Оп. 162-а. Ед. хр. 105, между записями от 30 авг. и 1 сентября 1920 г.).

Дат.: июль 1917 — по местоположению в альбоме и содержанию.

Перевод на англ. яз. («Tanka») — Twentieth Century Russian Poetry. London, 1993. P. 149.

«В Париже Гумилев страстно влюбился. Юная красавица, полурусская-полуфранцуженка, из обедневшей интеллигентной семьи — Елена Карловна Дюбуше.

Гумилев называл ее Голубой Звездой. <...> Елена оказалась вполне "земной". Поэту она предпочла американского богача и уехала с ним в Америку <цит. ст. 1—3>» (Жизнь поэта. С. 199). См. также ст-ния № 75, 79, 87.

Хокку — устойчивый жанр японской поэзии, афористическая по содержанию трехстишная строфа с не выраженным ясно метром. Восходит к первой полустрофе танки, от которой отличается простотой поэтического языка, отказом от канонических правил, повышенной ассоциативностью.

74. Воля народа. 1918. № 6.

ПС 1923, с вар. - - КСЗ, с вар. - - СС 1947 IV, вар КСЗ - - СС II, вар. автографа - - СП(Тб), вар. ПС 1923 - - БП, вар. КСЗ - - СП(Тб) 2, вар. ПС 1923 - - СП(Феникс), вар. КСЗ - - Изб(Кр), вар. КСЗ - - ОС 1989, вар. ПС 1923 - - СПП, вар. КСЗ - - Изб(Слов), вар. ПС 1923 - - Кап, вар. КСЗ - - СС(Р-т) II, вар автографа - - ПСЗ, вар. КСЗ - - Изб(Слов), вар. ПС 1923 - - Соч 1, вар. КСЗ - - Круг чтения, вар. КСЗ - - Изб(XX век), вар. КСЗ - - Изб 1997, вар. КСЗ - - ВБП, вар. КСЗ - - МП, вар. КСЗ - - СП 1997, вар. КСЗ; Душа любви - - Поэзия любви - - Школа классики.

Автограф с вар. — Альбом Струве.

Дат.: июль 1917 — по местоположению в Альбоме Струве.

75. При жизни не публиковалось. **Печ. по КСЗ.**

КСЗ - - СС 1947 IV - - СС II - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - СтПРП - - СПП - - Кап - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - ПСЗ - - ЛиВ - - Соч 1- — СтП(Ир) - - Круг чтения - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997; Гимн любви: Трехтомное издание избранной лирики поэтов мира. Т. 1. Лирика русских поэтов. М., 1991 - - Поэзия любви.

Автограф с вар. — Альбом Струве.

Дат.: июль 1917 — по местоположению в Альбоме Струве.

Е. Русинко отмечает, что в стихах «К синей звезде», как правило, мало индивидуальных черт стилистики или характера. Гумилев прибегает к устойчивым эпитетам любовного обряда. Цветы, например, служат обрамляющей метафорой — сирень представляет собой подарок от его возлюбленной, символизирующий ее любовь к нему, а также ее прощальный подарок («Об озерах, о павлинах белых»; «Я говорил: ты хочешь, хочешь?») (см.: Rusinko. P. 157).

76. Костер.

Кост 1922 (Б) - - Кост 1922 (М-П) - - КСЗ, с вар. - - СС 1947 III - - СС 1947 IV - - Изб 1959 - - СС II - - Кост 1979 - - Изб 1986 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - Кост 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Кап - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - Изб(X) - - ПСЗ - - СП(XX век) - - СтП(Ир) - - Соч 1 - - СП(К) - - ЧК - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Изб 1997 - - ВБП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Русский сонет. Сонеты русских поэтов начала XX века и советских поэтов. М., 1987 - - Сонет серебряного века. Русский сонет конца XIX начала XX века. М., 1990 - - Русские поэты серебряного века - - Русский сонет. Сонеты русских поэтов XIX—XX вв. М., 1997.

Автограф 1 с вар. — Альбом Струве. В ст. 1 вместо «благодатный» ранее было: «сладострастный». В ст. 2 вместо «ветхие» ранее было: «старые». Автограф 2 — Архив Лозинского, рукопись Костра. Автограф 3 — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой.

Дат.: июль 1917 — по местоположению в Альбоме Струве.

Перевод на чешский яз. («Ruze») — Honzik.

«Метр-Гумилев в "Костре" заключил в строгую формулу задание новой поэзии: "Лишь девственные наименования / Поэтам разрешаются отсель". Задание явно невыполнимое, но ослепительно дерзкое, — писал К. Мочульский, — Не значит ли это уподобиться Творцу? Отныне поэт не довольствуется сладкими звуками <...> Выражение "искусство для искусства" для него не имело смысла. Он стремится созидать, строить, "делать" <...> Апатию романтической лирики и статичность "настроений" и "переживаний" сменяют энергия, активность, конструктивность, и в этом титаническом деле поэта ведет вера в могущество слова. Поэтому все новые поэты крайне вербалисты» (Мочульский К. Классицизм в современной поэзии // Современные записки. 1922. № 11. С. 371). «Из напряженно-эмоционального чтения <...> Джауфре Рюделя Гумилев извлекает общий урок о постоянстве и, следовательно, повторяемости человеческих чувств, побуждающих во все времена к поэтическому творчеству. Эмоциональный и духовный опыт, питающий литературное творчество, в сущности, не меняется: "число образов", как констатирует Гумилев в другом стилистическом ключе, "ограничено, подсказано жизнью, и поэт редко бывает их творцом" (Баскер М. «О пьяном дервише» Николая Гумилева // Вестник русского христианского движения 161—162 (1991). С. 222—223). «Бесконечное доверие к "вещности" и "плоти" не устраняло в акмеизме тяготения к культурно-историческому пониманию проблем творчества. На внутреннем противоречии между декларативно заявленной программой возвращения к "первоначальным словам" — "девственным наименованиям" и бытием художественного образа в истории культуры строится сонет Гумилева "Роза". Реальный чувственный образ — та самая роза, которой акмеисты

вернули цвет и запах, утраченные в символистскую эпоху, когда она была лишь символом, в то же время несет в себе память о своем культурном прошлом, в нем оживают глубинные мифопоэтические смыслы. Поэтический образ, взятый в его культурной парадигме, выступает хранилищем человеческой памяти (в том числе и "памяти жанра"). Поэтический текст превращается в палимпсест культуры, где одно слово проступает сквозь другое, "играя" смыслами и ассоциациями из истории многовековой культуры» (Грякалова Н. Ю. Н. С. Гумилев и проблемы эстетического самоопределения акмеизма // Исследования и материалы... С. 122). «Иногда Гумилев умышленно манипулирует образами и условностями традиционной любовной лирики, вследствие чего выявляются его личные интонации и акмеистический опыт. Так, в "Розе" намечается своего рода романтическая ирония в адрес акмеистической установки на освобождение поэзии от общих мест литературного языка. Хотя Гумилев как будто бы отказывается от своих принципов, сочиняя стихи на тему розы, на самом деле этот сонет служит хорошей иллюстрацией к наблюдению Городецкого о ценности розы самой по себе, а не как символа чего-то другого. В подтекст стихотворения входят все традиционные коннотации традиционной поэтической образности, но в более узком смысле, роза является лишь тем, чем кажется — цветком, оставленным поэту его возлюбленной. Сопоставление с книгой сонетов Рюделя служит метонимией, которая приводит на ум другие традиционные поэтические трактовки темы любви, одновременно включая стихотворение в традицию, и указывая на его отличие от нее» (Rusinko. P. 158—159).

В архиве П.Н.Лукницкого имеется пространный комментарий к ст-нию, составленный, возможно, не без участия Ахматовой:

«К стихотворению Н. С.

"Цветов и песен благодатный хмель..."

Джауфре Рюдель (Жофре Рюдель) — провансальская литература. Один из трубадуров. Около 1140—1170 гг., происходил из знатного рода графов Ангулемских и владел княжеством Блая. <...> Мотив "любви издалека", проходящий через лирику этого знатного трубадура, послужил основанием для создания легенды о любви Джауфре к Мелисинде, графине Триполитанской (графство Триполитанское существовало от 1103 до 1200 г.), эту легенду разрабатывали вымышленные биографии.

Кансона
Мне в пору майских дней
Мил щебет птиц издалека,
И снова в памяти живей
Моя любовь издалека.
Больной душе отрады нет,
И дикой розы белый цвет,
Как стужа зимняя, не мил...

и далее вся канцона (еще 6 строф).

Приведена в "Хрестоматии по западно-европейской литературе для высших педагогических учебных заведений" (Учпедгиз. 1938. Гл. 4: Провансальская литература. Лирика трубадуров. Маркльбрюн, Бернард де Вентадорн, Джауфре Рюдель, Бертран де Борн, Пейре Видаль, Гирлут де Борнель и Римбаут, Бекрансо де Дик, Ук де ля Баккалькриа, Бертран д'Алемано (в переводах В. Дынник, А. Сухорина и др. Канцона Рюделя — пер. В. Дыиник (плохой — П.<авел> Л<укницкий>). Далее — биографии трубадуров (Маркльбрюна, Рюделя, Гильома де Кльетлань и Бертрана де Борна).

Биография (на стр. 163).

Джауфре Рюдель

"Джауфре Рюдель де Блая был очень знатный человек — князь Блаи. Он полюбил графиню Триполитанскую, не видев ее никогда, за ее великую добродетель и благородство, про которые он слышал от паломников, приходивших из Антиохии, и он сложил о ней много прекрасных стихов с прекрасной мелодией и простыми словами. Желая увидеть графиню, он отправился в крестовый поход и поплыл по морю. На корабле его постигла тяжкая болезнь, так что окружающие думали, что он умер на корабле, но все же они привезли его в Триполи, как мертвеца, в гостиницу. Дали знать графине, и она пришла к его ложу и взяла его в свои объятья. Джауфре же узнал, что это графиня и опять пришел в сознание. Тогда он восхвалил Бога и возблагодарил Его за то, что Он сохранил ему жизнь до тех пор, пока он не увидел графиню. И таким образом, на руках графини, он скончался. Графиня приказала его с почетом похоронить в доме триполитанского ордена тамплиеров, а сама в тот же день постриглась в монахини от скорби и тоски по нем и из-за его смерти" (перевод биографии Рюделя — М. Сергиевского).

Ср. строку Н.<иколая> Г<умилева>:

"Канцон, которые слагал Рюдель..." (архив П. Н. Лукницкого. ИРЛИ).

77. При жизни не публиковалось. **Печ. по КСЗ.**

КСЗ - - СС 1947 IV - - СС II, вар. автографа 1 - - СП(Тб) - - БП, вар. автографа 2 - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс), вар. автографа 2 - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СПП, вар. автографа 2 - - Изб(Слов) - - Кап, вар автографа 2 - - СС(Р-т) II, вар автографа 1 - - ОС 1991 - - ПСЗ - - СП(XX век) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Соч 1, вар. автографа 2 - - Ст(Яр) - - Круг чтения, вар. автографа 2 - - Изб(XX век), вар. автографа 2 - - ЧН 1995, вар. автографа 2 - - Ст 1995, вар. автографа 2 - - Изб 1997 - - ВБП, вар. автографа 2 - - МП, вар. автографа 2 - - СП 1997; Школа классики.

Автограф 1 с вар. — Альбом Струве. Автограф 2 другой ред. — Архив Лозинского.

Дат.: июль 1917 — по местоположению в Альбоме Струве.

Перевод с англ. яз. («Did I My Father») — SW. P.77

«Со своим «Костром», — писал Н. А. Оцуп, — поэт возвращается на родину. И становится очевидным, что все преувеличения "гумилевщины", бряцание оружием, заимствованное от чужих стран, не были случайными. Гумилев ненавидел серую, однообразную жизнь:

Вероятно, в жизни предыдущей
Я зарезал и отца и мать,
Если в этой — Боже присносущий! —
Так жестоко осужден страдать, —

восклицает он в сборнике "К синей звезде". В чем же состояло это «позорное» страдание? Поэт поясняет: "Я служил в конторе". Отвергая для себя такую судьбу, он не хотел и для своей родины скучного однообразия. Вид бесконечно повторяющихся, грустных просторов России страшил Гумилева, страстно искавшего мгновений напряженной жизни, как в природе, так и в истории. Только к концу мировой войны обнаруживаются у Гумилева признаки физической и моральной усталости. Для него настало время попристальнее вглядываться в собственную страну» (Оцуп. С. 151—152).

«Варианты последней строфы приводятся в контексте обсуждения "военной биографии" в свете его "кастовой системы": он был переведен с действующей военной службы на должность секретаря-клерка при Военном комиссариате Русского временного правительства в Париже, а затем и в Лондоне. Его отрицательная реакция на эту вынужденную перемену обстоятельств, как кажется, нашла непосредственное отражение в последней строфе стихотворения (1917 г. — *Ред.*): "Бархатом меня покроет вечер... Что когда-то я служил в бюро". А недавно опубликованный вариант предлагает другое окончание этого стихотворения — предвкушение долгожданного возвращения из настоящего в прошлое (или будущее), переход от унизительной, клерковской "службы в бюро" в славное состояние воина: "Пусть приходит смертное томленье <...> Сделаюсь я воином опять". (См. его определение Лермонтова как "воина-клерка" в работе над "Теорией интегральной поэтики")» (Basker M. Lermontov and Gumilev: Some Biographical Parallels. // Mikhail Lermontov: Comme morative Essays (1991). Birmingham, 1992. P. 8).

78. При жизни не публиковалось. **Печ. по КСЗ**, с исправлением опечатки в ст. 1.

КСЗ - - СС 1947 IV - - СС II, вар автографа - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СПП - - Кап - - СС(Р-т) II, вар. автографа - - ОС 1991 - - ПСЗ - - Соч 1 - - СтП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Престол - - Изб(XX век) - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997.

Автограф с вар. — Альбом Струве.

Дат.: июль 1917 — по местоположению в Альбоме Струве.

79. Костер.

Кост 1922 (Б) - - Кост 1922 (М-П) - - КСЗ, с вар. - - СС 1947 III - - СС II - - Кост 1979 - - Ст 1986 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Кост 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - СПП - - Изб(Х) - - ПСЗ - - Соч 1 - - СтП(Ир) - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Акме - - Мысль, вооруженная рифмами. Поэтическая антология по истории русского стиха. 2-е изд. Л., 1987 - - Чудное мгновенье. Любовная лирика русских поэтов. Кн. 2. М., 1988.

Автограф 1 — Альбом Струве. Автограф 2 — Архив Лозинского, рукопись Костра. Автограф 3 — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой.

Дат.: июль 1917 — по местоположению в Альбоме Струве.

О. Н. Гильдебрандт-Арбенина вспоминала: «Первое, что он прочел обо мне: "Женский голос в телефоне, Упоительно-несмелый... Сколько радостных гармоний в этом голосе без тела..." Стихи были довольно длинные, и я их не помню. Очень пылкие и шли crescendo, как в "Самофракийской победе"... Увы! эти самые стихи он через год «отдал» Елене из Парижа (Елена Карловна Дюбуше. — *Ред.*), конец пропал — и он отрубил им хвост. У "нее" звучало: "Женский голос в телефоне — неожиданный и смелый"» (Гильдебрандт-Арбенина О. Н. Гумилев. (Публ. М. В. Толмачева, прим. Т. Л. Никольской) // Исследования и материалы. С. 431). См. также коммент. № 73.

И. Делич, говоря о Гумилеве, в частности, отмечает: «В последних стихотворных сборниках и поздних драмах поэт почти неизменно сочетает самобытность экзистенциального зрения с высокой экспрессивной техникой. Стилистические сбои случаются лишь в любовной поэзии, в которой поэт и прежде нередко терпел неудачу. Эти характерные погрешности стиля могут проиллюстрировать гумилевскую склонность к напыщенности: <цит. ст. 5—8>» (Делич И. Николай Гумилев // История... С. 500). Ср. со стихотворением О. Мандельштама под тем же названием, написанное в июне 1918 г.

80. При жизни не публиковалось. Печ. по КСЗ.

КСЗ - - СС 1947 IV - - Изб 1959 - - СС II, вар. автографа - - Изб 1986 - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) II, вар. автографа - - ОС 1991 - - ПСЗ - - СП(XX век) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Соч 1 - - СП(К) - - ЛиВ

- - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Престол - - Ст 1995 - - НШБ - - Изб 1997 - - МП - - СП 1997; Русская поэзия советской эпохи. Будапешт. 1973, вар. - - Русская поэзия советской эпохи. 2-е изд. Будапешт. 1984. вар. - - Свиданье; Дон. 1987. № 12.

Автограф с вар. — Альбом Струве.

Дат.: июль 1917 — по местоположению в Альбоме Струве.

Перевод на англ. яз. («The Dark Blue Star») — SW. P. 78.

Ст-ние приводится полностью (6 строф) в англ. переводе: E. Sampson Nikolai Gumilev. Boston. 1979, P. 119; при этом Сампсон добавляет, что ключевым элементом в трактовке этой темы Гумилева стала сопряженность опыта Идеальной и земной любви. Поэт возвращается из «той сферы» на землю, но возвращается измененным, с неизгладимой печатью «того» мира: ср. предпоследнюю строфу с ст-нием «В скольких земных океанах я плыл» (см.: там же, с. 119). Ср. также с блоковским ст-нием «В те дни, когда душа трепещет» (1900). По мнению М. Йовановича, герой ст-ния проходит «испытание огнем», одной из четырех стихий, чтобы достичь масонского статуса «ученика», «подмастерья», «мастера» (Йованович М. Николай Гумилев и масонское учение // Н. Гумилев и русский парнас. С. 40). Проиллюстрировав первую строфу, Е. Русинко отмечает: «Любовная лирика Гумилева превозносит благородную эмоцию рыцарской любви, отличающейся культом чувств и утонченностью выражения. Любовь является наивысшей духовной ценностью и возвышает любовника над уровнем повседневной жизни (Rusinko. P. 156).

"Ослепительное", — обращает внимание С. Л. Слободнюк, — один из непременных атрибутов божественного, сопутствует здесь прямо противоположному началу, не ведет к светлому мосту, к "вереницам ангелов-звезд", а функционирует в окружении "золотой ночи" с "искрами синего огня". Осложненная любовной темой "звезда" Люцифера начинает распадаться на звезду-ангела и звезду-дьявола, принимающие черты друг друга. Героиня, которую поэт называет "синей звездой", при подобной интерпретации предстает образом двуплановым, а синий цвет дает четкую отсылку к "утренней звезде", привнося дьявольский оттенок в образ девушки, к которой обращена любовь. Можно предположить, что одно из скрытых значений названия сборника ("К синей звезде" — Ред.) имело и этот смысл: "к дьяволу"» (Слободнюк С. Л. Н. С. Гумилев: Проблемы мировоззрения и поэтики. Душанбе, 1992. С. 58).

81. Костер.

Кост 1922 (Б) - - Кост 1922 (М-П) - - КСЗ, с вар - - СС 1947 III - - СС II - - Кост 1979 - - Изб(Огонек) - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Кост 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Кап - - СС(Р-т) II -

- ОС 1991 - - Изб(Х) - - ПСЗ, с вар - - СП(XX век) - - СтП(Ир) - - Соч 1 - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ВБП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Душа любви; «Лит. Россия». 1986. 11 апреля (№ 15 (12111)).

Автограф 1 с вар. — Альбом Струве. Автограф 2 с вар. — Архив Лозинского, рукопись Костра. Автограф 3 — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой.

Дат.: июль 1917 — по местоположению в Альбоме Струве.

Перевод на англ. яз. («The Winged Victory of Samothrace») — SW. P. 100.

В рецензии на «Костер» А. Я. Левинсон писал: «Что до формы, Гумилев и точно блюдет закон стиха: его размер. Но какие бури ритма могут волновать его стих среди гранитных набережных метра, об этом свидетельствует для примера хотя бы его "Самофракийская победа" (Левинсон А. Я. Николай Гумилев. «Костер» // Жизнь искусства. 1918. 24 ноября (№ 22). С. 2—4.) По мнению Р. Эшельмана, в этом ст-нии, которое свободно использует словарь и тематику мистической романтической поэзии (т. е. Тютчева), «наблюдается поверхностное сходство с военными стихами, которое, на самом деле, гротескно преломляется. Самофракийская победа изображается как аллегорическое целое, однако не имеет ни рук ни головы, и только одно крыло и, кажется, слепо бросается вперед. Неизбежная целеустремленность, некогда изображенная в "Наступлении", гротескно модифицируется словом "слепое", и ассоциируется с замкнутым движеньем и потерей ориентации («рождает головокруженье»). Чувство гротескного перелома еще усиливается в последней строфе, где смеющийся взгляд подрывает обычную серьезность гумилевского поэтического жеста, и, как кажется, является издевательством над теми, кто следует за Победой» (Echelman. P. 94). А. Алексеева связывает образы и темы «Костра» с именем Ларисы Рейснер, приводя в подтверждение текст ст-ния (см.: Алексеева А. «Я часто скачу по полям, крича навстречу Ваше имя»: О переписке Н. С. Гумилева и Л. М. Рейснер // Хронограф. 89. Ежегодник. М., 1989. С. 295).

Самофракийская победа — Ника Самофракийская, греческая мраморная статуя (IV или II в. д. н. э.), один из шедевров Лувра.

82. «Новый Сатирикон». 1918. № 16, с вар. - - **Костер.**

Кост 1922 (Б) - - Кост 1922 (М-П) - - КСЗ, с вар - - ИС 1943 - - СС 1947 III - - Изб 1959 - - СС II - - Кост 1979 - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - Изб(Огонек) - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Кост 1989 - - Изб(М) - - СтПРП - - СПП - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-

т) II - - ОС 1991 - - Изб(Х) - - ПСЗ - - СП(XX век) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Соч 1 - - СП(К) - - ЛиВ - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ЧН 1995 - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Ежов-Шамурин 1925 - - Силард 1979 - - Силард 1983 - - Акме - - Мысль, вооруженная рифмами. Поэтическая антология по истории русского стиха. 2-е изд. Л., 1987 - - Русская поэзия начала XX века. Дооктябрьский период. М., 1988 - - Чудное мгновенье. Любовная лирика русских поэтов. Кн. 2. М., 1988 - - Поэтические течения в русской литературе конца XIX — начала XX века; Литературные манифесты и художественная практика. Хрестоматия. М., 1988 - - Ст(Куйбышев) - - Гимн любви: трехтомное издание избранной лирики поэтов мира. Т. 1. Лирика русских поэтов. М., 1991 - - Русская литература XX века. Дооктябрьский период. Хрестоматия. Л., 1991 - - Душа любви - - Ежов-Шамурин 1991 - - Серебряный век русской поэзии - - Русская поэзия сереб. века - - Поэзия любви - - Хрестоматия по отечественной литературе XX века. Для учащихся 11 класса. М., 1995 - - Акаткин - - Свиданье - - Поэты серебряного века. Йошкар-Ола. 1997; «Аврора». 1987. № 12.

Автограф 1 с вар. — Альбом Струве. В ст. 8 вместо «Водопадам и» ранее было: «И клубящимся». В ст. 9 вместо «араб» ранее было: «путник». В ст. 10 вместо «к воде» ранее было: «к земле». Автограф 2 с вар. — Архив Лозинского, рукопись Костра. Автограф 3 — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой.

Дат.: июль 1917 — по местоположению в Альбоме Струве.

Переводы на англ. яз. («I and You») — A Book of Russian Verse into English by various hands. London, 1943. P. 114; Twentieth Century Russian Poetry. London, 1993. Pp. 144—145; SW («You and Me»). P. 92. Перевод на чешский яз. («Ja a Vy») — Honzik.

Думая о Гумилеве Э. Ф. Голлербах писал: «Смерть в постели. Гроб. Венки. Но прислушайтесь к другим словам, к этим уверенным, поступательным, мужественным анапестам, с перебивающимся от ликующего волнения ритмом <цит. последние две строфы>. Не было не только "врача и нотариуса", не было близких, родных... В последний, единственный час жизни — никого близкого. Вздрогнул ли он, зарыдал ли <...> Вспоминается мне его голос — густой, какой-то тягучий и хмельной, прыгающий от низких баритональных нот к высоким, почти писклявым. Размерно, точно скандируя, он говорил "с чувством, толком, расстановкой": "Нужно всегда идти по линии наибольшего сопротивления. Это мое правило. Если приучить себя к этому, ничто не будет страшно". Он шел по линии наибольшего сопротивления, действуя, где нужно, локтями, наступая на ноги (говорю, конечно, метафорически). И поэтому имел немало недоброжелателей, почти врагов» (Голлербах Э. Ф. Н. С. Гумилев // Исследования и материалы. С. 584). Ст-ние было процитировано В. М. Саяновым в рапповской полемике с Г. Лелевичем (См.: Саянов В. М. Очерки по истории русской поэзии XX века. Л., 1929. С.

85). Если В. Саянов и Г. Лелевич спорили о «геральдизме» Гумилева, то А. Селивановский через несколько лет писал: «Гумилев оказался в русской поэзии предшественником фашистской идеологии, ее расовой теории, ее отвращения ко всякого рода демократическим проявлениям "слабости духа": <цит. вторая строфа>» (Селивановский А.П. Очерки русской поэзии XX века. // Лит. учеба. 1934. № 8. С. 27). Под «фрейдистским» углом зрения смотрел на лирического героя ст-ния Н. А. Оцуп: «Не является ли Гумилев в любви духовным братом персидских поэтов Фирдоуси и Хафиза? Он осыпает свою любовь и свою возлюбленную самыми роскошными метафорами в восточном вкусе, но ни на минуту не забывает о прямой цели — вожделении самца. Он отказывается воспевать любовь "хриплым голосом скопца" <цит. третья строфа>» (Оцуп. С. 41). «Тема романтического объединения поэтов в этом стихотворении, — пишет Вяч. Вс. Иванов, — относится не только к смерти, но и ко всей жизни, к художественным вкусам, занятиям, любви. Гумилев неожиданно (как и во многих других поздних своих стихах) сближается с эпатажем футуристов и их предшественников — французских "проклятых" поэтов, но во всем противостоит буржуазной прибранности и правильности: "И мне нравится не гитара, / А дикарский напев зурны"(Ст ПРП. С. 11—12). Далее автор статьи «Звездная вспышка» находит перекличку этого ст-ния с «Поэмой начала», написанной почти в одно время с этими стихами. (Там же, С. 30). "Любовь к смерти" является одним из пунктов кодекса масонского «мастера». В творчестве Гумилева этот мотив проникает, начиная с "Костра" (см. особенно стихотворения "Я и вы" и "Рабочий"), становясь одним из самых навязчивых мотивов его последних лет» (Йованович М. Николай Гумилев и масонское учение // Н. Гумилев и русский Парнас. С. 45.) «В августе 1921-го все (в отношении к Гумилеву-поэту) изменилось. Когда поэт пишет: "И умру я не на постели, при нотариусе и враче", а затем умирает обычной "буржуазной" смертью — это верх пошлости. Гумилева судьба от этого спасла — впрочем, для русских поэтов XX века смерти "при нотариусе и враче" вовсе не предусматривалось» (Шубинский В. «Я тот, кто спит...» 25 августа — 75 лет со дня гибели Николая Гумилева // Вечерний Петербург. 23 авг. 1996. № 159 (20861)). «Близки, например, гумилевские ("Я и вы") и ницшевские ("К мистралю") представления о рае» (Десятов В. В. Фридрих Ницше в художественном и экзистенциальном мире Николая Гумилева. Томск, 1995. С. 13 (Автореферат диссертации на соискание уч. степени кандидата филологических наук)). Любопытные сведения о восприятии этого ст-ния студенчеством в годы репрессий см.: Свирский Г. На лобном месте. Литература нравственного сопротивления. Лондон, 1979. С. 94—96.

83. При жизни не публиковалось. **Печ. по: КСЗ**, с исправлением опечатки в ст. 1.

КСЗ - - СС 1947 IV - - СС II вар автографа - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - -

СПП - - Кап - - СС(Р-т) II, вар автографа - - ОС 1991 - - ПСЗ - - ЛиВ - - Соч 1 - - СтП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - СП 1997; Мир искусств в образах поэзии. Архитектура. Скульптура. Живопись. Танец. Музыка. М., 1922 - - Душа любви.

Автограф с вар. — Альбом Струве.

Дат.: июль 1917 — по местоположению в Альбоме Струве.

84. При жизни не публиковалось. **Печ. по: КСЗ.**

КСЗ - - СС II, под загл. автографа - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - СтПРП - - СПП - - Кап - - СС(р-т) II, под загл. автографа - - ОС 1991 - - ПСЗ - - Соч 1 - - СтП(Ир) - - Круг чтения - - Престол - - Изб(XX век) - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997.

Автограф с вар. — Альбом Струве. В ст. 10 вместо «так же» ранее было: «дивно». В СС II упоминается еще один автограф с посвящ. «Н. В. Е» и датой — «4 апреля 1918. Лондон». В этом автографе ст 1 был — «Лишь нежный бархат, на котором», ст. 6 — «Тревожит смутной белизной» (С. 319). Местонахождение его в настоящее время неизвестно.

Дат.: июль 1917 — по местоположению в Альбоме Струве.

Перевод на англ. яз. («The Portrait») — SW. P. 135.

85. При жизни не публиковалось. **Печ. по: КСЗ.**

КСЗ - - ИС 1946 - - СС 1947 IV - - СС II - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СПП - - Изб(Слов) - - Кап - - ОС 1991 - - ПСЗ - - СП(XX век) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - ЛиВ - - Соч 1 - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Ст 1995 - - НШБ - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997; Душа любви - - Русская литература XX века. Хрестоматия для 11 класса средней школы. Ч. 1. М., 1993 - - Школа классики - - Свиданье.

Автограф с вар. — Альбом Струве. В ст. 12 вместо «иные» ранее было: «другие».

Дат.: июль 1917 — по местоположению в Альбоме Струве.

86. Юг. 1918. № 2 (данные П. Н. Лукницкого, в современных книгохранилищах такое издание не обнаружено) - - Нива. 1918. № 30. (27 июля), без разделения на строфы, с вар. - - **Костер** (с указанием порядкового номера в загл.: «Канцона вторая»).

Кост 1922 (Б), с опеч - - Кост 1922 (М-П), с опеч - - КСЗ, с вар - - ИС 1946 - - СС 1947 III - - Изб 1959 - - СС II - - Кост 1979 - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) -

- Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Кост 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Ст(М-В) - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - Изб(Х) - - ПСЗ - - СП(XX век) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Соч 1 - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Carmina - - Изб(XX век) - - ЧН 1995 - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Любовь многоцветная. Избранные стихи. Иваново-Вознесенск. 1922; Русская мысль (София). 1922. № 1 - - «Печать и революция». 1922 № 2.

Автограф 1 с вар. — Альбом Струве. Автограф 2 с вар. — Архив Лозинского, рукопись Костра. Автограф 3 — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой. Автограф 4 с вар. — Канцоны.

Дат.: июль 1917 — по местоположению в Альбоме Струве.

Перевод на англ. яз. («Canzonet 2») — SW. P. 86).

По мнению С. Л. Слободнюка, «"линия "огня", тесно связанная со "звездой", получает в эти годы трактовку, отличную от периода "Жемчугов" («огонь» как носитель смерти): <цит. ст. 17—20> "Скрытый пламень" переходит в "огонь" из преисподней, зажженный "молнией господней": древние боги, уступившие новой силе, стали дьяволами. Однако характер адского пламени, вставшего до небес, предвещает новые превращения, которые породят не просто синтетическую фигуру, объединяющую "Господа и дьявола", но и дадут толчок к переосмыслению понятий Добра и Зла» (Слободнюк С. Л. Н.С. Гумилев: Проблемы мировоззрения и поэтики. Душанбе, 1992. С. 56). «Девушка, явившаяся герою "молнией слепительной господней", обрекает его на муки: <цит. две последние строфы>. Как отсюда видно, адский огненный столп сжигал лирического героя Гумилева за три года до написания поэтом последней книги ("Огненного столпа". — *Ред.*). Но тогда столп еще не обрел всей мощи» (Там же. С. 82). Ср.: «...в сознательной любви женщины есть еще неожиданность, и молния, и ночь рядом со светом» (Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1990. С. 51).

О. Б Черненьковой была предпринята попытка сопоставления этого ст-ния со ст-нием Г. Р. Державина «Дар». По ее мнению, последняя строфа ст-ния Гумилева как бы завершает державинскую мысль: «Я доволен света Бог / Даром сим твоим небесным / Я богатым быть не мог, / Но я мил женам прелестным». (Черненькова О. Б. Державин и Гумилев // Творчество Г. Р. Державина: проблемы изучения и преподавания. Материалы юбилейной межвузовской конференции 14—16 сент. 1993 г. Тамбов. 1993. С. 106). Размышляя о герое зрелой лирики Гумилева, Э. Папля замечает, что ему «незачем было отправлять в потусторонние миры в поисках sacrum. Господь говорил с ним на доступном каждому смертному языке Своего Творения, не пугая ни демонами, ни адскими муками. Характерно, что <...> у Гумилева не появляется дьявол, зато ангелы тихо парят над весенними полями, а серафимы участвуют едва ли не в каждом сражении <...> Обыкновенный пейзаж полон знаков Божьего присутствия: <цит.

ст. 1—8>» (Папля Э. Homo peregrinans в лирике Николая Гумилева // Berkeley. С. 222—223). «Поэт вынужден опираться на "знаменья свыше" для подтверждения ценности его собственных жестов» — так комментирует это ст-ние Р. Эшельман (Eshelman. Р. 78) ; см. также: «Daj mne, Gospodi, znak»: Das Kryptische in Gumilevis akmeistischer «Dichtung // Weiner Hawistischer Almanach. 21. (1988). Р. 23—37.

В экземпляре, подаренном Гумилевым Блоку, ст. 3 подчеркнут Блоком. Против надпись: «редко» (Библиотека А. А. Блока. Описание. кн. 1. Л. 1884. С. 253).

87. При жизни не публиковалось. **Печ.: по КСЗ.**

КСЗ - - СС 1947 IV - - Изб 1959 - - СС II - - Изб 1986 - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - -СПП - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - ПСЗ - - СП(XX век) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Соч 1 - - ЧК - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Престол - - Изб(XX век) - - ВБП - - МП - - СП 1997; Свиданье.

Дат.: июль 1917, по отношению к ст-нию № 73, а также к ст-нию № 93, с учетом, что данного ст-ния нет в Альбоме Струве и, очевидно, оно входило в не дошедший до нас альбом «Картонажиый мастер» (альбом «Синей звезды» — Е. К. Дюбуше — см. вст. статью к коммент.), и по содержанию.

По мнению Е. Русинко, несмотря на забавный сюжет и легкую тональность, это — серьезное и значительное ст-ние, ибо оно раскрывает побуждения и стремления автора цикла «К синей звезде». Оно указывает на наличие у него отчетливо осознанной цели <...> и бросает ироническнй свет на весь сборник. Гумилев заключает свои эмоциональные переживания в художественное обрамлениe и замыкает их в искусственное временное и пространственное построение, двояко отстраненное за счет развернутой метафоры альбома (Rusinko. Р. 163).

Ст. 10 — Фриско — Сан-Франциско. Ст. 25. — Лигейя — героиня одноименного рассказа Э. По. Русинко отмечает, что она, помимо чистоты, мудрости и возвышенной натуры, обладает «газельими глазами». Именно этот эпитет многократно повторяется в гумилевском цикле (Rusinko. Р. С. 166.). Ст. 31. — см. № 73.

88. При жизни не публиковалось. **Печ. по: КСЗ.**

КСЗ - - СС 1947 IV - - СС II - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - ПСЗ - - Соч 1 - - СтП(Ир) - - Изб(XX век) - - ВБП - - МП - - СП 1997.

Дат.: июль 1917, по отношению к ст-нию № 93, с учетом, что данного ст-ния нет в Альбоме Струве и, очевидно, оно входило в не дошедший до нас альбом «Картонажный мастер» (альбом «Синей Звезды» — Е. К. Дюбуше — см. вст. статью к коммент.), и по содержанию.

89. При жизни не публиковалось. **Печ. по: КСЗ.**

КСЗ - - ИС 1946 - - СС 1947 IV - - СС II - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СПП - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - ПСЗ - - СП(XX век) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Соч 1 - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ВБП - - МП - - СП 1997.

Дат.: июль 1917, по отношению к ст № 93, с учетом того, что данного ст-ния нет в Альбоме Струве и, очевидно, оно входило в не дошедший до нас альбом «Картонажный мастер» (альбом «Синей Звезды» — Е. К. Дюбуше — см. вст. статью к коммент.), и по содержанию.

С. Л. Слободнюк, сопоставляя данное ст-ние со ст-нием Блока «Ты не ушла, но может быть...» (1913) и ссылаясь на свидетельство Ахматовой, (которая вспоминала слова Гумилева о Блоке: «Неужели и его пошлют на фронт? Ведь это то же самое, что жарить соловьев»), пытается оспорить мысль Вяч. Вс. Иванова о том, что зрелый Гумилев подхватывает «основную тему раннего Блока» (см.: СтПРП(ЗК). С. 21). Он утверждает, что за три года до указанного исследователем срока (1921. — *Ред.*) произошло «окончательное оформление отношения Гумилева к своему оппоненту (т.е. Блоку): соловей был умерщвлен» (Слободнюк. С. 33—34). По мнению М. Баскера, в этом ст-нии Гумилев дал «своеобразную вариацию» на традиционную тему соловья-поэта. «Она вошла в "мифологемы" акмеизма как мотив "тоски по мертвым соловьям" (ср. тему "соловья безголосого" и "песни чужой" в стихотворении Ахматовой "Как вплелась в мои темные косы...")». Дальнейшее развитие темы М. Баскер связывает со ст-нием «Пьяный дервиш», где в последней строфе появляется образ одинокого соловья. Но в «Пьяном дервише» он отождествляется с «живым» поэтом и его заботой о творческой преемственности (Баскер М. О «Пьяном дервише» Николая Гумилева // Вестник русского христианского движения. 161—162 [1991]. С. 224).

Ст. 11 отсылает к масонской символике повязки (См. Йованович М. Николай Гумилев и масонское учение // Гумилев и русский Парнас. С. 40); ст. 12 отражает масонский мотив испытания героя одной из четырех стихий — «испытание воздухом» (Йованович М. Там же. С. 40).

90. При жизни не публиковалось. **Печ. по: КСЗ.**

КСЗ - - СС 1947 IV - - СС II - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - -

СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СПП - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - ПСЗ - - СП(XX век) - - Изб (Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Соч 1 - - ЧК - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ВБП - - МП - - СП 1997.

Дат.: июль 1917 — по отношению к ст-нию № 93, с учетом того, что данного ст-ния нет в Альбоме Струве и, очевидно, оно входило в не дошедший до нас альбом «Картонажный мастер» (альбом «Синей Звезды» — Е. К. Дюбуше — см. вст. статью к коммент.), и по содержанию.

Е. А. Подшивалова, анализируя это ст-ние, приходит к выводу: «Жизнь человека в истории остается у Гумилева драматичной <...>, но жизнь человека в культуре с ее специфическим функционированием, позволяющим преодолеть притяжение пространства и зависимость от времени и найти собеседника невзирая на разделяющие границы и века, снимает этот драматизм: <цит. ст. 1—24>». Отзвуки гумилевской культурологической идеи Е. А. Подшивалова находит в строках О. Мандельштама из статьи «Слово и культура» (1921): «В священном исступлении поэты говорят на языке всех времен, всех культур» (ОС 1991. С. 17). По наблюдению Е. Русинко, поэт совсем не отличает реальность его персонажей от собственной реальности. «Они настолько же реальны, что и он <...> или же, возможно, он настолько же фантастичен, что и они. Однако его возлюбленную не трогает его поэтический дар, и поэт приходит к выводу, что женщина, воодушевившая его поэзию, ее вовсе не ценит» (Rusinko. P. 161).

В ст-нии упоминаются персонажи и образы многих произведений Гумилева: Ст. 5—8. — Гондла, волки, лебеди — «Гондла»; Гафиз — «Дитя Аллаха»; Ст. 9. — Муза Дальних Странствий — «Открытие Америки»; Ст. 10. — Зоя — «Отравленная туника»; Ст. 12 — Золотой и шестикрылый зверь — «Укротитель зверей»; Ст. 13. — Мик и Луи — «Мик»; капитаны — «Капитаны»; Ст. 15. — Дон Жуан — «Дон Жуан в Египте»; Ст. 16 — Фанни — «Укротитель зверей»; Ст. 19. — Камбоджнанцы — «Фарфоровый павильон»; Ст. 22. — Дракон — «Два сна»; Ст. 23. — Будда — «Возвращенье».

91. При жизни не публиковалось. **Печ. по: КСЗ.**

КСЗ - - ИС 1946 - - СС 1947 IV - - СС II - - Ст 1986 - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СПП - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - ПСЗ - - СП(XX век) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - ЛиВ - - Соч 1 - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ВБП - - МП - - СП 1997; Силард 1979 - - Силард 1983 - - Душа любви - - Бавин С., Семибратова И. Судьбы поэтов серебряного века. М., 1993 - - Хрестоматия по литературе для средней школы. 10—11 классы. Астрахань, 1994 - - Свиданье.

Дат.: июль 1917 — по отношению к ст-нию № 93, с учетом того, что данного ст-иия нет в Альбоме Струве и, очевидно, оно входило в не дошедший до нас альбом «Картонажный мастер» (альбом «Синей звезды» — Е. К. Дюбуше — см. вст. статью к коммент.), и по содержанию.

Перевод на англ. яз. («You'll still remember me») — SW. P. 133.

В рецензии на сб. «К синей звезде» Л. В. Горнунг, цитируя целиком данное ст-ние, замечает: «Здесь, думается нам, заключена тема всей этой книги, грустной и задумчивой, как и "Костер", от которого разгорелось и померкло искупительное пламя "Огненного столпа" (Горнунг Л. В. Гумилев. «К синей звезде» // Чет и нечет. М. 1925. С. 40) А. Алексеева рассматривает это ст-ние в контексте отношений Гумилева и Л.М. Рейснер: «Время идет и разводит Гумилева и Рейснер. Все более различаются их представления о том, каким богам служить, на какой арене выступать — и на литературной, и на политической. Отголоски этих разногласий сквозят в стихах поэта: <цит. ст-ние>» (Алексеева А. «Я часто скачу по полям, крича навстречу ветру Ваше имя...» О переписке Н. С. Гумилева и Л. М. Рейснер // Хронограф. 89. Ежегодник. М. 1989. С. 294). По мнению В. К. Размахниной, начальные строки ст-ния (ст. 1—4) «сегодня прочитываются как прощальное слово поэта, обращенное к читателям» (Размахнина. Серебряный век. Очерки к изучению. Учебное пособие. Красноярск. 1993. С. 95). «С первого взгляда, стихотворение изображает любовный конфликт, — считает Э. Русинко, — но его более глубокой темой является значение поэзии и искусства. "Нелепый", но "обманный" мир искусства противопоставляется "простой и грубой" прелести мира. Там, где непоэтическая натура видит лишь грубость, дар поэтической интуиции преображает ее в "песню" и "огонь". Тема поэзии является лейтмотивом всего любовного цикла Гумилева» (Rusinko. P. 162).

92. При жизни не публиковалось. **Печ. по: КСЗ.**

КСЗ - - СС 1947 IV - - СС II - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СПП - - Кап - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - ПСЗ - - Соч 1 - - СтП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Престол - - Изб(XX век) - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997.

Дат.: июль 1917 — по отношению к ст-нию № 93, с учетом того, что данного ст-ния нет в Альбоме Струве и, очевидно, оно входило в ие дошедший до нас альбом «Картонажный мастер» (альбом «Синей звезды» — Е. К. Дюбуше — см. вст. статью к коммент.), и по содержанию.

Первые две строфы приводятся Е. Русинко как характерный для Гумилева пример неразрывной связи поэтического дара и творческого процесса с эротическим чувством (Rusinko. P. 160). По мнению М.Йовановича, ст. 9—10 отражают

мотив масонского «путешествия и испытания «землей»» (Йованович М. Николай Гумилев и масонское учение // Н. Гумилев и русский Парнас. С. 40).

93. При жизни не публиковалось. **Печ. по: КСЗ.**

КСЗ - - СС 1947 IV - - Изб 1959 - - СС II, печ. с названием автографа - - Изб 1986 - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - СтПРП - - СПП - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) II, печ с названием автографа - - ОС 1991 - - ПСЗ - - СП(XX век) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Соч 1 - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - НШБ - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997; Русская поэзия советской эпохи. Будапешт, 1973, вар. - - Русская поэзия советской эпохи. 2-е изд. Будапешт, 1984, вар.

Автограф с вар. — Альбом Струве.

Дат.: июль 1917 — по местоположению в Альбоме Струве.

М. Д. Эльзон, ссылаясь на сообщение Г. В. Иванова, утверждает, что сборник «К синей звезде» мог бы иметь другое название — «Картонажный мастер». По его мнению, издатели отказались от него «из-за его «обыденности» (БП. С. 539). Однако очевидно, что это ст-ние, действительно было последним в альбоме Е. К. Дюбуше, до нас не дошедшем, стихи из которого, минуя Альбом Струве, вошли в КСЗ (ст. №№ 87—92). М. Йованович в первоначальном названии цикла видит искусное обыгрывание «ряда моментов и символов синтетически понимаемого масонского ритуала». «Лирический герой, — утверждает он, — показан в ситуации посвящаемого в "ученики", "подмастерья" и "мастера". <...> Герой должен пройти через испытания четырьмя стихиями и совершить символические путешествия. Испытание землею реализуется в стремлении героя сохранить верность "этому", "земному", "историческому" миру: центральным стихотворением в данном отношении является "Отвечай мне, картонажный мастер"...» (Йованович М. Николай Гумилев и масонское учение // Н.Гумилев и русский Парнас. С. 39—40). По мнению О. Ильинского, это ст-ние «очень типично» для Гумилева. Развивая любовную тему, оно включает многие и основные мотивы его творчества: «здесь есть и тема мироздания, и большие пространства, и Беатриче, и древний мир; есть и тема смиренного, но одновременно волевого, и в этом смысле целеустремленного, отречения от того, что встает на пути к его последней цели. Тон любовной лирики Гумилева обычно несколько приподнятый, облик женщины у него носит отпечаток изящной "старинности", который тоже стилизован» (Ильинский О. Основные принципы поэзии Гумилева // Записки русской академической группы в США. 1986. № 19. С. 389). Это ст-ние явилось поводом для Н. А. Оцупа поразмышлять о сочетании романтических и реальных черт в творческой личности Гумилева: «Но как только Гумилев снова становится самим собой, как только он перестает горевать, восторгаться, преувеличивать, развлекать самого себя; как только

серьезная, мужская сторона его личности берет верх, он находит выразительные, простые, "гумилевские" слова: <цит. ст. 17—25>» (Оцуп. С. 109—110). В этом ст-нии Э. Русинко находит следы позы конквистадора из ранних сборников Гумилева. Однако здесь он использует давно знакомые мотивы «в более сложном контексте, в более утонченной стилистической обработке». Русинко также отмечает, что, несмотря на заголовок («Последнее стихотворение в альбоме»), это — далеко не последнее ст-ние в цикле, и голос страсти, как будто бы спевшей тут свою лебединую песню, отчетливо слышится во многих последующих ст-ниях. Такая ирония является одним из способов стилизации — отстранения от непосредственной эмоции (см.: Rusinko. P. 159, 162).

94. При жизни не публиковалось. **Печ. по: КСЗ.**

КСЗ - - ИС 1946 - - СС 1947 IV - - СС II - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП (ЗК) - - СтПРП - - СПП - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - ПСЗ - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Соч 1 - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - СП 1997; Душа любви - - Хрестоматия по литературе для средней школы. 10—11 классы. Астрахань, 1994.

Автограф с вар. — Альбом Струве. Между ст. 16—17 ранее было:

И, за тенью райского куста
Прячась от Всевидящего Бога,
Поцелую я тебя в уста,
Сжатые печалью и тревогой.

Дат.: июль 1917 — по местоположению в Альбоме Струве.

А. И. Павловский назвал это ст-ние «шедевром поздней лирики Гумилева» (БП. С. 52). С. Л. Слободнюк полагает, что «утренняя звезда» — отсылка к Апокалипсису, меняющая смысл образа, и восходящая к люциферианской символике (см.: Слободнюк С. Л. Н. С. Гумилев. Проблемы мировоззрения и поэтики. Душанбе. 1992. С. 55). Ст-ние интерпретирует одну из основных легенд офитской ереси — рассказ о «доброй» миссии Сатаны-змия, полагавшего «спасти человечество» (под видом змия здесь действует т. н. «Пруникос» — Премудрость, пытающаяся спасти своих детей от глупого «бога» — Яалдаваофа). Главный смысл этих офитских ухищрений — представление истории грехопадения как некоего «недоразумения», где Сатана выступает в роли, близкой к роли Прометея в греческой мифологии.

95. При жизни не публиковалось. **Печ. по: КСЗ.**

ПС 1923, с вар - - КСЗ - - ИС 1946 - - СС 1947 IV - - СС II, вар. ПС - - СП(Тб), вар ПС - - БП, вар. автографа 3 - - СП(Тб) 2, вар. ПС - -

СП(Феникс), вар. автографа 3 - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), вар. ПС - - СтПРП, вар ПС - - СПП, вар. автографа 3 - - Изб (Слов), вар. ПС - - Кап, вар. автографа 3 - - СС(Р-т) II, вар. ПС - - ОС 1991, вар. ПС - - ПСЗ - - СП(XX век) - - Изб(Слов) 2, вар. ПС - - СтП(Ир), вар. ПС - - Соч 1, вар. автографа 3 - - Круг чтения, вар. автографа 3 - - Изб(XX век), вар. автографа 3 - - Ст 1995, вар. автографа 3 - - Изб 1997, вар. автографа 3, с ошиб - - ВБП, вар. автографа 3 - - МП вар. автографа 3; Силард 1979, вар. ПС - - Силард 1983, вар. ПС.

Автограф 1 с вар. — Альбом Струве. Автограф 2 с вар. — Архив Лозинского, рукопись Костра, зачеркнут. В ст. 28 вместо «Счастьем» ранее было: «Солнцем». Автограф 3 с вар. — РГБ. Ф. 1 (С. А. Абрамова). К. 4. Ед. хр. 23. Л. 1—2.

Дат.: июль 1917 — по местоположению в Альбоме Струве.

В большинстве источников в качестве прототипа героини ст-ния называется Ахматова. Однако, по свидетельству дочери М. М. Тумповской М. Л. Козыревой, ст-ние посвящено ее матери. Тумповская Маргарита Мартемьяновна (1891—1942) — поэт, критик, переводчик. Она писала рецензию на сб. Гумилева «Колчан» (Аполлон. 1917. № 6—7. С. 58—69) (см. коммент. к публикации «Н. С. Гумилев в переписке П. Н. Лукницкого и Л. В. Горнунга. Публ. И. Г. Кравцовой / при участии А. Г. Терехова // Исследования и материалы. С. 509).

Ст. 7—8. — Известна ироническая характеристика Вяч. Н. Иванова: «Гумилев — мальчик, который читает Майн-Рида», а Ахматова — «девочка, которая читает Мюссе» (цит. по: Тименчик Р. Д. Николай Гумилев и Восток // Памир. 1987. № 3 С. 124).

96. Костер.

Кост 1922 (Б) - - Кост 1922 (М-П) - - КСЗ, с вар. - - СС 1947 III - - Изб 1959 - - СС II - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - Кост 1979 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Кост 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - Изб(Х) - - ПСЗ, вар КСЗ - - СП(XX век) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Соч 1 - - СП(К) - - Круг чтения - - Carmina - - Изб(XX век) - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Русская поэзия советской эпохи. Будапешт, 1973 - - Русская поэзия советской эпохи. 2-е изд. Будапешт, 1984 - - Акме - - В мире отеч. классики — Ст(Куйбышев) - - Серебряный век русской поэзии - - Поэты серебряного века. Йошкар-Ола. 1997; Новый мир. 1986. № 9.

Автограф 1 с вар. — Альбом Струве. Автограф 2 с вар. — Архив Лозинского, рукопись Костра. Автограф 3 — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой.

Дат.: конец июля — начало августа 1917, время годовщины посещения Гумилевым сада Эзбекие (см. Соч. 3. С. 353).

Перевод на франц. яз. («Ezbequie») — Anthologie de la Poesie Russe. La Renaissance du XX-e siecle. Paris, 1970. Pp. 166—169.

Источником этого ст-ния является биографический факт. В «Трудах и днях» П. Н. Лукницкого имеется запись об этих событиях: «1908. Осень. Все время в подавленном состоянии. Преследуем мыслью о самоубийстве. Поездка в Египет связана с ней. По-видимому, в Египте была сделана попытка самоубийства (последняя в его жизни). Поездка в Египет резко повлияла на его отношение к самоубийству. С этого времени Н. Г. не возвращался к мысли о нем и относится к нему весьма отрицательно». «Хотел покончить с собой вдали от родины» (Цит.: по: Давидсон А. Муза странствий Николая Гумилева. М., 1992. С. 47 / По мнению Н. А. Богомолова, «сходные настроения (хотя отчасти и пародируемые) заметны в письме Гумилева к В. К. Шварсалон из Каира (декабрь 1909 г. Соч. 1. С. 528): «Здесь очень хорошо. Каждый вечер мне кажется, что я или вижу сон, или наоборот проснулся в своей родине. В Каире, вблизи моего отеля есть сад, устроенный на английский лад, с искусственными горами, гротами, мостами из цельных деревьев. Вечером там почти никого нет, и светит большая бледно-голубая луна. Там дивно хорошо. Но каждый день мне приходит в голову ужасная мысль, которую я, конечно, не приведу в исполнение, — это отправиться в Александрию и там не утопиться, подобно Антиною, а просто сесть на корабль, идущий в Одессу. Я чувствую себя очень одиноким и до сих пор мне не представилось ни одного случая выпрямиться во весь рост (это не самомнение, а просто оборот речи)» (Неизвестные письма Н. С. Гумилева / Публ. Р. Д. Тименчика // Известия АН СССР. Сер. лит-ры и яз. Т. 46. № 1. 1987. С. 68). Ахматова писала в заметках о Гумилеве: «А путешествия были вообще превыше всего и лекарством от всех недугов <цит. "Эзбекие">. И все же и в них он как будто теряет веру (временно, конечно). Сколько раз он говорил мне о той "золотой двери", которая должна открыться перед ним где-то в недрах его блужданий, а когда вернулся в 1913, признался, что "золотой двери" нет. Это было страшным ударом для него» («Самый непрочитанный поэт»: Заметки Анны Ахматовой о Николае Гумилеве / Публ., сост., прим. В.А.Черных // Новый мир. 1990. № 5. С. 223). В рецензии на сб «Костер» П. Н. Медведев, отмечая «эпический элемент», присущий всей книге, обращал внимание на «сосредоточенно-экзотические образы» этого ст-ния (Медведев П. Н. Н. Гумилев «Костер» // Записки Передвижного общедоступного театра. Пг., 1919. № 24—25. С. 15) Ю.Н.Верховский, развивая мысль об эпичности творчества зрелого Гумилева, писал: «Эта маленькая поэма имеет в наших глазах чрезвычайно существенное значение — в смысле того синтеза, о котором мы говорили по поводу "Паломника": и внешним образом, как стройный синтез лично-лирического, и внутренне — как некое гармоническое слияние онтологической основы с миром вещей или, иначе, душевно-музыкального с красочно-пласти-

ческим восприятием чувственного мира. Такой синтез, как основное, наполняет глубоким одушевлением зрелое эпическое творчество Гумилева» (Верховский. С. 137).

Эзбекие — сад в Каире, площадью более 80 000 кв. м. А. Давидсон высказывает предположение, что Гумилев «читал описание этого сада в роскошно изданном томе, на титуле которого значилось "23 000 миль на яхте "Тамара". Путешествие их Императорских Высочеств Великих Князей Александра и Сергея Михайловичей в 1890—1891 г». В книге говорилось о бесчисленных растениях каирского сада, «совершенно неизвестных» европейцам, и о зданиях, «окружающих этот прекрасный, обнесенный железной решеткой сад» (Давидсон А. Муза странствий Николая Гумилева. М., 1992. С. 46). По наблюдению Д. Дохерти, в образе сада намечается характерное для Гумилева сочетание христианской символики с исламской, в которой сад олицетворяет будущий рай. (Doherty J. Three Poetic Rosponses to the Death of Nikolai Goumilev // Slavonica. 1996—1997. № 3/2. P. 39).

97. При жизни не публиковалось. **Печ. по публикации К. Парчевского.**

Соч 1 - - МП; Даугава. 1987. № 6; Звено (Париж). 1924. 7 января (№ 49) (публ. К. Парчевского).

Дат.: 14(27) сентября 1917 — по дате на автографе.

Об истории создания этого ст-ния сообщает К. Парчевский: «Летом 1917 года Гумилев был назначен офицером для поручений при комиссаре русского корпуса во Франции. С осени началось разложение русских частей во Франции, и было решено их расформировать. К этому периоду относится первое письмо из любезно предоставленных нам полковником В. стихотворных посланий покойного поэта к своему ближайшему начальнику, г-ну Б. Послание представляет собой рапорт, написанный на бланке с обозначением: "Офицер для поручений при комиссаре, прапорщик 5-го Гусарского Александрийского полка Гумилев. 27/14 сентября 1917. Париж": <цит. ст-ние>» (Звено (Париж) 1924. 7 января; Жизнь Николая Гумилева. С. 100. См. об этом: Тименчик Р. Д. Неизвестные экспромты Николая Гумилева // Даугава. 1987. № 6. С. 115).

Ст. 11. — Camp Cournos — лагерь русских солдат Курно. Ст. 12. — Солдаты лагеря ля Куртин летом 1917 г. подняли мятеж, который был с трудом подавлен после продолжительных (и безрезультатных) переговоров с главарями мятежников (анархистами и большевиками). Местное население было терроризировано, и французская администрация настояла на применении силы.

98. При жизни не публиковалось. **Печ. по: КСЗ.**

КСЗ - - СС II - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - -

Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СПП - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - ПСЗ - - СП(ХХ век) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Соч 1 - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(ХХ век) - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997.

Автограф с вар. — Альбом Струве.

Дат.: август 1917 — весна 1918 — по местоположению в Альбоме Струве.

Вопросы в начале первой строфы — одна из традиционных риторических фигур (наряду с повторами, оксюморонами, восклицаниями), которыми, по мнению Е.Русинко, изобилуют стихи «К синей звезде», написанные в стандартном декламаторском ключе с соблюдением всего любовного обряда художественной традиции, почти при полном отсутствии своеобразных, личных интонаций поэта. «Это — специальные эффекты, рассчитанные на то, чтобы пленять и развлекать. В определенном смысле, стихи Гумилева подобны балладам трубадуров, которые исполняются и для слушателей, и для возлюбленной, и в этом заключается тот искусственный, творческий слой, который преобладает в его любовной лирике» (Rusinko. P. 158).

99. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

ПС 1923, другая ред. - - Неизд 1952 - - Изб 1959, ред. ПС - - СС II - - Изб 1986, ред. ПС - - Ст 1986 - - СП(Тб), ред. ПС - - СП(Тб) 2, ред. ПС - - СтПРП(ЗК), ред. ПС - - ОС 1989 - - СтПРП, ред. ПС - - СтП(Ир), ред. ПС - - Соч 1 - - Изб(ХХ век) - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997.

Автограф — Альбом Струве.

Дат.: август 1917—весна 1918 — по местоположению в Альбоме Струве.

Перевод на англ. яз. S.Franklin («I, who could have been...») — Twentieth Century Russian Poetry. London, 1993. Pp. 149—150.

Рапповская критика в 20-е гг. не обошла вниманием это ст-ние Гумилева. Один из «неистовых ревнителей» с удовлетворением констатировал: «Гумилев сознает свою пустоту и ненужность: <цит. ст-ние>. Непонимание жизни, робость перед ее сложностью и трудностью — эти теоретические мотивы кажутся такими странными у Гумилева, гордо заявлявшего о себе: "И верю, как всегда, в мою звезду, / Я конквистадор в панцире железном". (Ермилов В. В. О поэзии войны // На литературном посту. 1927. № 10. С. 2—3). Л. Аллен обращает внимание на постоянный мотив «мировой скорби», который проявляется и в этом ст-нии. Он сопоставляет данное ст-ние с «Заблудившимся трамваем», замечая, что в более позднем ст-нии звучит не «заглушаемый вопль души, а крик» (Аллен Л. «Заблудившийся трамвай»: Комментарий к строкам // Аллен Л. Этюды о русской литературе. Л., 1989. С. 142).

100. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу 2.**

ПС 1923, с вар и опеч. - - Неизд 1952, вар автографа 1 - - СС II, вар ПС с загл. - - Изб(Огонек), вар ПС с загл. автографа 1 - - СП(Тб), вар. ПС - - БП - - СП(Тб) 2, вар. ПС - - СтПРП(ЗК), вар. ПС - - ОС 1989, вар. автографа 1 - - СтПРП, вар ПС - - СПП - - Изб(Слов), вар. ПС - - Кап - - СС(Р-т) II, вар ПС с загл. - - Изб(Слов) 2, вар. ПС - - СтП(Ир) - - Соч 1 - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Ст 1995 - - ВБП - - МП - - СП 1997; Цех поэтов. Кн. 3. Пг., 1922, с вар. и опеч. - - Душа любви.

Автограф 1 с вар. — Альбом Струве. Автограф 2 — Архив Лозинского, рукопись Костра.

Дат.: август 1917—весна 1918 — по местоположению в Альбоме Струве.

Используя методологию структуралиста Я. Мукаржовского, Е. Русинко анализирует данное ст-ние в контексте темы «творческой личности». В ст-нии Русинко видит отображение того «естественного раздвоения личности», которое происходит, когда поэт обращается к самому себе (Об этом говориться в статье Гумилева «Читатель»). Герои ст-ния — два Адама — рассматриваются в соотношении с адамистической тематикой Гумилева. Один из них является традиционным, старым Адамом — первобытным, стихийным элементом человеческой природы, другой — более духовным, новым Адамом — Христом Нового Завета, который должен искупить грехи и преобразить первого. В ст-нии отражается борьба человека с его совестью, причем «внутренний Адам» — совесть, критик и судья, «томимый злобой», напоминает «Адаму внешнему» — поэту и любовнику — с одной стороны о своей любви к свободе, а с другой стороны — о своей ответственности. Он упрекает «внешнего Адама» не только с этических позиций, но и из-за личной заинтересованности, ибо брошенная повесой женщина является единственной возможностью примирения, интеграции двух личностей. Но создается впечатление, что его увещевания недейственны, и что борьба будет продолжаться. Русинко считает это ст-ние средним звеном между ст-нием «Разговор» и ст-нием «Душа и тело», в котором своеобразно снимается не разрешенная в «Двух Адамах» амбивалентность. Ст. 21—22, по мнению Э. Русинко, перекликаются с «Балаганчиком» А. Блока; «И всю ночь по улицам снежным / Мы брели — Арлекин и Пьеро...», /«Он шептал мне: "Брат мой, мы вместе, / Неразлучны на много дней..."». Возможно, эти строки ст-ния Гумилева восходят к трактовке темы Пьеро в пьесе Т. Готье « Pierrot posthume», где нетрадиционный образ Пьеро является Гамлетом, беседующим с самим собой (Rusinko E. The «Two Adams»: Gumilev's Creative Personality. // Berkeley. Pp. 243—267).

101. Костер.

Кост 1922 (Б) - - Кост 1922 (М-П) - - КСЗ, с вар - - СС 1947 III - - СС II - - Кост 1979 - - Изб(Огонек) - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Кост 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап - - ОС 1991 - - Изб(X) - - ПСЗ, с вар - - СП(XX век) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Соч 1 - - СП(К) - - ЛиВ - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Carmina - - Изб(XX век) - - ЧН 1995 - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Ст(Куйбышев) - - Душа любви - - Поэзия любви.

Автограф 1 с вар. — Альбом Струве. Автограф 2 с вар. — Архив Лозинского, рукопись Костра. В рукописи входило в цикл «Песенки» вместе со ст-нием № 47. Автограф 3 — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой.

Дат.: август 1917—весна 1918 — по местоположению в Альбоме Струве.

Перевод на англ. яз. («She Who Scatters Stars») — SW. P. 84.

В одной из первых рецензий на «Костер» П. Н. Медведев, называя это ст-ни и ст-ние № 104, замечает: «Перед нами в этих стихах — напряженная и словоохотливая лирика любви. Н. Гумилев — лирик, мечтатель, заглядывающийся в вышину, в небо, поэт любви — это ново. <...> В Гумилеве, как поэте, происходит серьезный сдвиг и значительная переоценка былых, казалось бы, нерушимых ценностей» (Медведев П. Н. Н. С. Гумилев «Костер» // Записки Передвижного общедоступного театра. Пг. 1919. № 24—25. С. 15). В экземпляре, подаренном Гумилевым Блоку, в ст. 8 подчеркнуто «светами магической», с пометой: «Пусто» (Библиотека А. А. Блока. Описание. Кн. 1. Л., 1984. С. 254).

102. При жизни не публиковалось. **Печ. по: КСЗ.**

КСЗ - - СС 1947 IV - - СС II, вар. авт. - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СПП - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) II, вар. авт. - - ОС 1991 - - ПСЗ - - СП(XX век) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - ЛиВ - - Соч 1 - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Престол - - Изб(XX век) - - Ст 1995 - - ВБП - - МП - - СП 1997; Душа любви.

Автограф с вар. — Альбом Струве.

Дат.: август 1917—весна 1918 — по местоположению в Альбоме Струве.

103. При жизни не публиковалось. **Печ. по: КСЗ.**

КСЗ - - СС 1947 IV - - СС II - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - СтПРП - -

СПП - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - ПСЗ - - СП(XX век) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - ЛиВ - - Соч 1 - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997; Душа любви.

Автограф с вар. — Альбом Струве.

Дат.: август 1917—весна 1918 — по местоположению в Альбоме Струве.

По мнению М. Йовановича, в ст-нии заметен масонский мотив испытания героя стихией воды (Йованович М. Николай Гумилев и масонское учение // Н. Гумилев и русский Парнас. С. 40). О принципах гумилевской поэтики вспоминал А. Я. Левинсон: «Он <...> влекся к закону, симметрии чисел, мере; помнится, он принялся было составлять таблицы образов, энциклопедии метафор, где мифы всех племен соседствовали с исторической легендой: так вот сакраментальным числом, ключом, было число 12: 12 апостолов, 12 паладинов и т. д.» (Современные записки. Париж. 1922. № 9. С. 314). В числе 12 Йованович М. видит «масонский знак» (Там же. С. 39).

104. Костер.

Кост 1922 (Б) - - Кост 1922 (М-П) - - КСЗ, с вар. - - СС 1947 III - - СС II - - Кост 1979 - - Изб(Огонек) - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Кост 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - Изб(Х) - - ПСЗ - - СП(XX век) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Соч 1 - - СП(К) - - ЛиВ - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ЧН 1995 - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Чудное мгновенье: Любовная лирика русских поэтов. Кн. 2. М., 1988 - - Ст(Куйбышев) - - Душа любви - - Поэзия любви - - Антология акмеизма. М., 1997 - - Школа классики.

Автограф 1 с вар. — Альбом Струве. Автограф 2 с вар. — Архив Лозинского, рукопись Костра. Автограф 3. — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой (строфа 3 вписана от руки).

Дат.: август 1917—весна 1918 — по местоположению в Альбоме Струве.

Перевод на чешский яз. («O Tobe») — Honzik.

Неожиданную интерпретацию получило это ст-ние в концепции Ю. И. Айхенвальда. Он соединял любовную лирику Гумилева и дух воинственности: «Только воинственность эта не имеет грубого характера и не отталкивает от себя. Грубое вообще для него не писано; он — поэт высокой культурности, он внутренне знатен, этот художник — дворянин. Если понимать под дворянством некоторую категорию, некоторую уже достигнутую и осуществленную ступень человеческого благородства, ту, которая обязывает (noblesse oblige), то в этой обязывающей привилегированности меньше всего откажешь именно Гумилеву. Принадлежит ему вся кра-

сота консерватизма. И когда читаешь у него слова: <цит. ст. 5—6>, то в связи с другими проявлениями его творчества это наводит на мысль, что он — поэт геральдизма» (Айхенвальд Ю. И. Гумилев // Айхенвальд Ю. И. Поэты и поэтессы. М., 1922. С. 39—40). С. К. Маковский подметил, что в лирическом цикле Гумилева звучит «все та же обида и тот же зов к ней (Ахматовой. — *Ред.*), развенчанной любви и стремление преодолеть ее всепримиряющей правдой иного мира (может быть, лучшие из всех — "Юг", "О тебе", "Эзбекие")» (Маковский С. К. Николай Гумилев // На парнасе Серебряного века. Мюнхен. 1962. С. 215; То же // Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 65) Размышляя над секретом долговечности любовной лирики Гумилева, И. Ростовцева считает что он «кроется в лиричности ее автора и в немалой степени — в том безукоризненном совершенстве формы (гармонии, красоты), которая ее отличает. Как истинно романтический поэт Гумилев привнес в стихи о любви куртуазность, рыцарство, поклонение, преклонение перед женщиной — всю благородную и сдержанную, лишенную, однако, мистического тумана партитуру красок и звуков. Ее он разнообразил до бесконечности: «<цит. ст. 1—2 и др.>»» (Ростовцева И. Судьба. Шаг судьбы. К 75-летию со дня смерти Николая Гумилева // Литературная Россия. 1996. 23 августа. № 84 (1750) С. 10—11) Е. А. Подшивалова отмечает, что лирический герой Гумилева, «строя отношения между "я" и "ты", за точку отсчета принимает мир "ты": <цит. ст. 1—2>. Героиня самоценна, ее внутренний мир оказывается для героя той закономерностью, с которой он не может не считаться, выражая свое любовное чувство. Не его чувство оказывается абсолютной ценностью, а отношение героини к этому чувству. И часто он ощущает свое бессилие перед волеизъявлением героини, перед направленностью ее интересов, жизненных требований. Последнее становится источником драмы для героя» (ОС 1991. С. 18—19) Вяч. Вс. Иванов, как и некоторые современники Гумилева, обратил внимание на реминисценции из Блока: «"Ты — как отзвук забытого гимна / В моей черной и дикой судьбе" у Гумилева отозвалось дважды: почти дословно и с сохранением точно этого же размера в "О тебе": <цит. ст. 3—4> и с изменением размера, остающегося трехсложным, в финале "Канцоны первой": <цит. ст. 17—18>. Подобные бесспорные совпадения именно у позднего Гумилева делают очевидным возраставшее влияние на него Блока (что не имеет никакого отношения к достаточно напряженным их личным и литературно-общественным отношениям) »(Иванов Вяч. Вс. Звездная вспышка (Поэтический мир Гумилева) // СтПРП. С. 10—11) Помимо блоковских параллелей в этом ст-нии можно обнаружить перекличку с «военно-любовным» ст-нием С. Городецкого «О тебе, о тебе, о тебе» (1916). У Городецкого также рифмуется тебе / судьбе в первой строфе, сходная тематика — тьмы и света, земли, звезд, вышины.

Ст. 3 — ср. со ст-нием Бальмонта из цикла «Одинокому» «Будем как солнце»: «О, Христос! О, рыбак! О, ловец / Человеческих темных сердец...» Против ст. 13—16 в экземпляре, подаренном Гумилевым Блоку, надпись: «И так, и нет» и вопросительный знак (Библиотека А. А. Блока. Описание. Кн. 1. Л., 1984. С. 254).

105. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Неизд 1952 - - СС II - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СС(Р-т) II - - ЛиВ - - Престол - - Соч 1 - - СтП(Ир) - - Изб(XX век) - - Ст 1995 - - ВБП - - МП - - СП 1997; Новый Журнал (Нью-Йорк). 1944. № 8.

Автограф — Альбом Струве.

Дат.: август 1917—весна 1918 — по местоположению в Альбоме Струве.

Истоки этого ст-ния М. Баскер видит в «пробуждении чувства детской любви: <цит. ст. 5—8> Какова бы ни была жизненная реальность, трудно поверить, что Гумилев в 1917—1918 годах мог бы не осознавать литературно-биографические ассоциации — не только с Байроном и Лермонтовым, но также с Данте или Вл. Соловьевым — автором "Трех свиданий". Приблизительно в то же время, если вспомнить свидетельство Георгия Иванова, Гумилев дал несколько иное, устное описание детской страсти, в котором он изобразил себя в байроновско-лермонтовском свете. Долго и безмолвно, следив за ничего не подозревавшим объектом своего увлечения <...> молодой Гумилев наконец нашел мужество открыть свои чувства, чтобы быть отвергнутым. Эмоциональное потрясение первого отвержения, оказалось не менее сильным, чем первая любовь. Это надолго запомнилось, и возникало с той же смесью смеха и боли, как и первый любовный опыт Лермонтова». Далее М. Баскер приводит свидетельство Г. Иванова из статьи «Блок и Гумилев» (Сегодня. 1929. 6 окт. № 277. С. 5): «Гумилев был потрясен. Ему казалось, что он ослеп, оглох. Ночами он не спал, обдумывая планы мести: сжечь дом, стены которого видели его позор? Сделаться разбойником и похитить ее? Обида, нанесенная двенадцатилетнему Гумилеву была так сильна, что и в тридцать лет он вспомнил о ней, смеясь, но с горечью» (Basker M. Lermontov and Gumilev: Some Biographical Parallels // Mikhail Lermontov: Commemorative Essays (1991). Birmingham, 1992. Pp. 17—18).

Ст. 5—16 — ср. со словами Дон Гуана: «Но с той поры, как вас увидел я, / Мне кажется, я весь переродился. / Вас полюбя, люблю я добродетель / И в первый раз смиренно перед ней / Дрожащие колена преклоняю» (А. С. Пушкин. «Каменный гость»).

106. Костер (с указанием порядкового номера в загл. «Канцона третья»).

Кост 1922 (Б) - - Кост 1922 (М-П) - - КСЗ, др ред - - СС 1947 III - - СС 1947 IV, ред КСЗ - - Изб 1959 - - СС II, обе ред - - Кост 1979 - - Изб 1986 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - БП, опеч. - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - ОС 1989 - - Кост 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СтПРП - - СПП - - Ст(М-В) - - Изб(Слов) - - Кап - - СС(Р-т) II, обе ред - - ОС 1991 - - ПСЗ, ред КСЗ - - СП(XX век) - - Изб(Слов) 2 - - СтП(Ир) - - Изб(Х) - - Соч 1 - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения -

- Carmina - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ЧН 1995 - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997 - - Изб(Сар) 2; Ст(Куйбышев) - - Душа любви; «Знамя». 1986. № 10.

Автограф 1 другой ред. — Альбом Струве. Автограф 2 с вар. — Архив Лозинского, рукопись Костра. Автограф 3 — Архив Лозинского, корректура с авторской правкой. Автограф 4 с вар. — Канцоны. Автограф 5 с вар. — архив семьи Рождественских (СПб).

Дат.: август 1917 — весна 1918 — по местоположению в Альбоме Струве.

Перевод на англ. яз. («Canzonet-3») — SW. P. 87.

Блок следующим образом зафиксировал услышанную им авторскую оценку ст-ния: «Тут вся моя политика, сказал мне Гумилев» (Библиотека А. А. Блока. Описание. Кн. 1. Л., 1984. С. 254). «Идеалом Гумилева были древнеирландские жрецы-поэты — друиды. О возвращении верховенства к ним после многовекового владычества других каст Гумилев говорил в стихотворении "Канцона третья" из сб. "Костер": <цит. ст. 5—12>» (Тименчик Р. Д. Комментарии // ПРП. 1990. С. 362). «Привычный для скептически мыслящего интеллигента взгляд на мир перестает удовлетворять поэта, — пишет М. В. Смелова. — Он все более отчетливо осознает, что противоречия человеческого бытия не могут быть решены без обращения к благодати. Человек во многие моменты своей жизни бывает совершенно одинок. Задумываясь о смерти, о тленности всего земного, он должен задуматься над смыслом своей жизни. В религиозно-философском смысле начинает решаться проблема выбора и свободы, и этот смысл можно найти только в Боге <цит. ст. 3—4> Почему эта свобода страшна? Когда человек стоит перед лицом вечности, Божье величие подавляет человека, — и это будет "последняя, страшная свобода"» (Смелова М. В. Роль христианства в картине мира Н. С. Гумилева // Ахматовские чтения. А. Ахматова, Н. Гумилев и поэзия начала XX века. Тверь. 1995. С. 29—30).

Ст. 2 — ср. у Блока: «Весь я — память, весь я — слух» («В темном парке под ольхой...»)

107. При жизни не публиковалось. **Печ. по: КСЗ.**

КСЗ - - СС 1947 IV - - Изб 1959 - - СС II, загл. автографа - - Изб 1986 - - СП(Тб) - - Ст(Полиграф) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СПП - - Кап - - СС(Р-т) II, загл автографа - - ОС 1991 - - ПСЗ - - Соч 1 - - СтП(Ир) - - Ст(Яр) - - Престол - - Изб(XX век) - - Ст 1995 - - НШБ - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997; Байконур — Вселенная: Стихи. М., 1987 - - Душа любви.

Автограф с вар. — Альбом Струве.

Дат.: август 1917 — весна 1918 — по местоположению в Альбоме Струве.

Перевод на англ. яз. — Sampson E. Nikolai Gumilev. Boston, 1979. P. 118.

По мнению О. Ильинского, «женский облик в поэзии Гумилева несет <...> двойную функцию: он дает выход эмоции огромного напряжения, а кроме того, властно, ярко и пластично преображает мир вокруг себя. В этом смысле он способен вместить в себя любые реалии, любое художественное содержание. Любовь к женщине есть для него одновременно и любовь к жизни и сам процесс переживания жизни в художественном образе и соотнесенность с космосом: <цит. ст. 5—8> (Ильинский О. Основные принципы поэзии Гумилева. К столетию со дня рождения Гумилева // Записки русской академической группы в США. 1986. № 19. С. 388).

108. При жизни не публиковалось. **Печ. по: Сполохи (Берлин). 1922. № 4.**

Неизд 1952 - - СС II - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - СтПРП(ЭК) - - СтПРП - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - Соч 1 - - СтП(Ир) - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ВБП - - МП - - СП 1997; Душа любви; Сполохи (Берлин) 1922. № 4 - - Воля России. 1931. № 1/2 Россия и славянство. 1931. 29 августа, с фотокопией автографа.

Автограф — Альбом Н. С. Гончаровой и М. Ф. Ларионова, местонахождение неизвестно.

Дат.: вторая половина 1917 — весна 1918 — по времени возможных контактов Гумилева с адресатами ст-ния с учетом приезда Гумилева из Англии во Францию на краткий срок перед возвращением в Россию (см. воспоминания М. Ф. Ларионова: Жизнь Николая Гумилева. С. 101).

История создания и концепция ст-ния подробно изложены Р. Д. Тименчиком: «М. Ф. Ларионов и Н. С. Гончарова жили в Париже с 1915 года. В ноябре 1917 года Гумилев писал Ахматовой из Парижа: "Я по-прежнему постоянно с Гончаровой и Ларионовым, люблю их очень". Наталья Гончарова еще в 1913 году в предисловии к каталогу персональной выставки обозначила свой путь "к первоисточнику всех искусств, Востоку", в котором она видела истоки русского искусства: "Если восточное влияние попало к нам не по прямой дороге, то это ничего не доказывает, путь его был с Востока, и на Запад, так же, как и теперь, служил только передаточным пунктом. Достаточно посмотреть на изображения арабские и индийские, чтобы установить происхождение наших икон и искусства, которое до сих пор живет в народе". Петербуржец и акмеист Гумилев мог бы подписаться под каждым словом москвички и футуристки Гончаровой. Он и выразил свою солидарность с "восточничеством" Гончаровой в мадригале, записанном в альбоме адресатов и сложенном в форме пантума — малайской строфы: <цит. ст-ние>. Фотография этой альбомной страницы была помещена в 1931 году (29 августа) в газете "Россия и славянство". <...> Вместе с тем, предусмот-

ренное пантумом повторение рифмующихся строк сначала на четном, а потом на нечетном месте, позволило переплести "Восток" (и любимых гончаровских павлинов — одна ее композиция 1911 года называлась "Художественные возможности по поводу павлина") с "жизнью настоящей". <...> По поводу третьей строфы пантума композитор-футурист <...> Артур Лурье приветствовал Гумилева, "на всем художественном пути искавшего утвердить себя в художественных традициях и основах западной культуры, но знавшего эту родную природу русского искусства". Для Гумилева же русская самобытность неотделима от стремления Вольги Святославовича к далеким сказочным странам, от грез Афанасия Никитина, от того "странного перекрещивания культур византийской, финской колодовской и индийской, в атмосфере которого рождалась Русь"»(Тименчик Р. Д. Николай Гумилев и Восток // Памир. 1987. № 3. С. 129—131). Анализу этого ст-ния посвящена специальная статья английского искусствоведа А. Партона, который, в частности, обращает внимание на финал: «Духовное величье, которым обладает Ларионов, можно найти, как утверждает Гумилев, в прелестных миниатюрах, столь милых сердцу Гончаровой. И по всему миру, если только твой взгляд способен это воспринимать, существует красота «Востока и нежного и блестящего» (Parton A. «Goncharova i Larionov: Gumilev's Pantum to Art // Berkeley. P. 225—242; там же — перевод ст-ния на англ. яз.).

Гончарова Наталья Сергеевна (1881—1962) и Ларионов Михаил Федорович (1881—1964) — русские художники, жившие в Париже. Они сотрудничали с С.П.Дягилевым и оформляли многие спектакли Русского балета. Опубликованы письма М. Ф. Ларионова о Гумилеве (см.: Письма М. Ф. Ларионова о Н. С. Гумилеве: Из писем Б. В. Анрепа // Мосты (Мюнхен). Кн. 15. 1970. С. 403—412).

1918

109. При жизни не публиковалось. **Печ. по публикации К. Парчевского** Соч 1 - - МП; Памир. 1987. № 3; Звено (Париж). 1924. 7 января, № 49 (публ. К. Парчевского).

Дат.: 8 января 1918 — по справке публикатора и биографическим данным (Соч 3. С. 404).

По свидетельству К. Парчевского, данное ст-ние представляет собой второе письмо Гумилева к своему начальнику — полковнику Б., в котором в начале 1918 г. просит отправить его в Персию (Парчевский К. Гумилев в Париже // Жизнь Николая Гумилева. С. 100—101). 8 января 1918 г. Гумилев подал рапорт представителю Временного правительства с просьбой о назначении на персидский фронт. 16 января Гумилев был откомандирован в Лондон за назначением, но к

концу января 1918 г. Управление военного коммисариата было расформировано (Там же. С. 255). Стремиться на персидский фронт Гумилев начал задолго до 1918 г. Как замечает Р. Д. Тименчик, «в начале 1917 года из окопов на берегу Западной Двины он писал Л.М. Рейснер о том, что начинает подумывать о персидском фронте: «Переведусь в кавказскую армию, закажу себе малиновую черкеску, стану резидентом при дворе какого-нибудь беспокойного хана, и к концу войны кроме славы у меня еще будет дивная коллекция персидских миниатюр. А вы ведь знаете, что моя главная слабость — экзотическая живопись»» (Тименчик Р. Д. Николай Гумилев и Восток // Памир. 1987. № 3. С. 131—132).

110. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу 2.**

ПС 1923, фрагмент, не вошедший в основной текст - - Неизд 1952, вар. «Возрождения» и набросок отдельной строфы, публикация Г. П. Струве - - СС II, вар «Возрождения», набросок отдельной строфы и фрагмент ПС - - Неизд 1986, публикация основного текста и вар. авт. 1 (Ш. Греем, М. Баскер) - - СП(Тб), вар. авт. 1 - - СП(Тб) 2, вар. авт. 1 - - СтПРП(ЗК), фрагмент ПС - - СтПРП, фрагмент ПС - - ЗС, основной текст, вар. «Возрождения», набросок отдельной строфы, фрагмент ПС, некорректное оформление публикации - - СС(Р-т) II, вар. «Возрождения», набросок отдельной строфы и фрагмент ПС - - Соч 1, основной текст, фрагмент ПС, некорректное оформление публикации - - СтП(Ир), фрагмент ПС - - ВБП, основной текст, фрагмент ПС, некорректная публикация; Возрождение (Париж). 1926. 26 августа, публикация, без указания источника (возможно, публикатором был Г. В. Иванов, ранее опубликовавший фрагмент ПС и занимавшийся разбором бумаг Гумилева после смерти поэта).

Автограф 1 с вар. — РГБ. Ф. 1 (С. А. Абрамова). К. 1. Ед. хр. 21. Автограф написан коричневыми чернилами по старой орфографии. Заглавие вычеркнуто другой рукой и заменено заглавием «Два сна. Китайская поэма». Той же рукой вычеркнута подпись «Н. Гумилев» и заменена инициалами «Н. Г.» (согласно пометке архивиста, данная правка проведена Блоком(!?)). Автограф 2. — РГБ. Ф. 1 (С. А. Абрамова). К. 5. Ед. хр. 6. Автограф написан зелеными чернилами по новой орфографии, текст трудночитаем из-за плохой сохранности автографа. На полях — шесть редакторских помет, указывающих местоположение предполагавшихся иллюстраций, а под последним стихом — помета редактора: «концовка».

Дат.: зима—весна 1918 — по примечанию Г. В. Иванова в ПС 1923 и наличию набросков поэмы в «лондонском» архиве Гумилева (впоследствии — Архив Струве).

Замысел «китайской поэмы», очевидно, возник у Гумилева в момент работы над переводами из китайских поэтов, вошедших впоследствии в книгу «Фарфоровый павильон». На это указывает замена в автографе 2 ст-ния, читаемого героем в первом варианте поэмы, на перевод ст-ния Ли Вея (IX-X в. н. э.) «Луна на

море», ранее записанного в Альбоме Струве с неправильным написанием имени автора — Ли Сун Чан (см.: СС II. С. 305; БП. С. 582). Текст этого ст-ния, вошедший в окончательный вариант гумилевской поэмы, полностью совпадает (кроме отсутствующего заглавия) с текстом «Фарфорового павильона», тогда как текст Альбома Струве — с рукописью «Фарфорового павильона» (архив Лозинского), подвергавшегося в процессе подготовки к печати значительной коррекции (см.: БП. С. 581—582 и комментарии к ст-ниям с приведением других редакций). Можно предположить, что, работая над своими китайскими переводами, Гумилев уточняет сведения об источнике перевода — и узнает имя, схожее с именем его героя (возможно — вновь обратившись к переводам из китайской поэзии, выполненным Жюдит Готье и изданных ею в «Яшмовой книге»; здесь имя поэта указано как Ли Оэй — см.: СС II. С. 303—305). Отсюда и введение в окончательном варианте подзаголовка, отделяющего переводной текст от оригинального, отсюда и очевидная перекличка — Тен Вей — Ли Вей. По крайней мере, связь работы над поэмой с работой над «Фарфоровым павильоном» устанавливается здесь несомненно. В Архиве Струве находится и черновой набросок редакции ст-ния «Сон» (№ 11: см.: также комментарии к нему), созданный, очевидно, при переработке ст-иния для «Альбома», на обороте которого находится следующий текст:

«А в легком утреннем тумане
Над скалами береговыми
Еще переливалось имя,
Звенело имя Муаяни.
Глава I. Утро. Домашний дракон, мальчик, мандарин.
Глава II. Сон о Муаяни.
Глава III. Печаль. Разговор об Индии (золотая гора). Дракон недоволен.
Глава IV. Приключения Муаяни.
Глава V. Побег Ю-Це с лодочниками.
Глава VI. Встреча с Муаяни. Возвращение.
Глава VII. Жизнь в павильоне.
Глава VIII. Возвращение Ли-Бо.
Глава IX. Опять сон о Муаяни (единорог и принц).
Глава X. Свадьба.

Вся в женских рифмах» (СС II. С. 342—343). План, как мы видим, весьма далек от окончательного текста, но, конечно, общее направление развития работы над новым большим эпическим произведением (вторым после «Мика», еще ожидающего в то время публикации) заявлено этим документом достаточно ясно.

В ПС 1923 Г. В. Иванов поместил отрывок из «китайской поэмы», также озаглавленный «Два сна» и снабженный следующими комментариями: «Отрывок из детской поэмы (1918). Была написана целиком. Утрачена при жизни поэта». Текст этой публикации см. в разд. «Другие редакции и варианты». История создания «Двух снов» представляется следующим образом. Начав работу над поэмой еще за границей, вероятнее всего — в Лондоне, Гумилев, к моменту

возвращения в Россию, уже располагал завершенным текстом, по крайней мере, первой главы (автограф 1) — который и предложил к публикации в издательство «Творчество», принадлежащее С. А. Абрамову, рассчитывая, по своему обыкновению, на «рекламно-презентативный» эффект такого издания (подобно тому, как публикация «Двух отрывков» предшествовала появлению «Мика», а, позднее — отрывок из «Отравленной туники» завершал КСЗ). При приеме рукописи в работу, возможно, было проведено ее обсуждение, результатом которого стала коррекция предложенного текста (этому также способствовала и идущая параллельно работа над «Фарфоровым павильоном»). Возможно также — хотя и достаточно спорно — что название текста действительно было предложено Блоком, ибо «два сна» действительно соответствуют двум главным эпизодам-«картинкам» (сцене в саду и сцене за обедом), которые оказываются как бы «снами о Китае», экзотическими «фресками», обладающими в глазах поэта-модерниста композиционной самодостаточностью. Однако, нужно помнить и то, что тема «двух снов» присутствовала и в первоначальном плане, так что, вполне возможно, что новое — и более эффектное — название было предложено Гумилевым и лишь зафиксировано для памяти кем-то из присутствующих (Блоком?). Через некоторое время Гумилев перебелил — уже в правилах новой орфографии — текст, который и был принят к печати (автограф 2), а сам продолжил работу над поэмой — и завершил ее (если верить Г. В. Иванову) полностью. Затем текст «оказался утрачен» — либо уничтожен самим Гумилевым (что маловероятно), либо потерян при разъездах с квартиры на квартиру в 1918—1920 гг. П. Н. Лукницкий упоминает о некой рукописи «Двух снов», которая была передана во второй половине 1918 г. К. И. Чуковскому для публикации в «детском издательстве», где «затерялась» (Жизнь поэта. С. 213). Возможно, впрочем, что текст был изъят при обыске. Так или иначе, но Г. В. Иванову, разбиравшему архив Гумилева после гибели поэта, достался только небольшой фрагмент, который и попал в ПС 1923. Поскольку Иванов был посвящен в историю «китайской поэмы», он смог правильно атрибутировать текст. Очень вероятно, что второй оставшийся фрагмент Ивановым опубликован не был — ибо он дублировал начало «Двух снов», которое должно было, несмотря на двухлетнюю паузу, все-таки появиться в печати. По крайней мере, мы знаем со слов Л. В. Горнунга, что еще 16 февраля 1926 г. рукопись «Двух снов» (очевидно — автограф 2) был предоставлен С. А. Абрамовым для чтения в литературном кружке П. Н. Зайцева (см.: Исследования и материалы. С. 499). По прошествии времени, уже за границей, Иванов, не связанный в новой ситуации издательской этикой, публикует второй фрагмент в пятую годовщину расстрела Гумилева — а текст «Двух снов» оседает в СССР на долгие годы в хранилище РГБ. Впрочем, может быть, текст был предоставлен «Возрождению» и Б.В.Анрепом — тогда нужно признать, что работа над поэмой была весьма интенсивной еще в «лондонский период».

В ИРЛИ существует машинописная копия фрагмента ПС 1923 с дополнительной, не вошедшей нн в один нз известных источников, строфой (после строфы 12):

В его стобашенном дворце
Я буду воином знатнейшем
И о тебе, моя Лай-Це,
Я расскажу придворным гейшам.
....

(ИРЛИ. Р. III. Оп. 1. № 1009). По мнению Н. А. Богомолова, который и нашел этот любопытный документ, подобное расхождение «свидетельствует о том, что он восходит к неизвестной нам рукописи Гумилева, а не к тексту ПС 1923» (Соч 1. С. 565).

Если попытаться в общем оценить явление «Двух снов» в контексте гумилевского творчества конца 1917 — первой половины 1918 гг., то следует признать, что появление «китайской поэмы» связано с определенными эстетическими взглядами Гумилева, которые он сформулировал в интервью Бечхоферу (1917): «Новая поэзия ищет простоты, ясности и точности выражения. Любопытно, что все эти тенденции невольно напоминают нам лучшие произведения китайскнх пнсателей, и интерес к последним явно растет в Англии, Франции и России» (Гумилев в Лондоне. Неизвестное интервью. / Публ. Е. Русинко // Исследования и материалы. С. 305). Л. Аллен, сопоставляя ст-ния «Прапамять», «Заблудившийся трамвай» и поэму «Два сна», приходит к выводу, что им присущ общий мотив, связанный с поиском дороги в Индию (см.: Аллен Л «Заблудившийся трамвай» Н. С. Гумилева. Комментарии к строфам // Аллен Л. Этюды о русской литературе. Л., 1989. С. 123).

Ст. 23. — Дракон выступал в китайской мифологии «как воплощение положительного начала, как помощник, дающий людям воду и богатства», кроме того дракон «помогает культурному герою» (Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980. С. 394). Ст. 56. — Мандарин — высокообразованный чиновник феодального Китая. Ст. 68. — Манчжур (маньчжур) — представитель коренного населения Китая. Ведя свою историю от независимого государства Маньчжу (I пол. XVII в.) маньчжуры активно противились экспансии Великоханской нации. Ст. 108. — Во время создания поэмы Тонкин являлся французским протекторатом северной части Вьетнама. Ст. 128. — Богдыхан в русских грамотах XVI—XVII вв. наименование китайских императоров. Ст. 149—152. — Конфуций — (552/551—479 до н. э.) — китайский философ, утверждал превосходство моральных норм над социально-экономическим миром. Конфуцианство на протяжении многих веков было господствующей идеологией феодального Китая.

111. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу 2.**

Неизд 1952, вар. автографа 1 - - СС II, вар. автографа 1 - - Ст 1986, вар. автографа 1 - - БП - - СтПРП(ЗК), вар. автографа 1 - - СтПРП, вар. автографа 1 - - СПП - - Кап - - СС(Р-т) II, вар. автографа 1 - - ОС 1991 - - Соч 1 - - СтП(Ир), вар. автографа 1 - - СП(К) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ВБП - - МП - - СП 1997; Русская поэзия советской эпохи. Будапешт. 1973, вар. автографа 1 - - Русская поэзия советской эпохи. 2-е изд. Будапешт, 1984, вар автографа 1 - - Душа любви - - Поэзия серебряного века: 1880—1925. М., 1991; Новый Журнал (Нью-Йорк). 1944. № 8, вар автографа 1; Возрождение, 1929. 4 апреля, др. ред., с пометой: «Лондон. 1918» и посвящением С. А. Абаза, дочери российского посла в Лондоне.

Автограф 1 с вар. — Альбом Струве. Автограф 2. — РГАЛИ. Ф. 95 (А. Л. Волынского). Оп. 1. Ед. хр. 993. Л. 2.

Дат.: зима-весна 1918 — по дате и указанию места в публикации Возрождения.

Перевод на чешский яз. («Zne scislneho poctu hvezd») — Honzik.

Ст. 1. — ср. «Среди миров, в мерцании светил» (Анненский И. Ф. «Среди миров») — О связи у Гумилева образа передвигающихся облаков с чувством облегчения — утешения (см.: Dombr-Potocki N. «L'Exotique et meweilleeux dans la poèsie de Gumilev». Неопубл. докт. дисс., Paris; Nanterre. 1971. P. 145.) Ст. 15. — ср. «Плывет, куда ж нам плыть?» (Пушкин А. С. «Осень»).

112. При жизни не публиковалось. **Печ. по: КСЗ.**

КСЗ - - СС 1947 IV - - СС II - - СП(Тб) - - БП - - СП(Тб) 2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СПП - - Кап - - СС(Р-т) II - - ОС 1991 - - ПСЗ - - ЛиВ - - Соч 1 - - СтП(Ир) - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Престол - - Изб(XX век) - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП - - СП 1997; Душа любви.

Автограф с вар. — Альбом Струве.

Дат.: зима-весна 1918 — по местоположению в Альбоме Струве.

Е. Русинко комментирует это ст-ние следующим образом: «Хотя любовь приводит к поэзии, но боль любви, наоборот, отрицательно сказывается на поэтических способностях. Гумилев дает преувеличенное объяснение изменениям в его литературной тематике и стилистике, подчеркивая, что неразделенная любовь превратила голос «поэта-воина» в голос «кастрата»» (Rusinko. P. 160).

113. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу 3.**

ПС 1923, с вар и без разбивки на строфы - - Неизд 1952 - - СС II, вар. ПС,

с ошиб - - СП(Тб), вар. ПС - - СП(Тб) 2, вар. ПС - - Изб(Кр), вар. ПС - - ОС 1989, вар. ПС - - СтПРП(ЗК), вар. ПС - - СтПРП, вар. ПС - - Изб(Слов), вар ПС - - СС(Р-т) II, вар. ПС, с ошиб - - СП(XX век), вар. ПС - - Изб(Слов) 2, вар. ПС - - СтП(Ир), вар. ПС - - Соч 1 - - Ст(Яр), вар. ПС, с ошиб - - Изб(XX век) - - Ст 1995 - - ВБП - - МП; Возрождение. 1960. Май, повторение публикации в газ. «Возрождение», с дополнением — посвящением «С. Р-ф», опущенным в первой публикации ; Возрождение. 1930. 31 августа, версия ред 2, с дат. «Март 1918» (публ. Ю. К. Терапиано).

Автограф 1 ред 1. — Альбом Струве. Автограф 2 версии ред. 2 — собрание П. А. Дубровского (Париж, по данным Г. П. Струве, который и описал данный автограф (см.: СС II. С. 325—327) Нынешнее его местонахождение неизвестно. От версии 2-ой ред., опубл. в газ. «Возрождение» (см. раздел «Другие редакции и варианты») отличается загл. — «Invitation au voyage», а также вар. в ст. 20 — «И властно блещущий туман», ст. 27 — «Послушать старые баллады», ст. 47 — «Порхать над золотистой Вашей» (нумерация ст. приводится по тексту версии 2-ой редакции в разделе «Другие редакции и варианты»). Посвящения нет. Автограф 3 — ЛГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 36.

Дат.: март 1918 — по датировке в публикации газ. «Возрождение».

Исследуя тему паломничества в лирике Гумилева, Э. Папля считает, что данное ст-ние и другие произведения поэта «передают нам привлекательный по своей простоте образец человеческой жизни. Образец, в сущности, — христианский: жизнь как путешествие-паломиничество, путь кончавшийся входом в "высокий Божий рай". Поэтическая иконография рая у Гумилева заслуживает, несомненно, большего внимания; здесь заметим только, что вряд ли найдутся в литературе многие столь "безоблачные" картины конечного этапа человеческого пути. "Приглашение в путешествие" не только выразительный пример реализации мотива жизни-паломничества, но и ключ к интерпретации ностальгического лейтмотива: он звено эволюции темы путешествия. В свете христианского образца человеческой жизни можно указать на следующие этапы художественной конкретизации этой темы в лирике Гумилева: 1) путешествие-*приключение*: путешествие реальное, с экзотическим привкусом, вдохновляемое Музой Дальних Странствий, 2) путешествие-*скитание*, передающее чувства разочарования в светских целях странствования и тоски по настоящей родине, 3) путешествие-*паломничество*: к буквальному значению понятия прибавляется метафорическое, позволяющее найти определенную модель бытия. <...> Эта модель у Гумилева никогда не принимает аскетического характера. Наоборот, его герой — активный, любящий рисковать — остался верен земным радостям. Гумилевский homo religiosus гармонически сочетает в себе идеалы св. Франциска Ассизского с идеалами рыцарского этоса. "Приглашение в путешествие" хорошо показывает, как светское согласуется с духовным, что передается композицией стихотворения: оно начинается с приглашения в

земное путешествие, кончается же входом в рай» (Папля Э. Homo peregrinans в лирике Николая Гумилева // Berkeley. С. 210—221).

По наблюдениям Вяч. Вс. Иванова, заглавие ст-ния взято из Бодлера «L'invitation an voyage» (СтПРП(ЗК). С. 25). Природу «многовариантности» данного ст-ния раскрывает И. В. Одоевцева: «Гумилев иногда "из экономии" даже посвящал свои мадригалы различным дамам. Всем, например, известно <...>, что "Приглашение в путешествие" посвящалось многим с измененной строфой, смотря по цвету волос воспеваемой:

Порхать над царственною вашей
Тиарой золотых волос.

Или:

Порхать над темно-русой вашей
Прелестной шапочкой волос.

Были и "роскошные" шапки волос, и "атласно-гладкие" шапочки волос. Сам Гумилев в минуты откровенности рассказывал мне, сколько раз это "приглашение" ему служило, как и второе "ударное" стихотворение "С тобой мы связаны одной цепью..."» (Одоевцева И. В. На берегах Невы. М., 1989. С 267). Из имеющихся известных на настоящий момент редакций и вариантов (не исключено, что в реальности их было больше) в качестве окончательного мы выбираем вариант автографа 3, как позднейший из известных имеющих датировку, принимая аргументацию Н. А. Богомолова: «По всей вероятности, автограф был приложен к письму Гумилева к О. А. Арбениной от 15 марта 1920 г., находящемуся в той же единице хранения...» и далее (см.: Соч 1. С. 563—564). В примечаниях к публикации ПС 1923 указано: «Было первоначально включено в "Костер", но выброшено при корректуре» (вероятно из опасения автора утратить расположение владелиц других редакций ст-ния).

114. «Новый Сатирикон». 1918. № 15 (июль).

СС III - - СП(Т6) - - БП - - СП(Т6) 2 - - ОС 1989 - - СПП - - Кап - - Соч 1 - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ВБП - - МП - - СП 1997; Звезда. 1998. № 9.

Автограф с вар. — Архив Лозинского.

Дат.: весна-лето 1918 — канун возвращения Гумилева в Россию, по содержанию ст-ния и дате публикации.

По мнению П. Н. Лукницкого, после написания этого ст-ния прекращается период «русского Гумилева». «Отблеск этого русского настроения, — писал он в дневнике, — есть и в "Синей звезде" <...> А после "Франции" — ни одного такого стихотворения» (Жизнь поэта. С. 165). Образ России, воссоздаваемый в

этом ст-нии, представляется исследователям весьма традиционным. «Возможно, что именно "чужое небо", — замечает А. И. Михайлов, — оказало свое положительное влияние, заставило поэта, что нередко случалось с русским дворянством в прошлом, вспомнить и свой покинутый в пренебрежении край. Об этом именно и высказывается Гумилев в стихотворении "Франция": <цит. ст. 2—4)» (Михайлов А. И. Николай Гумилев и Николай Клюев // Исследования и материалы. С. 69). Е. Ю. Раскина сопоставляет «змеиное нашествие» в «Погорельщине» Н. Клюева («С иконы убежал Егорий / На иконе — змий, да сине море»...) с «жутким» финалом данного ст-ния <цит. ст. 33—36>. Она считает, что «для Гумилева <...> отречение России от сестры Франции, от сестры-красоты было связано с кровавой стихней революции, надвигающейся на Русь» (Раскина Е. Ю. Гумилев, Есенин, Клюев / К проблеме рецепции ново-крестьянской традиции культурой серебряного века // Сергей Есенин. Научные статьи и материалы международной конференции. Киев., 1996. С. 52).

Ст. 18. — «Почетный легион» — французский орден.

Стихотворения, приписываемые Гумилеву

115. Приведено в воспоминаниях В. А. Пяста «Встречи» (Николай Гумилев в воспоминаниях современников С. 110), как образец «шуточной панторифмы», созданной, по миению мемуариста, Гумилевым и М. Л. Лозинским. Включено Г. П. Струве во второй том СС (С. 261, опечатка в первом стихе, правильно приведенном в оглавлении). В «Дополнительных примечаниях к первым двум томам»Г.П. Струве писал: «Проф. Б. Г. Унбегаун в своей английской книге о русском стихосложении (B. Unbegaun. Russian Versification, Oxford, 1956. Pp. 148—149) приводит другой вариант этого двустишия, как пример придуманной Гумилевым шуточной рифмы:

Слыша свист и вой локомобиля,
Дверь лингвисты войлоком обили.

А Ю.К. Терапиано в своей рецензии на второй том нашего собрания ("Русская мысль". Париж. 3 июля 1965), приводя еще немного другую версию тех же строк (вместо "Слыша" у него "Слышен", а вместо "локомобиля" — "локомобилей" как у нас), называет ее более удачной, и пишет (вероятно, со слов И. В. Одоевцевой): "Авторство Гумилева сомнительно. Он сам на лекции в "Живом Слове" приводил эти строки, как пример особо удачной "панторифмы". Авторы — говорили тогда — студенты-филологи". Вся беда, однако, в том, что приводимое Ю. К. Терапиано двустишие отнюдь не панторифма: слова "Слышен" и "Дверь" *выпадают* из рифмы, тогда как "Первый гам" н "Дверь в вигвам" рифмуют между собой. Б. Г. Унбегаун совершенно правильно и не называет цитируемое им дву-

стишие панторифмой, а говорит о рифме, "охватывающей восемь слогов в пятистопном хорее", то есть восемь слогов из десяти. Возможно, что двустишие, приводимое Унбегауном и Терапиано, и было сочинено студентами-лингвистами, но Гумилев и Лозинский *улучшили* его, превратив именно в панторифму. Сомневаться в правильности показания Пяста едва ли приходится, и Пяст приписывает цитируемое им (и несомненно *более удачное*) двустишие Гумилеву и Лозинскому совместно. Ни Унбегаун, ни Терапиано не дают ссылок на источник своей информации — видимо, устный» (СС III. С. 306—307).

Дат.: 1911 — до лета 1914 — по времени существования Первого Цеха поэтов.

116. Приведено в воспоминаниях С. К. Маковского «Николай Гумилев (1886—1921)» (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 70), как «эпиграмическая строка», которой Гумилев имел обыкновение «корить» символистов во время заседаний Цеха поэтов.

Дат.: 1911— до лета 1914 — по времени существования Первого Цеха поэтов.

117. Опубликовано Н. С. Толстым по копиям, принадлежавшим его отцу С. Н. Толстому (см.: Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 5. М., 1994. С. 225). В примечаниях публикатора сообщается, что «стихотворение посвящено Н. Д. Троицкой, дочери лесоторговца Д. А. Троицкого, работавшей сестрой милосердия в 1914—1917 гг. в офицерском лазарете в гор. Макарьеве, где лежал Гумилев» (Там же). Скудность сведений об истории текста, а также отсутствие какой-либо информации о помянутом эпизоде в жизни Гумилева не позволяют сделать сколь-нибудь конкретные выводы об авторстве ст-ния. Возможной датировкой, исходя из содержания текста, следует признать 1914—1917 гг.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Фронтиспис.	Н.С.Гумилев. Фотография. 1914—1915 гг. С дарственной надписью А.А.Ахматовой П.Н.Лукницкому (ИРЛИ).
С. 51.	Н.С.Гумилев. Фотография. 1914—1915 гг. Из собрания П.Н.Лукницкого (ИРЛИ).
С.57.	Н.С.Гумилев и А.А.Ахматова с сыном Львом. Царское Село. 1914—1915 гг. Из собрания П.Н.Лукницкого (ИРЛИ).
С.63.	Молитвенник Н.С.Гумилева. Титульный лист. Из собрания П.Н.Лукницкого (ИРЛИ).
С.75.	Молитвенник Н.С.Гумилева. Страница с пометами Н.С.Гумилева. Из собрания П.Н.Лукницкого (ИРЛИ).
С.82—83	Молитвенник Н.С.Гумилева. Молитва пред сражением. Из собрания П.Н.Лукницкого (ИРЛИ).
С. 109	Н.С.Гумилев. Портрет работы Н.С.Гончаровой 1917 г. (Королевская картинная галерея. Лондон).

Список условных сокращений, принятых в комментариях и разделе «Другие редакции и варианты»

Акаткин — Поэзия серебряного века: Хрестоматия для средних учебных заведений / Сост., автор предисловия В.М.Акаткин. — Воронеж: Изд. Воронежского гос. ун-та, 1995.

Акме — Акме значит вершина: Гумилев, Ахматова, Мандельштам в переводах Леопольда Левина. — Warshawa: Czytelnik, 1986.

Альбом Струве — альбом стихов, составленный Гумилевым в 1917—1918 гг. и оставленный им Б.В.Анрепу перед отъездом из Лондона в Россию В настоящее время находится в архиве Г.П.Струве в Гарварде (США).

Архив Лозинского — архив М.Л.Лозинского (хранится у И.В.Платоновой-Лозинской, Санкт-Петербург); данные материалы приводятся по описаниям, сделанным И.В.Платоновоф-Лозинской (см.: Николай Гумилев. Исследования и материалы: Библиография. — СПб.: Наука, 1994. — С. 351—355).

Архив Лукницкого — коллекция автографов, документов, книг и вещей Гумилева, Ахматовой и лиц из их окружения, собранная П.Н.Лукницким. Передана В.К. и С.П.Лукницкими в ИРЛИ в 1997 г. В момент выхода настоящего тома опись ее еще не составлена.

БП — Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы / Вст. статья А.И.Павловского, биограф. очерк В.В.Карпова, сост., подгот. текста, прим. М.Д.Эльзона. — Л.: Сов. писатель, 1988 (Б-ка поэта. Большая сер.).

ВБП — Гумилев Н.С. Избранное: К 110-й годовщине содня рождения. — Ростов-на-Дону; Феникс, 1996 (Всемирная библиотека поэзии).

В мире отеч. классики — В мире отечественной классики: Сб. Статей. Вып. 2 / Сост. Д.Николаев; Редкол. Г.Бердников, Ф.Кузнецов, Ю.Мелентьев, В.Рыкович. — М.: Худож. лит-ра, 1987.

Верховский — Верховский Ю.Н. Путь поэта // Современная литература. Л., 1925.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

Гумилевские чтения — Гумилевские чтения: Материалы международной конференции филологов-славистов: Санкт-Петербургский университет профсоюзов и Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. 15—17 апреля 1996. — СПб.: изд-во СПбГУП, 1996.

Душа любви — Душа любви: Сб. / Сост., вст. статья и прим. А.Казаковой. — Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1991.

Ежов-Шамурин 1925 — Ежов И.С., Шамурин Е.И. Русская поэзия XX века: Антология русской лирики первой четверти XX века. — М.: Новая Москва, 1925.

Ежов-Шамурин 1991 — Ежов И.С., Шамурин Е.И. Русская поэзия XX века: Антология русской лирики первой четверти XX века. — Репринтное воспроизведение изд. 1925 г. — А.: Амиру́с, 1991.

ЕЛПН — Ежемесячное литературное приложение к журналу «Нива».
Жизнь Николая Гумилева — Жизнь Николая Гумилева: Воспоминания современников / Сост., коммент. Ю.В.Зобнина, В.П.Петрановского, А.К.Станюковича. — Л.: Международный фонд истории науки, 1991.
Жизнь поэта — Лукницкая В.К. Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. — Л.: Лениздат, 1990.
Зобнин — Зобнин Ю.В. Стихи Гумилева, посвященные мировой войне 1914—1918 годов (военный цикл) // Исследования и материалы. С. 123—143.
ЗС — Гумилев Н.С. Золотое сердце России: Сочинения / Сост., вст. статья, коммент. В.Полушина. Семейная хроника Гумилевых О.Высотского. Художник Ю.Пивченко. — Кишинев: Лит. артистикэ, 1990.
Изб (XX век) — Гумилев Н.С. Избранное / Предисл., сост., примеч. Н.Богомолова. Художник А.Свердлов. — М.: Панорама, 1995 (Сер. «Русская литература. XX век»).
Изб 1943 — Гумилев Н.С. Избранные стихи. — Одесса, 1943.
Изб 1959 — Гумилев Н.С. Избранное / Ред., предисл. Н.А.Оцупа. — Paris: Librairie des cinq continents, 1959.
Изб 1986 — Гумилев Н.С. Избранное / Предисл. и ред. Н.Оцупа. — 4-е изд., стереотип. — Нью-Йорк: Орфей, 1986.
Изб 1997 — Гумилев Н.С. Избранное. СПб.: Димант, 1997.
Изб(КР) — Гумилев Н.С. Избранное / Сост., прим., коммент. Ю.Г.Кротова. Красноярск: Кн. изд-во, 1989.
Изб(М) — Гумилев Н.С. Избранное / Сост., вст. статья, прим. Л.А.Смирновой. Художник В.К.Серебряков. — М.: Сов. Россия, 1989.
Изб(Огонек) — Гумилев Н.С. Избранные стихотворения / Сост., ред., вст. статья В.Енишерлова. — М.: Правда, 1988 (Б-ка «Огонек». № 3).
Изб(Сар) 1—2 — Гумилев Н.С., Лирика; В 2 кн. / Вст. ст. Л.А.Смирновой — Саранск, 1996.
Изб(Слов) — Гумилев Н.С.Избранное / Сост., вст. статья, коммент., лит.-биограф. хроника И.А.Панкеева. Художник С.Соколов. — М.: Просвещение, 1990 (Б-ка словесника).
Изб(Слов) 2 — Гумилев Н.С. Избранное / Сост., вст. статья, коммент., лит.-биограф. хроника И.А.Панкеева. Художник С.Соколов. — М.: Просвещение, 1992. 2-е издание. (Б-ка словесника).
Изб(Х) — Гумилев Н.С. Избранное / Сост., предисл., коммент. Л.А.Смирновой. — Хабаровск: Амурское отд. Хабаровского кн. изд-ва, 1991.
ИРЛИ — Институт русской лит-ры (Пушкинский дом) РАН. Рукописный отдел.
ИС 1946 — Гумилев Н.С. Избранные стихотворения. Зальцбург; Изд-во «Информационный Бюллетень». 1946.
Исследования и материалы — Николай Гумилев: Исследования и материалы: Библиография / Сост. М.Д.Эльзон, Н.А.Грознова. — СПб.: Наука, 1994.

История... — История русской литературы XX века. Серебряный век / Под ред. Ж.Нива. И.Сермана, Н.Струве и др. — М., 1995.

Канцоны — копия рукописного сборника Н.С.Гумилева «Канцоны» (архив Лукницкого).

Кап — Гумилев Н.С. Капитаны: Стихотворения и поэмы / Вст. статья, сост., коммент. А.И.Павловского. — Нижний Новгород: Волго-Вятское книжн. изд-во, 1991.

Колчан — Гумилев Н.С. Колчан: Стихи. М.-Пг.; Альциона, 1916 (на титульном листе проставлена марка изд-ва Гиперборей).

Колч 1923 — Гумилев Н.С. Колчан: 4-я книга стихов. Изд. 2-е. Берлин; Петрополис. 1923.

Колч 1990 — Гумилев Н.С. Колчан: Репринтное воспроизведение издания 1916 г. / Послесл. к репринт. изд. М.Д.Эльзона — М.: Книга, 1990.

Костер — Гумилев Н.С. Костер: Стихи. Пг.: Гиперборей. 1918.

Кост 1922 (Б) — Гумилев Н.С. Костер: Стихи. Берлин: Изд. З.И.Гржебина, 1922.

Кост 1922 (М.-Пг.) — Гумилев Н.С. Костер: Стихи. М.-Пг., 1922.

Кост 1979 — Гумилев Н.С. Костер; Стихи (Репринтное воспроизведение берлинского издания 1922). Ann Arbor, Ardis, 1979.

Кост 1989 — Гумилев Н.С. Костер: Стихи (Репринтное воспроизведение издания 1918). М.: «Книга», 1989.

Круг чтения — Гумилев Н.С. Когда я был влюблен...: Стихотворения. Поэмы. Пьесы в стихах. Переводы. Избранная проза / Сост., вст. статья Л.А.Озерова. — М: Школа-Пресс, 1994 (Сер.: «Круг чтеиия. Школьная программа»).

КСЗ — Гумилев Н.С. К синей звезде: Неизд. стихи 1918 г. Берлин; «Петрополис», 1923.

ЛГАЛИ — Ленинградский государственный архив литературы и искусства.

ЛиВ — Гумилев Н.С. «Слепая музыка моей любви...». Лирика / Сост. А.Апасов. — М.: Единение, Евророcc, 1992 (Б-ка поэзии «Любовь и вера»).

ЛН — Переписка В.Брюсова с Н.С.Гумилевым (1906—1920) / Вст. статья и коммент. Р.Д.Тименчика и Р.Л.Щербакова. Публ. Р.Л.Щербакова / Валерий Брюсов и его корреспонденты. Книга вторая. — М.: Наука, 1994. — С. 400—514 (Лит. наследство. Т. 98).

Мик 1922 — Гумилев Н.С. Мик: Африканская поэма. Пг.: «Мысль», 1922.

Мик 1980 — Гумилев Н.С. Мик: Африканская поэма (Репринтное воспроизведение издания 1922). Paris: YMCA-PRESS, 1980.

Мифологический словарь — Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М.Мелетинский. — М.: Большая Рос. Энциклопедия, 1992.

МП — Гумилев Н.С. Конквистадор: Стихотворения. М.: Летопись, 1997 (Сер.: «Мир поэзии»).

Н.Гумилев и русский Парнас — Н.Гумилев и русский Парнас: Материалы научной конференции 17—19 сентября 1991 г. — Спб.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, 1992.

Неизд 1952 — Гумилев Н.С. «Отравленная туника» и другие неизданные произведения / Ред., вст. ст., биогр. очерк, прим. Г.П.Струве — Нью-Йорк; Изд. Им. Чехова, 1952.
Неизд 1980 — Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма. — Paris: YMCA-PRESS, 1980.
Неизд 1986 — Гумилев Н.С. Неизданное и несобранное / Сост., ред., коммент. М.Баскер и Ш.Греем. Художник А.Ракузин. — Paris: YMCA-PRESS, 1986.
Николай Гумилев в воспоминаниях современников — Николай Гумилев в воспоминаниях современников / Ред., сост., предисл., коммент. В.Крейда. — Репринтное изд — М.: Вся Москва, 1990.
ОС 1989 — Гумилев Н.С. Огненный столп: Стихи из девяти книг / Сост. Л.Г.Григорьян. Предисл. С.Чупринина. Худож. оформл. Е.М.Курманаевской. — Ростов-на-Дону: Ростовское кн. изд-во, 1989.
ОС 1991 — Гумилев Н.С. Огненный столп: Стихи и проза / Предисл. И сост. Е.А.Подшиваловой. — Ижевск: Удмуртия, 1991.
Отлуние — копия рукописного сборника Н.С.Гумилева «Отлуние» (Архив Лозинского).
Оцуп — Оцуп Н.А. Николай Гумилев. Жизнь и творчество / Пер. С фр. Л.Аллена при участии С.Носова — Спб.; Изд-во «Logos», 1995 (Судьбы. Оценки. Воспоминания XIX—XX вв.).
ОЧ — Гумилев Н.С. Озеро Чад. — М.: Центр — 100, 1995.
ПВ — Гумилев Н.С. Пьяные вишни: Стихи — [Б.м.]: Сатурн, [Б.г.] [1918].
Поэзия любви — Поэзия любви / Сост. Е.Л.Федорова, И.О.Прохорова — М.: Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 1993.
Престол — Гумилев Н.С. Престол красоты / Сост., вст. статья Т.Спертиной. — М.: Спас, 1994.
ПРП 1990 — Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии / Сост. Г.М.Фридлендера (при участии Р.Д.Тименчика). Вст. статья Г.М.Фридлендера. Подг. Текста и коммент. Р.Д.Тименчика. — М.: Современник, 1990 (Б-ка «Любителям российской словесности»).
ПСЗ — Гумилев Н.С. Посредине странствия земного / Предисл. М.Д.Эльзона, худ. Т.М.Малышева — Л.: Предприятие при Лен. Отд. Детского фонда им. В.И.Ленина «СКАЗ», 1991.
ПС 1922 — Гумилев Н.С. Посмертный сборник / Сост., вст. статья Г.В.Иванова. — Пг.: Мысль, 1922.
ПС 1923 — Гумилев Н.С. Стихотворения: Посмертный сборник. — 2-е изд. Доп. — Пг.: Мысль, 1923.
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
РГБ — Российская государственная библиотеа (Москва). Отдел рукописей.
РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Пб.). Отдел рукописей.
Русская поэзия сереб. века — Русская поэзия «серебряного века»: 1890—1917: Антология. — М.: Наука, 1993.

Русские поэты серебряного века — Русские поэты «серебряного века»: Сб. стихотворений: В 2 т. Т. 2 / Сост., вст. статья, коммент. Н.Ю.Грякаловой. — Л.: Изд-во Лен. Ун-та, 1991.

Русский путь — Н.С.Гумилев: Pro et contra / Сост., вст. статья, примеч. Ю.В.Зобнина. — СПб.: Изд. РХГИ, 1995 (Русский путь).

Свиданье — Свиданье — не свиданье... Стихи Н.С.Гумилева. А.А.Ахматовой. Л.Н.Гумилева. Тверь, 1997.

Серебряный век русской поэзии — Серебряный век русской поэзии / Сост. Н.В.Банников. — М.: Просвещение, 1993.

Силард 1979 — Силард Л. Русская литература конца XIX—начала XX века (1890—1917). — Budapest: Tankonyvkindo, 1979.

Силард 1983 — Силард Л. Русская литература кона XIX—начала XX века (1890—1917). 2-е изд. — Budapest: Tankonyvkindo, 1983.

Соч I — Гумилев Н.С. Сочинения: В 3 т. Т. I. Стихотворения. Поэмы / Вст. статья, сост., прим. Н.А.Богомолова. — М.: Худож. лит-ра, 1991.

Соч II — Гумилев Н.С. Сочинения: В 3 т. Т. 2. Драмы. Рассказы / Сост., подгот. текста, прим. Р.Щербакова; подгот. текста «Записок кавалериста», прим. Е.Степанова. — М.: Худож. лит-ра, 1991.

Соч III — Гумилев Н.С. Сочинения: В 3 т. Т. 3. Письма о русской поэзии / Подгот. текста, прим. Р.Тименчика. — М.: Худож. лит-ра, 1991.

СП 1997 — Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы. Екатеринбург: Сред.-Ур. кн. изд-во, 1997 (Выдающиеся поэмы Отечества).

СП (XX век) — Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы / Сост., вст. статья, коммент. И.А.Панкеева. — М.: Профиздат, 1991 (Сер.: Поэзия XX века).

СП (Волг) — Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы / Сост. М.Д.Эльзона, вст. статья М.А.Дудина. Оформл. В.Э.Коваля. — Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1988.

СП (Ир) — Гумилев Н.С. Стихи. Проза / Предисл. Вяч. Вс. Иванова. Послеслов. Н.А.Богомолова. — Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1992.

СП (К) — Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы / Вст. статья Вл.Смирнова. — Курск: ИПП «Курск», 1992.

СП (Тб) — Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы / Ред., предисл. В.П.Енишерлова. Сост., биогр. очерк., коммент. В.К.Лукницкой. — Тбилиси: Мерани, 1988 (Сер.: Россия-Грузия: сплетение судеб. XX век).

СП (Тб) 2 — Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы / Вст. статья В.П.Енишерлова, биогр. очерк, сост., коммент. В.К.Лукницкой. — 2-е изд. — Тбилиси: Мерани, 1989 (Сер.: Россия-Грузия: сплетение судеб. XX век).

СП (Феникс) — Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы / Вст. статья Н.Н.Скатова. Сост. и примеч. М.Д.Эльзона. — М.: Современник, 1989 (Феникс. Из поэтического наследия XX века).

СПП — Гумилев Н.С. Стихотворения. Поэмы. Проза / Вст. статья А.И.Павловского. Биогр. очерк В.В.Карпова. Сост., подг. текста В.П.Кочеткова. — Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1990.

Среди стихов — Брюсов В.Я. Среди стихов: 1894—1924; Манифесты, статьи, рецензии. — М.: Сов. писатель, 1990.

СС 1947 — Гумилев Н.С. Собр. Соч.: В 4 т. Стихотворения / Ред., вст. статья Вяч. Завалишина. Худ. Симечкевиус и Дражевской. — Регенсбург, 1947.

СС I — Гумилев Н.С. Собрание сочинений: В 4 т. Том первый: Стихи 1903—1915 гг. / Под. ред. Проф. Г.П.Струве и Б.А.Филиппова. — Вашингтон: Изд. кн. магазина Victor Kamkin, Inc., 1962.

СС II — Гумилев Н.С. Собрание сочинений: В 4 т. Том второй: Стихи 1916—1921 гг. и стихи разных лет / Подгот. текста, коммент., вст. статья Г.П.Струве. Ред. Г.П.Струве и Б.А.Филиппова. — Вашингтон: Изд. кн. магазина Victor Kamkin, Inc., 1964.

СС III — Гумилев Н.С. Собрание сочинений: В 4 т. Том третий: Драматические произведения и стихи разных (дополнения к второму тому) / Подгот. текста, коммент. Г.П.Струве. Вст. статья М.В.Сечкарева. Ред. Г.П.Струве и Б.А.Филиппова. — Вашингтон: Изд. ки. магазина Victor Kamkin, Inc., 1966.

СС (Р-т) I — Гумилев Н.С. Собр. Соч.: В 4 т. Том первый. Репринтное воспроизведение изд. 1962—1968 гг. — М.: Терра, 1991.

СС (Р-т) II — Гумилев Н.С. Собр. Соч.: В 4 т. Том второй. Репринтное воспроизведение изд. 1962—1968 гг. — М.: Терра, 1991.

СС (Р-т) III — Гумилев Н.С. Собр. Соч.: В 4 т. Том третий. Репринтное воспроизведение изд. 1962—1968 гг. — М.: Терра, 1991.

Ст. — стих.

Ст-ние — стихотворение.

Ст 1986 — Гумилев Н.С. Стихотворения / Сост. В.П.Бетаки. Художник А.Ракузин. — Paris: YMCA-PRESS, 1986 (Сер.: Избранная поэзия).

Ст 1988 — Гумилев Н.С. Стихи / Сост. О.Михалевич. Художники А.Куташов и В.Решетов. — Л.: Аврора, 1988.

Ст 1995 — Гумилев Н.С. Стихотворения. — М.: Худ. лит-ра, 1995.

Ст (XX век) — Гумилев Н.С.Стихотворения / Сост., вст. статья, примеч. В.Смирнова. Илл. П.Караченцева. — М.: Мол. Гвардия, 1989 (Сер.: XX век: поэт и время. Вып. 9).

Ст (Куйбышев) — Волошин М., Гумилев Н., Иванов Г., Ходасевич В. Стихотворения. — Куйбышев: Ки. изд-во, 1990.

Ст (М) — Гумилев Н.С. Стихи. — М.: Родина, 1992.

Ст (М-В) — Гумилев Н.С. Стихотворения: На польском языке с параллельным русским текстом / Сост. и ред. Польских переводов Адам Поморский. — М.; Варшава: Радуга; Wspulpraca, 1990.

СтПРП — Гумилев Н.С. Стихи. Письма о русской поэзии / Вст. статья Вяч. Вс. Иванова. Сост., науч. подгот. текста, послесл. Н.А.Богомолова. — М.: Худ. лит-ра, 1990.
Ст (Пол) — Гумилев Н.С. Стихотворения / Худож. Н.И.Калита. — М., 1988 (Б-ка журн. «Полиграфия»).
СтПРП (ЗК) — Гумилев Н.С. Стихи. Письма о русской поэзии / Вст. статья Вяч. Вс. Иванова. Сост., науч. подгот. текста, послесл. Н.А.Богомолова. — М.: Худ. лит-ра, 1989 (Сер.: Забытая книга).
Ст (Яр) — Гумилев Н.С. Стихотворения / Сост. С.Локалов. — Ярославль: Изд-во Гринго, 1994 (на обл.: Николай Гумилев. «Я свет у тебя за плечами...»).
Холл — Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцерской символической философии. — 2-е изд. испр. — Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993.
ЧК — Гумилев Н.С. Читатель книг / Вст. статья, сост. М.Д.Эльзона. — СПб., 1993.
ЧН 1995 — Гумилев Н.С. Чужое небо: Стихотворения и поэмы / Ред., сост., послесловие М.Т.Латышева. — М.: Яуза, 1995 (Сер.: Серебряные струны).
Школа классики — Серебряный век. Поэзия / Сост. Т.Бек — М.: Олимп, 1997 («Школа классики» — ученику и учителю).
ШЧ — Гумилев Н.С. Шестое чувство: Стихи, проза, письма о русской поэзии / Сост., вст. статья А.С.Бутузовой-Зюзиной. — Тверь: Московский рабочий, Тверское отд-ние, 1990.

Berkeley — Nikolaj Gumilev 1886-1986: Papers from The Gumilev Centenaky Symposium Oukland, Caliaornia: Berkeley Slavic Specialties, 1987.
Carmina... — Гумилев Н.С. *Carmina ab auctore selecta* / Подгот. текста, посл. М.Д.Эльзона. — СПб.: Изд-во Дм. Буланин, 1994.
Honzik — Nikolaj Gumiljev. Cizi Nebe: Vybor basni / Prel. Jaroslav Kabicek. [Dosl. Napsal Jri Honzik]. Praha: Mlada fronta, 1995.
Eshelman — Eshelman R. Nikolaj Gumilev and Neoclassical Moderism: The Metaphysics of Style. Frakrfurt am Main; Berlin; New York; Paris; Wien: «Peter Lang», 1993 (Slavische Literaturen. Bd. 3).
Rusinko — Rusinko E. «K Sinej Zvezde». Gumilev's Love Poems // Russian Language Jornal. 1977.Vol. 31. № 109.
SW — Nikolai Gumilev, Selected Works. Selected and Translated by Burton Raffel and Alla Burago. — Albany: State University of New York Press, 1972.

Алфавитный указатель произведений

Содержание

1914

1915

1916

1917

1918

Стихотворения, приписываемые Гумилеву

Редакционная коллегия приносит извинения
И.В.Платоновой-Лозинской за опечатку в ее фамилии на
титульном листе II тома наст. изд.

Научно-художественное издание

Николай Степанович Гумилев

Полное собрание сочинений в десяти томах

Том третий

Компьютерный набор: Е.Е.Федотова, И.В.Жукровская, Т.В.Чертова, В.В.Васильева

Корректоры: О.А.Быстрова, Е.А.Шипова

Маркетинг: А.В.Белова, Н.Н.Крылова, К.И.Мажейка

Издание подготовлено при участии ТОО «Евразия+»

Лицензия ЛР № 010193 от 19.02.1997

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2: 953000 — книги, брошюры
Сдано в набор 6.08.1998 г. Подписано в печать 23.02.1999 г.
Формат 60 x 90 $^{1}/_{16}$. 29 п. л. Тираж 7000 экз. Заказ № 623

Газетно-журнальное объединение «Воскресенье»
125805, Москва, ул. «Правды», 24.
Тел. (095) 257-32-53, 257-31-06, 257-30-53.

Отпечатано в типографии Акционерного полиграфического предприятия «Джангар». Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Ленина, 245.